РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская история

В номере:

Крупнейшие помещики России в середине XVIII в.

Уральская промышленность XIX в.

Власть, нефть, революция в 1905—1907 гг.

Сто лет изучения нэпа

Государственное планирование и перспективы развития СССР в 1920-е гг.

Государственный банк СССР накануне «чистки»

«Арктикуголь» на Шпицбергене в 1934—1941 гг.

Обустраивая Югру: 1960-е гг.

С.В. Тютюкин — главный редактор «Отечественной истории»

Обсуждаем книгу

С.С. Войтиков
Центральный комитет. Высшее партийное руководство от Ленина и Плеханова до Хрущёва. 1898—1964 гг.

Основан в марте 1957 года

Выходит 6 раз в год

МОСКВА
ГАУГН-ПРЕСС

5
сентябрь октябрь
2020

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Р.Г. Пихоя

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А.Н. Артизов, В.Ю. Афиани, Б.В. Базаров, Т.М. Горяева, Д. Дальманн, М. Дэвид-Фокс, А.Е. Иванов, С.П. Карпов, С.М. Каштанов, В.В. Кондрашин, Д. Ливен, А.К. Левыкин, С.В. Мироненко, К.В. Никифоров, Ю.С. Пивоваров, Д. Свак, А.К. Сорокин, В.А. Тишков, Е.А. Тюрина, У. Эньюань, В.С. Христофоров

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

О.Г. Агеева, А. Блюм, О.В. Будницкий, В.П. Булдаков, М.Г. Вандалковская, П.Г. Гайдуков, А.В. Голубев, И. Граля, В. Дённингхаус, Е.В. Добычина, С.В. Журавлёв, В.Н. Захаров, В.В. Зверев, Е.Ю. Зубкова, В. Зубок, Б.И. Колоницкий, М. Крамер, В.А. Кучкин, Д.В. Лисейцев (*зам. главного редактора*), Е.А. Мельникова, Л.В. Мельникова, А.В. Мамонов (*зам. главного редактора*), Д.Б. Павлов, Ю.А. Петров, Е.И. Пивовар, Д.А. Редин, Н.М. Рогожин, В.В. Трепавлов, В.В. Шелохаев, П.Ю. Уваров, О.В. Хлевнюк, И.А. Христофоров, А.В. Юрасов

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
М.А. Новикова

Адрес редакции

117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел.: 8-499 723-69-10
Электронная почта: otech_ist@mail.ru; otech_ist1@mail.ru

На обложке: П.Н. Филонов. Тракторный цех Путилковского завода (1931)

© Российская академия наук, 2020
© ООО «Интеграция: Образование и Наука», 2020
© Редколлегия журнала «Российская история» (составитель), 2020

Сто лет изучения нэпа. Время подводить итоги?

Михаил Мухин

Century of study of the New Economic Policy. Time to take stock?

Mikhail Mukhin
(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870012177-5

Роль и значение новой экономической политики (нэп) в истории нашей страны хорошо известны. Находившаяся к концу 1920 г. в кризисной ситуации, советская экономика с 1921 г. начала резкий, а главное — устойчивый рост. По большому счёту переход к нэпу имел ключевое значение для сохранения советской государственности, а в реалиях тех лет это означало сохранение отечественной государственности как таковой, так как было очевидно, что только большевики в состоянии обеспечить территориальное единство и управляемость России. Вероятно, я не слишком погрешу против истины, если скажу, что советское государство преодолело крайне важный барьер, избрав новый курс, обеспечивший стремительное оздоровление экономической сферы.

От начала нэповских преобразований нас отделяет столетие. А с учётом того, что попытки исторического анализа и осмысления этих событий начались практически сразу по окончании нэпа, можно говорить о столетнем периоде историографии новой экономической политики. За это время в СССР и постсоветской России сложилось целое направление исследований — «нэповедение», которое стало важной частью исторической науки. Регулярно проходят конференции и симпозиумы по тем или иным его аспектам, столь же часто выходят новые научные труды. Однако подходы и ведущие направления «нэповской» историографии неоднократно менялись.

Нэп достаточно быстро стал предметом пристального интереса как историков, так и политологов, а нередко — и политиков, стремившихся обосновать те или иные решения ссылками на «исторический опыт» (или на то, что они считали таковым). К нему апеллировали при обсуждении экономических реформ 1950-х гг., в годы перестройки его рассматривали как путь к построению «социализма с человеческим лицом», впоследствии стали упоминать в полемике о достоинствах и недостатках социалистической и капиталистической экономических моделей. Академические исследования процессов и тенденций того краткого периода иногда использовались как иллюстрация или доказательство того или иного политического концепта, но чаще всего просто игнорировались.

Между тем научные изыскания начались уже в 1930-х гг. и не прекращаются по сей день. Правда, надо отметить, именно историографических работ, посвящённых истории исследования периода нэпа, вышло относительно немного и, как правило, они или посвящены историографии отдельных аспектов этого

© 2020 г. М.Ю. Мухин

периода, а не 1920-м гг. вообще[1], или рассматривают преимущественно работы постсоветских исследователей, выводя за скобки советскую историографию[2]. Кроме того, подобные исследования и особенно обзоры зачастую представляют собой «набор рецензий на работы отдельных авторов, не давая... цельной картины»[3]. Таким образом, на текущий момент проблема анализа историографии нэпа пока не решена. Именно этому вопросу и посвящена данная статья. Разумеется, столь объёмный сюжет может быть детально рассмотрен лишь в рамках монографического исследования, поэтому она неизбежно будет носить характер краткого, едва ли не конспективного обзора. Тем не менее, думается, анализ развития проблематики нэпа в историографии истекших лет позволит осознать, какие вопросы оказались в фокусе исследований, а какие ещё только ожидают изучения.

Историография нэпа, т.е. процесс написания её истории, началась едва ли не сразу после свёртывания этого курса и перехода к политике массовой индустриализации. Хотя ряд отечественных исследователей[4] считает, что советский период историографии стоит вести с работ В.И. Ленина, Н.И. Бухарина и Л.Д. Троцкого, видимо, это некоторое преувеличение: историографию пишут всё же историки, а не политики. По сути, первым историографом нэпа стал С.А. Покровский[5]. Затем, ещё в довоенный период, вышла коллективная монография[6], рассматривавшая в том числе и экономические новации 1920-х гг. Впрочем, этим, по большому счёту, историография нэпа 1930—1940-х гг. и исчерпывается.

---

[1] В этом ряду можно отметить: *Васько А.А.* Нэп и проблема гражданского общества в России: современная историография // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. 2009. № 3. С. 134—138; *Кармазин А.С.* Историография социальной политики Советского государства в отношении рабочего класса в 1921—1941 гг.: на материалах Уральского региона. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2006; *Лейкина С.А.* Развитие кустарно-промысловой кооперации в Иркутской губернии в 1920-е годы (историографический обзор) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2000. Иркутск, 2000. С. 124—130; *Чернышова А.В.* Проблемы управления советской доколхозной деревней в современной историографии // Век XX: историография, источниковедение, региональная история России. Сборник научных трудов. Н. Новгород, 2004. С. 259—270; *Лысенко Ж.Н.* Проблема противодействия власти в эпоху нэпа в современной историографии // Проблемы научно-практической деятельности. Поиск и выбор инновационных решений. Киров, 2020. С. 87—91; *Килин А.П.* Частное предпринимательство в годы нэпа: историография 1990—2000-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. Т. 27. 2020. № 2. С. 62—68.

[2] *Бехтерева Л.Н.* Проблемы новой экономической политики 1920-х годов в современной отечественной историографии // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2010. Вып. 1. С. 57—64; *Орлов И.Б.* Современная историография нэпа (к вопросу составления «исследовательской карты») // Харьковский историографический сборник. 2014. Вып. 13. С. 85—96; *Орлов И.Б.* Нэп: современные дискуссии и перспективы изучения // Российская государственность: опыт 1150-летней истории. Материалы международной научной конференции (Москва, 4—5 декабря 2012 г.). М., 2013. С. 387—395; *Давыдов А.Ю.*, *Скворцов В.Н.*, *Тропов И.А.* Новая экономическая политика в новейшей отечественной историографии: к вопросу о структурировании проблемы // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 4. № 4. С. 27—36; *Ворона А.А.*, *Хрущёв Е.Г.* Мероприятия нэп в сфере промышленности в 1920-е годы: историко-теоретический анализ // Ценности и нормы правовой культуры в новой цифровой реальности. Курск, 2019. С. 22—25; и др.

[3] *Орлов И.Б.* Современная историография нэпа... С. 86.

[4] *Миловидова Н.В.* Нэповская модель российской модернизации 1920-х годов: историографический аспект // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. № 6. С. 104.

[5] *Покровский С.* О НЭПе и новом этапе. Л., 1930.

[6] Развитие советской экономики. М., 1940.

В 1950-х гг. увидела свет монография Э.Б. Генкиной[7], но подлинный всплеск интереса пришёлся на 1960-е гг.[8] Особенно важно, что в этот период отечественные исследователи вычленили наиболее важные аспекты общей проблематики нэпа. Ряд работ исследовали сущность частно-капиталистического уклада СССР 1920-х гг. и его взаимодействия с социалистической экономикой[9]. Другой ведущей темой «нэповедения» стали сюжеты, связанные с классовой борьбой (сейчас, вероятно, эту тематику классифицировали бы как историю социальных конфликтов)[10]. Достаточно полно оказались освещены вопросы аграрной экономики[11]. Практически вся советская историография нэпа по понятным причинам укладывается в ленинскую трактовку временного вынужденного отступления к государственному капитализму, которое потребовалось из тактических соображений, как промежуточный этап построения социалистического общества[12].

В годы перестройки (1985—1991) нэп рассматривался преимущественно как альтернативный (по отношению к сталинской модели) путь построения социалистического общества. Поэтому для вышедших в те годы работ[13] характерны активное педалирование экономических успехов новой экономической политики, наличие определённого политического и, что немаловажно, экономического плюрализма, бурный культурный ренессанс и другие позитивные тенденции тех лет. Надо отметить, что нэп при таком подходе рассматривался,

---

[7] *Генкина Э.Б.* Переход советского государства к новой экономической политике (1921—1922). М., 1954.

[8] В этой связи хотелось бы упомянуть такие работы, как: СССР в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.). М., 1965; *Бахтин М.И.* Союз рабочих и крестьян в годы восстановления народного хозяйства. 1921—1926 гг. М., 1961; *Воскресенская Н.А.* В.И. Ленин — организатор социалистического контроля в СССР. М., 1968; *Иванов В.М.*, *Канев С.П.* На мирной основе. Л., 1961; Из истории рабочего класса СССР. Л., 1962.

[9] *Берхин И.Б.* Экономическая политика Советского государства в первые годы Советской власти. М., 1970; *Погорельский В.П.* Политика КПСС в отношении частного капитала в промышленности и торговле СССР. 1917—1927 гг. М., 1960; *Брин И.Д.* Государственный капитализм в СССР в переходный период от капитализма к социализму. Иркутск, 1969; *Касьяненко В.И.*, *Морозов А.Ф.*, *Шкаренков Л.И.* Из истории концессионной политики Советского государства // История СССР. 1959. № 1; *Левин В.Я.* Социально-экономические уклады в СССР в период перехода от капитализма к социализму. М., 1967.

[10] *Трифонов И.Я.* Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921—1925 гг.); *Трифонов И.Я.* Подготовка экономического наступления на новую буржуазию. Л., 1969; *Матюгин А.А.* Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства (1921—1925). М., 1962; *Каторгин И.И.* Исторический опыт КПСС по осуществлению новой экономической политики (1921—1925 гг.). М., 1971.

[11] *Поляков Ю.А.* Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967; *Данилов В.П.* Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979.

[12] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 44. М., 1970. С. 205—208.

[13] См., например: *Бокарев Ю.П.* Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы: источники, методы исследования, этапы взаимоотношений. М., 1989; *Бакулин В.И.*, *Лейбович О.Л.* Рабочие, «спецы», партийцы (о социальных истоках «великого перелома») // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 6. С. 98—110; *Бордюгов Г.*, *Козлов В.* Поворот 1929 г. и альтернатива Бухарина // Вопросы истории КПСС. 1988. № 8. С. 15—33; *Селюнин В.* Истоки // Новый мир. 1988. № 5. С. 162—189; *Козлов В.А.*, *Хлевнюк О.В.* Начинается с человека. Человеческий фактор в социалистическом строительстве: итоги и уроки 30-х годов. М., 1988; *Горинов М.М.* НЭП: поиски путей развития. М., 1990; *Поляков Ю.А.* 20-е годы: настроения партийного авангарда // Вопросы истории КПСС. 1989. № 10. С. 25—38; Советский Союз в 20-е годы. «Круглый стол» // Вопросы истории. 1988. № 9. С. 3—58; *Ханин Г.И.* Почему и когда погиб НЭП // ЭКО. 1989. № 10. С. 66—83; и др.

как правило, не сам по себе, а в постоянном сопоставлении и сравнении с практикой 1930-х гг. — в первую очередь как «не-сталинизм». Уже на излёте существования СССР вышла монография, которая именно в этом ракурсе подвела черту под советским периодом изучения нэпа[14].

Идеологический фокус постепенно переносился с тезисов о возможности сочетания социализма и рыночной экономики, о преимуществах хозрасчёта и тому подобных вопросов на подчёркивание того обстоятельства, что отказ от нэпа привёл к построению тоталитарного общества, вверг страну в пучину ГУЛАГа и т.п.[15] Иногда эта политическая ангажированность приобретала абсурдные формы, когда даже нэп рассматривался как некая тоталитарная конструкция, которой требовалась демократическая альтернатива[16]. Наиболее чётко эта позиция изложена во вступительной статье С.С. Волка к изданию мемуаров Н. Вольского: «Отказ от нэпа, переход к командной экономике ускорил создание тоталитарного режима, обрекавшего народ на бесчеловечные страдания и не раз ставившего страну на грань катастрофы»[17]. Разумеется, такой подход не способствовал беспристрастному, академичному исследованию рассматриваемых сюжетов. В то же время следует отметить, что, так или иначе, подобная постановка вопроса вела к тщательному анализу как деталей и нюансов обстоятельств свёртывания нэповского курса, так и глубинных причин этого процесса. По большому счёту именно изучение того, «кто и зачем демонтировал нэп?», и явилось главным историографическим достижением «нэповедения» времён перестройки.

В начале 1990-х гг. Россия вступила в период крупномасштабной модернизации как политической, так и экономической структуры страны. Синхронно произошло и некоторое изменение основного направления в изучении новой экономической политики. Введение в научный оборот новых, ранее не известных источников и окончательный отказ от накопившихся за советский период догм и стереотипов привели к появлению монографий[18] и статей[19], освещавших историю 1920-х гг. под новым углом зрения. Отказ от сталинской модели социализма как исходной точки изучения и переход к исследованию различных аспектов нэпа без постоянных отсылок к сталинской практике позволили существенно расширить перечень тем, попавших в сферу внимания историков,

---

[14] *Петраков Н.*, *Фигуровская Н.*, *Федоренко Н.* НЭП и хозрасчёт. М., 1991.

[15] На эту тему см., например: *Голанд Ю.* Кризисы, разрушившие нэп. М., 1991; *Иконникова И.П.*, *Угроватов А.П.* Сталинская репетиция наступления на крестьянство // Вопросы истории КПСС. 1991. № 1. С. 69—76; *Колоскова Т.Г.* Об идейно-психологических предпосылках сталинизма // Вопросы истории КПСС. 1989. № 9. С. 62—70; и др.

[16] *Симонов Н.С.* Демократическая альтернатива тоталитарному НЭПу // История СССР. 1992. № 1. С. 41—58.

[17] *Валентинов Н. (Вольский Н.)* Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания / Сост. и авт. вступ. ст. С.С. Волк. М., 1991. С. 7.

[18] *Гимпельсон Е.Г.* Формирование советской политической системы. 1917—1923 гг. М., 1995; *Гимпельсон Е.Г.* Нэп и советская политическая система. 20-е годы. М., 2000; *Дэвис Р.У.*, *Дмитренко В.П.*, *Мау В.А.* Нэп: приобретения и потери. Сборник статей. М., 1994; НЭП. Взгляд со стороны. М., 1991; и др.

[19] *Быстрова И.В.* Государство и экономика в 1920-е годы: борьба идей и реальность // Отечественная история. 1993. № 3. С. 19—34; *Гимпельсон Е.Г.* Политическая система и нэп: неадекватность реформ // Отечественная история. 1993. № 2. С. 29—43; *Гловели Г.* Социалистическая перспектива и барьеры на пути нэпа // Вопросы экономики. 1990. № 6. С. 130—135; *Дмитренко В.П.* Четыре измерения нэпа // Вопросы истории КПСС. 1991. № 3. С. 16—38; и др.

и углубить степень разработки уже известных и, на первый взгляд, изученных сюжетов. Но главное, в постсоветский период к изучению нэпа начинают относиться с позиции беспристрастного академического знания, а не как к «политике, опрокинутой в прошлое». Хотя в отдельных работах первой половины 1990-х гг. ещё прослеживается тенденция анализа в рамках «тоталитарной модели»[20], такой подход постепенно сошёл на нет. Публикации «нэповедов» в постсоветский период отличает «стремление вернуть ранней советской истории статус “нормального” исторического периода»[21].

Обращает на себя внимание, что нэповская тематика нередко вызывала оживлённые дискуссии и дебаты на различных научных конференциях и симпозиумах (в годы перестройки такие собрания были относительно редки), причём результаты этих обсуждений становились основой для коллективных монографий или специализированных сборников статей[22]. В 2000-х гг. в свет вышло ещё несколько коллективных работ, посвященных анализу различных аспектов новой экономической политики[23]. Магистральным направлением изучения стало, с одной стороны, применение системного принципа в исследовании сюжетов экономической истории 1920-х гг.[24], а с другой — дополнение проблематики экономической и политической истории сюжетами, относящимися к вопросам истории социокультурной[25]. Следует упомянуть, что в первой половине 1990-х гг. отечественная историография пережила увлечение применением в историческом исследовании компьютерных методов, что отразилось и на «нэповедении»[26].

---

[20] *Мау В.А.* Реформы и догмы. 1914—1929: очерки истории становления хозяйственной системы советского тоталитаризма. М., 1993; *Трукан Г.А.* Путь к тоталитаризму. 1917—1929 гг. М., 1994.

[21] *Тарасенко В.Н.* Нэповская повседневность в современной российской историографии. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2013.

[22] *Бордюгов Г.А.*, *Козлов В.А.* История и конъюнктура: субъективные заметки об истории советского общества. М., 1992; *Червонная С.М.* «Россия нэповская: политика, экономика, культура» (Заметки с научной конференции) // Отечественная история. 1992. № 3. С. 216—221; Нэп: приобретения и потери; Нэп: завершающая стадия. Соотношение экономики и политики. Сборник статей. М., 1998.

[23] См., например: Россия нэповская. М., 2002; НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006; и мн. др.

[24] В этом ряду хотелось бы отметить такие работы, как: *Богомолова Е.В.* Управление советской экономикой в 20-е годы: опыт регулирования и самоорганизации. М., 1993; Очерки экономических реформ. М., 1993; *Цакунов С.В.* В лабиринте доктрины. Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы. М., 1994; *Гимпельсон Е.Г.* НЭП. Новая экономическая политика Ленина—Сталина: проблемы и уроки (20-е гг. XX в.). М., 2004.

[25] См., например: Советское прошлое: поиски понимания. «Круглый стол» // Отечественная история. 2000. № 4. С. 90—120; *Сенявский А.С.* Новая экономическая политика: современные подходы и перспективы изучения // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006. С. 5—25; *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; *Булдаков В.П.* Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления. М., 2007; *Булдаков В.П.* Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920—1930 гг. М., 2012; *Орлов И.Б.* Современная отечественная историография нэпа: достижения, проблематика, перспективы // Отечественная история. 1999. № 1. С. 102—116; *Орлов И.Б.* Новая экономическая политика: история, опыт, проблемы. М., 1999; *Орлов И.Б.* «Соблазны нэпа» и политическая система 1920-х годов // Отечественная история. 2002. № 1. С. 209—211; *Орлов И.Б.*, *Пахомов С.А.* «Ряженые капиталисты» на нэповском празднике жизни. М., 2007; Промышленная политика в стратегии российских модернизаций, XVIII—XXI вв. Екатеринбург, 2006.

[26] *Комиссаров Ю.П.*, *Славко Т.И.* Бюджетные обследования рабочих 20-х годов как исторический источник. Свердловск, 1991; *Славко Т.И.* Математические методы в изучении истории советского рабочего класса. М., 1991.

Отдельно хочу отметить международный научный проект «Рабочий активизм в Советской России, 1918—1929». Это коллективное исследование не только дало отечественным исследователям ценный опыт практического сотрудничества с зарубежными коллегами, но и позволило обратиться к истории рабочего движения, отодвинув в сторону шаблоны и трафареты советской историографии. Изданный по результатам этого проекта сборник[27] демонстрирует, что история рабочего движения — неотъемлемый и важный сюжет социальной и политической истории, который нуждается в детальном изучении безотносительно идеологических установок.

Помимо этого, сборник задал новые стандарты научной репрезентации. Наряду со статьями отечественных и зарубежных историков в него вошли обзоры документальных коллекций ряда федеральных архивов, а также сообщений советской и эмигрантской прессы по тематике исследования и хроника стачечной борьбы. Результаты данного проекта вызвали столь широкий резонанс в научных кругах, что в 2002 г. редакция журнала «Отечественная история» сочла необходимым провести специальный «круглый стол», полностью посвящённый возникновению и эволюции протестного движения среди советских рабочих 1920-х гг.[28] В дальнейшем исследование политического протеста среди различных слоёв советского населения продолжилось[29]. Его развитием стал комплекс исследований, посвящённых вопросам трудовой мотивации и стимулов повышения производительности труда в промышленности тех лет[30].

---

[27] Трудовые конфликты в советской России. 1918—1929 гг. М., 1998.

[28] Рабочий активизм в послереволюционной России. «Круглый стол» // Отечественная история. 2002. № 2. С. 112—123.

[29] См., например: *Иглицкий А.А., Райхцаум А.Л.* Из истории забастовочного рабочего движения в России (1919—1925 гг.) // Новые движения трудящихся: опыт России и других стран СНГ. Ч. 1. М., 1992. С. 127—135; *Гусев А.В.* Левокоммунистическая оппозиция в СССР в конце 20-х годов // Отечественная история. 1996. № 1. С. 85—103; *Кирьянов Ю.И.* Стачки и трудовые конфликты в Советской России в 20-е гг. // Россия XXI. 1997. № 9—10. С. 80—105; *Павлюченков С.А.* Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997; Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917—1929. СПб., 2000; *Кружинов В.М.* Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Тюмень, 2000; Ижевско-Воткинское восстание. 1918 год. М., 2000; *Чураков Д.О.* Бунтующие пролетарии: рабочий протест в Советской России (1917—1930-е гг.). М., 2007; *Яров С.В.* Пролетарий как политик: политическая психология рабочих Петрограда в 1917—1923 гг. СПб., 1999; *Яров С.В.* Горожанин как политик: революция, военный коммунизм и нэп глазами петроградцев. СПб., 1999; *Яров С.В.* Источники по истории политического протеста в Советской России в 1918—1923 гг. СПб., 2001; *Яров С.В.* Конформизм в Советской России: Петроград 1917—1920-х годов. СПб., 2006.

[30] Тут можно выделить такие работы, как: *Бородкин Л.И., Сафонова Е.И.* Государственное регулирование трудовых отношений в годы нэпа: формирование системы мотивации труда в промышленности // Экономическая история. Обозрение. Вып. 5. М., 2000. С. 23—46; *Сафонова Е.И.* «Преступления и наказания» в промышленности России в начале 1920-х гг. // Экономическая история. Обозрение. Вып. 4. М., 2000. С. 81—87; *Ульянова С.Б.* «Ленинградский почин» (Производственные совещания в системе мотивации и стимулирования труда в 1920-е гг.) // Рынок труда в Санкт-Петербурге: проблемы и перспективы. Сборник научных трудов. СПб., 2003. С. 72—83; *Ульянова С.Б.* Противоречия «режима экономии» в промышленности в 1920-х годах // Вопросы истории. 2003. № 6. С. 144—158; *Ульянова С.Б.* «То на скаку, то на боку»: массовые хозяйственно-политические кампании в петроградской/ленинградской промышленности в 1921—1928 гг. СПб., 2006; *Данихно С.Н.* Рабочие Юго-Востока России в годы нэпа: история генерации и многомерность повседневной жизни социальной группы. Ростов н/Д, 2007; *Соколов А.К.* Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917 — середина 1930-х гг.) // Экономическая история. Обозрение. Вып. 4. С. 39—80; *Соколов А.К.* Перспективы изучения рабочей истории в современной России // Отечественная история. 2003. № 4. С. 131—142; *Мирясов А.В.* К вопросу о мотивации труда

Авторы указанных работ сошлись в том, что партийное руководство полностью доминировало в производственных отношениях, жёстко контролируя рабочую массу как прямыми, так и многочисленными косвенными административными инструментами. Формально самодеятельные и самостоятельные общественные организации шаг за шагом трансформировались в «приводные ремни партии», с помощью которых советское руководство направляло социальную активность рабочего класса в желательную для себя сторону. Наиболее подробно характер и динамика умаления автономии и самоуправления профсоюзов, комсомола и прочих общественных организаций рассмотрены в книге И.Н. Ильиной[31].

Новаторской работой в области социальной истории СССР стала монография Т.М. Смирновой[32], в которой рассмотрен сюжет, практически не затронутый в рамках советской историографии, — процесс выживания представителей имущих сословий царской России и их «вживания» в нэповский социум. Тематически к этой работе примыкают исследования Е.В. Демчик, посвящённые проблемам истории социального слоя «нэпманов» в Сибири[33], и аналогичные исследования по материалам Ленинграда[34] или уральского региона[35]. Кроме того, ряд работ затронули историю «нэпманства» во всесоюзном масштабе[36].

Впрочем, изучались и сюжеты, вроде бы достаточно хорошо известные. В постсоветский период такие темы начали рассматриваться под новым углом зрения. К примеру, экономическая проблематика всё чаще рассматривалась с точки зрения многоукладности, что потребовало от исследователей особого внимания к модели взаимодействия частной и государственной промышлен-

---

рабочих России в 1920-е годы (на примере промышленных предприятий Пензенской губернии) // Отечественная история. 2005. № 5. С. 131—140; *Борисова Л.В.* Трудовые отношения в Советской России (1918—1924 гг.). М., 2006; *Борисова Л.В.* «Советский тред-юнионизм»: профсоюзы и забастовочная борьба в годы нэпа // Отечественная история. 2007. № 6. С. 88—97; *Шильникова И.В.* «Принять меры к обеспечению квалифицированных рабочих землёй»: парадоксы трудовой мотивации и конфликты на горнодобывающих предприятиях Донбасса в первой половине 1920-х гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 3. С. 118—128; и др.

[31] *Ильина И.Н.* Общественные организации России в 1920-е годы. М., 2000; *Ильина И.Н.* Общественные организации на завершающем этапе НЭПа // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. С. 340—347.

[32] *Смирнова Т.М.* Бывшие люди Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции. 1917—1936 годы. М., 2003; *Смирнова Т.М.* «Бывшие». Штрихи к социальной политике советской власти // Отечественная история. 2000. № 2. С. 37—48; *Смирнова Т.М.* «Бывшие» в условиях НЭПа: «широкие перспективы» или новые проблемы // Cahiers du Monde Russe. 2003. № 44/1. С. 111—133; *Смирнова Т.М.* «В происхождении своем никто не повинен...»? Проблемы интеграции детей «социально чуждых элементов» в послереволюционное российское общество (1917—1936 гг.) // Отечественная история. 2003. № 4. С. 28—42.

[33] *Демчик Е.В.* Частный капитал в городах Сибири в 1920-е годы: от возрождения к ликвидации. Барнаул, 1998; *Демчик Е.В.* Частный капитал Сибири в 20-е гг. XX в. Барнаул, 2005.

[34] *Зотова А.В.* Хозяева и «хозяйчики» в Петрограде—Ленинграде в годы нэпа: по материалам периодической печати 1920-х гг. СПб., 2010.

[35] «Бублики для республики»: исторический профиль нэпманов. Уфа, 2005; *Хазиев Р.А.* Предприятия уральских нэпманов: историко-статистический анализ // Экономическая история. Обозрение. Вып. 10. М., 2005. С. 199—203.

[36] См., например: *Орлов И.Б.* Образ нэпмана в массовом сознании 20-х гг.: мифы и реальность // Новый исторический вестник. 2002. № 6. С. 29—41; *Пахомов С.А.* Социокультурный портрет предпринимателя периода нэпа и его отражение в пропаганде и массовом сознании. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. *Орлов И.Б.*, *Пахомов С.А.* «Ряженые капиталисты» на нэповском празднике жизни.

ности[37]. Как уже говорилось, этот сюжет был одним из излюбленных среди «нэповедов» советского периода. Но если тогда он рассматривался в формате безусловного превосходства государственной социалистической собственности и поэтапного выдавливания «хозяйчиков» на обочину экономики, то теперь эта проблематика очищена от идеологических установок и изучается как самостоятельная.

«Архивная революция» предоставила отечественным историкам доступ к архивным фондам, ранее практически недоступным исследователям. Это, в свою очередь, открыло дорогу к фундированному изучению сюжетов, прежде считавшихся «табуированными». Одной из таких «распечатанных» тем стала история оборонной промышленности. Разумеется, большая часть работ по этой тематике посвящена 1930—1940-м гг., однако и оборонная промышленность периода нэпа не обойдена вниманием. Более того, достаточно часто исследователи «оборонки» сознательно стремились охватить как можно более продолжительный хронологический период, чтобы проследить динамику процессов в отрасли в целом или в отдельных её сегментах. Можно сказать, что история «оборонки» в годы нэпа рассмотрена в отечественной историографии достаточно подробно[38]. Впрочем, тут надо отметить и определённое влияние историографии зарубежной — монография Л. Самуэльсона[39], опубликованная в России в 2001 г., сыграла немаловажную роль и органично вошла в общий ряд работ по этой проблематике.

Наиболее оживлённо в работах по истории «оборонки» прошла заочная дискуссия о сроках и важнейших чертах формирования военно-промышленного комплекса. Хотя единая точка зрения так и не была выработана, нет сомнений, что только после выхода в свет этих работ история советской «оборонки» стала опираться на существенную источниковую базу, что позволило вести предметные научные дебаты.

---

[37] *Лютов Л.Н.* Частная промышленность в годы нэпа (1921—1929). Саратов, 1994; *Лютов Л.Н.* Государственная промышленность в годы нэпа (1921—1929). Саратов, 1996; *Лютов Л.Н.* Неэффективность промышленности в условиях нэпа // Вопросы истории. 2000. № 4—5. С. 106—110; *Лютов Л.Н.* Обречённая реформа: промышленность России в эпоху нэпа. Ульяновск, 2002; *Виноградов С.В.* Нэп: опыт создания многоукладной экономики. М., 1996; *Виноградов С.В.* Возрождение многоукладной экономики Российской Федерации в годы НЭПа, 1921—1927 гг.: на материалах Поволжья. Дис. ... д-ра ист. наук. Астрахань, 1998; *Суворова Л.Н.* Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком. М., 2013; *Килин А.П.* «Пролетарий-торговец»: практики адаптации рабочих Урала в годы нэпа // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность. СПб., 2020. С. 69—75; и мн. др.

[38] На эту тему см.: *Алексеев В.Н.* Формирование основ советской военной промышленности в 20—30-е гг. (на примере предприятий Европейской части РСФСР). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001; *Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920—1950-е гг.: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996; *Щерба А.Н.* Военная промышленность Ленинграда в 20—30-е гг. СПб., 1999; *Соколов А.К.* От военпрома к ВПК: советская военная промышленность. 1917 — июнь 1941 гг. М., 2012; *Соколов А.К.* «Особое напряжение»: кадры советского военпрома в конце 1920 — начале 1930-х годов // Отечественная история. 2007. № 4. С. 74—94; *Мухин М.Ю.* Российский государственный архив экономики: комплексы документов по истории военной промышленности в 1921—1941 годах // Отечественная история. 1996. № 4. С. 100—112; *Мухин М.Ю.* Эволюция системы управления советской оборонной промышленностью в 1921—1941 годах и смена приоритетов «оборонки» // Отечественная история. 2000. № 3. С. 3—24; *Мухин М.Ю.* Авиапромышленность СССР в 1921—1941 гг. М., 2006; *Мухин М.Ю.* Советская авиапромышленность в годы НЭПа: «гадкий утёнок» «оборонки» // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. С. 202—223.

[39] *Самуэльсон Л.* Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921—1941. М., 2001.

Достойное освещение в историографии постсоветского периода получили сюжеты, связанные с финансовой политикой — например, детальный анализ деятельности финансово-кредитных учреждений советского государства[40] и кооперативного движения[41].

Рост имущественного расслоения, появление слоя «нэпманов» и обусловленное этими факторами социальное напряжение вело к различным деформациям привычных стратегий повседневного поведения, уклада жизни и общественного менталитета. Изучение этих сложных сюжетов с неочевидной источниковой базой дало результатом ряд междисциплинарных исследований социокультурных аспектов нэповской повседневности[42]. Интерес к истории повседневности, не государственных институций, а социума, породил рост внимания к сюжету, малохарактерному для советской историографии — истории потребления. В постсоветский период вышло несколько монографий, специально посвящённых вопросам снабжения и внутренней торговли 1920-х гг.[43]

---

[40] *Калмыков С.В., Петров Ю.А.* Налоги на предпринимательскую деятельность в царской России и в период нэпа // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. С. 154—175; *Тупов Б.С.* История российской биржи (Биржи периода нэпа и 90-х гг. XX в.). М., 1994; *Новиков А.Н.* Общества взаимного кредита (из опыта России в период НЭПа) // Банковское дело. 1994. № 2. С. 32—34; *Мехряков В.Д.* История кредитных учреждений и современное состояние банковской системы России. М., 1995; *Соколов А.С.* Из истории становления и развития финансовой системы России в период новой экономической политики. М., 1998; *Соколов А.С.* Финансовая политика Советского государства, 1921—1929 гг. М., 2005; *Андреев В.Р., Хрущёв Е.Г.* Кредитование и налогообложение сельского хозяйства в период нэпа // Ценности и нормы правовой культуры в новой цифровой реальности. Курск, 2019. С. 9—12; и др.

[41] *Николаев А.А.* Мелкая промышленность и кустарные промыслы Сибири в советской кооперативной системе (1920 — середина 1930-х гг.). Новосибирск, 2000; *Файн Л.Е.* Советская кооперация в тисках командно-административной системы (20-е годы) // Вопросы истории. 1994. № 9. С. 35—47; *Файн Л.Е.* Нэповский эксперимент над Российской кооперацией // Вопросы истории. 2001. № 7. С. 35—55; *Файн Л.Е.* Российская кооперация: историко-теоретический очерк. 1861—1930. Иваново, 2002; *Рент Ю.А.* Кооперация и НЭП. Рязань, 1997; *Гребениченко С.Ф.* Диктатура и промысловая кооперация России в 1920-е годы. М., 2000; *Егоров В.Г.* Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление (первая треть XX века). Казань, 2005; *Ягов О.В.* Кустарно-промысловая кооперация Поволжья в условиях реализации новой экономической политики. Пенза, 2008; *Иванов А.В.* Российская кооперация в первой четверти XX века (по материалам сибирского и дальневосточного регионов). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009; *Кравченко Г.В.* Рабочая кооперация в годы нэпа: процесс трансформации теории и практики (на материалах Дона, Кубани и Ставрополья) // Манускрипт. 2019. Т. 12. № 8. С. 35—39; и др.

[42] *Лебина Н.Б.* Теневые стороны жизни советского города 20—30-х годов // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 30—42; *Лебина Н.Б.* Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920—1930-е годы. СПб., 1999; *Козлова Н.Н.* Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора. М., 1996; *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников: жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов. В 2 т. Краснодар, 2002; *Лебина Н.Б., Чистиков А.Н.* Обыватель и реформы: картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущёвского десятилетия. СПб., 2003; *Исаева О.А.* Общая характеристика пространства повседневной жизни в период становления советского государства (1917—1920-е гг.) // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2020. № 2. С. 96—100; *Блонский Л.В.* Уровень и качество жизни в советском городе периода нэпа (на материалах г. Саратова) // Общество: философия, история, культура. 2019. № 8. С. 119—122; *Поваров И.И.* Повседневная жизнь эпохи нэпа в зеркале советского кинематографа 1920-х гг. // История мировых цивилизаций. Социально-политические процессы: направления и методы исследования. Красноярск, 2019. С. 138—145; и мн. др.

[43] *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927—1941. М., 1999; *Данильченко С.Л.* Система управления внутренней торговлей и социальным снабжением в советской России в условиях НЭПа (1921—1929 гг.). Уфа, 2016; и др.

Существенно продвинулось изучение демографической истории[44]. Используя данные переписи 1926 г. и новейший клиометрический инструментарий, исследователи смогли реконструировать динамический ряд численности населения за 1917—1926 гг. Это, в свою очередь, позволило достаточно точно определить размеры людских потерь за период событий 1917 г., Гражданской войны и голода 1920—1921 гг. — 11—15 млн человек.

Наконец, необходимо отметить существенный рост исследований, посвящённых «региональному разрезу» новой экономической политики. Так, из защищённых в 1992—2010 гг. в Москве 389 диссертаций, так или иначе затрагивающих тематику нэпа, почти четверть (92) посвящены именно региональным сюжетам[45]. Такой подход позволяет вычленить магистральные тенденции проведения этого курса, оценить нюансы, составить представление о всём его многообразии, от аспектов, характерных для всего Советского Союза, до оттенков, имевших значение лишь на местном уровне. В качестве примера приведу комплексы работ, посвящённых исследованию экономической и политической повседневности 1920-х гг. на Урале[46] и в Поволжье[47].

---

[44] В этом ряду хотелось бы выделить такие работы, как: *Жиромская В.Б.* После революционных бурь: население России в первой половине 20-х годов. М., 1996; Население России в 1920—1950-е годы: численность, потери, миграции. Сборник научных трудов / Под ред. Ю.А. Полякова. М., 1994.

[45] *Орлов И.Б.* Современная историография нэпа... С. 89.

[46] *Килин А.П.* Частное торговое предпринимательство на Урале в годы нэпа. Екатеринбург, 1994; *Килин А.П.* Кредитные истории Урала // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 39. С. 135—149; *Килин А.П.* Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа: экономические, политические и социальные аспекты. Екатеринбург, 2018; *Бакунин А.В.* Основные этапы развития индустрии Урала (к вопросу о новом подходе в методологии) // Сохранение индустриального наследия: мировой опыт и российские проблемы. Сборник статей. Екатеринбург, 1994. С. 77—82; Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000; *Запарий В.В.* Чёрная металлургия Урала XVIII—XX вв. Екатеринбург, 2001; *Фельдман М.А.* Рабочие крупной промышленности Урала в 1914—1941 гг. (численность, состав, социальный облик). Екатеринбург, 2001; *Фельдман М.А.* Культурный уровень и политические настроения рабочих крупной промышленности Урала в годы нэпа // Отечественная история. 2003. № 5. С. 20—30; *Фельдман М.А.* Стимулы к труду рабочих промышленности Урала в первые десятилетия XX в. // Экономическая история. Обозрение. Вып. 12. М., 2006. С. 36—55; *Постников С.П., Фельдман М.А.* Государство и профессиональная подготовка рабочих кадров промышленности Урала в 1900—1940 гг. Екатеринбург, 2004; *Постников С.П., Фельдман М.А.* Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900—1941 гг.). Екатеринбург, 2006; *Надеждина В.А.* «...Всё к социализму иду и никак не могу дойти»: рабочие и крестьяне Южного Урала и социальная политика Советского государства в годы нэпа. Уфа, 2005; Щит и меч Отчизны: оружие Урала с древнейших времен до наших дней. Екатеринбург, 2008; и мн. др.

[47] *Сутырина О.Н.* Социально-экономическое развитие Марийской автономной области в условиях новой экономической политики, 1921—1928 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Йошкар-Ола, 1997; *Гатауллина И.А.* Среднее Поволжье в годы новой экономической политики: социально-экономические процессы и повседневность. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2009; *Орлов В.В.* Этнополитическое и социально-экономическое развитие Чувашии в 20-е годы XX века. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2009; *Клишева В.А.* Крестьянские хозяйства Удмуртии 1917—1927 гг.: социально-экономический анализ. Ижевск, 2008; *Бехтерев С.Л.* Максималистская альтернатива нэпу: попытка осуществления // Политика и экономика Удмуртии советского периода. Ижевск, 1995. С. 102—119; *Бехтерев С.Л.* Эсеро-максималистское движение в Удмуртии. Ижевск, 1997; *Никонов Ю.Т.* Становление промысловой кооперации в Удмуртии (1920—1925 гг.) // Региональные аспекты преподавания истории. Ижевск, 1998. С. 22—27; *Никонов Ю.Т.* История промысловой кооперации Удмуртии (1920—1960 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2000; *Лапшина О.Ю.* Материально-бытовое обеспечение рабочих промышленности в годы нэпа (на материалах Нижегородской и Вятской губерний). Дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2002; *Виноградов С.В.* О некоторых особенностях реализации новой экономической политики в Поволжье // Геология,

Отечественная историография нэпа чётко делится на три периода, для каждого из которых характерны те или иные тенденции. Основная масса работ советского периода пришлась на 1960—1980-е гг. Находясь в жёстких идеологических рамках, советские историки сумели заложить основы научного исследования многих важнейших аспектов истории нэпа. Главным достижением историографии периода перестройки стало детальное изучение причин и собственно процесса свёртывания нэпа. В постсоветский период происходит деидеологизация «нэповедения». Сейчас исторические исследования не обязаны в очередной раз подтверждать ленинские суждения, не должны соответствовать тем или иным политическим мнениям сторонников «гуманного социализма» или обличителей сталинского тоталитаризма. Стало возможно просто заниматься наукой. Получил новое, не связанное с прежними шаблонами, прочтение, ряд уже вроде бы достаточно подробно изученных сюжетов, появилось большое количество работ, посвящённых различным сюжетам социальной истории.

С другой стороны, признавая все вышеперечисленные достижения, хотелось бы отметить, что история нэпа изучена ещё далеко не полностью. К примеру, общепризнанным фактом является подготовка советской экономики к возможной войне, начавшаяся уже в 1920-е гг. Однако исследований истории мобилизационной подготовки промышленности, транспорта и сельского хозяйства в период нэпа до сих пор крайне мало[48]. Этому сюжету вообще не повезло: для историков экономики он остаётся элементом военной подготовки страны, а для специалистов по военной истории — составной частью истории экономической. Другим сюжетом, также пока в недостаточной степени освещённым историографически, является история советских вооружённых сил в годы нэпа. Если взаимоотношения военных кругов и репрессивных органов становятся объектом внимания достаточно часто[49], то социальный аспект РККА как инструмента формирования гражданина СССР, «советского человека» всё ещё ожидает углублённого исследования[50].

география и глобальная энергия. 2006. № 12. С. 144—149; *Чуканов И.А.* Советская экономика в 1920-е годы: новый взгляд (по материалам Среднего Поволжья). М., 2001; *Чуканов И.А.* Финансовая политика местных органов власти Среднего Поволжья (1917—1929). Дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2001; *Самихова А.С.* Социальная политика советского государства в Нижнем Поволжье в годы нэпа // Астраханские Петровские чтения. Астрахань, 2020. С. 250—253; *Луночкин А.В.* Продовольственные кризисы в г. Сталинграде в 1926—1927 гг. и городская власть // XXII Уральские социологические чтения. Екатеринбург, 2020. С. 32—36; и мн. др.

[48] Этот аспект нэпа хотя бы в общих чертах рассматривается в, по сути, единственной работе: *Соколов А.К.* От военпрома к ВПК: советская военная промышленность. 1917 — июнь 1941 гг.

[49] См., например: *Зданович А.А.* Органы государственной безопасности и Красная армия. Деятельность органов ВЧК—ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921—1934). СПб., 2008; *Зенин Р.Н.* Исторические аспекты военно-политической подготовки личного состава Красной армии в годы гражданской войны и межвоенный период // Мир образования — образование в мире. 2018. № 3. С. 22—31; *Минаков С.Т.* Военная элита 20—30-х годов XX века. М., 2006; *Тархова Н.С.* Красная армия и сталинская коллективизация. 1928—1933 гг. М., 2010; и мн. др.

[50] Две монографии по этой тематике вышли ещё в советские годы: *Клочков А.Ф.* Красная Армия — школа коммунистического воспитания советских воинов, 1918—1941. М., 1984; *Лисенков М.М.* Культурная революция в СССР и армия. М., 1977. В постсоветский период по этой теме можно отметить: *Климович А.Т.* Роль Красной Армии в трудовой, общественно-политической и культурной жизни страны, 1921—1941 гг. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1995; *Конорев В.В.* Реформирование системы военного образования и её влияние на культурный облик командира Красной Армии в 20-е годы XX века // Труды Военно-космической академии им. А.Ф. Можайского. 2015. № 647. С. 205—217; *Хаген М.* Армия и общество в 20-е гг. // Военно-исторический журнал. 1990. № 12. С. 53—59.

Могу предположить, что наиболее перспективными направлениями «нэповедения» в ближайшие годы станут исследования на стыке направлений: например, история оборонной промышленности и мобилизационная подготовка гражданской индустриальной сферы, история вооружённых сил и социальная история, и т.д.

В целом, «нэповедение» за прошедшие сто лет прошло долгий и непростой путь, развилось в обширное направление отечественной историографии и само уже, в свою очередь, начало делиться на отдельные направления. «Нэповеды» разработали множество проблем и сюжетов, но, думается, новые исследования откроют нам новые грани истории того сложного времени.

Памяти Николая Алексеевича Ивницкого — летописца трагедии советской деревни

Виктор Кондрашин

In memory of Nikolai Alekseevich Ivnitsky — chronicler of the tragedy of the Soviet village

Victor Kondrashin
(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870012179-7

27 июля 2018 г. скончался Николай Алексеевич Ивницкий — один из самых авторитетных историков России XX в., патриарх отечественной аграрной историографии, оставивший яркий след в науке своими аналитическими, но доступными по форме трудами по истории коллективизации в СССР. Он принадлежал к узкому кругу исследователей, хранивших верность одной теме, и в ходе многолетней кропотливой и, без преувеличения, подвижнической работы в архивах досконально изучил массив источников по ней. Это был настоящий труженик науки, учёный с большой буквы, классический русский интеллигент.

Николай Алексеевич родился 9 августа 1922 г. на хуторе Гнилуша Засосенского сельсовета Будённовского района Воронежской обл. в крестьянской семье. В 1940 г. с отличием окончил Викторопольскую среднюю школу в Валуйском районе той же области, затем около года обучался в Кредитно-экономическом институте Госбанка СССР в Москве. Вернувшись на родину в начале Великой Отечественной войны, трудился секретарём, председателем Викторопольского поселкового совета, счетоводом рабочего кооператива. Пережил оккупацию. После освобождения района в 1943 г. недолго поработал директором зерносовхоза «Викторополь», затем ушёл в армию, но вскоре был демобилизован по болезни. Далее успешно работал управляющим отделения совхоза «Викторополь». Награждён медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Осенью 1945 г. Николай Алексеевич поступил в Московский государственный историко-архивный институт (МГИАИ), который окончил в 1949 г. Именно тогда он начал заниматься крестьянской проблематикой: по совету своего преподавателя — известного историка-«аграрника» Е.А. Луцкого — изучил крестьянское движение в 1917 г. на материалах Воронежской и Саратовской губерний. За доклад на 3-й конференции студентов московских вузов «Борьба саратовских большевиков за крестьянство в 1917 г. (март—октябрь)» он получил первую свою награду за научную деятельность — Похвальную грамоту Министерства высшего образования СССР[1]. По окончании института поступил в аспирантуру, где под научным руководством М.Н. Черноморского подготовил и в 1953 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Колхозцентр СССР и РСФСР в 1927—1932 гг.». В том же году его пригласили на работу в сектор истории СССР Института истории АН СССР на должность младшего научного

© 2020 г. В.В. Кондрашин

[1] *Ивницкий Н.А.* Трудный путь в науку. Автобиографические заметки. М., 2013. С. 69, 71.

сотрудника. В ведущем научном центре страны он проработал до 2001 г., став одним из самых авторитетных его сотрудников. Одновременно трудился в МГИАИ на должности доцента (до 1971 г.) и исполнял обязанности заместителя главного редактора журнала «Исторический архив» (до 1960 г.).

Молодой историк активно трудился на избранной стезе. В «Материалах по истории СССР» он опубликовал подборку документов о роли 25-тысячников в коллективизации сельского хозяйства в 1930 г. (т. 1, 1955) и «Докладную записку Колхозцентра в ЦК ВКП(б) о колхозном строительстве в 1928—1929 гг.» (т. VII, 1959). Важнейшим событием в научной карьере Ивницкого, определившим его творческую судьбу, стало участие в работе Главной редакции всесоюзной документальной серии по истории коллективизации, созданной по инициативе Института истории АН СССР, Главного архивного управления МВД СССР и Института марксизма-ленинизма после XX съезда КПСС, когда начался отказ от сталинских догм в интерпретации советской истории. В состав Главной редакции учёный вошёл в 1959 г., этот статус дал ему возможность работать в центральных и региональных архивах[2]. Так, в 1962 г. Институт истории командировал его в Вологду для практической помощи местным исследователям. Сборник «Коллективизация сельского хозяйства в Северном районе (1927—1937 гг.)», вышедший в 1964 г., стал одним из лучших региональных изданий по этой теме.

Участие в Главной редакции также позволило Ивницкому подготовить и в 1971 г. защитить докторскую диссертацию по теме «Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929—1932 гг.)». Её источниковую базу составили материалы почти 50 государственных и партийных архивов. Среди них особую ценность представляли документы «Кремлёвского архива» (Архива ЦК КПСС), закрытого для подавляющего большинства историков. Ивницкий получил доступ в него в связи с подготовкой 9-го тома «Истории СССР с древнейших времён до наших дней»[3] и работал с материалами «Особых папок»: секретными документами Политбюро, Секретариата, Оргбюро и их комиссий, а также НКВД, ОГПУ, Наркомата земледелия и Колхозцентра.

В 1958 г. учёный также вошёл в состав группы по истории крестьянства и сельского хозяйства Института истории. Он мог занять должность её руководителя, но его не отпустили из редакции «Исторического архива». В результате группу возглавил В.П. Данилов, в неё также вошли М.Л. Богденко, М.А. Выльцан и И.А. Зеленин. В 1960-х гг. «крестьянская группа» предприняла попытку с новых позиций написать двухтомную историю коллективизации. Была подготовлена к печати первая книга, но её публикации помешало противодействие заведующего отделом науки ЦК КПСС С.П. Трапезникова. Его и поднявших голову сталинистов не устроил критический подход авторского коллектива к личности «вождя» и его методам[4].

Более того, во второй половине 1960-х гг. критике адептов сталинизма начали подвергаться и публикации самого Ивницкого. Например, в 1968 г.

---

[2] См.: *Ивницкий Н.А.* История подготовки постановления ЦК ВКП(б) о темпах коллективизации сельского хозяйства от 5 января 1930 г. // Источниковедение истории советского общества. М., 1964. С. 265—284.

[3] *Ивницкий Н.А.* Судьба раскулаченных в СССР. М., 2004. С. 6—7.

[4] Подробнее об этом см.: *Данилов В.П.* История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. Ч. 1. М., 2011. С. 69—228; *Кондрашин В.В.* Виктор Петрович Данилов — выдающийся исследователь аграрной истории России XX века // Люди во времени: записки историка. Пенза; Саранск, 2012. С. 44—47.

на заседании учёного совета МГИАИ, обсуждавшего вопрос о партийности в преподавании и научно-исследовательской работе в институте, особый гнев выступающих вызвали статьи Николая Алексеевича, напечатанные в журнале «Вопросы истории» (1965, № 3) и в материалах научной конференции по истории сельского хозяйства и крестьянства Европейского Севера СССР («Вопросы аграрной истории». Вологда, 1968). И в первую очередь их главный вывод: «Недооценка вредных последствий ошибок и перегибов в проведении коллективизации, имевшая место в выступлениях, действиях И.В. Сталина, В.М. Молотова, Л.М. Кагановича и других (они не только не пресекли в зародыше эти перегибы, а, по существу, способствовали их распространению), дала возможность в дальнейшем разрастись ошибкам и перегибам до угрожающих размеров. Это привело к тому, что к весне 1930 г. колхозное строительство оказалось перед угрозой серьёзной дискредитации»[5]. Ивницкому удалось отвести обвинения в антипартийности ссылкой на цитаты В.И. Ленина о возможности ошибок у политических партий и умении их вовремя исправлять[6]. Но под давлением администрации он в конце концов оказался вынужден уйти из вуза. Педагогическую деятельность продолжил в Московском финансовом институте, где работал с 1973 по осень 1990 г. — сначала доцентом, затем профессором.

Шквал критики обрушился на историка после выхода в 1972 г. его монографии «Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929—1932 гг.)». В условиях фактической реанимации сталинизма она оказалась настоящей красной тряпкой. Автор, основываясь на надёжной источниковой базе, посмел высказать иную точку зрения на ключевые аспекты коллективизации, оставаясь при этом в рамках позитивной её оценки в целом! С точки зрения современных знаний о трагедии советского крестьянства изложенный материал и выводы автора не кажутся столь уж революционными и выходящими за рамки официальной концепции коллективизации сельского хозяйства. Но для того времени это был настоящий прорыв в огромной массе литературы, прославлявшей успехи «революции сверху».

Что же сделал Н.А. Ивницкий? Во-первых, он доказал, что «перегибы» начались не зимой 1930 г., а ещё осенью 1929 г. «Ликвидация кулачества как класса» проводилась не на основе сплошной коллективизации, а одновременно, и даже предшествовала ей. Во-вторых, впервые был показан механизм выработки политики сплошной коллективизации, охарактеризована роль Сталина и Молотова в принятии постановлений Политбюро ЦК ВКП(б) о темпах коллективизации от 5 января 1930 г. и о ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации от 30 января того же года. В-третьих, впервые в советской историографии давалась обобщающая картина раскулачивания, депортации и дальнейшей судьбы крестьян, высланных в безлюдные и малозаселённые районы Севера, Сибири, Урала, Казахстана и Дальнего Востока.

Но самое «крамольное» заключалось в том, что исследователь «покусился» на теоретические догмы сталинизма. Он попытался по-новому осветить классовую борьбу в деревне, заочно споря со Сталиным, что по мере социалистического строительства классовая борьба не обострялась, а, наоборот, смягчалась и должна была сойти на нет с победой социализма. Также, исходя из высказываний Энгельса и Ленина, он допускал ненасильственные пути и методы

[5] *Вылцан М.А.*, *Ивницкий Н.А.*, *Поляков Ю.А.* Некоторые проблемы истории коллективизации в СССР // Вопросы истории. 1965. № 3. С. 5.

[6] *Ивницкий Н.А.* Трудный путь в науку... С. 163.

ликвидации кулачества, решение проблем сельского хозяйства экономическими средствами — т.е. фактически отстаивал линию Н.И. Бухарина и «правой оппозиции».

Книга Ивницкого сразу же оказалась в центре внимания научной общественности страны. Заметили её и за рубежом. Например, один из авторитетных западных советологов, профессор Бирмингемского университета Англии М. Левин писал в рецензии: «Советский исследователь, известный по своим работам, посвящённым истории советского крестьянства и коллективизации, предлагает вниманию читателей работу, которая является, вероятно, результатом многолетнего терпеливого исследования. Большое количество материала, публикуемого впервые, делает книгу ценным вкладом в изучение драматических, но всё ещё недостаточно понятных событий, в результате которых была создана колхозная система. Темой исследования Ивницкого является центральный стратегический план, разработанный для того, чтобы помочь коллективизировать крестьян. Он приводит новые цифры, данные и особенно много ранее неизвестных фактов о вырванных с корнем семьях и их последующей судьбе в сибирских и казахстанских пустынях, где они вынуждены были строить новую жизнь (те из них, кто, конечно, выжил; но эта проблема автором не затрагивается). Благодаря этой работе о 1930—1932 гг., когда происходило раскулачивание, создаётся более ясное представление как об остром периоде. Мы узнаём значительно больше об оппозиции крестьян колхозам — о различных формах “беспорядков” (выступлений) или “восстаний”, которые были очень распространены. Всю историю ещё предстоит написать, но вклад Ивницкого в осуществление этой задачи значителен»[7].

Но если читатели и зарубежные специалисты высоко оценили исследование, то реакция внимательно прочитавших его сталинистов из научных и идеологических структур оказалась иной. За публикацию книги директору издательства «Наука» вынесли взыскание, а заведующего исторической редакции и издательского редактора книги освободили от работы. Партийное бюро Института истории СССР признало исследование порочным и потребовало от Николая Алексеевича признания ошибок. Он отказался пойти на это — и тогда его убрали с должности редактора второго тома пятитомной серии «История советского крестьянства от 1917 г. и до наших дней». В этом томе он всё же написал пять глав, но их содержание отличалось от монографии и ненапечатанного двухтомника по истории коллективизации. Цензоры не пропускали в печать тексты историка, не вписывавшиеся в официальную концепцию возрождённого сталинизма[8].

Давление на учёного продолжалось. В 1975 г. в пятом номере журнала «Вопросы истории КПСС» (орган Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС) появилась разгромная рецензия Б.А. Абрамова и Т.К. Кочарли «Об ошибках в одной книге (Письмо в редакцию)». Рецензенты обвинили Ивницкого в том, что он «не всегда придерживается оценок, содержащихся в постановлениях партии по вопросам социалистического преобразования сельского хозяйства и представляющих собой основу для правильного, глубокого понимания проблемы». Критике подверглось положение о том, что при по-

---

[7] *Lewin M.* Klassovaia bor’ba v derevne i likvidatsiia kulachestva kak klassa (1929—1932 gg.). By N.A. Ivnitsky // Slavic Review. Vol. 33 (September 1974). Iss. 3. P. 545—546.

[8] История советского крестьянства. Т. 2. Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства: конец 1927—1937 / Отв. ред. И.Е. Зеленин. М., 1986.

строении социализма можно было обойтись без насильственной экспроприации кулачества: «Вместо того чтобы всесторонне раскрыть сущность и направление этой политики в соответствии с документами партии, Н.А. Ивницкий встал на путь противопоставления политике партии высказываний некоторых участников ноябрьского (1929 г.) пленума ЦК ВКП(б), а также предложений комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) Я.А. Яковлева и подкомиссии К.Я. Баумана (о возможности принятия большинства кулацких хозяйств в колхозы. — *В.К.*)... Вместо того чтобы подвергнуть критике это неверное положение подкомиссии, автор взял его под защиту и тем самым фактически противопоставил его постановлению ЦК ВКП(б) "О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству"». Обрушились рецензенты на автора и за его утверждение, «что если бы коллективизация проводилась без перегибов и ошибок, то происходило бы затухание, а не обострение классовой борьбы»: «Получается, что борьба... вызывалась неверными действиями партийных организаций и советов, их ошибками, тем, что неправильные действия органов власти вызвали временно вспышки гнева и ненависти у кулачества, выливавшиеся в открытые антисоветские выступления»[9].

Новый этап в жизни Ивницкого начался в эпоху «перестройки и гласности». Тема коллективизации как крестьянской трагедии и преступления сталинизма вышла на первый план[10], и Николай Алексеевич оказался одним из самых востребованных историков: активно выступал в СМИ, а его лекции пользовались большим успехом у широкой общественности[11]. Первое публичное выступление состоялось летом 1987 г. в Ашхабаде на совещании архивистов Средней Азии и Казахстана. Той же осенью по просьбе правления Всесоюзного общества «Знание» учёный выступил в Политехническом музее. Его лекция «Коллективизация сельского хозяйства СССР: опыт, уроки, выводы» позднее вышла брошюрой тиражом 500 экз., который был целиком разослан по местным отделениям общества[12]. Свидетельством признания заслуг историка коллегами стало его выступление в 1989 г. на пленарном заседании XXII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в Минске с докладом «Ленинский кооперативный план и коллективизация сельского хозяйства».

Открытие архивов и актуальность темы позволили Николаю Алексеевичу в полной мере раскрыть исследовательский талант в фундаментальных работах, увидевших свет в конце 1980-х — начале 2000-х гг. Совместно с В.П. Даниловым он подготовил сборник «Документы свидетельствуют: из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927—1932 гг.»[13]. Инициатива издания исходила от секретаря ЦК КПСС А.Н. Яковлева. В конце 1986 г., в связи с кампанией в СМИ по переоценке событий советской истории, он поручил издательству «Политическая литература» подготовить сборник документов о классовой борьбе на селе в конце 1920-х — начале 1930-х гг. Издательство

---

[9] *Абрамов Б.А.*, *Кочарли Т.К.* Об ошибках в одной книге (Письмо в редакцию) // Вопросы истории КПСС. 1975. № 5. С. 134—139.

[10] См.: Коллективизация: истоки, сущность, последствия // История СССР. 1989. № 3. С. 3—62.

[11] *Ивницкий Н.А.* «Даёшь коллективизацию!» // Молодой коммунист. 1988. № 5. С. 78—86; *Ивницкий Н.А.* Ленинский кооперативный план и коллективизация сельского хозяйства СССР // Преподавание истории в школе. 1988. № 5. С. 22—30; *Ивницкий Н.А.* Горькие уроки коллективизации // Молодой коммунист. 1989. № 11. С. 65—70.

[12] *Ивницкий Н.А.* Коллективизация сельского хозяйства СССР: опыт, уроки, выводы. М., 1988.

[13] Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927—1932 гг. / Под ред. В.П. Данилова, Н.А. Ивницкого. М., 1989.

обратилось в Институт истории СССР, а именно к Данилову и Ивницкому, с предложением принять участие в этой работе.

Николай Алексеевич так вспоминал об этом эпизоде своей научной биографии: «Мы считали, что сборник должен дать правдивую картину происходившего в деревне в 1927—1932 гг., то есть от XV партийного съезда, взявшего курс на коллективизацию, до конца первой пятилетки, когда в колхозах объединили почти две трети крестьянских хозяйств, а кулачество "как класс" было ликвидировано. Кроме документов и материалов, хранившихся в открытых фондах архивов... мы решили включить в сборник ряд имевшихся у меня документов из ЦПА ИМЛ и Кремлёвского архива, в котором я работал в 1964 г. В их числе были материалы ноябрьского (1929 г.) пленума ЦК ВКП(б), обсуждавшего итоги и дальнейшие задачи колхозного строительства, "группу т. Бухарина" и другие вопросы. В частности, я предложил включить в сборник заявление Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова и М.П. Томского на пленуме ЦК ВКП(б), извлечения из речей на пленуме Ф.И. Голощёкина (Казахстан), М.М. Хатаевича (Средняя Волга), С.М. Кирова (Ленинград), Р.И. Эйхе (Западная Сибирь), С.В. Косиора (Украина) и др. Из материалов Кремлёвского архива я предложил некоторые документы "Особых папок", в том числе постановления Политбюро ЦК ВКП(б) о ликвидации кулацких хозяйств, о коллективизации в национальных районах, о коллективизации в Чечне и Узбекистане, закрытое письмо ЦК ВКП(б) от 2 апреля 1930 г. "О задачах колхозного движения в связи с борьбой с искривлениями партийной линии" и некоторые другие»[14].

В начале 1988 г. сборник был подготовлен. Но, по существовавшему тогда положению, на публикацию партийных документов требовалась санкция ЦК КПСС. Политиздат просил разрешить публикацию постановлений ЦК от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» и от 20 февраля 1930 г. «О коллективизации и борьбе с кулачеством в национальных экономически отсталых районах», поскольку они имели важнейшее значение для понимания политики начала 1930-х гг. Первая реакция была положительной, в том числе со стороны Яковлева и другого секретаря ЦК Е.К. Лигачёва. Однако через месяц возник вопрос о том, как секретные документы попали к составителям. Ивницкий объяснил, что скопировал их после XX съезда КПСС, когда получил допуск к материалам специального фонда «Кремлёвского архива». Но этого объяснения оказалось недостаточно, и постановления ЦК были исключены из состава сборника.

Зато в него вошли письмо М.А. Шолохова Сталину о принудительном изъятии скота у колхозников, а также письмо члена ЦКК ВКП(б) В.Г. Фейгина Г.К. Орджоникидзе от 9 апреля 1932 г. о голоде в Западной Сибири. Также оказались впервые представлены материалы ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) (1929), письмо ЦК от 2 апреля 1930 г. «О задачах колхозного движения в связи с борьбой с искривлениями партийной линии». А то, что не удалось опубликовать, компенсировали вводные статьи Ивницкого и Данилова — как ко всему сборнику, так и к его отдельным разделам. В них, в частности, приводились сводные данные о количестве и дальнейшей судьбе сосланных и раскулаченных крестьян, о голоде на Северном Кавказе и Украине, репрессивной деятельности полномочных комиссий ЦК ВКП(б) во главе с Кагановичем и Молотовым в период хлебозаготовок и т.д.

---

[14] *Ивницкий Н.А.* Трудный путь в науку... С. 214—215.

Сборник «Документы свидетельствуют» положил начало новому этапу в освещении истории коллективизации. Публикации по данной теме стали выходить в регионах: Новосибирске, Свердловске и т.д. Ивницкий принял непосредственное участие в подготовке одного из них. В 1990 г. Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра АН СССР обратился в Институт истории СССР с просьбой командировать исследователя в Петрозаводск для помощи в подготовке сборника документов по истории раскулачивания[15]. Как вспоминал Ивницкий, карельский сборник стал «первой ласточкой горькой правды о раскулачивании» в российских регионах[16].

В 1980-х — начале 1990-х гг. историк руководил группой молодых учёных, аспирантов Института российской истории РАН, которые под его руководством защитили диссертации по темам, так или иначе связанным с историей коллективизации. Например, выпускница МГУ М.М. Кудюкина изучила классовую борьбу в советской деревне в 1926—1929 гг., Г.М. Доброноженко (Сыктывкар) — коллективизацию на Севере, М.Н. Глумная (Вологда) — единоличные хозяйства в первой половине 1930-х гг., О.А. Никитина (Петрозаводск) — коллективизацию и раскулачивание в Карелии. Своей педагогической деятельностью Николай Алексеевич заложил основы изучения этой проблематики в регионах. Для нового поколения историков-«аграрников» он — непоколебимый авторитет.

В данном контексте следует рассматривать и серию монографий и статей, опубликованных Ивницким во второй половине 1990-х гг. Их особенность в том, что они написаны для широких масс читателей, прежде всего студенческой молодёжи. В настоящее время в каждом высшем учебном заведении и почти в каждой библиотеке страны имеются книги учёного. Это редкий случай народного признания трудов историка, их общественной значимости.

Первой крупной постперестроечной монографией стала «Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов)»[17]. По сути это — книга 1972 г., переработанная и дополненная с учётом новых фактов и оценок. В ней учёный в концентрированном виде изложил концепцию истории коллективизации, сказав всё, что не мог сказать ранее. В последующих работах он лишь наполнял её новым фактическим материалом. Книга легко читается, поскольку написана мастером слова — в то же время это научный труд, выполненный в академических традициях. Ивницкий доказал, что настоящий учёный легко и доступно говорит с читателем о сложных научных проблемах.

Монография охватила период с 1929 по 1933 г. В центре внимания — механизм выработки плана коллективизации на уровне ЦК ВКП(б) (работа комиссий Яковлева, Молотова), а затем его практическое осуществление. Важнейшие сюжеты — раскулачивание и депортации крестьян, их сопротивление аграрной политике сталинизма. Автор уделил внимание хлебозаготовкам и голоду 1932—1933 гг. Завершается повествование главой о трагической судьбе раскулаченных и спецпереселенцев. В монографии определены основные этапы и формы раскулачивания. На первом этапе, в 1929—1930 гг., под него попали зажиточные крестьяне-единоличники, которых не только лишили хозяйства, но и изгнали из деревни в «кулацкую ссылку». На втором этапе, в 1931—1933 гг.,

---

[15] Из истории раскулачивания в Карелии. 1930—1931 гг. / Науч. ред. Н.А. Ивницкий, В.Г. Макуров. Петрозаводск, 1991.

[16] *Ивницкий Н.А.* Трудный путь в науку... С. 233.

[17] *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994.

«раскулачивали» уже колхозников и единоличников — как «саботажников» хлебозаготовок и других обязательных поставок сельхозпродукции государству. Так термин «кулак» приобрёл новое содержание — «противник колхозного строя». Исключённых из колхоза «кулаков» и сорвавших выполнение государственных планов единоличников высылали в отдалённые и труднодоступные районы страны — так же, как и кулаков «первой волны».

Ценность работ Ивницкого заключается в том, что в них представлена самая точная и достоверная информация о жертвах сталинского молоха. Под пресс репрессивно-бюрократической машины попали миллионы крестьян. Многих раскулачили ради запугивания, чтобы другие безропотно шли в колхозы. Историк установил, что за время коллективизации численность крестьянских хозяйств уменьшилась на 5,7 млн, или примерно на 25 млн человек. Административно-репрессивными и экономическими мерами было разорено не менее 1 млн крестьянских хозяйств с населением 5—6 млн человек. При этом только незначительная часть принадлежала к «эксплуататорскому» слою: более трети (2 млн 140 тыс. человек) были депортированы в 1930—1933 гг. А всего до Великой Отечественной войны подверглись раскулачиванию и высылке около 4 млн человек, из них от голода и болезней умерли не менее 800 тыс. Примерно столько же бежало из «кулацкой ссылки», многие из беглецов погибли[18].

Николай Алексеевич занимал бескомпромиссную антисталинскую позицию, осуждая руководство СССР за насилие над крестьянством. Он не находил ему исторического оправдания, считая авантюрой и преступлением, видел лишь негативные и трагические их последствия. По его мнению, насилие над миллионами людей не вызывалось ни политической, ни социально-экономической обстановкой того времени. Напротив, именно оно привело к резкому обострению положения, вызвав сопротивление, вылившееся в массовое антиколхозное и антисоветское движение. Страна оказалась поставлена на грань гражданской войны. При этом коллективизация и раскулачивание не решили и экономических проблем, в частности зерновой, ради которой и затевались. Они привели к разрушению производительных сил деревни, падению сельскохозяйственного производства и страшному голоду. Историк не нашёл никакого «экономического» смысла и в использовании труда ссыльных крестьян. По его мнению, хозяйственное освоение необжитых и малонаселённых районов Севера, Урала, Сибири и Казахстана было бы более успешным, проводись оно планово и на добровольной основе, а не за счёт подневольного труда[19].

Ивницкий обоснованно заключил, что коллективизация стала рубежом в раскрестьянивании советской деревни: крестьянин из мелкого и среднего собственника-производителя превратился в крепостного работника государства, будучи отчуждён от орудий и средств производства, лишён права распоряжаться результатами своего труда и т.д. Колхоз, по существу, стал государственным предприятием — с тем, однако, отличием, что государство не имело перед ним и его работниками обязательств по решению их первоочередных нужд, но могло по своему усмотрению распоряжаться произведённой продукцией. Колхозник оказался ограничен и в гражданских правах: он был привязан к колхозу, не мог свободно выбирать место жительства и работу, не имел права покидать деревню (за исключением случаев призыва в армию, выезда на учёбу, для работы в промышленности или на стройке по оргнабору). «Советская власть ме-

[18] Там же. С. 257.
[19] Там же. С. 257—258.

тодами принуждения и насилия, репрессий и депортаций, налогового пресса и другими мерами экономического воздействия осуществила сплошную коллективизацию, в результате чего крестьянство перестало существовать в прежнем значении этого слова. Оно потеряло свою индивидуальность и превратилось в послушного раба тоталитарного государства. Пагубные последствия... сказываются и поныне. Только на путях отказа от насилия и кампанейщины, учитывая желания и стремления крестьянства, на основе равноправного развития всех форм хозяйствования, в том числе и подлинно кооперативных, можно вывести деревню на рельсы прогресса и процветания»[20].

В 1995 г. в рамках программы Российского государственного гуманитарного университета «Новая информационная среда преподавания гуманитарного знания в высшей школе России» Ивницкий выпустил лекцию, которая получила высокую оценку проходивших «переподготовку» преподавателей вузов. Затем ректор РГГУ Ю.Н. Афанасьев заказал ему вторую лекцию — о голоде 1932—1933 гг. Обе лекции были изданы в том же году в коллективной монографии «Судьбы российского крестьянства»[21]. В 1996 г. в качестве учебного пособия для вузов и школ вышло второе, дополненное и переработанное издание книги «Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов)»[22]. Она рекомендована Министерством среднего и профессионального образования РФ в качестве основного учебного пособия для вузов, факультативных занятий и школьных уроков по курсу «Новейшая история» по теме коллективизации.

В 2000 г. Николай Алексеевич издал монографию «Репрессивная политика советской власти в деревне (1928—1933 гг.)»[23]. По структуре она совпадает с предыдущими, но отличается использованием нового источника — рассекреченных документов Центрального архива ФСБ РФ. Книга получила высокую оценку специалистов, однако вызвала дискуссию. Так, один из её рецензентов, первый заместитель начальника управления регистрации и архивных фондов ФСБ профессор В.К. Виноградов указал, что причины репрессивной политики режима проанализированы недостаточно подробно: «Какие внутренние и внешние причины влияли на политику и практику репрессий в отношении крестьянства? Почему большевистское руководство вело войну с крестьянами... до победного конца? То ли это грубое воплощение на практике социалистической доктрины, то ли попытка утвердить в мире модель державы нового типа?». Ивницкий отреагировал на это замечание, заявив, что никаких «внешних причин» репрессий в отношении крестьянства не было, а партийно-государственное руководство ссылалось на них, «чтобы оправдать массовые репрессии»[24].

Талант Николая Алексеевича как исследователя и глубокого знатока проблемы раскрылся и во время его работы над организованными В.П. Даниловым документальными сериями: первым томом российско-французского проекта «Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД»[25] и особенно вторым

---

[20] Там же. С. 258—259.

[21] *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание в начале 30-х годов. По материалам Политбюро ЦК ВКП(б) и ОГПУ // Судьбы российского крестьянства. М., 1995. С. 249—297; *Ивницкий Н.А.* Голод 1932—1933 годов: кто виноват? // Судьбы российского крестьянства. С. 333—363.

[22] *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). Учебное пособие для вузов и школ. Изд. 2, доп. и перераб. М., 1996.

[23] *Ивницкий Н.А.* Репрессивная политика советской власти в деревне (1928—1933 гг.). М., 2000.

[24] *Ивницкий Н.А.* Трудный путь в науку... С. 243.

[25] Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939. Документы и материалы. Т. 1. 1918—1922 гг. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 1998.

томом международного проекта Института российской истории РАН «Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание»[26]. Этот том посвящался периоду с ноября 1929 по декабрь 1930 г. Он более других насыщен ранее секретными материалами ЦК ВКП(б), которые составляют 60% его объёма. Благодаря глубокому знанию проблемы Ивницкий лично осуществил их тщательный отбор и публикацию.

В результате в научный оборот введены уникальные документы комиссии Молотова, о которой ранее почти ничего не было известно[27]; «Директива ОГПУ всем ПП о приведении местных органов ОГПУ в состояние мобилизованной готовности в связи с предстоящим выселением кулака» от 23 января 1930 г., требовавшая сообщить, какое количество чекистов нужно для доукомплектования аппарата, сколько и в каких районах нужно сосредоточить войск ОГПУ и Красной армии[28]. Исключительна по ценности докладная записка Секретно-политического отдела ОГПУ о формах и динамике «классовой борьбы» в деревне в 1930 г., которая никогда не публиковалась полностью. Особенно важны в ней хроника и статистические данные о массовых крестьянских выступлениях — причём не только приведена их общая численность (13 756), но и указано среднее число участников на одно выступление. Это дало возможность установить примерное количество крестьян, участвовавших в антиколхозной борьбе, — 4 млн человек. Так оказалось окончательно опровергнуто утверждение, что против коллективизации выступала только «зажиточно-кулацкая» часть деревни. Опубликована также справка о числе репрессированных тройками ОГПУ в 1930 г. Из 179 620 осуждённых к высшей мере наказания приговорили 18 966 человек. Другие опубликованные в томе источники указывают, что в 1930 г. аресту за «антиколхозную деятельность» подверглись более 283 тыс. человек[29].

На основе анализа документов Ивницкий сделал ряд концептуальных выводов. Во-первых, он доказал, что «операция по кулаку» разрабатывалась тщательно и ни о какой стихийности и инициативе крестьянских масс в раскулачивании не может идти речи: «Всё было заранее предусмотрено». Во-вторых, экспроприации начались по инициативе партийных комитетов ещё до выхода постановления ЦК от 30 января 1930 г.[30]

Ивницкий принимал участие в подготовке четвёртого тома этой же документальной серии, посвящённого периоду 1934—1936 гг., и пятого тома (в двух книгах) о 1937—1939 гг. Особенно много он работал над второй книгой пятого тома после кончины Данилова в 2004 г. В 2005 г. на основе документов первых двух томов серии Ивницкий вместе с канадскими историками Л. Виолой и Д. Козловым подготовил к печати англоязычную версию: «The war against the Peasantry, 1927—1930», вышедшую в США в 2005 г.

Лучшей своей работой сам историк считал книгу «Судьба раскулаченных в СССР», увидевшую свет в 2004 г. В ней он впервые поделился мотивами, побудившими стать летописцем трагедии советской деревни: «Книга... завершает

---

[26] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы. Т. 2. Ноябрь 1929 — декабрь 1930 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 2000.

[27] Там же. С. 116—131.

[28] Там же. С. 134—135.

[29] Там же. С. 20.

[30] Там же. С. 16.

цикл моих монографий по истории коллективизации и раскулачивания в конце 1920-х — 1930-х гг. Мой интерес к этой проблематике не случаен. Ещё в детстве, в 1930 г., когда мне шёл восьмой год, я видел ужасную картину раскулачивания и выселения на Север, в Соловки, крестьянских семей одного из районов Центрально-Чернозёмной области, Вейделевского, граничившего с Украиной. Плач детей, слёзы матерей... навсегда врезались в мою детскую память. Не обошло стороной горе и нашу семью. Летом 1930 г., когда шли повальные обыски в городе и деревне, был арестован мой отец Ивницкий А.С., крестьянин-бедняк. Тройка ОГПУ осудила его по ст. 58 Уголовного кодекса РСФСР на три года тюремного заключения "за задержку звонкой монеты" и направила на строительство Беломоро-Балтийского канала. Тогда же была раскулачена и сослана на Соловки семья сестры моей матери с двумя малолетними детьми (четырёх и шести лет). И хотя позднее семья была возвращена из ссылки как неправильно раскулаченная, глава её уже не вернулся, так как погиб в ссылке, а вернувшиеся на родину не получили обратно ни дома, ни конфискованного имущества. Иногда дело доходило до абсурда. Например, наш сосед крестьянин-бедняк был раскулачен и выслан на Север только за то, что у него была фамилия Чарторыйский, хотя никакого отношения к украинским и польским магнатам Чарторыйским он не имел»[31].

В этой монографии на основе широкого круга как опубликованных, так и ранее недоступных материалов (из Центрального архива ФСБ РФ и др.) Ивницкий воссоздал картину «кулацкой ссылки». Это одна из самых трагических страниц в истории деревни. Основными регионами вселения раскулаченных являлись Северный край, Сибирь, Урал, Казахстан и Дальний Восток, засушливые неплодородные степи Северного Кавказа, южной Украины, горные районы Средней Азии. В этих регионах сосланные жили в спецпосёлках и имели статус спецпереселенцев. Их дешёвая рабочая сила использовалась для промышленного и сельскохозяйственного освоения, по существу, безлюдных таёжных и горных районов. Положение ссыльных мало отличалось от положения заключённых, а нередко оказывалось и хуже. Только за два года (1931—1932) численность спецпереселенцев сократилась с 1,8 млн до 1,4 млн (по другим сведениям — 1,3 млн) человек. В целом же свыше 800 тыс. ссыльных умерли от голода и болезней[32]. Книга получила высокую оценку учёных не только России, но и Канады, США, Италии, Великобритании, Австралии, Нидерландов, Дании и других стран.

В 2004 г., когда шла к завершению работа над сборником «Трагедия советской деревни», Николай Алексеевич предложил руководству Российского государственного архива экономики подготовить сборник документов и материалов о налоговой политике в советской деревне в 1928—1937 гг., в период «реконструкции народного хозяйства». Директор архива Е.А. Тюрина поддержала эту идею и сформировала под научным руководством учёного рабочую группу для подготовки сборника к печати. В её состав вошла и сотрудница архива, ученица Ивницкого М.М. Кудюкина.

---

[31] *Ивницкий Н.А.* Судьба раскулаченных в СССР. С. 5.

[32] Там же. С. 111—104; *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). С. 250.

Сборник вышел в 2007 г. под названием «Тянут с мужика последние жилы»[33]. Он дополнил материалы сборников «Трагедия советской деревни» выводом о том, что налоговая политика государства в деревне подчинялась решению задач как экономического, так и социально-политического характера: индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства, «ликвидации кулачества как класса», которые проводились за счёт крестьянства. Сборы и «добровольные платежи» росли из года в год. Особенно это проявилось в едином сельскохозяйственном налоге, к которому были привязаны все прочие. Документы опровергли стереотип о классовом принципе обложения (богатые платили много, середняки — умеренно, а бедняки — мало или не платили совсем). На деле налоговый пресс давил и середняков, для чего расширялись признаки «кулацких» хозяйств. В результате обязательные платежи (сельхозналог, самообложение, страховые платежи, культсбор) составили в 1930 г. 889,1 млн руб., 1931 г. — 1 731,1 млн, 1932 г. — 2 020 млн, а в 1935 г. — 3 566,5 млн руб., т.е. за пять лет возросли почти в 4,5 раза[34]. Это издание — несомненный творческий успех коллектива составителей. Аналогичные работы не появились до настоящего времени ни в России, ни за её пределами.

Ещё одной важной темой в творчестве Николая Алексеевича стал голод 1932—1933 гг. Здесь он — один из наиболее авторитетных исследователей. Как уже отмечалось, историк сам пережил голод на юге Центрально-Чернозёмной области. Тогда, по его воспоминаниям, ему было десять лет, младшему брату — восемь. Оба они опухли от голода, а истощённую мать увезли в больницу... В 1986 г. Украинская студия хроникально-документальных фильмов обратилась к историку с просьбой выступить консультантом научно-документального фильма о голоде — «Горький хлеб надежды». Получив литературный сценарий, Ивницкий одобрил его, высказав ряд фактических замечаний. В начале 1990-х гг. учёный активно выступал по данной теме в печати и на различных конференциях, в том числе международных[35]. Он объяснял причины голода негативными последствиями коллективизации и хлебозаготовок, отрицал его этнический характер, критиковал сторонников идеи о «геноциде голодомором Украины»[36]. В 2003 г. по поручению директора Института российской истории РАН А.Н. Сахарова историк подготовил статью-справку для Министерства иностранных дел РФ об этой общей трагедии народов СССР.

По итогам исследования темы вышла в свет монография, ставшая, по признанию учёного, заключительной в авторской серии по истории советского крестьянства конца 1920-х — начала 1930-х гг.[37] В ней он подвёл своеобразный итог многолетней исследовательской деятельности. Используя материалы документальных серий «Трагедия советской деревни» и «Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД», а также документы, выявленные ранее в архивах,

---

[33] «Тянут с мужика последние жилы...» Налоговая политика в деревне (1928—1937 гг.). Сборник документов и материалов / Сост. Н.Е. Глущенко, Н.А. Ивницкий, М.М. Кудюкина, М.В. Серёгина, Е.В. Харрисон. М., 2007.

[34] Там же. С. 20—21.

[35] См.: Совершенно секретный голод // Московские новости. 1993. 20 июня; *Ivnitskij N.* Il ruolo di Stalin nella carestia degli anni 1932—33 in Ucraina (dai materiali documentary dell' archivio del Cremlino del Comitato central del partito comunista dell' Unione Sovetica e dell' OGPU) // La morte della terra. La grande «carestia» in Ucraina nel 1932—33. Viella, 2004. P. 73—92.

[36] См., например: *Ивницкий Н.А.* Голод 1932—1933 годов: кто виноват? С. 333—363; и др.

[37] *Ивницкий Н.А.* Голод 1932—1933 годов в СССР: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-Чернозёмная область. М., 2009.

Ивницкий углубил и конкретизировал основные положения своей научной концепции коллективизации сельского хозяйства в СССР.

В отличие от предшествующих публикаций здесь он сконцентрировался на региональных особенностях трагедии деревни в начале 1930-х гг. В центре его внимания оказались важнейшие аграрные регионы страны: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье и Центрально-Чернозёмная область. Убедительно показан единый механизм антикрестьянской аграрной политики, которая обусловливалась решением задач форсированной индустриализации за счёт насильственного насаждения колхозов и превращения их в бесперебойный источник поставок хлеба и других ресурсов деревни на нужды государства[38]. Также охарактеризованы масштаб и демографические последствия голода в основных сельскохозяйственных районах СССР. По подсчётам исследователя, жертвами голода стали не менее 7 млн человек[39].

Следует подчеркнуть, что основные выводы монографии — о насильственном и антикрестьянском характере аграрной политики сталинизма, её негативных и трагических последствиях для миллионов советских крестьян и сельского хозяйства в целом — получили подтверждение и дальнейшее развитие в трудах подавляющего большинства российских и зарубежных исследователей[40].

Высокая компетентность Ивницкого признавалась не только российскими, но и зарубежными специалистами. Ведущие научные центры Европы и Северной Америки неоднократно приглашали его на конференции и научные форумы, посвящённые советской истории. Например, в 1997 г. он выступил с докладом в Центре по изучению истории России и Восточной Европы в Торонто (Канада) на тему «Материалы Президентского архива и Архива ФСБ по истории советского крестьянства конца 1920-х — 1930-х гг.». В этом же году по приглашению Американской ассоциации по изучению истории славян он участвовал в работе 29-й национальной конференции в Сиэтле. Его доклад на секции «Раскулачивание: практика и политика» на тему «Раскулачивание, депортация и судьба раскулаченных в СССР (1930-е годы)» вызвал большой интерес. В декабре 1997 г. Ивницкий выступил с докладом на тему «Коллективизация и раскулачивание: источники, историография, итоги» в Институте Кеннана в Вашингтоне.

Перешагнув 90-летний рубеж, Николай Алексеевич выпустил воспоминания — «Трудный путь в науку», которые закончил следующей фразой: «В настоящее время сижу над очередной книгой “Сталинские репрессии в деревне в 1928—1938 гг.” Научная жизнь продолжается»[41]. К сожалению, ему не удалось завершить эту работу. Однако научное наследие замечательного исследователя трагических страниц истории советской деревни всегда будет востребовано поколениями российских и зарубежных специалистов, изучающих феномены коллективизации и сталинизма.

---

[38] Там же. С. 85—190.

[39] Там же. С. 243.

[40] Подробнее об этом см.: *Кондрашин В.В.* Голод 1932—1933 гг.: трагедия российской деревни. Изд. 2, доп. и перераб. М., 2018. С. 21—78.

[41] *Ивницкий Н.А.* Трудный путь в науку... С. 279.

К столетию Валерии Михайловны Селунской (1920—2020)

Мария Зезина, Ирина Кознова, Валентина Рыженко

The Centenary of Valeriya Mikhailovna Selunskaya (1920—2020)

Maria Zezina (Moscow, Russia),
Irina Koznova (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow),
Valentina Ryzhenko (Dostoevsky Omsk State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870012181-0

Все, кто учился и работал на историческом факультете Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова с 1951 до 2005 г., хорошо помнят профессора кафедры истории СССР советского периода Валерию Михайловну Селунскую. С особой благодарностью её вспоминают ученики. За более чем полувековую работу на историческом факультете она подготовила сотни дипломников, под её руководством около 60 человек защитили кандидатские диссертации, а девять учеников стали докторами исторических наук. Добавим к этому, что список её научных трудов включает 150 публикаций, общий объём которых превысил 250 п.л., что она была награждена орденом «Знак Почёта», многочисленными почётными грамотами, стала лауреатом Ломоносовской премии. Однако мы, ученики и коллеги по кафедре, ценили и любили её не только за это, и хотим рассказать, какой она осталась в нашей памяти.

Валерия Михайловна родилась 7 ноября 1920 г. в Нижнем Новгороде. Символично, что день рождения совпал с датой Октябрьской революции — вся её профессиональная жизнь оказалась посвящена изучению и преподаванию советской истории. Школьные годы будущего историка пришлись на время, когда период поисков и экспериментов в системе образования закончился, вводились десятилетка, единые программы, правила внутреннего распорядка. А самое главное, на выбор профессии большое влияние оказало начавшееся в школе преподавание гражданской истории. Валерия Михайловна рассказывала, что интерес к предмету пробудился у неё именно в школьные годы. Она зачитывалась мемуарами деятелей революционного движения, а воспоминания В.Н. Фигнер «Запечатленный труд» стали настольной книгой. Интерес укрепил подарок дяди — собрание сочинений В.О. Ключевского. Как-то раз она обмолвилась, что хотела бы заниматься изучением истории XIX в. Вероятно, с этим желанием Валерия Михайловна и пришла в 1938 г. на исторический факультет Московского университета, восстановленный в 1934 г. и относительно новый. Набор первокурсников на него оказался самым большим — 240 человек, что уж говорить о конкурсе. Как отличнице ей достаточно было пройти собеседование, однако разговор с профессором С.Д. Сказкиным стал серьёзным испытанием.

Обстановка на факультете в ту пору сложилась неспокойная. После процессов над троцкистами, на которых были осуждёны первый руководитель истфака

© 2020 г. М.Р. Зезина, И.Е. Кознова, В.Г. Рыженко

Также использованы материалы Н.Л. Рогалиной и Т.А. Сивохиной.

Г.С. Фридлянд и двое других преподавателей, сменилось несколько деканов. В 1938 г. исполняющим обязанности был назначен профессор И.Д. Удальцов, на следующий год его сменил Н.Д. Старосельцев. Но, несмотря на административную чехарду, преподавание находилось на высоте. Читали лекции и вели семинары Н.М. Дружинин, М.В. Нечкина, В.И. Лебедев, С.В. Бахрушин, С.Д. Сказкин. По словам Валерии Михайловны, особенно ей запомнились лекции профессора А.А. Фёдорова-Давыдова, проходившие в залах Третьяковской галереи. Вовлечению в научную работу способствовали студенческие конференции.

Летом 1941 г., когда был сдан последний экзамен за третий курс, началась война. В сентябре занятия не возобновились, истфак готовился к эвакуации в Ашхабад. Валерия Михайловна решила вернуться на родину в Нижний Новгород (тогда уже г. Горький) и продолжить учёбу на историческом факультете Горьковского государственного педагогического института. В 1944 г. она защитила дипломную работу и получила рекомендацию в аспирантуру. Но по семейным обстоятельствам дальнейшее обучение пришлось отложить. Её муж, инженер-лейтенант Б.А. Селунский, получил назначение на военный завод в Харьковскую обл. Здесь, в школе Балаклеи — маленького города под Харьковом — Валерия Михайловна начала педагогическую деятельность. Было трудно: переполненные классы, занятия в две смены, отсутствие электричества и отопления. Но работа доставляла ей удовольствие — она чувствовала себя нужной детям, пережившим оккупацию, и вспоминала о том времени с теплотой.

В 1947 г. в связи с переводом главы семьи на работу в научно-исследовательский институт Главного артиллерийского управления Селунские переехали в Москву. В 1949 г. Валерия Михайловна поступила в аспирантуру исторического факультета МГУ, а в 1951 г. защитила кандидатскую диссертацию и была оставлена работать на кафедре истории КПСС. Предметом её научных исследований стали вопросы, связанные с историей советского крестьянства в годы коллективизации. Вышли первый лекционный курс, затем монография «Рабочие-двадцатипятитысячники». В 1966 г. она защитила докторскую диссертацию, которая затем также была опубликована («Рабочий класс и Октябрь в деревне». М., 1968). Одновременно она вела преподавательскую работу на факультете, воспитывала детей. Жизнь была напряжённой, особенно с 1959 г., когда, после смерти мужа, Валерии Михайловне пришлось стать главой большой семьи, состоявшей из троих детей, двух бабушек и дедушки. Вспоминая то время, её дочь Наталья Борисовна говорила: «Главным качеством мамы была сила воли. Именно это качество позволило ей противостоять многим испытаниям, выпавшим на её долю, преодолевать личные и семейные трудности. Она всегда сама решала свои внутренние проблемы — домашние и профессиональные, никогда не обременяя ими окружающих»[1].

В 1967 г. профессор Селунская возглавила кафедру истории СССР советского периода[2], сменив доцента С.И. Блинова, который исполнял обязанности заведующего. Сложилась непростая ситуация: многие преподаватели были в возрасте, назначение руководителем молодого профессора, да ещё женщины, восприняли настороженно. Валерия Михайловна тяжело переживала несправедливые нападки, но никогда не опускалась до мелочных дрязг и снисходительно относилась к человеческим слабостям. Помощь оказал В.З. Дробижев,

[1] Из личного архива Т.А. Сивохиной.

[2] В настоящее время кафедра истории России XX—XXI веков.

назначенный её заместителем. Эти два имени стали визитной карточкой кафедры и определяли выбор специализации для многих студентов.

За десять лет работы Валерии Михайловны в должности заведующей состав кафедры существенно обновился за счёт выпускников аспирантуры. Изменилось направление научных исследований. Проблемой, объединившей преподавателей, стало изменение социальной структуры советского общества с октября 1917 г. до конца 1930-х гг. Для советской исторической науки эта проблематика оказалась новаторской. Она требовала внедрения принципов системности и междисциплинарности. На кафедральном методологическом семинаре и в практической работе разрабатывались специфика исторического подхода, его соотношение с методами других наук. Результатами работы кафедры в течение десятилетия стали две коллективные монографии[3], три коллективных тематических сборника и пять индивидуальных работ. Селунская затем продолжила разработку темы хронологически, завершив её в 1987 г. книгой «Социальная структура советского общества. История и современность».

По-новому стал читаться общий курс советской истории. Лекции Селунской подкупали чёткой постановкой темы, ясной формулировкой концепции, мастерством обобщения фактов, эмоциональностью изложения, использованием кинохроники. Это было время, как тогда говорили, «обострения идеологической борьбы», и советские историки усиленно занимались разоблачениями «буржуазных фальсификаций» зарубежных учёных. Валерия Михайловна читала историю советского общества через призму борьбы идей и научных концепций, исподволь вводя студентов в историографическую ситуацию. Каждую тему она начинала с изложения той или иной западной концепции, а затем опровергала её, опираясь на официальную советскую методологию и фактический материал. Конечно, с позиций сегодняшнего дня идеи иностранных авторов, взятые в изложении советских критиков, выглядят упрощёнными, а контраргументы — идеологизированными. Но в 1970-х гг. такой подход стал новаторским. Отличительными чертами этого лекционного курса были системность и железная логика. Яркое впечатление осталось и от кинохроники. Селунская и Дробижев организовали составление каталога кинофрагментов, хранившихся в фильмотеке МГУ, а затем первыми на истфаке стали включать их в лекции.

Валерия Михайловна, несомненно, обладала чувством нового. В первой половине 1970-х гг. по примеру академика И.Д. Ковальченко она увлеклась исторической информатикой применительно к аграрной истории. По субботам аспиранты собирались в её кабинете, обсуждая возможности использования количественных методов в разработке тем своих диссертаций. Она считала, что ученики должны идти дальше и достигать большего, чем учитель. Радовалась за нас, была щедра на похвалы и авансы, а главное — сама являлась примером гармонии «женского» и «учёного».

Валерия Михайловна много сделала для установления научных контактов историков МГУ со специалистами по истории России в странах Восточной Европы. При её активном участии раз в два года проводился семинар специалистов по истории России из университетов ГДР, Болгарии, Чехословакии и Польши, который во многом держался на её личных контактах. В соавторстве с немецкими коллегами был написан учебник по русской истории для студентов Берлинского университета им. Гумбольдта. Сама Селунская неоднократно

[3] См.: Изменение социальной структуры советского общества. Октябрь 1917—1920 гг. М., 1976; Изменение социальной структуры советского общества. 1921 — середина 30-х гг. М., 1979.

читала лекции в университетах Берлина, Лейпцига и Галле, Праги и Брно, выступала на международных форумах — в частности, конгрессе исторических наук в Бухаресте, сессиях экономического конгресса в Копенгагене и Эдинбурге, симпозиуме в Лондоне. Совместную работу с коллегами из университетов соцстран она продолжала и уйдя с поста заведующей кафедрой в 1977 г., оставалась её неформальным лидером.

Валерия Михайловна была человеком своего времени. Она честно и профессионально занималась научной и преподавательской работой в установленных рамках. Но в ней всегда присутствовало то, что выходило за рамки «партийности», «формационности» и прочей идеологической риторики. Ей претили фактографичность и описательность по типу «взгляд и нечто». Во главу угла любого исследования Селунская ставила фундированность и методологический поиск, а также всестороннее и глубокое знание историографии изучаемой проблемы. Вступая в дискуссии, с уважением относилась к своим научным оппонентам. Так, пригласила в студенческий спецсеминар по аграрным проблемам В.П. Данилова — при том, что их взгляды на аграрную историю советского периода не совпадали.

Человек творческий, далёкий от догматизма, она была готова воспринимать новые веяния в исторической науке, пересматривать заскорузлые схемы официальной идеологии. В то же время принадлежала к поколению, пережившему хрущёвскую «оттепель» и брежневские «заморозки», а потому к новым веяниям перестройки отнеслась скептически (хотя, может быть, просто проявляла осторожность). Когда пошёл поток публикаций о «белых пятнах» советской истории, не раз говорила: «Не торопитесь, всё вернётся на свою колею». Для неё важнее были не открывшиеся архивы, не сенсационные публикации, а поиск методологических ориентиров, выработка новых концептуальных подходов.

Валерия Михайловна понимала, что подлинно научный пересмотр устоявшихся взглядов и концепций требует времени. В 1991 г. на Всесоюзной научной конференции «Россия нэповская: политика, экономика, культура» в Новосибирске выступила с докладом, суть которого сводилась к предостережению от чрезмерного увлечения «белыми» и «чёрными пятнами» в историографии доколхозной деревни, к призыву задуматься над теоретико-методологическими проблемами. В 1997 г., выступая на факультетской конференции с докладом «Противоборство “старых” и “новых” стереотипов в освещении российской революции 1917 года», говорила, что интенсивное развитие исторической науки сопровождается «новым витком её идеологизации с помощью реанимации столетней давности стереотипов и идеологизмов»[4].

Диапазон научных интересов Валерии Михайловны был широк, и сама она неоднократно меняла направление исследований, всегда тонко и точно улавливая то, что будет перспективно и востребовано. В 1960—1970-х гг., возглавляя кафедру, она сумела объединить коллектив разработкой истории социальной структуры советского общества. С конца 1980-х гг. стала заниматься историей русской эмиграции (из её семинара вышло немало специалистов в этой области). И всегда для неё оставались принципиально важными проблемы методологии и теории. Селунская читала специальный курс по этой теме, привлекавший много студентов, руководила дипломниками и аспирантами. Она опубликовала ряд статей, посвящённых анализу источников и литературы по истории российской эмиграции в 1920—1930-х гг., выступала с докладами

[4] См.: Вестник Московского университета. Сер. История. 1998. № 5. С. 84.

на международной конференции «Культурная жизнь Российского зарубежья: история и современность» и на Ломоносовских чтениях в МГУ[5].

Валерия Михайловна была неординарным человеком. Дело не только в высоком профессионализме, широте познаний, организаторском таланте. Она была из тех женщин, которые, как писал поэт, «коня на ходу остановит, в горящую избу войдёт». Красивая, статная, всегда выдержанная, уверенная в себе, с внимательным взглядом больших серых глаз. Казалось, она знает ответы на все вопросы и сумеет выстоять в любой ситуации. В ней привлекали внешняя и внутренняя непротиворечивость, несуетная целеустремлённость, внутренняя энергетика и обаяние — то, что сейчас называют харизмой. При громадной занятости у неё хватало времени на то, чтобы читать ведущие журналы по общественным наукам, следить за новинками из области экономики, социологии, философии. Не обделяла она вниманием и многочисленных учеников. Работая со студентами и аспирантами, придавала первостепенное значение методологии, выработке концепции исследования. Общаясь с ней после окончания учёбы, мы продолжали у неё учиться. Честь нести звание ученика профессора Селунской необходимо было заслужить и поддерживать: не останавливаться на достигнутом, двигаться вперёд и выше, осваивать новое. Хотя она не делила учеников по половому признаку, но, думается, в душе радовалась большому числу женщин среди них.

Валерия Михайловна обладала мощным интеллектом, умением обобщить большой и сложный материал, способностью глубоко и системно анализировать не только научные проблемы, но и все явления жизни, выделяя главное. Обращаясь к ней за советами по разным поводам, мы каждый раз убеждались в том, как быстро она схватывает суть проблемы, как легко находит выход, как логически чётко намечает, что нужно сделать. Причём часто речь шла о темах, которыми она специально не занималась. Добросердечность, принципиальность и высокий профессионализм создавали особое «поле притяжения».

В это поле попадали не только ученики и коллеги. Дети уже повзрослели, когда она связала судьбу с профессором юридического факультета МГУ Давидом Львовичем Златопольским. Это была очень красивая пара, счастливый союз, которому могли позавидовать и молодые. В его отношении к ней проявлялись неподдельная любовь и восхищение. В их просторной квартире всегда стояли в вазе живые цветы. «Это Давид», — улыбаясь, говорила Валерия Михайловна.

Ученики разных поколений время от времени собирались за общим столом. Как-то раз Валерия Михайловна предложила, чтобы каждый из нас прочитал любимые стихи. Зазвучали строки Бродского, Твардовского, Коржавина, Пушкина... Мы в разные годы оканчивали университет, жизнь всех разбросала, мы почти не знали друг друга, но в этот момент возникло потрясающее ощущение единства.

Она никогда не жаловалась. С годами подступали болезни, были больницы, операции. Долго болел и Давид Львович. Самоотверженным уходом она

---

[5] См.: *Селунская В.М.* Некоторые актуальные вопросы изучения российского зарубежья первой половины XX века // История Российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX—XX веках. Сборник статей. М., 1996; *Селунская В.М.* Проблема адаптации эмигрантов из России в европейском зарубежье 20—30-х годов XX века (По материалам эмигрантской мемуаристики) // Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX—XX вв. Сборник статей. М., 1997; и др.

его «вытащила» и он вернулся на работу, но потом болезнь взяла своё. В последние годы ей было тяжело ходить. Но напряжённая полнокровная жизнь продолжалась. На столе лежали рукописи, приходили ученики и коллеги, постоянно звонил телефон.

Говорят, что учителя и после ухода из жизни продолжают жить в учениках, а ученики, в свою очередь, передают эстафету следующему поколению. Было неожиданно и приятно через несколько лет после кончины Валерии Михайловны услышать подтверждение этому от одной американской исследовательницы, приехавшей в Москву защищать диссертацию по истории русской диаспоры в Сан-Франциско. Она сказала, что в выработке концепции и структуры исследования ей очень помогли советы А. Ручкина, и добавила: «А он учился у Селунской».

Крупные помещики Российской империи второй половины XVIII в.

Александр Феофанов

Landlords of the Russian Empire in the second half of the 18th century

Aleksandr Feofanov
(Saint Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870012182-1

Историки и социологи не раз обращались к проблеме воспроизводства высшего слоя (элиты) в традиционном обществе[1], представленного прежде всего знатью, земельной аристократией, находившейся в сложных отношениях с формирующейся профессиональной бюрократией. Но несмотря на труды, посвящённые европейскому нобилитету, считается, что пока «практически не существует исторической социологии, в поле зрения которой попадает динамика неравенства среди знати»[2]. И это вполне справедливо по отношению к изучению как европейского дворянства, так и российского благородного сословия XVIII в.

В науке нет единого мнения о роли меритократических и аристократических принципов, а также фаворитизма при формировании правящего класса Российской империи. По мнению Д. Ле Донна, «управленцы высшего ранга в XVIII в. не составляли бюрократии, ибо не существовало формальных правил, регулирующих карьеру в рамках политического аппарата. Продвижение обеспечивал патрон и патронажно-клиентальная связь одного из руководящих семейств». Конечно, «продвижение по службе в армии или карьера в гражданском аппарате также могли вводить индивида в правящий класс, но это лишь оттеняло факт идентификации потомственного дворянства с управленческими и административными позициями»[3]. Б. Михан-Уотерс пришла к выводу, что именно старая московская знать составляла ядро новой российской элиты первой трети XVIII в.[4] Сравнительный анализ аристократии России, Великобритании и Германии провёл Д. Ливен[5], а С.В. Волков обстоятельно

© 2020 г. А.М. Феофанов

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

[1] *Дука А.В.* Теоретические проблемы в исследованиях властных элит // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. XI. 2008. № 1. С. 50—70; *Дука А.В.* Вариантность социологии элит // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. XVIII. 2015. № 4(81). С. 5—23.

[2] *Лахман Р.* Что такое историческая социология? М., 2016. С. 156.

[3] *Ле Донн Д.* Правящий класс России: характерная модель // Международный журнал социальных наук. 1993. № 3. С. 180, 190.

[4] *Meehan-Waters B.* Autocracy and Aristocracy: The Russian Service Elite of 1730. New Brunswick, 1982. Данные исследовательницы скорректированы С.В. Черниковым: *Черников С.В.* Российский генералитет 1725—1730 гг.: численность, национальный и социальный состав // Quaestio Rossica. 2014. № 1. С. 128—143. См. также: *Курукин И.В.* Эпоха «дворских бурь»: очерки истории послепетровской России, 1725—1762 гг. Рязань, 2003.

[5] *Ливен Д.* Аристократия в Европе 1815—1914. СПб., 2000.

обобщил данные об элитах традиционных обществ Европы и Востока, их самовоспроизводстве и взаимосвязи внутри них сословных и функциональных групп[6]. Оба исследователя отмечают высокий уровень стабильности родового состава высшей знати, несмотря на все региональные различия и особенности, проявлявшиеся в разное время и в различных государствах.

Отношениям власти и дворянства в России XVIII в. посвящались сборники и конференции[7], однако до сих пор нет сведений о точном числе крупных землевладельцев, об их фамильной структуре и источниках богатства, а также о преемственности земельной аристократии конца XVII в., 1720—1750-х гг. и екатерининской эпохи. Обширный материал по богатству дворян (заключавшемуся в первую очередь в числе крепостных душ) собрал Е.П. Карнович, но его книга носила скорее популярный, нежели строго научный характер[8]. Ценные наблюдения о крупном землевладении XVIII в. содержатся в трудах В.И. Семевского, Н.Л. Рубинштейна, Л.В. Милова, Я.Е. Водарского, Е.И. Индовой, Н.М. Шепуковой[9]. Но в них речь идёт прежде всего о положении крестьянства, а не о дифференциации дворянского сословия. С.А. Козлов, рассматривая аграрную политику Екатерины II, отметил, что её прагматический характер способствовал устойчивости российского социума[10].

В то же время на основе материалов Генерального межевания рядом историков было изучено помещичье душевладение в отдельных губерниях[11].

---

[6] *Волков С.В.* Элитные группы традиционных обществ. М., 2017.

[7] Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века / Под ред. О.Е. Глаголевой и И. Ширле. М., 2012; Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682—1750) / Сост. Н.Н. Петрухинцев, Л. Эррен. М., 2013.

[8] *Карнович Е.П.* Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1885.

[9] *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. 1. СПб., 1903; *Семевский В.И.* Пожалования населённых имений в царствование Екатерины II: очерк из истории частной земельной собственности в России. СПб., 1906; *Рубинштейн Н.Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957; *Милов Л.В.* Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию. М., 1965; *Водарский Я.Е.* Дворянское землевладение в России в XVII — 1-й половине XVIII в. М., 1988; *Индова Е.И.* К вопросу о дворянской собственности в России в поздний феодальный период // Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. М., 1975. С. 272—292; *Шепукова Н.М.* Об изменении размеров душевладения помещиков Европейской России в первой четверти XVII — первой половине XIX вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963 год. Вильнюс, 1964. С. 388—419; *Шепукова Н.М.* К вопросу о численности барщинных и оброчных помещичьих крестьян Европейской России во 2-й половине XVIII века // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964 год. Кишинёв, 1966. С. 400—408.

[10] *Козлов С.А.* Имперские начала в сельском хозяйстве России в период правления Екатерины II // Российская империя: от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011. С. 463—529.

[11] *Прохоров М.Ф.* Помещичьи крестьяне Московской губернии в третьей четверти XVIII века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1975; *Прохоров М.Ф.* Крепостное крестьянство России в 1750 — начале 1770-х годов. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998; *Киприянова Н.В.* Дворянское землевладение во второй половине XVIII века. (По материалам Владимирской губернии). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1983; *Зудина Л.С.* Дворянское землевладение во второй половине XVIII века. (По материалам Московской, Костромской и Воронежской губерний). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1986; *Крючков В.В.* Рязанское дворянство во второй половине XVIII в. Дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 2000; *Васильева И.В., Минеев Е.К.* Душевладение дворян Казанской губернии в конце XVIII — начале XIX вв. (по материалам Генерального межевания земель) // Вестник Чувашского университета. 2015. № 2. С. 14—21; *Кузнецова Е.И.* Дворянское хозяйство во второй половине XVIII века (по материалам Экономических примечаний к Генеральному межеванию в Тульской губернии). Тула, 2015; *Гончарова Е.В.* Псковское дворянство в XVIII в. Дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2019.

О.А. Шватченко, Е.Н. Бунеевой и С.В. Черникову удалось собрать и проанализировать гигантский эмпирический материал, отражённый в работах, посвящённых различным регионам Российской империи[12]. Однако ещё не проведено обобщающего исследования всей совокупности российских помещиков второй половины XVIII в. или хотя бы высшей страты, включающей самых крупных из них (тех, кто владел более чем тысячей душ). Между тем любопытно проследить в рамках этой группы связь размеров душевладения и чинов, а также преемственность с московской знатью рубежа XVII—XVIII вв.

Сделать это позволяют ведомости о числе помещиков и принадлежавших им душ, составленные провинциальными прокурорами в 1766—1767 гг. и в 1777 г.[13] Они охватывают все провинции Российской империи (отсутствуют сведения лишь по нескольким уездам), за исключением Московской. Поэтому данные о числе крестьян помещиков Московской губ. взяты из ведомости 1787 г., подготовленной для раскладки рекрутской повинности[14]. Также дополнительно использовались «сказки» недорослей, списки чиновников и офицеров, сохранившиеся в Герольдмейстерской конторе Сената[15], формулярные и послужные списки, отложившиеся в фондах гвардейских и армейских полков[16].

Установить генетическую связь помещиков середины XVIII в. с элитой допетровского времени помогают многочисленные справочники с родословными

---

[12] *Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины России в эпоху Петра I. М., 2002; *Черников С.В.* Дворянские имения Центрально-Чернозёмного региона России в первой половине XVIII века. Рязань, 2003; *Черников С.В.* Материалы подушных переписей Ингерманландии 1730—1760-х гг. как источник по землевладению правящей элиты России // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X—XXI вв.: источники и методы исследования. Материалы XXXII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Рязань, 2012. С. 159—168; *Черников С.В.* Власть и собственность: особенности мобилизации земельных владений в Московском уезде в первой половине XVIII века // Cahiers du Monde russe. Vol. 53. 2012. № 1. P. 141—245; *Черников С.В.* Дворянская собственность в России 1700—1762 гг.: родовая структура, динамика, оценка стабильности развития // Cahiers du Monde Russe. Vol. 59. 2018. № 1. P. 37—92; *Бунеева Е.Н.* Эволюция крупного землевладения России второй половины XVIII — первой четверти XIX века: (на материалах поместья графов Бутурлиных). Воронеж, 2005. См. также: *Прохоров М.Ф.* Помещичьи крестьяне XVIII в. в отечественной историографии нового времени // Россия в X—XVIII вв.: проблемы истории и источниковедения. Тезисы докладов и сообщений Вторых чтений, посвящённых памяти А.А. Зимина. Т. 2. М., 1995. С. 456—460.

[13] РГАДА, ф. 248, оп. 109, д. 158; оп. 117, кн. 197, 1464; ф. 264, оп. 2, кн. 37; ф. 400, оп. 4, кн. 2171; Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее — Архив СПбИИ РАН), ф. 226, оп. 1, д. 332; Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее — СПФ АРАН), ф. 30, оп. 2, д. 108—111; Характеристику этих источников см.: *Шепукова Н.М.* Об изменении размеров душевладения...; *Шепукова Н.М.* К вопросу о численности барщинных и оброчных помещичьих крестьян...; *Прохоров М.Ф.* Ведомости о повинностях помещичьих крестьян России 1766—1767 гг. как историко-географический источник // Вспомогательные исторические дисциплины в пространстве гуманитарного знания. Материалы XXI международной научной конференции. М., 2009. С. 297—300.

[14] ЦГА Москвы, ф. 4, оп. 1, д. 4231.

[15] РГАДА, ф. 286, оп. 1, д. 414, 418, 421, 449, 450, 459, 482, 483, 490, 497, 498, 499.

[16] РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 7016, 7020, 7022; ф. 2583, оп. 1, д. 474, 488, 583; ф. 2584, оп. 1, д. 549, 780, 1000; ф. 3543, оп. 1, д. 2950, 2959.

росписями (как общие[17], так и губернские[18]), работы, посвящённые отдельным родам[19] и обобщающие результаты генеалогических исследований российского дворянства[20].

На рубеже XVII—XVIII вв. общее число помещиков (служилых людей «по отечеству», владевших крестьянами) составляло около 22—23 тыс.[21] Среди них выделялось несколько групп чинов: «думные и ближние люди», «царедворцы» (стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы), городовые дворяне и дети боярские. Первые две категории вносились в боярские списки Государева двора. Всего «царедворцев» в начале XVIII в. насчитывалось одномоментно более 8 тыс. человек (в том числе около 1,5 тыс. стольников и около 5 тыс. жиль-

---

[17] *Долгоруков П.В.* Российский родословный сборник. Кн. 1—4. СПб., 1840—1841; *Иванов П.И.* Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853; *Долгоруков П.В.* Российская родословная книга. Ч. 1—4. СПб., 1854—1857; *Петров П.Н.* История родов русского дворянства. Т. 1—2. СПб., 1886; *Руммель В.В., Голубцов В.В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 1—2. СПб., 1886—1887; *Лобанов-Ростовский А.Б.* Русская родословная книга. Т. 1—2. СПб., 1895; *Дурасов В.П.* Родословная книга всероссийского дворянства. СПб., 1906; Дворянские роды Российской империи / Под ред. С.В. Думина. Т. 1—2. СПб., 1993—1995; Т. 3—4. М., 1996—1998; Т. 5. СПб., 2008; *Модзалевский В.Л.* Малороссийский родословник. Т. 1—4. Киев, 1908—1914; Т. 5. Вып. 1—5 / Под ред. В.В. Томазова. Киев; СПб., 1996—2004; Дворянский календарь: справочная родословная книга российского дворянства. Тетрадь 1—18. СПб., 1996—2014; Генеалогический вестник: журнал Творческого объединения Русского генеалогического общества. Вып. 1—56. СПб., 2001—2017.

[18] *Чернявский М.П.* Приложения к генеалогии господ дворян, внесённых в родословную книгу Тверской губернии. Тверь, 1871; *Милорадович Г.А.* Родословная книга черниговского дворянства. Т. 1—2. СПб., 1901; *Яблочков М.Т.* Дворянское сословие Тульской губернии. Т. 1—9. Кн. 1—10. Тула, 1899—1905; *Трегубов М.И.* Алфавитный список дворянских родов Владимирской губернии. С указанием важнейших документов, находящихся в делах о дворянстве разных фамилий Архива Владимирского дворянского депутатского собрания. Владимир, 1905; *Фролов Н.В.* Владимирский родословец. Вып. 1. Ковров, 1996; Смоленское дворянство. Вып. 1—5. М., 1997—2001; Казанское дворянство: 1785—1917 гг. Генеалогический словарь / Сост. Г.А. Двоеносова. Казань, 2001; *Шпиленко Д.П.* Материалы к родословию смоленского дворянства. Вып. 1—3. М., 2009—2014; Родословная книга потомственных дворян Харьковской губернии / Сост. О.С. Гнездило, Л.М. Момот, Л.А. Панасенко, А.Ф. Парамонов, Е.В. Сафонова. Харьков, 2010; *Рындин И.Ж.* Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии. Вып. 1—9. Рязань, 2006—2015; Санкт-Петербургская дворянская родословная книга. Литеры А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, З, И, М, Н, О, Р, У, Х, Ц, Ч, Щ, Э, Ю, Я. СПб., 2000—2017.

[19] *Долгоруков П.В.* Сказания о роде князей Долгоруковых. СПб., 1840; *Юсупов Н.Б.* О роде князей Юсуповых. Ч. 1—2. СПб., 1866—1867; *Долгорукий В.А.* Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские. Ч. 1. СПб., 1869; *Голицын Н.Н.* Материалы для полной родословной росписи князей Голицыных. Киев, 1880; *Лихачёв Н.П.* Новое родословие князей Голицыных. СПб., 1893; *Барсуков А.В.* Родословие Шереметевых. СПб., 1899; *Волконская Е.Г.* Род князей Волконских. СПб., 1900; *Демидов П.А.* Родословная рода Демидовых, их благотворительная деятельность и медали в память их рода. Житомир, 1910; *Веселовский С.Б.* Род и предки А.С. Пушкина в истории. М., 1990; *Краснова Е.И.* Демидовы. Екатеринбург, 1992; *Купцов И.В.* Род Строгановых. Челябинск, 2005; *Розанов С.С.* Потомки казака Розума. В 2 кн. М., 2014; *Борисов И.В.* Князья Путятины. М., 2015.

[20] Российское дворянство: история, генеалогия, геральдика. Каталог редких и ценных изданий из собрания библиотеки РГГУ / Сост. Е.А. Горбунова, О.Н. Наумов, Т.Н. Рыбина. М., 1997; *Рожков Р.С.* Отечественные издания по генеалогии: типология, этапы развития, редакционно-издательская подготовка. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2010; *Наумов О.Н.* Очерки по русской генеалогии. М., 2012; *Краско А.В.* История дворянства Санкт-Петербургской губернии. Краткий библиографический обзор // Балтийский край: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. СПб., 2014. С. 226—233; *Матисон А.В.* Отечественные диссертационные исследования по российской генеалогии (1991—2016 гг.) // Российская генеалогия: научный альманах. 2017. Вып. 2. С. 7—17.

[21] *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII — начале XVIII века. М., 1977. С. 64; *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну. Т. 1. СПб., 2014. С. 349.

цов)[22], к 1720 г. в силу естественной убыли и прекращения пожалований в московские чины их осталось примерно 5,5 тыс.[23] В то же время к концу 1720-х гг. помещиков стало больше в два раза (45—50 тыс.)[24]. К III ревизии (1762—1765) их численность неизвестна, но скорее всего она незначительно увеличилась[25].

Сколько владельцев имели в то время свыше тысячи душ, также неясно. Современные историки относят к ним 1% всех помещиков[26]. Эта оценка восходит к В.И. Семевскому. Он, правда, только отметил, что его выводы о структуре помещичьего душевладения в целом совпадают с выводами П.И. Кёппена, по подсчётам которого доля крупных (более тысячи душ) землевладельцев в 1834 г. составляла как раз 1%[27]. Выписки Семевского из ведомостей 1777 г. Н.Л. Рубинштейн свёл в таблицу, отражавшую численность разных категорий землевладельцев[28]. Из неё следует, что тех, кто владел более чем тысячей душ, было тогда 178 из 18 189 дворян[29], т.е. около 1%. Но эти цифры явно занижены. Во-первых, помещиков в то время было больше как минимум вдвое. Во-вторых, при подсчёте учитывались только собственники, имевшие более тысячи душ в одной провинции 1777 г. Между тем очевидно, что помещик мог владеть тысячами душ, разбросанными по разным провинциям империи, в каждой из которых у него насчитывалось менее тысячи крестьян. Так, А.А. Загряжскому по ведомостям 1777 г. принадлежало 234 души в Вологодской провинции, 533 — в Шацкой и 257 — в Алаторской[30]. По ведомостям 1766 г. за ним же числилось 116 душ в Переславль-Рязанской провинции, 364 — в Тульской, 107 — в Белозерской и 308 — в Симбирской[31]. Но ни по данным Семевского, ни по расчётам, основанным на ведомостях 1766 г., в круг крупных помещиков он не попадает. Именно поэтому представляются неполными и выводы М.Ф. Прохорова, который, опираясь на ведомости 1766—1767 гг., оценивает общую численность помещиков в 40 420 человек, а магнатов, владевших тысячами крестьян, — в 240 (0,6%)[32].

По словам С.В. Черникова, сравнивавшего имения не отдельных лиц, а целых родов, в период III ревизии «перечень крупнейших собственников выглядел следующим образом: кн. Голицыны (108 тыс. душ), Шереметевы (88),

---

[22] См.: *Захаров А.В.* Потёмкинский боярский список 1703 г. и список царедворцев 1721 г.: история создания и особенности публикации (URL: http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl?action=a170321); *Захаров А.В.* Неизвестная подлинная копия боярского списка 1714 г. // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 23(161). С. 144—150.

[23] *Захаров А.В.* Грамотность «царедворцев» в эпоху Петра I // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2016. Вып. 4(35). С. 24—33. В 1720 г. стольников числилось 920, стряпчих — 564, дворян московских — 503.

[24] *Водарский Я.Е.* Население России... С. 64; *Шепукова Н.М.* Об изменении размеров душевладения... С. 390—391.

[25] В 1782 г. в губерниях Центральной России проживали 54 535 дворян (не считая женщин), а в 1816 г. только потомственных дворян там находилось 50 680. Точное число помещиков неизвестно. См.: *Кабузан В.М., Троицкий С.М.* Изменения в численности, удельном весе и размещении дворянства в России в 1782—1858 гг. // История СССР. 1971. № 4. С. 162—164.

[26] *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну. Т. 1. С. 349; *Ведюшкин В.А., Корелин А.П., Марасинова Е.Н., Назаров В.Д.* Дворянство // Большая российская энциклопедия. Т. 8. М., 2007. С. 385.

[27] *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II... С. 32.

[28] Выписки сохранились в фонде В.И. Семевского: АРАН, ф. 489, оп. 1, д. 259.

[29] *Рубинштейн Н.Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957. С. 27.

[30] СПФ АРАН, ф. 30, оп. 2, д. 109, л. 24, 32 об.; д. 110, л. 135 об.; д. 111, л. 43 об.

[31] РГАДА, ф. 248, оп. 109, д. 158, л. 138 об., 483 об., 1022 об.; оп. 117, д. 197, л. 277 об.

[32] *Прохоров М.Ф.* Крепостное крестьянство России... С. 132, 769.

Строгановы (65), кн. Долгоруковы (51), Салтыковы (49), Нарышкины (41), Лопухины (29), Головины (28), гр. Разумовские (27), Головкины (24)»[33]. Между тем никто из князей Долгоруковых, Салтыковых, Лопухиных и Головиных не владел лично 10 тыс. душ. Во вторую десятку самых богатых фамилий Черников включил князей Грузинских, дворян и графов Апраксиных, князей Трубецких, графов Воронцовых, Бутурлиных, принца Голштейн-Бека, Хитрово, Демидовых, графов Мусиных-Пушкиных и Наумовых. Однако гр. Я.А. Брюс, В.А. Всеволожский, кн. Б.А. Куракин, светлейшие князья Г.Г. Орлов и Г.А. Потёмкин, гр. П.А. Румянцев, кн. Б.Г. Шаховской превосходили богатством каждого из Апраксиных, Бутурлиных, Хитрово, Демидовых, Мусиных-Пушкиных и Наумовых.

Всего на основе анализа ведомостей 1766 и 1777 гг., а также дополняющих их материалов выявлено 514 крупных помещиков, которым принадлежало более тысячи душ. Из них 23 обладали более чем 10 тыс. душ. У 16 из этих 23 человек отцы и деды служили по спискам Государева двора, причём у 11 — в думных чинах. Кстати, а у 9 из этих 11, за исключением гвардии капитан-поручика кн. Д.Ю. Трубецкого и полковника кн. Б.Г. Шаховского[34], они носили генеральские чины. В думных чинах состояли предки действительного тайного советника гр. Г.И. Головкина (внука канцлера), гофмейстера кн. Б.А. Куракина (сына обер-шталмейстера), братьев Нарышкиных — обер-шенка Александра и обер-шталмейстера Льва Александровичей, генерал-аншефа гр. П.Б. Шереметева (сына генерал-фельдмаршала), камергера М.М. Голицына (сына генерал-адмирала) и троих сыновей «верховника», генерал-фельдмаршала кн. М.М. Голицына — действительного тайного советника кн. Д.М. Голицына, генерал-аншефа Н.М. Голицына и генерал-майора кн. Ан.М. Голицына. В чинах стольников и стряпчих по московскому списку служили предки генерал-фельдмаршала гр. П.А. Румянцева, генерал-аншефа гр. Р.И. Воронцова, тайного советника В.А. Всеволожского и светлейших князей Г.Г. Орлова и Г.А. Потёмкина (оба фаворита принадлежали к семьям, владевшим прежде сотнями душ). Трое крупных душевладельцев являлись потомками иноземцев — грузинский царевич Георгий Вахтангович, дальний родственник Петра III генерал-фельдмаршал принц П.А.Ф. Голштейн-Бек и генерал-поручик гр. Я.А. Брюс (с 1773 г. — генерал-аншеф), сын генерал-поручика русской службы. Граф А.С. Строганов был сыном камергера и внуком «именитого человека». Крупнейшими помещиками стали и дети казака Григория Розума — фаворит Елизаветы Петровны Алексей и Кирилл (оба — генерал-фельдмаршалы), а также сын Кирилла Алексей. Но ни одного представителя потомков мелкого городового дворянства, детей боярских, чьи предки не служили бы по московскому списку, среди владельцев более 10 тыс. душ не оказалось.

46 помещиков имели от 5 до 10 тыс. душ крестьян. Предки 30 из них служили по списку Государева двора, 19 носили думные чины. Среди их потомков — генерал-фельдмаршалы гр. А.Б. Бутурлин и кн. Ал.М. Голицын (сын «верховника»), действительные тайные советники кн. А.Д. Голицын (также сын «верховника») и гр. А.Г. Головкин (сын канцлера), адмирал А.И. Головин (сын адмирала), генерал-аншефы кн. В.М. Долгоруков (сын ещё одного «верховника»), С.К. Нарышкин (сын последнего кравчего) и гр. И.П. Салтыков (сын генерал-фельдмаршала), генерал-поручики гр. В.П. Мусин-Пушкин и

[33] *Черников С.В.* Дворянская собственность в России... Р. 56.

[34] Шаховской стал бригадиром в 1779 г., а в 1793 г. получил чин генерал-поручика.

кн. Ю.Н. Трубецкой (сын генерал-фельдмаршала), генерал-майоры кн. А.Б. Голицын (сын адмирала), кн. Н.В. Репнин, кн. И.С. Барятинский (зять принца Голштейн-Бека, получивший богатое приданое), камергер Н.А. Головин, камер-юнкер кн. Н.А. Голицын, статский советник М.Г. Сабакин (Собакин), гвардии капитан-поручик гр. Ф.А. Апраксин[35], гвардии ротмистр кн. И.И. Лобанов-Ростовский, коллежский советник В.Ф. Шереметев. Наследниками служивших по московскому списку жильцов, стряпчих и стольников были канцлер гр. М.И. Воронцов, генерал-фельдмаршалы графы З.Г. Чернышёв и А.И. Шувалов, генерал-аншеф гр. А.Г. Орлов, действительные тайные советники кн. С.В. Гагарин и гр. П.Г. Чернышёв, тайный советник гр. А.П. Шувалов, камер-юнкер кн. Н.Б. Юсупов, полковник С.И. Тевяшов и его полный тёзка и племянник бригадир, гвардии капитан С.С. Апраксин. Иностранную знать представляли дети молдавского господаря князья М.Д. и С.Д. Кантемиры.

Лишь 14 человек не могли похвастаться родовитостью. Это дети сподвижников Петра I — граф С.П. Ягужинский, родственники Екатерины I — графы И.С. Гендриков и М.К. и П.М. Скавронские, два барона Строгановы, четверо Демидовых, выходцы из казацкой старшины А.А. и С.И. Кондратьевы, выбившийся из крестьян фабрикант К.М. Матвеев и заводовладелец И.П. Осокин (сын купца и внук крепостного). Таким образом, за исключением двух казаков и нескольких предпринимателей, принципиальной разницы между владельцами более 5 тыс. душ и теми, у кого их было свыше 10 тыс., не существовало. В этой социальной группе преобладали потомки московской служилой знати, царские родственники и фавориты.

Но и среди помещиков, располагавших от одной до пяти тысяч душ, большинство составляли те, чьи предки служили по списку Государева двора (292 из 445 человек), причём у 142 помещиков (32%) они числились в думных и высших придворных чинах (см. табл. 1). На втором месте — те, кто происходил из мелкого служилого дворянства, детей боярских и смоленской шляхты. В этом — резкое отличие от группы крупнейших душевладельцев, в которой таковых не было совсем. При этом потомков иноземцев, малороссийской старшины, выходцев из приказных и податных сословий насчитывалось практически столько же, сколько и представителей рядового дворянства, не служившего по московскому списку.

153 помещика, владевших до 5 тыс. душ, не имели предков, служивших по московскому списку (см. табл. 2). Потомками иноземцев среди них были родившиеся уже в империи остзейские дворяне (генерал-аншеф барон Н.А. Корф, генерал-поручик и сын генерал-поручика П.Ф. Балк, его сын камергер Ф.П. Балк-Полев), дети лиц, принявших российское подданство (сын статского советника, выходца из Польши, Ф.И. Вадковский, сын вице-президента Юстиц-коллегии Ф.С. Вольф, сын генерал-аншефа П.А. Девиер, дети кабинет-министра графы И.А. и Ф.А. Остерманы, сыновья полковника «молдавской нации» И.В. и Н.В. Бедряги), а также поступившие на службу и достигшие генеральских чинов А.И. де Брессан, А.П. Ганнибал, К.Е. Сиверс, И.С. Хорват-Куртич и лейб-медик К.Ф. Крузе, сын племянника Екатерины I гр. А.М. Ефимовский и сын поставщика Императорского двора М.Л. Лазарев.

[35] Сын придворного шута, получившего эту должность в наказание за переход в католическую веру, с 1784 г. бригадир.

Таблица 1

Происхождение крупных помещиков 1760—1780-х гг.

	От 1 до 5 тыс. душ		Более 5 тыс. душ		Всего	
	число	%	число	%	число	%
Из думных чинов и ближних людей	142	27,6	30	5,8	172	33,4
Из царедворцев	150	29,2	16	3,1	166	32,3
Из рядового дворянства	79	15,4	0	0	79	15,4
Прочие	74	14,4	23	4,5	97	18,9
Всего	**445**	**86,6**	**69**	**13,4**	**514**	**100**

Составлено по: РГАДА, ф. 248, оп. 109, д. 158; оп. 117, кн. 197, 1464; ф. 264, оп. 2, кн. 37; ф. 286, оп. 1, д. 414, 418, 421, 449, 450, 459, 482, 483, 490, 497, 498, 499; ф. 400, оп. 4, кн. 2171; Архив СПбИИ РАН, ф. 226, оп. 1, д. 332; СПФ АРАН, ф. 30, оп. 2, д. 108—111; РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 7016, 7020, 7022; ф. 2583, оп. 1, д. 474, 488, 583; ф. 2584, оп. 1, д. 549, 780, 1000; ф. 3543, оп. 1, д. 2950, 2959; полнотекстовая информационно-поисковая система А.В. Захарова «Боярские списки XVIII века» (URL: http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl).

Таблица 2

Происхождение владельцев от 1 до 5 тыс. душ, чьи предки не принадлежали к московской знати

	Дети генералов		Прочие		Всего	
	число	%	число	%	число	%
Из дворян и смоленской шляхты	17	11,1	62	40,5	79	51,6
Из малороссийской старшины	1	0,7	21	13,7	22	14,4
Из иноземцев	7	4,5	19	11,8	26	16,3
Из купцов и посадских	0	0	12	7,8	12	7,8
Из приказных	2	1,3	3	2	5	3,3
Прочие	1	0,7	8	5,9	9	6,6
Всего	**28**	**18,3**	**125**	**81,7**	**153**	**100**

Составлено по: см. примеч. к табл. 1.

Особо следует отметить потомков тех представителей «владетельных родов», которые принимали российское подданство в XVIII в. Это внук молдавского господаря кн. М.М. Кантакузин и сын генерал-поручика полковник кн. Д.К. Кантемир, братья князья А.А. и А.А. Бековичи-Черкасские (полковник и бригадир), сын калмыцкого хана кн. И.Ф. Дондуков, сын владетельного князя Мингрелии царевич Е.Л. Дадиани и его сын кн. П.Е. Дадиани, дети картлийского царя — грузинские царевичи Александр и Леон Бакаровичи. Двое отцов крупных помещиков носили генеральский чин, но, будучи недворянского происхождения, начали свою службу подьячими (барон И.А. Черкасов

и П.В. Курбатов). Детьми приказных были Д.В. Волков, А.С. Кандалаев и И.О. Пуговишников.

338 крупных помещиков (66%) имели предками служилых людей Государева двора, в том числе 166 служили по московскому списку (жильцов, московских дворян, стольников, стряпчих, дьяков), а у 172 (33%) отцы и деды служили в высших чинах, обозначавшихся как «думные и ближние люди» (боярин, окольничий, комнатный стольник, спальник, кравчий, постельничий, стряпчий с ключом, думный дьяк, думный дворянин).

Из всех крупных душевладельцев 257 человек (50%) носили в 1760—1780-е гг. генеральский чин (I—V класса по Табели о рангах)[36]. Среди владельцев более 5 тыс. душ 77% (53 человека из 69) являлись генералами. В ряду крупных помещиков — представителей военного, статского и придворного генералитета — таких крупнейших собственников насчитывался 21% (53 человека из 257), тогда как они составляли всего лишь 13% (69 из 514) всех крупных помещиков, доля же магнатов, не имевших генеральского чина, ещё меньше — 6% (16 из 257). Тем самым видна прямая зависимость размера доли крупнейших душевладельцев в группах помещиков, разбитых по классам Табели о рангах: чем выше чин, который они носили, тем выше доля.

Таблица 3

Происхождение крупных помещиков 1760—1780-х гг.

	Генералы		Прочие		Всего	
	число (из них детей генералов)	%	число (из них детей генералов)	%	число (из них детей генералов)	%
Из думных чинов и ближних людей	91 (56)	17,7	81 (51)	15,8	172 (107)	33,5
Из царедворцев	83 (41)	16,2	83 (24)	16,1	166 (65)	32,3
Прочие	83 (25)	16,1	93 (10)	18,1	176 (35)	34,2
Всего	**257**	**50**	**257**	**50**	**514**	**100**

Составлено по: см. примеч. к табл. 1. Также использовались: Список находящимся в штате при войске, в полках гвардии и в артиллерии генералитету и штаб-офицерам на 1767 год. СПб., 1767; Список находящимся у статских дел на 1767. СПб., 1767; Список Воинскому департаменту на 1776 год. СПб., 1776; Список находящимся в статской службе на 1777 год. СПб., 1777.

Всего к началу 1766 г. в службе числилось 417 генералов, или 313, если не считать остзейцев и иностранцев[37]. 118 (38%) из них владели более чем тысячей душ. Ещё у 45 (14%) было свыше 500 душ. 80 носили чин I—III класса. Из них 58 (72,5%) господствовали над более чем тысячей крестьян. Из 34 генералов первых двух классов только четверо имели менее тысячи душ (Ф.М. Воейков, И.И. Костюрин, С.И. Мордвинов, А.А. Ржевский), при этом Мордвинов и Ржевский располагали более чем 500 душами каждый.

[36] См. табл. 3.

[37] Подсчитано по: Список находящимся в штате при войске, в полках гвардии и в артиллерии генералитету и штаб-офицерам. СПб., 1767; Список находящимся у статских дел господам сенаторам, обер-прокурорам, и всем присудствующим в коллегиях, канцеляриях, конторах, губерниях, провинциях и городах. СПб., 1767.

В 1777 г. служили 529 генералов, или 393 без остзейцев и иностранцев[38]. 140 из 393 (36%) были владельцами более тысячи душ, 52 (13%) — более 500. У 62 из 104 генералов первых трёх классов (60%) имелось более тысячи душ, у 20 (19%) — более 500. При этом из 32 генералов первых двух классов только у М.А. Деденева и С.И. Мордвинова оказалось менее тысячи душ, а менее 500 не было ни у кого. Это наглядно свидетельствует о сопряжённости высших чинов и размеров крупного душевладения.

Детьми генералов были 207 человек из 514 крупных помещиков. У 65 из этих 207 отцы и деды служили по московскому списку, у 107 — в думных чинах. Таким образом, чуть более половины генералов — отцов крупных помещиков являлись потомками старой элиты. 35 генеральских детей не принадлежали к знатным родам. Это дети и внуки сподвижников Петра I (светлейший князь А.А. Меншиков, А.В. и П.М. Олсуфьевы, графы И.А. и Ф.А. Остерманы, гр. С.П. Ягужинский, П.Ф. Балк, Ф.П. Балк-Полев, гр. Я.А. Брюс, А.И. Бибиков, Ф.С. Вольф, П.А. Девиер, П.П. Курбатов, И.И. Муханов, Н.И. Неплюев, А.Н. и С.Н. Сенявины, А.И. Черкасов, П.С. Хлопов), внучатый племянник Екатерины I гр. П.М. Скавронский, племянник фаворита Елизаветы Петровны гр. А.К. Разумовский, сын другого её любимца И.А. Шубин, приближённый Петра III А.В. Гудович, участники переворота 1762 г. Ф.И. Вадковский и П.Б. Пассек. Отцы М.Я. Маслова, И.В. Несвицкого и П.И. Орлова достигли генеральских чинов при Елизавете. Сын статского советника из городовых дворян Н.Ф. Голубцов своим состоянием был обязан женитьбе на дочери помещика М.И. Дубровского, малороссийский шляхтич А.А. Дунин разбогател, женившись на дочери П.А. Девиера, П.В. Нечаев — на княжне М.Н. Хованской, П.А. Щербинин — на внучке и наследнице Ф.Г. Донца-Захаржевского. Деловая хватка именитого человека Г.Д. Строганова обеспечила его внуков — гр. А.С. Строганова и баронов А.Н. и Г.Н. Строгановых.

166 из 307 крупных помещиков, чьи отцы не стали генералами, имели предков, служивших по спискам Государева двора, у 65 (21%) они состояли в думных чинах. Только у 141 из 514 (28%) не было ни отцов-генералов, ни предков из царедворцев XVII в. Из них 58 сами достигли генеральских чинов. За вычетом владельцев, имевших более 5 тыс. душ, таковых было 50 человек[39].

Если рассмотреть не персональный, а пофамильный состав крупных помещиков, то видно, что все 514 душевладельцев принадлежали к 280 родам.

[38] Подсчитано по: Список Воинскому департаменту на 1776 год. СПб., 1776; Список находящимся в статской службе на 1777 год. СПб., 1777; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1777. СПб., 1777; Список состоящим во флотах и баталионах господам флагманам, штаб- и обер-офицерам. 1778 (РГА ВМФ, ф. 1089, оп. 1, д. 22, л. 1—2 об.).

[39] Адмирал Г.А. Спиридов, генерал-аншефы А.П. Ганнибал, А.И. Глебов, гр. А.М. Ефимовский, барон Н.А. Корф, В.Е. Скворцов, В.И. Суворов, В.И. Чулков, действительные тайные советники И.И. Бецкой, Я.А. Маслов, И.И. Неплюев, обер-церемониймейстер М.Ф. Кашталинский, обер-гофмаршал гр. К.Е. Сиверс, генерал-поручики П.С. Ивашев, М.Е. Ласунский, Д.А. Мерлин, Л.Я. Овцын, П.М. Ржевский, А.А. и И.В. Ступишины, И.С. Хорват-Куртич, А.Я. Шубин, И.И. Шувалов, Е.А. Щербинин, тайные советники В.Е. Адодуров, Д.В. Волков, И.П. Елагин, С.В. Кочубей, И.О. Пуговишников, генерал-майоры М.Д. Вындомский, Е.Л. Дадиани, Е.М. Замятнин, М.О. Осипов, С.В. Поздеев, И.А. Потапов, В.И. Разумовский, П.С. Свиньин, А.С. Станкевич, действительные статские советники А.И. де Брессан, Я.М. Евреинов, кн. М.М. Кантакузин, И.Н. Тютчев, камергер В.Г. Шкурин, камер-юнкер М.Е. Баскаков, бригадиры М.Ф. Дубянский, кн. И.Ф. Дондуков, С.Е. Карнович, кн. А.А. Бекович-Черкасский, статские советники А.Н. Дубенский и В.В. Кочубей.

На первом месте по числу представителей — князья Голицыны (27 человек), на втором — князья Долгоруковы (15), на третьем — Демидовы (10), на четвёртом — Лопухины и князья Трубецкие (по 8). Далее следовали Апраксины (7), по 5—6 из князей Волконских, Хованских, Шаховских, дворян и графов Головиных, Толстых, Челищевых, Шереметевых, Щербатовых.

150 фамилий (54%) числились по списку Государева двора, 47 (17%) встречаются среди «ближних и думных людей». В XVIII в. их носили такие крупнейшие помещики, имевшие от 5 тыс. душ и выше, как князья Голицыны, Барятинские, Долгоруковы, Куракины, Лобановы-Ростовские, Трубецкие и Шаховские; графы Апраксины, Бутурлины, Головкины, Мусины-Пушкины, Салтыковы, Шереметевы; дворяне Головины, Нарышкины, Репнины, Собакины. В стольниках и стряпчих можно обнаружить предков князей Юсуповых и Гагариных, графов Воронцовых, Румянцевых, Шуваловых, светлейших князей и дворян Орловых, Потёмкиных, Всеволожских, Тевяшовых и Чернышёвых.

В думных и ближних чинах состояли также князья Волконские, Егупово-Черкасские, Жировые-Засекины, Козловские, Одоевские, Прозоровские, Хованские, Черкасские, Щербатовы; графы Панины и Толстые; дворяне Голохвастовы, Грушецкие, Дурново, Еропкины, Измайловы, Лодыженские, Лопухины, Матюшкины, Милославские, Нелединские-Мелецкие, Неплюевы, Ртищевы, Савёловы, Соковнины, Стрешневы, Сумароковы, Татищевы, Хитрово, Яковлевы. По московскому списку служили представители князей Белосельских, Вадбольских, Вяземских, Горчаковых, Дашковых, Друцких, Касаткиных-Ростовских, Кильдишевых, Кольцовых-Мосальских, Мещерских, Несвицких, Похвисневых, Путятиных, Тюфякиных; графов Бестужевых-Рюминых и ещё 78 дворянских фамилий[40]. У их потомков в 1760—1780-х гг. было от 1 до 5 тыс. душ.

Характерно, что список дворовладельцев 1696 г.[41] включал 76 человек, за которыми числилось более 500 дворов. Все они, за исключением стольника Б.И. Бутурлина (сын боярина и отец генерал-фельдмаршала), были в думных чинах. К 1766 г. потомство по мужской линии осталось лишь у 36. Оно насчитывало 100 помещиков[42]. Из них только 29 по сохранившимся неполным данным III ревизии не имели тысячи душ (но многие владели более чем 500 душами). Тогда как свыше 70% прямых наследников крупных вотчинников Московского государства и в послепетровское время выступали в роли богатейших душевладельцев.

Представленные цифры наглядно показывают преемственность элиты XVII—XVIII вв., удерживавшей свои позиции, несмотря на все «дворские бури», и часто подкреплявшей их высокими чинами.

---

[40] Аблязовы, Анненковы, Аргамаковы, Архаровы, Бахметевы, Безобразовы, Беклемишевы, Бобрищевы-Пушкины, Богдановы, Болтины, Васильчиковы, Воейковы, Волынские, Глебовы, Грибоедовы, Гурьевы, Денисьевы, Дмитриевы-Мамоновы, Евлашевы, Желябужские, Жеребцовы, Жолобовы, Загряжские, Зиновьевы, Зотовы, Игнатьевы, Исленьевы, Каменские, Камынины, Карсаковы, Киселёвы, Кожины, Кокошкины, Колычёвы, Коробьины, Косаговы, Кошелёвы, Кречетниковы, Лачиновы, Левашёвы, Леонтьевы, Лихаревы, Ляпуновы, Майковы, Мансуровы, Мацневы, Мельгуновы, Молоствовы, Нармоцкие (Нармацкие), Наумовы, Новосильцевы, Опочинины, Пашковы, Петрово-Солововы, Племянниковы, Плещеевы, Полянские, Протасовы, Пушкины, Радищевы, Рославлевы, Ржевские, Самойловы, Суморoцкие, Сухово-Кобылины, Тютчевы, Ушаковы, Хвостовы, Чебышевы, Челищевы, Чертковы, Чирковы, Чихачёвы, Чичерины, Шепелевы, Шидловские, Щепотьевы, Юшковы.

[41] *Елагин С.И.* История русского флота. Период азовский. Приложения. Ч. 1. СПб., 1864. С. 181—202.

[42] Подсчитано по генеалогическим справочникам, указанным в примеч. 17—20.

Реформа горнозаводской промышленности Российской империи в начале XIX в.: особенности правового оформления и институционального обеспечения

Вячеслав Манин

The reform of the mining industry in the Russian Empire in the beginning of the 19th century: legal peculiarities and institutional implementation

Vyacheslav Manin
(Surgut State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870012184-3

В первой половине XVIII в. значительную роль в экономической жизни Российской империи играла горнозаводская промышленность. Её быстрый рост происходил при активном вмешательстве государства не только в правовое регулирование зарождавшейся металлургией и опеку над ней, активно шло и собственное заводское строительство. Однако затем, вплоть до второй четверти XIX в., происходила стагнация данной отрасли промышленного производства.

Изменения системы её управления в правление Екатерины II (1762—1796) во многом обусловливались как концепцией административно-территориальной губернской реформы, так и общим изменением взглядов на утратившую эффективность систему отраслевого управления государства, созданную в ходе коллежской реформы Петра I.

Но преобразования начались во многом благодаря поддержанной и выраженной Екатериной II в «Наказе» (1767) идеологии эпохи Просвещения. В основе этой идеологемы лежала концепция «законной монархии», согласно которой императрица предстояла как инициатор и идейный вдохновитель всеобъемлющей правовой реформы, способной установить близкий к идеалу правовой порядок[1]. Но реальные изменения в стране также зависели от соотношения социальных сил. Отказ России от политики меркантилизма и переход к более открытому российскому рынку во многом определялся константой правительства Екатерины II. В ходе проводившихся им преобразований не всегда совпадали интересы дворянства (в основе экономического положения которого были аграрный сектор и связанная с ним система традиционных ценностей) и представителей отечественной промышленности[2]. На её развитии негативно

© 2020 г. В.А. Манин

[1] В этих стремлениях Екатерина II была не одинока, весомое тому подтверждение — деятельность Иосифа II в Австрии и Фридриха Великого в Пруссии. Вопрос в том, насколько эти идеи могли превратиться в правовую реальность? «Общее уложение для прусских провинций» — громоздкое, состоящее из 19 160 параграфов (его кодификация заняла почти 40 лет и потребовала огромных усилий лучших германских юристов), так и не стало удачным примером законодательного искусства (*Аннерс Э.* История европейского права. М., 1996. С. 243—244).

[2] *Андерс Ф.* Классовая борьба и протоиндустриализация (Борьба за контроль над производством в железодобывающих районах Норы и Линда в Швеции в XVII—XVIII вв.) // Металлургические заводы и крестьянство. Проблемы социальной организации промышленности России и Швеции в раннеиндустриальный период. Сборник научных трудов. Екатеринбург, 1992. С. 12.

сказались попытка перехода во многом на территориальную систему управления и закрытие соответствующих центральных ведомств, в частности Берг-коллегии[3].

Реорганизацию проводили, исходя из примера европейской системы управления (как во Франции или отдельных германских государствах), со значительной долей унификации. Эффективность этой модели руководства промышленностью в 1760—1790 гг. оказалась проблематичной, поскольку не учитывались характерные для Российской империи природно-географические особенности и иные факторы, влиявшие на управление горной отраслью. При этом основой организационной структуры горнозаводской отрасли являлся не завод как таковой, а многопрофильное хозяйство, объединяющее целый ряд производств, например добычу полезных ископаемых, металлургию и металлообработку, заготовку топлива. Они, как правило, в европейских странах были традиционны и функционировали как отдельные отрасли промышленности[4].

В историографии развития горнозаводской промышленности утвердилось мнение, что решающую роль в области её законодательства и управления сыграло стремление Павла I отменить все нововведения матери[5]. Это утверждение, на мой взгляд, спорное. Как быстро этот институт был восстановлен и начал функционировать, доказывает, что власть просто отказывалась от некоторых неудачных нововведений Екатерины II[6]. Об этом свидетельствует и восстановление штатов новой Берг-коллегии по образцу 1763 г.[7], а её самой — по состоянию до 1775 г. (т.е. до губернской реформы, изменившей систему управления горной отраслью). При этом передача Берг-коллегии губернских экспедиций или учреждение при ней экспедиции для решения старых дел[8] и другие подобные мероприятия[9], в том числе восстановление старой Канцелярии Главного правления заводов[10], — слабое основание для будущего реформаторства. Вернуться же к старой системе было достаточно просто — ведомство возглавляли люди, служившие там накануне екатерининских преобразований. Между тем новая власть не решилась восстановить горную регалию[11] — один из

---

[3] *Манин В.А.* «Законная монархия» Екатерины II и горное законодательство Российской империи // Гражданское общество и правовое государство как факторы модернизации Российской правовой системы. Материалы международной научно-практической конференции 11—12 декабря 2009 г. Ч. I. СПб., 2009. С. 282—286.

[4] Россия в XVII — начале XX в.: региональные аспекты модернизации. Екатеринбург, 2006. С. 194.

[5] *Зубков К.И., Корепанов И.С., Побережников И.В., Тулисов Е.С.* Территориально-экономическое управление в России в XVIII — начале XX века. Уральское горное управление. М., 2008. С. 130.

[6] ПСЗ-I. Т. 24. № 17567. С. 9; № 17676.

[7] В 1763 г. Екатерина II пыталась усилить центральное горное управление с помощью увеличения штата, который стал наиболее многочисленным за весь предшествующий период: Берг-коллегия — до 37, её московская контора — до 18 человек.

[8] ПСЗ-I. Т. 24. № 17658.

[9] Там же. № 17567.

[10] Высочайше утверждённые доклады и другие сведения о новом образовании горного начальства и управлении горных заводов. СПб., 1807. С. 69—71; *Тулисов Е.С.* История управления горнозаводской промышленностью Урала на рубеже XVIII и XIX веков. Екатеринбург, 1999. С. 63.

[11] Регалии в средневековой Европе означали королевские привилегии на получение доходов от добычи полезных ископаемых. Привилегии устанавливались независимо от того, кто и на каких основаниях на земле суверена владел земельными участками с месторождениями полезных ископаемых. Распоряжаясь недрами путём предоставления регалий, суверены получали возможность объявлять промысел полезных ископаемых свободным, т.е. допускающим право каждого искать их на любых землях. В случае открытия месторождения первооткрывателю предоставлялось право по-

основных принципов деятельности отрасли начиная от берг-привилегии 1719 г. и до отказа от неё в Жалованной грамоте дворянству 1782 г.

Павел I предложил лицам, вступающим в руководство центральными ведомствами страны, представить программы будущих преобразований, в том числе и в горной промышленности. Записку, содержавшую программу таких реформ, из-за происходившей на тот момент смены руководителя Берг-коллегии составил её вице-президент А.А. Мусин-Пушкин. На более чем 30 листах он дал развёрнутую характеристику состояния горнозаводской отрасли и предугадал многие направления реформирования этой важнейшей для России сферы экономики[12].

Одной из причин её упадка автор назвал алчность частных промышленников и государственных управителей. Так, при Екатерине II[13] хозяевами заводов становились люди, не обладавшие необходимыми знаниями и тем более моральными основами, которые могли бы принести пользу порученному им делу[14].

Мусин-Пушкин считал, что частным владельцам необоснованно предоставлялись многочисленные льготы, за их доходами и расходами, а также при наделении их недрами и рабочей силой (прежде всего приписными крестьянами) был установлен слабый контроль со стороны российских центральных ведомств[15]. Это не стимулировало, как в Западной Европе, регулярного внедрения в отрасли технологических новшеств. К упадку горной промышленности неизбежно вели дешевизна земли и леса, фактическое уравнение статусов приписных и находившихся при заводах крепостных, а также оценка деятельности управителей только по критерию прибыли[16].

Отмечу, что технологической стороне отрасли и управлению на уровне отдельного рудника или предприятия в проекте уделено больше внимания, чем реформированию Берг-коллегии. Видимо, Мусину-Пушкину были хорошо известны основы её деятельности — административный прецедент (вобравший опыт функционирования горной промышленности в XVIII в.) и нормы зарубежного законодательства и обыкновения горных районов Западной Европы.

лучать земельные участки для их разработки с условиями уплаты подати, непрерывности добычи, выплаты вознаграждения владельцу участка за причинённые убытки. Такой порядок был широко распространён в Германии, затем закрепился в горном законодательстве других стран и получил название «горная свобода» (*Клюкин Б.Д.* Горные отношения в странах Западной Европы и Америки (Англия, Канада, США, Франция, ФРГ). М., 2000. С. 7—8).

[12] *Раскин М.Н.* Аполлос Аполлосович Мусин-Пушкин. Л., 1981 (автору не был известен рассматриваемый проект). Аполлос Аполлосович Мусин-Пушкин (1760—1805) — граф, выдающийся русский химик и минералог, почётный член Петербургской и многочисленных зарубежных академий наук; «Берг-коллегии и Монетного департамента по президенте первый член» (1796—1801); возглавил создание горной промышленности в Грузии (1799—1805).

[13] При отсутствии самостоятельного органа центрального управления руководство горной отраслью, которая с 1783 г. ограничивалась небольшой специальной Экспедицией горных дел, являлось обязанностью вице-губернатора, как правило, не имевшего надлежащей технической подготовки. Орган, фактически заменивший с 1782 г. Берг-коллегию на местах, — третья Экспедиция горных дел — во главе со специалистами в рангах советника и асессора, которые не имели большого авторитета в Казённой палате и в решении касающихся промышленного производства вопросов зачастую оказывались в меньшинстве. Проблема отсутствия регламентирующих документов ещё больше затрудняла руководство, так как применение законодательства по аналогии (по генеральному регламенту и по судебному процессу) оказывалось в данной области неэффективным.

[14] РГИА, ф. 37, оп. 1, д. 1, л. 6 об.—7.

[15] Там же, л. 17—18.

[16] Там же, л. 7 об.—9.

Автор особо подчёркивал, что эффективность заводского производства зависит во многом от того, кто и как им управляет, поэтому важнейшими задачами Берг-коллегии назывались подготовка и расстановка кадров.

Особое внимание уделялось Горным советам, прообразы которых существовали с момента учреждения в Екатеринбурге Сибирского обер-бергамта (учреждение, управлявшее сибирскими горными заводами, рудниками и приисками в первой половине XVIII в. — *В.М.*) и были введены бывшим президентом Коммерц-коллегии М.Ф. Саймоновым для Колывано-Воскресенского и Нерченского округов. Эти советы предлагалось ввести при всех заводских округах в качестве высшего совещательного органа при сохранении власти горных начальников.

Фактически реализация предложений Мусина-Пушкина должна была частично компенсировать слабую оперативность управления Берг-коллегии подчинёнными ей предприятиями, прежде всего находившимися на Урале и в Сибири. Видимо, речь шла об определённой децентрализации управления с усилением в нём роли органов местного горного начальства. При этом решения, принятые по рекомендациям Горных советов, должны были распространяться не только на казённые, но и на частные заводы, хотя для них эти решения не являлись строго обязательными.

Значительная часть проекта посвящалась техническим проблемам организации производства: обеспечению предприятий полезными ископаемыми[17] и заводов топливом[18]; техническим условиям при получении разрешения на строительство нового предприятия и его дальнейшую эксплуатацию; о скоте и лошадях, планах, лабораториях и опытах. Но главное предложение содержалось в седьмой главе, посвящённой положению заводских служащих.

Автор не ограничился предложением В.Н. Татищева (реализовано В.И. де Геннином) о поселении при заводах рекрутов для создания штата наследственных мастеровых. Планировалось иметь при заводах штата непременных рабочих и освободить приписных крестьян от крайне неэффективно исполняемых ими заводских работ (в целом реализовано в 1807 г.). Предполагались и поселения постоянных работников при заводах, отвод для них нужного количества земли, передача им от заводов скота и земледельческих орудий. В результате прекратилось бы разорение заводских крестьян, а дополнительно полученным ими хлебом можно было обеспечить завод провизией, не покупая её на рынке по большой цене. Мусин-Пушкин выступил как социальный реформатор. Вполне подтвердил эффективность его предложений эксперимент по их реализации на Локтевском заводе, которым руководил берг-гауптман В.С. Чулков[19]. Успешным оказалось и создание при Колывано-Воскресенских заводах института казённых рудовозов. Поэтому автор проекта предложил осуществить

---

[17] Там же, л. 14—16.

[18] Там же, л. 16—17. В России, в отличие от Англии, единственным видом топлива являлся древесный уголь, поэтому охрана и разумная эксплуатация лесов были основой жизнедеятельности предприятий. Автор «Представления...» — один из выдающихся ботаников своего времени — не мог не затронуть этого вопроса. Приводя примеры нерационального использования лесных богатств, автор указал, что, несмотря на неплохую законодательную базу об охране лесов, она фактически никогда не соблюдалась. В итоге основное внимание уделялось комплексу мероприятий по воспроизводству леса.

[19] *Гришаев В.Ф.* Алтайские горные инженеры. Барнаул, 1999. С. 68—70. Чулков Василий Сергеевич (1746—1807) — выдающийся алтайский горный инженер и руководитель, берг-гауптман («никогда ещё в истории заводов не испытывалось столько проектов, как при Чулкове»); управ-

задуманное на всех казённых заводах и по отношению к другим категориям рабочих[20].

Однако, несмотря на высокую должность Мусина-Пушкина, длительное время его предложения не рассматривались[21]. На это он жаловался вновь занявшему пост президента Берг-коллегии Саймонову: «Оставалось не только без резолюции, но невзирая на неоднократные мои напоминания и без прослушивания»[22].

Также к периоду правления Павла I относятся предложения неизвестного автора — «Проект начертания прав и обязанностей различных правительственных коллегий», посвященный проблеме реформирования системы коллежского управления[23]. Дата составления этого документа отсутствует, но «по некоторым признакам он написан по истечении первой декады декабря 1800 года». Как указано в проекте, система Берг-коллегии «имеет начальство над всеми зависящими от неё местами: железными, медеплавильными, минеральными, Нерчинскими, литейными, Олонецкими и Луганскими и прочими казёнными, партикулярными и банковскими[24], а также Екатеринбургским департаментом. Горные заводы имеют главнейшей обязанностью своею горное и заводское производство». Сказано здесь и об экспедициях Берг-коллегии: «счётная» вела бухгалтерские книги, готовила «генеральные отчёты и ведомости», производила «расчёты по нарядам с Адмиралтейством» и проч.; «для решения старых дел» завершала производившиеся до 1797 г. дела по горной части. Упоминалось также о монетном департаменте, подчинявшемся президенту Берг-коллегии, под контролем которого производилось тиснение золотой и серебряной монеты[25].

Кратковременность правления Павла I не позволила приступить к действенным реформам, хотя попытки горного руководства начать работу по систематизации законодательства отрасли и оптимизации её управления предпринимались. Это касалось не только восстановления системы Берг-коллегии, но и глубокого реформирования горного управления на местах, прежде всего на Урале, где соответствующим центральным органом стала Канцелярия главных заводов правления во главе с главным начальником[26] (восстановлена в том виде, что был до передачи горного ведомства в ведение казённых палат в 1782 г.). По указу от 30 мая 1797 г. в ведомственное управление передавались и все

ляющий Локтевским заводом и Локтевским медным рудником (1782—1799); с 1799 г. начальник Колывано-Воскресенских заводов, при котором производство серебра достигло максимума.

[20] РГИА, ф. 37, оп. 1, д. 1, л. 18—19 об.

[21] Подробнее о проекте см.: *Манин В.А.* Проблемы реформирования горнозаводского производства Российской империи в последней четверти XVIII века и проект его преобразования А.А. Мусина-Пушкина // Genesis: исторические исследования. 2015. № 3. С. 392—423.

[22] *Гольденберг Л.А.* Михаил Федорович Саймонов (1730—1804). М., 1973. С. 142.

[23] *Парусов А.И.* Из истории аппарата управления Россией второй половины девяностых годов XVIII века // Учёные записки Горьковского государственного университета. Сер. 58 / Под ред. В.В. Пугачёва. Горький, 1963. С. 113—175.

[24] Банковское заводоначальство было образовано после покупки казной у Походяшиных в 1791 г. Богословского, Петропавловского и Николаево-Павдинского заводов. Для проведения управленческого эксперимента их передали Государственному ассигнационному банку (*Чупин Н.К.* Географический и статистический словарь Пермской губернии. Пермь, 1873. С. 71).

[25] См.: *Парусов А.И.* Из истории аппарата управления Россией...

[26] Первым главным начальником назначили А.С. Ярцева, который до этого более 10 лет занимал должность владимирского вице-губернатора, однако его статус, по мнению Э.А. Пензина, соответствовал посту губернатора (*Пензин Э.А.* А.С. Ярцов — горный деятель и ученый // Проблемы истории России. Вып. 4. Екатеринбург, 2001. С. 318).

заводские поселения[27] (очередной отказ от существа екатерининских реформ). В соответствии с указом Берг-коллегии от 13 июня 1799 г. в помощь главному начальнику учреждался новый орган — Горный совет, с совещательными функциями[28].

В подчинении Канцелярии находились горные начальства[29], в структуре управления которых имелись различия. Одни начальники действовали на основе сочетания принципов коллегиальности и единоначалия (Гороблагодатское горное начальство и Богословское банковское заводоначальство), другие — лишь последнего (командир Пермских медеплавильных заводов, начальники заводов — Камских и Златоустовских Банковских) и не имели в своём подчинении совещательного коллегиального органа, видимо, из-за экономии казённых средств[30].

Не отрицая данного фактора, отмечу, что заводы первой группы вошли в подчинение канцелярии сразу же после её восстановления как уже существовавшие структуры, второй — были подчинены позднее, и их руководителей непосредственно назначала канцелярия. В этом прослеживается как определённый эксперимент горнозаводского руководства, так и тенденция, характерная для административных реформ Павла I.

9 ноября 1800 г. вышел высочайший указ «Об укомплектовании горных заводов непременными мастеровыми»[31], фактически призванный уничтожить институт приписного крестьянства. Этот документ закрепил положения, представленные ранее в проектах, в частности, Мусина-Пушкина. Так, в ходе проведённого им эксперимента были разработаны и зафиксированы в его проекте нормативы: 58 непременных работников от тысячи душ приписных крестьян для постоянной работы на заводах.

С точки зрения соотношения правовых традиций и новаций данный акт не только восстанавливал и уточнял отдельные прерогативы горного ведомства, но и поднимал вопросы, которые через несколько лет станут основой проекта «Горного положения». Например, определялись источники содержания отдельных органов, упорядочивался институт ежегодной ревизии подведомственных предприятий со стороны должностных лиц Берг-коллегии. Содержавшиеся в указе нормы передачи в её ведомство заводских лесов способствовали самостоятельности хозяйственного распоряжения ресурсами и ограждали заводы от возможных споров со стороны гражданской власти.

---

[27] ПСЗ-I. Т. 24. № 17975.

[28] *Тулисов Е.С.* История управления горнозаводской промышленностью Урала... С. 83; Государственный архив Свердловской области, ф. 24, оп. 3, д. 224, л. 118.

[29] Часть из них создали по личному предложению Ярцева. Кроме Гороблагодатского, которое на момент открытия не находилось в непосредственном подчинении Канцелярии, были учреждены ещё три горных начальства — Пермское, Оренбургское и Казанское (трёхступенчатая система управления во многом была аналогична модели, существовавшей в 1720—1730 гг.). См.: *Пензин Э.А.* А.С. Ярцов — горный деятель и учёный. С. 318—319.

[30] *Тулисов Е.С.* История управления горнозаводской промышленностью Урала... С. 84—86.

[31] ПСЗ-I. Т. 26. № 19641. В историографии именной указ от 9 ноября 1800 г. «Об укомплектовании горных заводов непременными мастеровыми; о бытии отведённым к заводам лесам в ведении Берг-коллегии; о соединении Московского Монетного департамента с Берг-конторою; об отправлении ежегодно для осмотра и поправления заводов двух членов Берг-коллегии и об отсылке всех преступников на Нерчинские заводы» рассматривается как акт о преобразовании управления заводами, на которых предполагалось изменить систему органов управления, в том числе с целью усиления единоначалия (*Тулисов Е.С.* Реформа горного управления в 1802—1806 гг. // Третьи Татищевские чтения. Екатеринбург, 2000. С. 111—112).

Восстанавливая институт награждения должностных лиц за рационализацию производства и увеличение выгод казны с определением нормы поощрения и механизма его назначения с участием Горного совета и центрального ведомства, указ создавал предпосылки для будущей основы кардинальной реформы.

Берг-коллегия разработала новое штатное расписание, утверждённое указом Сената от 16 марта 1801 г. В соответствии с ним структура горнозаводского управления претерпела существенные изменения: ликвидирована Канцелярия главного заводов правления и монетных дел; в подчинение Берг-коллегии перешли восемь горных начальств (Екатеринбургское, Гороблагодатское, Пермское, Банковское, Колывано-Воскресенское, Нерчинское, Олонецкое, Луганское), а также Берг-контора и Монетная экспедиция.

Реорганизовали и структуру горных начальств. Отсутствие её чёткой унифицированности во многом объясняется различием стоявших перед ними задач. Рассмотрим Екатеринбургское горное начальство, функции которого были наиболее обширны[32] ввиду наличия на подконтрольной ему территории значительного числа частновладельческих горнозаводских хозяйств, отличавшихся разнообразием видов производств. В соответствии со ст. 11 указа структура данного горного начальства включала два департамента: первый из них ведал управлением казёнными заводами, второй — надзором за частной промышленностью. Кроме того, в подчинении главного начальника находились Монетная экспедиция и некоторые другие службы[33].

Имели значение и указы Александра I от 22 марта 1801 г. (о возвращении Колывано-Воскресенских горных заводов в ведомство Кабинета[34]) и от 19 ноября 1802 г. (об учреждении горного производства в Грузии[35]). Изменение модели центрального управления, отказ от коллегиальности и переход к управлению на принципах единоначалия в связи с разработкой Александром I министерской реформы[36] привели к выработке модели интеграции горной отрасли в новую систему управления и хозяйствования[37].

Вырабатывалась система подчинения и контроля горной отрасли и её территориальных органов не только со стороны центральных министерств (в част-

---

[32] Бюджет Екатеринбургского горного начальства был определён в 24 990 руб. (не считая Монетной экспедиции с отдельным годовым финансированием в 8 200 руб.), а финансирование Гороблагодатского и Пермского горных начальств — в 10 350 и 9 190 руб. соответственно (*Тулисов Е.С.* Реформа горного управления... С. 113—114).

[33] Там же.

[34] ПСЗ-I. Т. 16. № 19800. Обширные предложения о мерах по оптимизации производства на этих заводах свинца и серебра также содержались в записке Мусина-Пушкина.

[35] Там же. № 20055. 23 ноября 1800 г. Павел I издал рескрипт о принятии в подданство России Грузинского царства. Мусин-Пушкин возглавил там горное производство, но погиб во время эпидемии.

[36] Это соответствовало эволюции механизма государства в европейских странах и стало важным шагом на пути формирования классической бюрократии. Подобный процесс в Австрийской империи и государствах Германии происходил одновременно с освобождением крестьян от крепостной зависимости. В России истоки этого курса прослеживаются в системе доверенных управителей Екатерины II, хотя законодательного оформления не требовалось.

[37] Тем более что централизация территориального управления, начатая губернской реформой, и создание генерал-губернаторств требовали более эффективного упорядочения отраслевого управления, и не только в промышленности. Достаточное тому доказательство — одновременно создававшиеся тогда университетские и фельдъегерские округа. Однако не факт, что этот отказ от курса был аналогичен тому, который Павел I взял после смерти своей матери. Видимо, идейные основы реформ оказались куда ближе к проектам, разработанным начиная с 1796 г.

ности прямого подчинения и вхождения её структур в состав Министерства финансов), но и на определённое время (1807—1811) — губернской власти.

Первые указы, связанные с регламентацией горнозаводской промышленности (важного источника пополнения государственной казны), в продолжение политики прежнего царствования затрагивали вопросы, связанные только с организацией управления отраслью, изменениями полномочий её чиновников и реорганизации штатов. К существенным преобразованиям власть оказалась пока не готова, да и не совсем представляла основные направления необходимых реформ. Уже 3 января 1802 г. последовало правительственное распоряжение Берг-коллегии собрать в подведомственных предприятиях имевшиеся у них с момента основания «все узаконения и какие по местным обстоятельствам были постановления и уложения»[38] (исполнение этого указа затянулось до 1804 г.).

Таким образом, требовались и новая программа действия, и необходимые эксперименты, подтверждавшие эффективность будущих преобразований по изменению управления, прежде всего на местах. Первым стал опыт Колывано-Воскресенских заводов[39], который Берг-коллегия попыталась распространить на другие горные начальства. Это подтверждается двумя адресованными главному начальнику Екатеринбургского горного начальства инструкциями: от 16 января 1802 г. — И.И. Герману[40] и от 26 февраля 1802 г. — главному начальнику Гороблагодатского и Пермского горных начальств А.Ф. Дерябину[41].

Из ведомства бывшей Канцелярии главного заводов правления были выделены новые Гороблагодатское и Пермское горные начальства, административно независимые от Екатеринбургского, но с аналогичной структурой. Это потребовало уточнения пределов территориальных полномочий департаментов начальств, прежде всего раздела подчинённых горных предприятий, а также объёма прав данных государственных ведомственных органов.

Однако в административном отношении оба горных начальства имели несколько различные основы. Так, в Екатеринбургском первый департамент (ведал казёнными предприятиями и Монетной экспедицией) обладал всеми властными прерогативами. Фактически без его согласия подведомственные предприятия не могли совершать никаких значимых действий, а для наиболее важных из них требовалось дополнительно заключение Горного совета (поэтому его деятельность была представлена в инструкции в общих чертах)[42].

Второй департамент (отвечал за частную промышленность) осуществлял государственный контроль и надзор за деятельностью партикулярных владельцев[43]

---

[38] РГИА, ф. 37, оп. 1, д. 2, л. 1.

[39] Заводы принадлежали Кабинету её императорского величества, поэтому сохранился ведомственный принцип их управления: подчинение гражданских институтов горной администрации и широкие, основанные на принципах единоначалия полномочия руководителя (ПСЗ-I. Т. 22. № 16312).

[40] Там же. Т. 17. № 20112.

[41] Там же. № 20160.

[42] «Горного начальства 1-й Департамент по казённым заводам производить имеет все дела, до внутреннего их действия и хозяйства касающиеся, и состоит под ведомственным Вашим управлением и руководством и без согласия Вашего никакое определение действия иметь не может. То же самое относится и до Монетной экспедиции» (Там же. Т. 22. № 16312).

[43] В том числе ревизия отчётов; установление суммы налогов, с процедурой взыскания задолженностей; определение размера оплаты поставок для монетного двора меди; сбор отчётной документации о производительности заводов для центрального ведомства; инспектирование в связи с производственными неисправностями и при несчастных случаях (Там же).

(со значительно меньшими правами[44]). Кроме того, в функции этого департамента перешли прерогативы Горного суда. Определяя область юрисдикции данного вида судопроизводства, отмечу, что это был особый вид споров, тесно связанный с производственным процессом. Речь идёт о категории дел, исходящих из споров между предприятиями по поводу собственности и воспрепятствованию производственной деятельности без учёта формы владельческой принадлежности (захваты приисков, рудников, кража руд, незаконная вырубка лесов, препятствие пропуску воды), а также споров, вытекающих из трудовых правоотношений. При этом главный начальник мог вмешиваться в процесс разрешения споров только при наличии процессуальных нарушений (медленное или неправильное судопроизводство). Следствие и суд по уголовным правонарушениям подлежали подведомственности земской полиции, а гражданско-правовые споры, не влиявшие на связанные с производством процессы, — гражданскому суду. В основу управления для Гороблагодатского и Пермского горных начальств был положен не ведомственный, а территориальный критерий[45]. Начальство управляло только казёнными заводами, поэтому он не разделялся на два департамента.

К реформированию горнозаводского законодательства привлекли опытных руководителей местных органов Берг-коллегии. Поэтому создание законодательной базы данной отрасли до второй половины XIX в. фактически ориентировалось в основном на Урал как главный горнозаводской район Российской империи.

Одним из тех, кто создал и систематизировал горнозаводское законодательство, был А.С. Ярцев[46]. В октябре 1802 г. он, воспользовавшись посредничеством Г.Р. Державина, фактически представил проект нового устройства горной отрасли — «Начертания горных уральских заводов», состоявший из трёх частей. Первая часть включала «изображения краткого возвышения и упадка заводов», вторая посвящалась «постепенному приращению доходов до 1802 года бывших пяти годах», третья содержала «опытное положение на коей системе правление заводское основано быть может дабы содержание не превосходило доходы», т.е. содержало непосредственные предложения автора по реформированию горной отрасли[47].

Пытаясь вписать горное управление в новую систему и одновременно сделать его более эффективным, Ярцев предложил создать горное правительство с

---

[44] При этом в качестве источника таких ограничений законодатель указал положения о собственности, содержащиеся в «Манифесте о вольности дворянства» от 28 июня 1782 г.

[45] Эти изменения, справедливо отмечает Тулисов, были направлены и на усиление единоначалия. Однако отмечу, что политика отхода от коллегиальности отчётливо прослеживается в горной отрасли с момента восстановления Берг-коллегии в 1796 г. и является общей тенденцией развития государственной администрации во всех отраслях (*Зубков К.И., Корепанов Н.С., Побережников И.В., Тулисов Е.С.* Территориально-экономическое управление в России... С. 249).

[46] Ярцев Аникита Сергеевич (1737—1819) получил образование в Екатеринбургской горной школе; командир Олонецких заводов (1771—1780); советник горной экспедиции (1782—1784), с 1785 г. вице-губернатор Владимировской губ.; начальник Екатеринбургской канцелярии Главного правления Уральских горных заводов (1797—1802). После ухода в отставку начал работать над «Историей горного промысла в России» (труд сохранился только в рукописи), но не закончил его из-за смерти (*Заблоцкий Е.М.* Горное ведомство в дореволюционной России: очерки истории (Биографический словарь). М., 2014. С. 271—272).

[47] РГИА, ф. 37, оп. 13, д. 1, л. 1, 2 об.; *Тулисов Е.С.* Законодательные инициативы уральских горных начальников: к вопросу о создании проекта горного положения // Четвёртые Татищевские чтения. Екатеринбург, 2002. С. 221.

местом нахождения в Екатеринбурге. К данному органу, подчинявшемуся Министерству финансов, должны были перейти все прерогативы Берг-коллегии, с подчинением ему горных начальств на местах. Полномочия руководителей последних существенно увеличивались. Такое устройство горного управления — при утрате им своей административной самостоятельности, но с учётом опыта, прежде всего Уральского горного управления, — было вполне оправданным.

Об актуальности данной инициативы говорит факт вмешательства в дело высших лиц Российской империи. Менее чем через месяц после получения проекта Н.Н. Новосильцев[48] предложил создать специальный комитет для выработки предложений по реформированию управления «горных уральских или Екатеринбургских в Сибири заводов»[49]. В комитет вошли Г.С. Качка[50], вице-президент Берг-коллегии А.Н. Самойлов[51] и отозванный из Екатеринбурга с сохранением жалованья Ярцев[52]. Однако комитет не поддержал большую часть его предложений. Это и понятно, так как, во-первых, его инициативы касались большой, но не всей группы российских заводов, во-вторых, все предлагавшиеся нововведения (использование западноевропейского опыта, создание горных городов и др.) фактически возвращали отрасль к периоду расцвета коллежской системы, хотя и достаточно глубоко модернизированной[53].

8 августа 1803 г. Ярцев, не согласившись с проектом «большинства», подготовленным для отправки в подведомственные Берг-коллегии местные органы, был вынужден обратиться к министру финансов А.В. Васильеву за поддержкой. При этом автор «Начертаний...» представил свои возражения на предложения комитета[54]. Между тем проект Ярцева, при всех его недостатках, оказался более чем ко времени. Это подтверждается мнением министра, высказанным в его докладе «О порядке управления горных заводов», и предложениями таких ру-

---

[48] Член Негласного комитета, товарищ министра юстиции, состоявший при императоре для особых поручений. В период министерской реформы на него возлагалось рассмотрение проектов по части земледелия, торговли, промыслов, ремёсел, искусств и художеств; ему же были поручены дела Святейшего Синода, рекетмейстерская часть и проч.

[49] РГИА, ф. 37, оп. 13, д. 1, л. 3.

[50] Качка Гавриил Симонович (1739—1818) — с 1782 г. глава Монетного департамента; управляющий Колывано-Воскресенских заводов (1785—1798); первый управляющий горным департаментом (1807—1811) (подробнее см.: *Бальзер А.* Гавриил Симонович Качка // Горный журнал. 1846. Ч. 4. Кн. 12).

[51] Самойлов Александр Николаевич (1744—1814) — генерал-прокурор Правительствующего сената (1792—1796); член Императорского совета; сенатор.

[52] РГИА, ф. 37, оп. 13, д. 1, л. 1.

[53] Однако многие высказанные Ярцевым предложения, например об учреждении должности берг-инспектора, комитет отверг. Он должен был от имени берг-директора «что-либо на местах заводских рассмотреть и поправить, либо особенно распространить золотые в Сибири промыслы, или где важные запущенные рудники восстановить... в таких случаях объездит заводы главный берг-инспектор с полной властью». Так, по мнению Ярцева, берг-инспектор должен был представлять «вспомогательную власть», объединявшую различные горные начальства: «По елику, по нынешнему учреждению одно горное начальство другому стало быть неподвластно» (Там же, л. 40 об.).

[54] Некоторые историки считали, что к министру финансов А.В. Васильеву Ярцев обратился с просьбой рассмотреть свой проект (*Тулисов Е.С.* Законодательные инициативы... С. 222). Тем не менее, во-первых, сам комитет учреждался под наблюдением министра, что предполагало его личное ознакомление с ходом рассмотрения проекта; во-вторых, сам автор просил рассмотреть не проект, а представленные им собственные возражения на мнения большинства; в-третьих, в самом письме дословно сказано: «Имею честь поднести на благорасмотрение», что является канцелярским клише начала XIX в. (ПСЗ-I. Т. 28. № 21460).

ководящих специалистов горного ведомства, как Дерябин, Бегер и др.[55] Вскоре в комитет ввели А.М. Полторацкого и Дерябина (деятелей новой формации, получивших систематическое профильное образование в стенах недавно основанного Горного училища; они продолжили обучение за рубежом, а рост их карьеры произошёл в царствование Павла I). Дерябину предложили составить «историческое описание горных дел в России с самых отдалённых времён до нынешних»[56].

Затем материалы работы расширенного комитета (в том числе предложения членов комитета и дополнения от не входивших в его состав представителей горной администрации) были оформлены в «Положение для управления заводов»[57], которое отправили на рассмотрение министру финансов 3 июля 1804 г. На базе данного документа был подготовлен доклад министра финансов «Главные черты управления горных дел и первые основания Горного положения». После утверждения 21 сентября 1804 г. данный документ стал проектом реформы горного управления.

Согласно проекту «Горного положения» Главное горное начальство должно было находиться как можно ближе к подведомственным ему предприятиям, при этом требовалось точно определить его функции, исключив из них избыточные, или сопряжённые со значительными затруднениями. Особое внимание уделялось принципу разделения полномочий между ведомственными органами и общегражданской администрацией, прежде всего в хозяйственной и распорядительной частях. Отдельными полномочиями наделялся генерал-губернатор, который фактически олицетворял собой для местного горного управления верховную власть; на него возлагались функции по контролю и надзору за наиболее значимыми действиями горной администрации. Генерал-губернатор, стараясь улучшить дела в подведомственной губернии, не мог требовать больше, чем «нужно и положено», а горный начальник, находясь под постоянным надзором высшего должностного лица губернии, не смел «ни переступать границы своей власти, ни быть беспечным к своим обязанностям, ни же отказывать в справедливых требованиях и замечаниях»[58]. Горному начальству предоставлялись широкие полномочия в своём ведомстве, ограниченные лишь критерием пользы заводам и не нанесения вреда находившемуся под их юрисдикцией персоналу. Суд отделили от распорядительной, исполнительной и хозяйственной частей. Дела надо было решать на основе закона и горных порядков; регламентировать строительство и организацию производства заводов. Их поселения требовалось преобразовать в горные города (по примеру саксонских), установив особый порядок их организации и учредив горную полицию.

Берг-коллегия уничтожалась (её прерогативы в значительной части передавались региональному горному управлению) и вместо неё в составе министерства учреждался Горный департамент, на который возлагались координация управления горным производством и его развитие. В соответствии с новым законодательством создавались новые штаты (устанавливались должности, раз-

---

[55] Там же. С. 519.

[56] Вскоре оно стало существенной частью горной реформы. См.: Высочайше утверждённые доклады...

[57] *Зубков К.И., Корепанов Н.С., Побережников И.В., Тулисов Е.С.* Территориально-экономическое управление в России... С. 249.

[58] Высочайше утверждённый доклад министра финансов со штатами и прочими приложениями о новом образовании Горного начальства и управления Горных заводов. СПб., 1806. С. 1.

мер их жалованья и иные виды обеспечения)[59]. Затем состоялись экспертиза и доработка проекта с учётом мнения руководителей заинтересованных ведомств и вызванных в Санкт-Петербург подведомственных Берг-коллегии региональных структур[60], в том числе пермского генерал-губернатора К.Ф. Модераха, который по предложению министра финансов должен был занять особое место в системе горного управления. «Горное положение» «с нужными по предмету сему дополнениями» было представлено в виде доклада императору и 13 июля 1806 г. утверждено в качестве закона[61].

Однако он распространялся не на все подведомственные Берг-коллегии предприятия, а только на заводы Хребта Уральского и Замосковные. Это объяснялось тем, что Олонецкие и Луганские заводы передали под особое руководство, фактически в аренду статскому советнику К.К. Гаскоину. Кроме того, в процессе основания находилась грузинская металлургическая промышленность, а на территории недавно присоединённого Царства Польского предприятия ещё не обследовались. Распространить на них реформу предполагалось позднее, с учётом местных особенностей[62]. Источником такой систематизации послужило законодательство предыдущего периода существования крупной горной промышленности в России.

По «общим замечаниям» министра финансов (выполняли роль преамбулы данного кодекса), дополнения составили лишь несущественную часть этого акта[63]. Таким образом, при систематизации положения использовали метод инкорпорации с последующей внутренней консолидацией нормативного материала[64]. Между тем положение утвердили только как проект, что объяснялось необходимостью совершенствования горнозаводской отрасли, проверки эффективности предложенных мер и синхронизации горнозаводского законодательства с будущими изменениями правовой системы России.

Если узаконение уже устоявшихся горнозаводских институтов не вызвало особых разногласий, то введение новых потребовало дополнительной регламентации. Например, берг-инспектор должен был возглавить горное ведомство при пермском генерал-губернаторе[65], являясь при нём «губернатором» по горным делам[66], фактически олицетворяя автономность горного управления[67]. Но на практике реализация его полномочий встретила противодействие, прежде всего со стороны горных начальников, старавшихся сохранить наибольшую степень своей автономности. Пример — действия горного начальника Екатеринбургских заводов, который уже при первом визите туда берг-инспек-

---

[59] Высочайше утвержденные доклады... С. 8—9.

[60] *Зубков К.И., Корепанов Н.С., Побережников И.В., Тулисов Е.С.* Территориально-экономическое управление в России... С. 252; РГИА, ф. 37, оп. 13, д. 1, л. 205.

[61] Высочайше утверждённый доклад министра финансов... С. 1.

[62] Там же. С. 10—11.

[63] ПСЗ-I. Т. 29. № 22208.

[64] Таким образом, был использован метод, положенный в основу систематизации М.М. Сперанского при составлении им «Свода законов Российской империи».

[65] При этом пермский и вятский генерал-губернатор получал в горном управлении элементы экстерриториальности, управляя горной частью не только на территории вверенных ему губерний, но и предприятиями, находившимися на территории Оренбургской и Казанской губерний (ПСЗ-I. Т. 29. № 22208).

[66] Там же.

[67] «Никакое место и никакое лицо не вмешивается в управление горной частью, кроме горного правления, генерал-губернатора, берг-инспектора и горных начальников, и под их ведением других чиновников, определённых законной властью» (Там же).

тора в январе 1808 г. выразил ему неудовольствие за попытку собрать на горных заводах прошения жителей[68]. Поэтому одновременно с введением положения в действие учредили Комитет по рассмотрению настоящего положения Горной части в составе государственного казначея Ф.А. Голубцова[69], пермского генерал-губернатора Модераха и управляющего горным департаментом Качки. Задачей этого органа стали анализ правоприменительной практики при исполнении положения и вынесение по итогам этих обсуждений рекомендаций[70].

Комитет не имел регламентированной компетенции по существу рассматриваемых проблем, поэтому наряду с общими и частными вопросами управления (о взаимодействии горных начальников и берг-инспекторов; об устройстве Ижевского оружейного завода и др.) рассматривались положения, связанные с переходом к системе постоянных непременных работников или юрисдикции горного суда[71].

Однако из-за постоянного нахождения Модераха в вверенной ему губернии возможности проведения периодических заседаний были ограничены[72]. 17 октября 1808 г. в целях оперативного разрешения вопросов по применению нового законодательства решили основать в Пермской губ. подобный комитет, состоящий из губернатора, берг-инспектора и горных начальников[73].

В 1810 г. Дерябин, отвечая на запрос Модераха в рамках Комитета о пересмотре проекта «Горного положения», признал его недостатки[74]. Тем не менее он выступил против изменения документа[75], так как первостепенной задачей на тот момент являлась подготовка недостающих специалистов — от мастеровых до выпускников Горного кадетского корпуса (до 1804 г. — Горное училище).

Таким образом, положение не утвердили в окончательной редакции потому, что оно не охватывало все горнометаллургические области Российской империи, а её правовая система была не готова вписать его в представленном виде. Кроме того, признавалась недостаточной практика проверки эффективности результатов реформы[76] и исправления того, что, по словам выдающегося русского историка и собирателя рукописей первой половины XIX в. В.Н. Берха, «оказалось вредным или неудовлетворительным»[77].

Однако в целом реформа была вполне успешной, доказательством чему может служить тот факт, что установленное проектом «Горного положения» законодательство не претерпело существенных изменений до 1917 г. Это произошло потому, что результат создания положения выгодно отличался от неудачных попыток систематизации, проведённой в первой четверти XIX в. в рамках Комиссии составления законов. В результате подготовленные ею Гражданский, Торговый и Уголовный кодексы, которые должны были составить основу бу-

---

[68] РГИА, ф. 37, оп. 13, д. 29, л. 18—18 об.

[69] После смерти первого министра финансов А.И. Васильева, который был одним из инициаторов горной реформы, Голубцов, оставаясь государственным казначеем, 27 августа 1807 г. был назначен на должность управляющего Министерством финансов, занимал её до 1 января 1810 г.

[70] РГИА, ф. 37, оп. 13, д. 29, л. 60.

[71] Там же, л. 6—46 об.

[72] Например, с 26 августа по 17 октября 1808 г. состоялось шесть заседаний.

[73] РГИА, ф. 37, оп. 13, д. 29, л. 60—62. Этот комитет был утверждён Александром I 27 июля 1809 г. (Там же, л. 1).

[74] Там же, л. 9 об.

[75] Там же, д. 37, л. 9—13 об.

[76] Высочайше утверждённый доклад министра финансов... С. 20—21.

[77] РГИА, ф. 37, оп. 11, д. 173, л. 439.

дущей системы законодательства, так и остались непринятыми, а количество узаконений значительно возросло. Исследователи видят причину этой неудачи в «отсутствии чёткой концепции работ... достаточного количества подготовленных чиновников и попытках кодифицировать российское право, минуя стадию разбора законодательного массива и опубликования прежде изданных узаконений»[78].

В этом отношении проект Ярцева, успешно реализованный в рамках комитета Дерябиным, послужил надёжным фундаментом проводившейся законотворческой работы. Кроме того, успеху реформы способствовало наличие специалистов, получивших профильное специализированное образование в Горном училище и имевших опыт длительных зарубежных командировок[79]. Не менее важно и преобладание в горном законодательстве значительного количества специальных технико-юридических[80] и административно-регламентирующих норм, систематизация которых особенно зависела от профессиональных знаний и управленческого опыта.

---

[78] *Кодан С.В.* Совершенствование законодательства в юридической политике Российского государства в первой половине XIX века: стратегические направления и общие результаты // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 317—318; *Кодан С.В.* Становление системы законодательства Российской империи (XIX — начала XX в.) // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2011. № 1(14). С. 60.

[79] После окончания Горного училища Дерябин читал лекции по горному делу будущему императору Павлу I, а затем был откомандирован для ознакомления с опытом горного дела Германии (1794—1796), Франции (1797) и Англии (1798—1799) (*Коновалов П.А., Клепикова И.А., Белобородов С.А.* Дети горы Благодать. Культурно-исторические очерки / Под ред. В.В. Нестерова. Екатеринбург, 2006. С. 25).

[80] *Манин В.А.* К вопросу о генезисе технико-юридических норм в горнозаводской промышленности России в первой половине XVIII века // Современное право. 2013. № 9. С. 144—149.

Государственное горнозаводское хозяйство Урала середины 1850-х — начала 1870-х гг.: динамика производства и причины приватизации

Георгий Шумкин

The Urals State mining enterprise in the mid 1850s — early 1870s: dynamics of production and reasons for privatization

George Shumkin
(Institute of History and Archeology,
Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg)

DOI: 10.31857/S086956870012186-5

К важнейшим структурам, определявшим специфику экономики России XIX — начала XX в., относят систему государственного горнозаводского хозяйства. Её основным элементом являлись казённые горные заводы Урала[1], на которые возлагалось выполнение трёх задач: снабжение армии и флота вооружением и металлом; оказание поддержки частновладельческим предприятиям (или, по меньшей мере, не препятствовать им); получение прибыли на капитал не меньше процента по банковскому вкладу на ту же сумму. Однако требование доходности противоречило требованию поддержки частновладельческих предприятий (чтобы приносить прибыль, надо было продавать продукцию на рынке, а это неизбежно делало казённые заводы конкурентами частных), а производство современного высококачественного вооружения противоречило требованию минимизации издержек. Стремление выполнить все задачи одновременно приводило к тому, что ни одна из них хорошо не выполнялась. Это наглядно показала Крымская война, во время которой уральские заводы не оправдали возлагавшихся на них надежд. Преобразования казённых горных заводов в эпоху Великих реформ были направлены на усиление оборонного производства и избавление от всего того, что с ним не связано. При этом чётко выделяются два периода.

В конце 1850-х — середине 1860-х гг. преобладала тенденция усиления оборонных производств. В 1857 г. построили Николаевский оружейный завод (Гороблагодатский округ), в 1860 г. — Князе-Михайловскую сталепушечную фабрику (Златоустовский), в 1863 г. — Камский броневой завод (Камско-Вот-

© 2020 г. Г.Н. Шумкин

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00611.

[1] К середине 1850-х гг. они были объединены в шесть горных округов. В Екатеринбургский округ входили Монетный двор и Механическая фабрика в Екатеринбурге, Каменский чугуноплавильный и Нижнеисетский железоделательный заводы, Берёзовские золотые промыслы; в Гороблагодатский — Кушвинский, Верхнетуринский, Баранчинский чугуноплавильные, Нижнетуринский, Серебрянский и Верхнебаранчинский железоделательные заводы, Гороблагодатские золотые промыслы; в Златоустовский округ — Златоустовский, Саткинский, Кусинский чугуноплавильные и железоделательные заводы, Артинский железо- и сталеделательный завод со вспомогательным Верхнеартинским заводом, Златоустовская оружейная фабрика и Миасские золотые промыслы; в Богословский округ — Богословский медеплавильный завод, Туринские золотые промыслы, а также два недействующих завода — Петропавловский и Николае-Павдинский (в 1861 г. был сдан в аренду); в Пермский — Мотовилихинский и Юговской медеплавильный заводы; в Камско-Воткинский округ — Воткинский железоделательный завод.

кинский), а на месте закрытого Мотовилихинского (Пермский) — Пермские сталепушечный (1864) и чугуннопушечный (1865) заводы. В 1865 г. государство за долги изъяло у заводовладельца Д.Е. Бенардаки Песковский чугуноплавильный и Кирсинский железоделательный заводы, на основе которых образовали Вятский горный округ. В то же время ликвидировали неудачно спроектированный Николаевский оружейный (1860), маломощные Мотовилихинский медеплавильный (1862) и Верхнебаранчинский железоделательный (1865) заводы, а месторождения золота в Гороблагодатском округе открыли для частных старателей.

В середине 1860-х гг. курс российского правительства изменился. 16 сентября 1866 г. министр финансов М.Х. Рейтерн и государственный контролёр В.А. Татаринов среди мер по устранению дефицита государственного бюджета указали продажу убыточных казённых заводов[2]. Идею поддержал племянник царя, вел. кн. Николай Михайлович герцог Лейхтенбергский, который, посетив летом того же года уральские заводы, констатировал: «Одно из главных препятствий к правильному и успешному ходу горного дела в России заключается в слишком большом развитии у нас казённого горного хозяйства, убыточного для казны и вредного для частной производительности»[3]. Весной 1867 г. Податная комиссия разработала проект приватизации. Летом для проработки деталей (наделение землёй горнозаводского населения и приватизируемых предприятий, общая оценка состояния и перспектив развития казённого горного хозяйства) на Урал был командирован чиновник по особым поручениям Министерства финансов, академик В.П. Безобразов[4]. Его отчёт (в виде монографии) вызвал бурную дискуссию[5], но, тем не менее, его оппоненты — противники приватизации смогли лишь сократить список предприятий, назначенных к передаче в частные руки. 18 октября 1871 г. Александр II утвердил «Правила о продаже Уральских казённых горных заводов», согласно которым «подлежали отчуждению в частную собственность» Юговской, Серебрянский (без Ослянской и Илимской пристаней), Артинский, Песковский, Кирсинский, Каменский, Нижнеисетский заводы[6]. Были проданы Богословский (1875) и Вятский (1879) горные округа, ликвидированы екатеринбургские Механическая фабрика (1874) и Монетный двор (1876), Камский броневой завод (1879), сданы в аренду Березовские (1874) и Миасские (1877) золотые промыслы.

---

[2] *Железкин В.Г.* Развитие казённой горнозаводской промышленности Урала в пореформенный период (1861—1900 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1992. С. 51.

[3] РГИА, ф. 40, оп. 2, д. 62, л. 136 об. — 137.

[4] В статье, опубликованной сразу после поездки Безобразова на Урал, представлены в основном общие причины кризиса в горнозаводском производстве (*Безобразов В.П.* Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казённых горных заводов // Русский вестник. 1868. Т. 76. С. 301—324).

[5] *Безобразов В.П.* Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казённых горных заводов. СПб., 1869; *Котляревский И.* Письмо к редактору Горного журнала // Горный журнал (далее — ГЖ). 1869. № 3. С. 554—560; *Котляревский И.* Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казённых горных заводов // Там же. № 6. С. 471—524; № 9. С. 405—461; № 11. С. 257—338; № 10. С. 99—146; 1870. № 1. С. 115—187; № 2. С. 311—366; *Котляревский И.* Заметки об Уральском горном хозяйстве. СПб., 1870; По поводу статьи В.П. Безобразова: Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казённых заводов // ГЖ. 1869. № 2. С. 332—353; *Рожков В.* Заметки на статью В.П. Безобразова об уральском горном хозяйстве, напечатанную в «Русском вестнике» // Там же. С. 309—331. Анализ дискуссии см.: *Железкин В.Г.* К проблеме продажи казённых заводов (Историография вопроса) // Промышленность и рабочий класс горнозаводского Урала в XVIII — начале XX вв. Свердловск, 1982; *Светлова Л.В.* Поездка академика В.П. Безобразова на Урал в 1867 г.: изучение реалий или государственный заказ // Вопросы всеобщей истории. 2010. Т. 12. С. 117—123.

[6] ПСЗ-II. Т. 46. СПб., 1871. № 50048.

Что вызвало изменение государственной политики? Исследователи Д.В. Гаврилов, М.В. Путилова, В.Г. Железкин[7] ограничились констатацией того, что правительство начало подготовку к приватизации, ссылаясь на кризисное состояние заводов и дефицит государственного бюджета. Посвящённая горной реформе 1860-х гг. работа Е.Г. Неклюдова тоже не объясняет причин приватизации[8]. Вопрос, насколько тяжёлым было состояние государственного горнозаводского хозяйства, остаётся не выясненным.

Ответить на него помогут «Всеподданнейшие отчёты для государя императора» («Отчёты») горного ведомства. К этому источнику исследователи обращались редко[9]. Возможно, это связано с тем, что в фондах архивов материалы «Отчётов» представлены фрагментарно[10], возможно, по причине критичного отношения историков к официальной документации — в ней находят как случайные ошибки, так и намеренное искажение информации. При этом из виду упускается, что официальная статистика готовится не для того, чтобы в лучшем свете представить деятельность бюрократии (хотя этот момент нельзя игнорировать), а для обеспечения обратной связи — с «мест в центр». Такая отчётность является основным, а зачастую и единственным источником информации о состоянии дел на местах.

Цель статьи — проследить динамику производства казённых горных заводов Урала с середины 1850-х (начало правления Александра II) до 1871 г. (издание «Правил о продаже Уральских казённых горных заводов») по материалам «Отчётов» и выяснить, могли ли их данные повлиять на принятие решения о приватизации предприятий горного ведомства.

«Отчёты» середины XIX в. содержат информацию о количестве и стоимости изготовленной продукции, добыче полезных ископаемых, численности занятых на производстве, о движении капитала, запасах топлива и продовольствия. Следует отметить ряд особенностей «Отчётов» как источника. В них приводились данные о продукции, изготовленной по государственным заказам и для рынка, т.е. указывался не весь объём выплавленного металла, а только тот, который отгружался заказчикам. В отличие от них, более известные публикации Горного учёного комитета[11] содержат данные обо всём объёме выплавленного металла. «Отчёты» составлялись за календарный год, а Комитет публиковал

---

[7] *Гаврилов Д.В.* Казённые горные заводы Урала во второй половине XIX — начале XX вв. (1861—1904 гг.) // Учёные записки Ульяновского государственного педагогического института им. И.Н. Ульянова. Т. XXIV. Вып. 4. Ульяновск, 1972. С. 90; *Гаврилов Д.В.* Казённые горные заводы Урала во второй половине XIX — начале XX вв. (1861—1917) // Актуальные вопросы современной науки. 2015. № 2. С. 10; *Путилова М.В.* Казённые горные заводы Урала в период перехода от крепостничества к капитализму. Красноярск, 1986. С. 9; *Железкин В.Г.* Государственная промышленность Урала в начальный период индустриализации (2-я половина XIX в.) // Российская модернизация XIX—XX веков: институциональные, социальные, экономические перемены. Уфа, 1997. С. 27—28.

[8] *Неклюдов Е.Г.* Забытая горная реформа 1860-х гг.: замысел и реализация // Российская история. 2018. № 1. С. 59—68.

[9] В.Г. Железкин использовал из «Отчётов» 1850—1860-х гг. данные о количестве выпущенной продукции (*Железкин В.Г.* Развитие казённой горнозаводской промышленности Урала... С. 173).

[10] Исключение составляет коллекция «Отчётов» за 1854—1873 гг. в документах первого стола бухгалтерского отделения горного департамента (РГИА, ф. 37, оп. 35, д. 4, 10, 13, 16, 19, 22, 27, 30, 33, 37, 41, 48, 54, 60, 66, 72, 78, 84, 90).

[11] Памятная книжка для русских горных людей на 1862 г. СПб., 1862; *Планер Д.* Горнозаводская производительность в России за 1867 год // ГЖ. 1869. № 12. Приложение; *Скальковский К.* Горнозаводская производительность России в 1868 году // Там же. 1870. № 9. С. 504—533; и др.

данные за хозяйственный год (с 1 мая по 30 апреля). Стоимостные показатели в «Отчётах» отражали не рыночные цены, а сумму производственных затрат и накладных расходов по горному округу. Исключение составляли Песковский и Кирсинский заводы, в отчётах которых приведены рыночные цены (в данной статье сведения о стоимости продукции этих заводов условны, они рассчитаны как произведение количества продукции на цену).

Динамика совокупной стоимости продукта

Общая стоимость продукции казённых горных заводов Урала в середине 1850-х — 1861 г. удерживалась в пределах 1,8—2 млн руб., в 1861—1871 гг. возросла в 2,5 раза, достигнув 4,9 млн руб. (см. табл. 1). Этот рост не был плавным. В Екатеринбургском, Златоустовском и Камско-Воткинском округах стоимость выпуска резко возросла в середине 1860-х гг. До 1864 г. предприятия Екатеринбургского округа ежегодно изготовляли продукции на 360—400 тыс. руб., в 1866 г. — 769 тыс. руб. (+70%), затем — в пределах 650—800 тыс. руб. Златоустовский округ до 1863 г. выдавал продукции на 374—473 тыс. руб., в 1863—1865 гг. её стоимость составила 998 тыс. руб. (+130% за три года), потом оставалась на уровне 870—1 050 тыс. руб. Если до 1864 г. в Камско-Воткинском округе ежегодно выпускалось продукции на 230—300 тыс. руб., то в 1864 г. — на 540 тыс. руб. (+100%), с 1866 г. («Отчёты» уже зафиксировали деятельность Камского броневого завода) — на 520—770 тыс. руб. В течение 1860-х гг. в Гороблагодатском округе наблюдались ежегодные резкие колебания вышеназванного показателя: до 1860 г. — 380—490, 1860—1862 гг. — 326—359 (—30%), 1864 г. — 640 (+78% за два года), 1866 г. — 288 (—55%), 1867 г. — 850 (+195%), затем — в пределах 692—850 тыс. руб.

Иной была динамика стоимости выпускаемой продукции в медеплавильных округах — Пермском и Богословском. В первом из них до 1861 г. стоимость составляла от 83 до 130 тыс. руб., в 1863 г. — уже 259 (+105% за два года), но в 1871 г. — только 75 тыс. руб.; во втором — данный показатель до 1859 г. был равен 290—310 тыс. руб., в 1859—1861 гг. — 427 (+45% за три года) и оставался затем в пределах 395—556 тыс. руб. На Пермских сталепушечном и чугуннопушечном заводах стоимость выпуска продукции в 1865—1871 гг. возросла в десять раз — с 94 до 985 тыс. руб. На Вятских заводах в 1867—1871 гг. продукции изготовлялось примерно на 160—230 тыс. руб.

Построенные и приобретённые государством после 1861 г. заводы (Камский броневой, Пермские пушечные и Вятские) в 1865 г. изготовили продукции на 94 тыс. руб. (3% валового выпуска казённых горных заводов Урала), 1867 г. — 763 (17,7%), 1868 г. — 880 тыс. руб. (19,5%), 1871 г. — 1,2 млн руб. (26%). «Старые» предприятия в 1861 г. изготовили продукции на 1,9 млн руб., 1865 г. — 2,7, 1867 г. — 3,5, в 1868 и 1871 гг. — 3,6 млн руб. Значит, до 1866 г. рост выпуска обеспечивали в основном «старые» предприятия, их «вклад» в прирост совокупного продукта составил 1,5 млн руб., а «новых» — 0,3 млн руб.; с 1866 г., когда в правительстве стал обсуждаться вопрос о приватизации заводов, «новые», в первую очередь Пермские пушечные, внесли «вклад» в рост около 1 млн руб., «старые» — только 150 тыс. руб. (см. рис. 1).

Что касается скачкообразного роста выпуска на «старых» предприятиях в 1860-х гг., то прослеживаются параллели с изменениями в оплате труда. Скачок стоимостных показателей в Богословском округе пришёлся на 1859 г., в остальных округах — на середину 1860-х гг. В 1859 г. резко возросли цены на

Таблица 1

Продукция казённых горных заводов Урала (*тыс. руб.*)

Год	Горнозаводские округа*							ПСПЗ, ПЧПЗ	Всего
	ЕО	ГО	ЗО	КВО	ПО	БО	ВО		
1854	351,2	393,6	425,2	240,7	99,9	299,6	—	—	1 810,2
1856	375,3	459,4	472,9	277,1	110,7	294,0	—	—	1 989,4
1857	357,0	386,9	429,8	300,8	82,8	309,2	—	—	1 866,5
1858	392,0	402,2	464,1	292,2	127,9	293,8	—	—	1 972,2
1859	361,6	491,2	447,8	239,9	*н.д.*	369,4	—	—	—
1860	384,5	335,5	374,0	235,6	114,9	386,5	—	—	1 831,0
1861	367,4	325,9	420,0	279,6	126,5	427,3	—	—	1 946,7
1862	400,7	358,9	429,1	268,4	186,1	*н.д.*	—	—	—
1863	380,6	450,0	725,9	268,8	258,8	449,9	—	—	2 534,0
1864	404,8	640,8	781,0	540,9	*н.д.*	395,5	—	—	—
1865	452,1	288,2	998,6	459,1	145,4	405,1	—	94,0	2 842,5
1866	769,1	*н.д.*	873,9	693,2	129,8	555,9	—	192,0	—
1867	756,6	849,9	913,3	777,0	98,2	442,5	186,2	288,7	4 312,4
1868	799,7	803,8	937,3	706,2	90,9	491,9	174,8	497,4	4 502,0
1869	666,9	691,7	1 042,5	670,0	86,2	*н.д.*	165,4	756,0	—
1870	648,3	831,5	1 033,8	518,1	96,0	491,0	231,6	*н.д.*	—
1871	699,6	842,2	1 046,8	559,6	74,9	476,9	214,5	984,8	4 899,3

Составлено и подсчитано по: РГИА, ф. 37, оп. 35, д. 4, л. 178—181, 214, 246—249, 268, 287—290, 293—294, 332—334; д. 10, л. 169—171, 181—182, 186, 216—219, 240—242, 267, 301; д. 13, л. 47—48, 67, 84—86, 88—89, 165—167, 206, 237; д. 16, л. 66—68, 80, 97—100, 102, 188, 218—221, 342; д. 19, л. 30—33, 61, 106—107, 109, 164, 195, 353—357; д. 22, л. 207, 259—260, 289, 311, 355, 357, 399; д. 27, л. 230—233, 268—271, 326, 361—364, 398, 433—436; д. 30, л. 57 об.—60, 102—104, 115—117, 185, 315, 348—351, 383—386; д. 33, л. 28—31, 88—89, 93, 156, 247, 308—309, 361—362; д. 37, л. 9, 66, 79, 214—216, 218, 532; д. 41, л. 57—58, 90—91, 157, 247—250, 252, 347, 532; д. 48, л. 60, 83, 110—113, 137 об.—139, 182—184, 398—402, 436; д. 54, л. 22—25, 57, 66, 94, 123—125, 144—151, 233—235, 277; д. 60, л. 18—20, 43, 76, 83, 112 об.—113, 142—143, 192—196, 223—225, 322—323; д. 66, л. 15—23, 47—48, 70, 84—87, 120—123, 142, 168—170, 281; д. 72, л. 38—40, 83, 130—131, 147, 170, 190—200, 220—223, 352—357; д. 78, л. 18—20, 92—94, 47—48, 119—121, 140—144, 190—195, 311—313, 330—340, 366; д. 84, л. 11—13, 102—105, 125—129, 130—131, 158—164, 167—168, 218—222, 267—269, 366; д. 90, л. 11—13, 71—73, 120—122, 140—144, 158—164, 218—222, 280—282.

* Здесь и далее в таблицах округа: ЕО — Екатеринбургский; ГО — Гороблагодатский; ЗО — Златоустовский; БО — Богословский; ПО — Пермский; КВО — Камско-Воткинский; ВО — Вятский; заводы: ПСПЗ — Пермский сталепушечный; ПЧПЗ — Пермский чугуннопушечный.

Рисунок 1

продовольствие, составлявшего основу оплаты мастеровых до их освобождения от «обязательного труда». В середине 1860-х гг. завершилось освобождение основной массы мастеровых, это вызвало рост зарплаты (по данным Безобразова, зарплата высококвалифицированных рабочих выросла в два, а низкоквалифицированных — в семь раз![12]). Эти параллели не случайны. Приводимые в «Отчётах» стоимостные показатели — это не доходы казны, а, наоборот, издержки, рассчитанные администрацией заводов в процессе производства продукции (т.е. за 1861—1871 гг. в 2,5 раза выросли расходы казны). При этом нагрузка на бюджет была больше указывавшейся в «Отчётах». Во-первых, как справедливо отмечал Безобразов, в калькуляцию стоимости не включались расходы на содержание центрального управления. Во-вторых, заводы не всегда справлялись с возложенными на них нарядами (изготовляли меньше запланированного). Сравнение данных о стоимости выпуска (табл. 1) с операционными расходами по сметам горного департамента (табл. 2) показывает, что в 1856 г. выпустили на 15% меньше запланированного (не на 2 328,2 тыс. руб., а на 1 989,4 тыс. руб.). В 1868 г. запланировали на 4 960,7 тыс. руб., с учётом накладных расходов — на 5 847,9 тыс. руб., изготовили на 4,5 млн руб. (менее чем на 10% без учёта накладных или на 25% — с учётом).

В-третьих, помимо операционных расходов заводам ежегодно выделяли крупные суммы на строительство и ремонт оборудования. Стоимость строений и имущества шести казённых округов Урала, державшаяся в 1854—1861 гг. в

[12] *Безобразов В.П.* Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казённых горных заводов. 1869. С. 102.

Таблица 2

Операционные расходы казённых горных заводов Урала по сметам 1856 и 1868 гг. (*тыс. руб.*)

Статьи расходов	Округа							Заводы		Всего
	ЕО	ГО	ЗО	БО	ПО	КВО	ВО	ПСПЗ	ПЧПЗ	
1856 г.										
Наряды:										
ВМ	85,5	344,7	323,9	—	4,8	74,5				833,3
ММ	14,0	62,3	35,5	—	—	137,6				249,4
МФ	257,5	83,9	172,3	322,4	119,2	2,3				957,6
Доставка металлов	27,2	78,3	51,2	—	—	25,0				181,6
Разные расходы МФ	14,8	43,7	37,0	—	—	10,7				106,2
Итого	399,0	612,8	620,0	322,4	124,0	250,1				2 328,2
1868 г.										
Наряды:										
ВМ	384,2	439,9	242,8	175,5	56,8	25,8	—	—	—	2 582,8
ММ	15,3	197,7	54,6			401,5	38,8	1 116,5	141,4	707,9
МФ	420,6	281,5	696,3	264,2	18,8	143,0	154,2	—	—	2 063,2
МПС	—	—	—	—	—	101,1	—	84,7	—	101,1
Вычет материалов	—	—	—	—	—	- 192,1	- 59,9	- 194,4	- 47,9	- 494,2
Всего	820,1	919,0	993,6	439,7	75,6	479,4	133,1	1 006,8	93,5	4 960,7
Накладные расходы	171,8	177,8	227,7	109,3	20,8	91,5	34,6	40,0	13,6	887,2
Итого	991,9	1 096,8	1 221,3	548,9	96,4	570,8	167,7	1 046,8	107,2	5 847,9

Составлено по: РГИА, ф. 37, оп. 35, д. 8, л. 50; Смета доходов и расходов горного департамента на 1868 г. СПб., 1867. Приложения. С. 77—131.

пределах 7,2—7,9 млн руб., к 1868 г. увеличилась до 13,5 млн руб.[13] Если к этой сумме прибавить затраченный на строительство Пермских сталепушечного и чугуннопушечного заводов 1 млн руб.[14], то за семь лет (1862—1868) государство потратило на расширение производственных мощностей казённых горных заводов региона почти столько же, сколько они стоили в 1861 г. — 7 млн руб.

[13] РГИА, ф. 37, оп. 35, д. 27, л. 230, 275, 277, 369, 396, 414, 432; д. 60, л. 10, 41, 198, 229, 242, 319.

[14] Там же, д. 60, л. 79 об., 102 об.

В-четвертых, «на покрытие передержек» заводам выделялись сверхсметные кредиты: 1865 г. — 745 тыс. руб., в начале 1866 г. — 772, в конце — 649 тыс. руб.[15]

Такой впечатляющий рост расходов мог быть оправдан лишь в том случае, если заводы изготовляли крайне необходимую государству продукцию. До начала 1860-х гг. она практически вся предназначалась для армии и флота (металлы и предметы вооружения) или Министерства финансов (золото и медная монета). Вольный рынок получал в основном «несходный» металл — не принятый артиллерийской приёмкой. В Гороблагодатском округе до 1864 г. доля продукции, реализованной на рынке, не превышала 7%, а Пермский и Богословский округа вообще ничего на него не поставляли. В 1860-х гг. в связи с сокращением государственных нарядов, чтобы поддержать заработком местное население и загрузить производственные мощности, заводы стали больше ориентироваться на свободный рынок. На рубеже 1860—1870-х гг. рыночная продукция (3,5—3,7 млн руб.) давала 38—46% «доходов» всего государственного горнозаводского хозяйства России, остальное приходилось на «оборотные доходы» — деньги, поступившие от Военного и Морского министерств[16]. Значит, около 40% ассигновавшихся бюджетом средств тратилось только на поддержание предприятий «в рабочем состоянии». При таких результатах приватизация объектов, ненужных для выполнения узкогосударственных задач, становилась обоснованной и необходимой.

Однако делать выводы о кризисном состоянии казённого горнозаводского хозяйства только на основании динамики стоимости выпуска продукции было бы неправильно. Данный показатель складывался из трёх компонентов: себестоимости единицы выпущенной продукции, её количества и качественных изменений в технологии и изготовляемом продукте. Поскольку третья составляющая в статистике почти не отражена, рассмотрим воздействие на динамику себестоимости и количества выпущенной продукции по тем отраслям, где существенных качественных изменений продукта в тот период не происходило, — добыча золота, производство меди, чугуна и железа.

Золотодобыча

Золото добывали в Богословском (Турьинские рудники), Екатеринбургском (Берёзовский завод), Златоустовском (Миасский завод) и Гороблагодатском округах. В двух последних округах в небольших объёмах также добывали платину и осмистый иридий. В 1861 г. из-за падения добычи золота месторождения Гороблагодатского округа передали в частную эксплуатацию.

Валовая стоимость добытого золота, составлявшая до 1861 г. 607—670 тыс. руб., в 1871 г. достигла 1,1 млн руб. (за десятилетие рост на 40%) (см. табл. 3). Количественные показатели имели противоположную динамику. В середине 1850-х гг. ежегодно добывалось золота более 130 пуд., в 1859—1864 гг. — 107—110, 1866—1868 гг. — менее 90 пуд., и только в 1870—1871 гг. были достигнуты показатели 1850-х гг.

---

[15] Всеподданнейший отчёт Государственного контролёра за 1866 г. СПб., 1867. С. 20; Всеподданнейший отчёт Государственного контролёра за 1869 г. СПб., 1870. С. 54.

[16] *Скальковский К.* Горнозаводская производительность России в 1869 году // ГЖ. 1871. № 11. С. 320; *Скальковский К.* Горнозаводская производительность России в 1870 году // Там же. 1872. № 9. С. 541—565; *Скальковский К.* Горнозаводская производительность России в 1871 году // Там же. 1873. № 9. С. 334—357.

Таблица 3

Добыча шлихового и рудного золота на казённых горных заводах Урала

Год	Округа								Всего	
	ЕО		БО		ГО		ЗО			
	пуд.	тыс. руб.	пуд.	тыс. руб.	пуд.	тыс. руб.	пуд.	тыс. руб.	пуд.	тыс. руб.
1854	33,9	231,5	40,7	189,0	10,9	68,8	52,5	118,2	138,0	607,5
1856	33,3	227,6	40,3	179,0	9,0	61,9	51,8	177,9	134,5	646,4
1857	34,0	232,1	44,5	198,4	8,0	54,8	49,2	185,6	135,7	670,8
1858	32,2	220,0	40,5	189,0	6,8	46,6	50,8	201,7	130,3	657,2
1859	24,9	170,0	38,0	249,9	2,6	20,9	41,6	203,1	107,2	643,9
1860	25,2	172,1	32,0	272,3	3,1	21,0	49,6	189,2	109,9	654,6
1861	51,1	212,3	21,8	240,8	5,0	34,1	32,9	223,3	110,8	710,4
1863	39,1	280,1	25,0	255,3	—	—	43,5	288,9	107,6	824,3
1864	33,4	265,7	22,3	229,5	—	—	51,5	441,1	107,2	936,3
1865	33,4	289,7	17,3	228,2	—	—	48,3	439,1	98,9	957,0
1866	31,4	264,1	20,8	269,1	—	—	45,8	435,5	98,0	968,7
1867	27,4	238,5	18,9	232,8	—	—	42,2	391,0	88,5	862,3
1868	30,4	267,5	22,0	265,8	—	—	36,1	368,6	88,4	901,9
1871	37,4	305,9	32,6	340,0	—	—	62,1	483,3	132,1	1 129,2

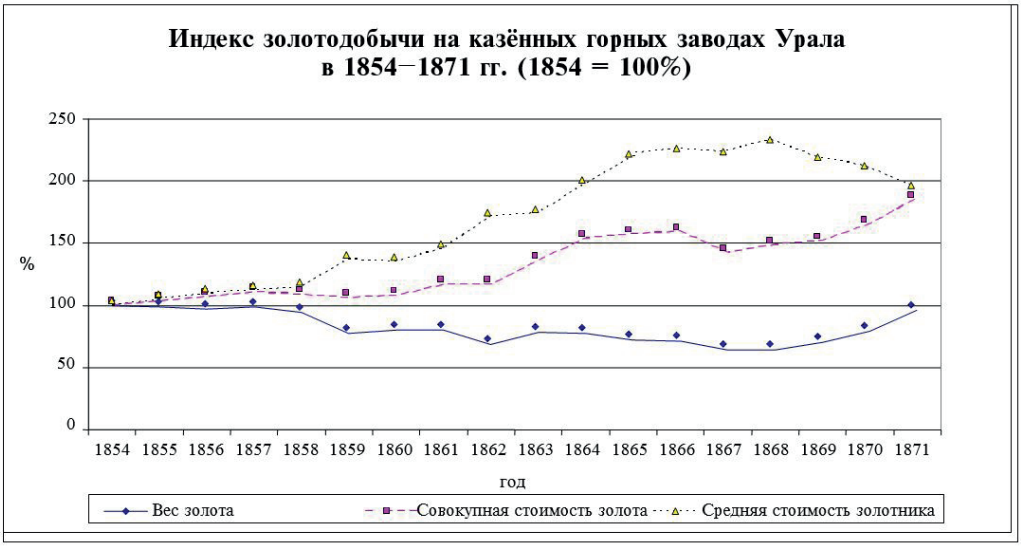
Составлено и подсчитано по: см. примеч. к табл. 1.

Развитие происходило, прежде всего, благодаря добыче золота на Турьинских рудниках. До 1861 г. в среднем за год здесь добывалось более 40 пуд. золота, а затем объёмы добычи снизились до 17—20 пуд. в 1864—1866 гг., в 1871 г. поднялись до 32 пуд. В Златоустовском и Екатеринбургском округах объёмы были достаточно стабильны: на Миасском заводе этот показатель в среднем был равен 47, а на Берёзовских рудниках — 33 пуд.

Рост валовой стоимости при сокращении золотодобычи был вызван увеличением себестоимости. Золотник (4,2 г) золота до 1863 г. на Берёзовских рудниках обходился в 1,78 руб., в 1865—1871 гг. — в 2,2—2,3 руб. На Миасском заводе стоимость золотника увеличилась с 0,59 (1854) до 2,66 руб. (1868), затем понизилась до 2 руб. (1871). На Турьинских рудниках этот показатель до 1859 г. составлял 1,2 руб., в 1859—1865 гг. возрос до 2,7—3,6 руб. Если учесть, что на рынке полуимпериальное (дополнительно очищенное) золото продавалось по 3,55 руб. за золотник[17], то в Богословском округе добыча этого драгметалла превращалась в весьма сомнительное с финансовой точки зрения предприятие.

[17] *Безобразов В.П.* Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казённых горных заводов. 1869. С. 97—99, 149, 235.

Рисунок 2



Рост себестоимости обусловливался ростом цен на продовольствие и зарплат мастеровых[18], недостаточным финансированием геологоразведочных работ и, как следствие, истощением эксплуатируемых месторождений.

Согласно общей динамике золотодобычи (рис. 2) её объёмы упали на 17% в 1859 г. в связи с ростом цен на продовольствие. Средняя же стоимость золотника возросла на 19%. Из-за освобождения мастеровых от «обязательного труда» добыча золота сократилась на 10%, а стоимость золотника поднялась на 50%. В 1868 г. золотодобыча обходилась государству вдвое дороже, чем десятью годами ранее. И только когда в правительстве началось обсуждение вопроса о передаче в частные руки производств, не задействованных в выполнении оборонных заказов, векторы развития поменялись — возросла добыча золота и понизилась его себестоимость.

Производство меди и медной монеты

Специализированными медеплавильными предприятиями являлись заводы Пермского горного округа — Юговской и Мотовилихинский (в 1862 г. был остановлен) и Богословский завод одноимённого округа. Пермские заводы плавили штыковую медь и изготовляли из неё, а также из «десятинной» меди, поставлявшейся частными заводами в качестве натурального налога, листовую, катаную и кованую медь. Богословский завод выплавлял штыковую медь для екатеринбургского Монетного двора (единственного в России предприятия по производству медной монеты). Туда поставляли в основном штыковую медь, а листовую, катаную и кованую — предприятиям артиллерийского и горного ведомств.

Во второй половине 1850-х гг. ежегодно изготовлялось меди на 230—290 тыс. руб. (12—15% общей стоимости продукции казённых горных заводов

[18] Например, в Богословском округе 9/10 стоимости добытого золота приходилось на оплату труда мастеровых и содержание администрации (РГИА, ф. 37, оп. 35, д. 48, л. 400).

Урала), в 1860-х гг. — на 350—480 тыс. руб.: 19—20% (1861—1863) и 8—9% (1867—1868), в начале 1870-х гг. — на 230 тыс. руб. (5%). Такая динамика была обусловлена как ростом себестоимости, так и падением объёмов производства меди. В Богословском округе до 1871 г. в среднем ежегодно выплавлялось 20 тыс. пуд. штыковой меди, с 1871 г. её производство снизилось: 1871 г. — 10,4 тыс. пуд., 1874 г. — 6 тыс. пуд. (см. табл. 4). На испытывавших дефицит руд Пермских заводах такая тенденция началась раньше: до 1866 г. заказчикам отгружались 13—20, с 1866 г. — не более 10 тыс. пуд. меди. В целом казённые заводы региона ежегодно изготовляли этого металла: до 1866 г. — 32—39 тыс. пуд., в 1867—1870 гг. — 28—30, в 1871 г. — только 17 тыс. пуд.

До 1861 г. в Богословском округе пуд штыковой меди стоил 5,2—6 руб., в 1861 г. — уже 11 руб. В 1865 г. данный показатель был равен 9, в 1868 г. — 11, в 1871 г. — 13 руб.

В 1850-х гг. в Пермском округе штыковая медь обходилась в 7,3 руб., прокатка листовой — в 0,63—1 руб. за пуд. В 1863—1866 гг. (после закрытия Мотовилихинского завода) стоимость штыковой меди составляла 16—23,7 руб. («цифры, вдвое превышающей продажную цену меди»[19]), листовой, кованой и катаной — 6—19 руб. за пуд. В конце 1860-х гг. пуд штыковой и листовой меди стоили одинаково — 9—11 руб.

Общая динамика медеплавильного и медепрокатного производств показывает (рис. 3), что с 1859 г. объёмы производства постепенно снижались (в среднем на 1—2% в год), себестоимость в 1861—1863 гг. возросла в два раза и в последующие годы держалась на том же уровне.

Монетный двор, ежегодно выдававший продукцию на сумму от 0,5 до 2,8 млн руб., приносил государству значительную прибыль. До 1868 г. при себестоимости производства в 0,9—1,2 руб. с пуда меди чеканили монеты на 32 руб. С 1868 г. (при стоимости 1,6—2,4 руб. за пуд) с одного пуда стали изготовлять монеты на 50 руб. (см. табл. 5).

Итак, в 1860—1870-х гг. эффективность золотодобычи и медеплавильного производства на казённых заводах Урала снижалась: выпуск продукции сокращался, её стоимость росла. Именно поэтому государство начало избавляться от золотых промыслов и медеплавильных заводов. Только Юговской завод долгое время оставался в руках казны — на него не находилось покупателей, и в 1892 г. его сдали в аренду. Государству приносила прибыль чеканка монеты, но с ликвидацией казённого медеплавильного производства её локализация на Урале утратила преимущества, вследствие чего это производство перенесли в Санкт-Петербург. В итоге отпала и необходимость подчинения Министерству финансов горного ведомства, а в 1875 г. его передали в ведение Министерства государственных имуществ.

Чугуноплавильное производство

На Урале чугун производили Кушвинский, Верхнетуринский, Баранчинский (8 доменных печей) заводы Гороблагодатского округа, Златоустовский, Саткинский, Кусинский (по одной домне на каждом) — Златоустовского и Каменский (две домны) — Екатеринбургского.

---

[19] *Безобразов В.П.* Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казённых горных заводов. 1869. С. 37.

Таблица 4

Производство меди на казённых горных заводах Урала

Год	ПО						БО		Всего	
	штыковая медь		листовая, кованая, катаная медь		всего по округу		штыковая медь			
	вес	сумма	вес	сумма	вес	сумма	вес	сумма	вес	сумма
	тыс. пуд.	тыс. руб.	тыс. пуд.	тыс. руб.	тыс. пуд.	тыс. руб.	тыс. пуд.	тыс. руб.	тыс. пуд.	тыс. руб.
1854	12,9	94,9	7,3	5,0	20,2	99,9	18,3	110,6	38,5	210,6
1856	14,6	107,1	5,3	3,5	19,9	110,6	20,1	113,6	39,9	224,3
1857	11,1	81,8	1,6	1,0	12,7	82,8	20,0	110,9	32,7	193,7
1858	16,4	120,6	1,8	7,3	18,2	127,9	20,0	104,8	38,3	232,7
1860	11,5	108,4	6,5	6,6	18,0	115,0	16,2	114,2	34,2	229,2
1861	13,7	122,2	3,2	4,3	16,9	126,5	16,0	186,5	32,9	313,0
1863	9,5	225,1	5,8	33,7	15,3	258,8	20,0	194,6	35,4	453,4
1865	3,8	—	9,4	145,4	13,2	145,4	19,7	176,9	32,9	322,3
1866	7,8	127,9	0,1	1,9	7,9	129,8	27,0	286,8	34,9	416,6
1867	—	—	9,8	98,2	9,8	98,2	19,5	209,7	29,3	307,9
1868	0,8	6,7	8,7	83,6	9,5	90,3	19,9	226,1	28,6	317,0
1870	8,8	92,1	0,4	3,9	9,2	96,0	21,3	247,7	30,6	343,7
1871	6,2	70,0	0,4	4,9	6,6	74,9	10,4	136,9	17,1	211,8

Составлено и подсчитано по: см. примеч. к табл. 1.

Выплавка чугуна лимитировала объёмы производства железа, стали, чугунного литья, металлопродукции. Возведение Пермских пушечных и Камского броневого заводов побудило государство усилить базу чёрной металлургии Песковским заводом (три домны). Это дополнительно дало 10—12% выплавки чугуна, тем не менее её объёмы держались на одном уровне — 1,6—2 млн пуд. в год. Исключение составили 1862—1863 гг., когда из-за «освобождения» мастеровых и катастрофического наводнения в Златоустовском округе выплавляли по 1—1,2 млн пуд. (см. табл. 6).

Одна часть выплавляемого чугуна (45—60%) поставлялась по нарядам и на рынок, другая (40—55%) — шла в передел (см. табл. 6, 7). Основной базой чугуноплавильного производства являлся Гороблагодатский округ. Его доменные заводы давали 45—80% выплавки и 67—90% поставок чугуна. Его отправляли передельным заводам горного (Воткинский, Камский броневой, Пермские пушечные), военного (Ижевский) и морского (Ижорский) ведомств.

Рисунок 3

Таблица 5

Динамика производства Екатеринбургского монетного двора

Год	Запечатано медной монеты			Себестоимость 1 пуда	Из 1 пуда изготовлено монеты на сумму
	на сумму	вес	стоимость		
	тыс. руб.	тыс. пуд.	тыс. руб.	руб.	руб.
1854	716,9	22,4	25,1	1,12	32,02
1856	793,1	24,8	27,8	1,12	31,95
1857	786,0	24,6	27,5	1,12	31,98
1858	1 708,9	53,8	60,2	1,12	31,79
1859	1 891,7	59,2	66,0	1,12	31,95
1862	1 871,2	58,5	72,5	1,24	31,95
1864	1 667,5	53,2	58,4	1,10	31,36
1865	2 803,0	87,9	96,7	1,10	31,89
1867	959,0	29,1	48,5	1,67	32,96
1868	1 729,9	54,5	67,7	1,24	31,70
1869	1 768,2	35,3	68,8	1,95	50,09
1870	1 747,5	34,9	65,5	1,87	50,01
1871	534,2	10,6	23,6	2,23	50,40

Составлено и подсчитано по: см. примеч. к табл. 1.

Заводы Златоустовского округа давали 20—30% выплавки (их доля сократилась до 2% из-за наводнений 1862—1863 гг.). В 1850 — начале 1860-х гг. бóльшую часть чугуна перерабатывали на предприятиях округа, поставляли не более 25%. Однако с 1865 г., после того как М.П. Обухов (бывший горный начальник округа, создавший технологию производства стальных орудий) основал под Санкт-Петербургом Обуховский сталелитейный завод, за пределы округа стали отгружать 45—55% выплавляемого чугуна.

На Каменский завод приходилось 9—12% выплавки и 2—7% поставок чугуна (за исключением 1859—1861 гг., когда доля завода возросла до 17—23%), на Песковский — соответственно 10—12 и 6—27%.

В 1860-х гг. стоимость чугуна существенно увеличилась. До 1864 г. в Гороблагодатском округе она составляла 14, а с 1867 г. — 38 коп. за пуд. В Златоустовском округе в 1856—1860 гг. показатель был равен 12—20, с 1864 г. — 28—30 коп. На Каменском заводе до 1867 г. пуд чугуна стоил 12—20, с 1867 г. — 30—50 коп. В течение рассматриваемого периода объёмы поставок чугуна оставались примерно на одном уровне: 700 тыс. — 1 млн пуд. (кроме 1862 и 1871 гг.) (см. табл. 7), но его себестоимость, до 1863 г. составлявшая за пуд в среднем 15 коп., за три года возросла в 2,3 раза, достигнув в 1866 г. 35 коп., затем стабилизировалась (см. рис. 4).

Таблица 6

Производство чугуна и железа казёнными горными заводами Урала (*тыс. пуд.*)

Год	ЕО		ЗО		ГО		КВО	ВО		Всего	
	чугун	железо	чугун	железо	чугун	железо	железо	чугун	железо	чугун	железо
1860	167,9	27,3	586,4	149,6	887,0	256,3	408,9	—	—	1 641,3	842,1
1861	154,4	20,9	477,8	193,4	1 094,4	285,5	420,6	—	—	1 726,6	920,4
1862	65,0	28,1	136,5	105,4	836,1	286,0	392,8	—	—	1 037,6	829,6
1863	189,8	60,4	33,7	87,2	997,9	266,6	379,6	—	—	1 221,4	793,9
1864	175,1	51,8	383,8	18,9	1 343,0	293,1	478,6	—	—	1 901,9	932,5
1866	205,6	63,1	330,9	300,3	959,3	233,6	358,9	170,0	88,5	1 665,8	1 044,4
1867	223,5	82,3	560,7	151,9	887,1	215,4	441,6	195,3	63,6	1 866,5	954,8
1868	180,6	96,0	466,3	115,8	901,6	134,4	492,3	203,5	68,5	1 752,0	907,0
1869	215,3	96,1	509,9	112,7	785,4	138,1	334,6	232,6	114,8	1 743,2	796,4
1870	257,5	108,4	442,4	89,2	1 053,0	164,9	340,2	274,9	103,7	2 027,7	806,4
1871	212,2	80,6	600,7	66,3	1 054,6	164,6	346,3	263,8	145,8	2 131,3	808,4

Составлено по: Памятная книжка для русских горных людей на 1862 г. С. 7, 13, 17; Памятная книжка... на 1863 г. СПб., 1863. С. 24; Памятная книжка... на 1864 г. СПб., 1864. С. 7, 11, 14; Памятная книжка... на 1865 г. СПб., 1865. С. 5, 12, 24; Памятная книжка... на 1866 г. СПб., 1866. С. 15, 19, 25; *Планер Д.* Горнозаводская производительность в России за 1867 год. С. 30; *Скальковский К.* Горнозаводская производительность России в 1868 году. С. 511; *Скальковский К.* Горнозаводская производительность... в 1869 году. С. 320; *Скальковский К.* Горнозаводская производительность... в 1870 году. С. 539; *Скальковский К.* Горнозаводская производительность... в 1871 году. С. 331.

Таблица 7

Поставки чугуна и чугунного литья (без артиллерийских орудий и снарядов) казёнными горными заводами Урала по заказам государственных учреждений и для рынка

Год	ГО		ЗО		ЕО		ВО		Всего	
	вес	сумма	вес	сумма	вес	сумма	вес	сумма	вес	сумма
	тыс. пуд.	тыс. руб.	тыс. пуд.	тыс. руб.	тыс. пуд.	тыс. руб.	тыс. пуд.	тыс. руб.	тыс. пуд.	тыс. руб.
1854	721,9	98,9	94,9	17,3	49,6	13,6	—	—	866,4	129,797
1856	825,1	111,5	87,0	10,7	42,1	14,1	—	—	954,2	136,289
1857	774,7	106,5	144,9	23,7	40,2	11,8	—	—	959,8	141,979
1858	953,1	132,8	82,9	13,9	55,1	11,4	—	—	1 091,1	158,083
1859	590,0	114,3	85,9	14,9	150,7	27,3	—	—	826,6	156,531
1860	626,1	86,7	90,3	18,4	212,4	34,6	—	—	928,8	139,679
1861	602,9	89,7	51,0	10,4	135,5	16,9	—	—	789,4	116,99
1862	583,3	81,1	32,5	10,2	35,4	6,5	—	—	651,2	97,787
1863	664,0	92,8	8,4	7,1	88,2	16,6	—	—	760,6	116,5
1864	819,8	204,0	34,6	11,8	23,6	5,7	—	—	878,0	221,5
1865	721,9	120,9	213,4	60,7	18,1	3,9	—	—	953,4	185,5
1867	753,8	288,8	330,1	92,7	75,8	27,7	—	—	1 159,7	409,2
1868	613,4	230,6	175,3	50,7	63,0	27,2	—	—	851,7	308,5
1869	653,0	250,7	231,1	64,4	39,6	19,9	65,1	30,3	988,8	365,298
1871	891,0	327,0	335,7	99,6	42,5	21,4	55,7	26,2	1 324,9	474,2

Составлено и подсчитано по: см. примеч. к табл. 1.

Железоделательное производство

Железо изготовляли Нижнетуринский, Серебрянский и Верхнебаранчинский (закрыт в 1865 г.) (Гороблагодатский округ); Златоустовский, Саткинский, Кусинский и Артинский и Верхнеартинский (закрыт в 1868 г.) (Златоустовский); Воткинский (крупнейшее железоделательное предприятие в России), Камский броневой (Камско-Воткинский); Нижнеисетский (Екатеринбургский); Кирсинский и Пермский сталепушечный (Мотовилихинский) заводы.

Во второй половине XIX в. в железоделательном производстве горнозаводского хозяйства были внедрены технологии, связанные с промышленным переворотом, — пудлингование, контуазский способ производства железа, паровые молоты и машины, прокатные станы и т.д. Однако роста выпуска продукции и снижения себестоимости в этой отрасли не наблюдалось. До 1864 г. ежегодно производились 800—920 тыс. пуд. кричной полосы и пудлинговой болванки

Рисунок 4

(первичного продукта, из которого изготовляли различные сорта железа), в 1866 г. выпуск увеличился до 1 млн пуд., затем снова сократился — до 800—900 тыс. пуд. (см. табл. 6).

Железо очень разнообразно по сортам, типам и размерам. В два-три раза могла различаться стоимость разных сортов железа, но по всем сортам наблюдался рост себестоимости в результате освобождения мастеровых. Стоимость полосового железа возросла на 40—150%, сортового — на 65—190, котельного — на 2—160, листового — на 55—140% (см. табл. 8). Средняя стоимость одного пуда продукции железоделательного производства в 1854—1858 гг. составляла 67—74 коп., 1859 г. — 77, 1860 г. — 80, 1861 г. — 82, 1862 г. — 86 коп., 1863 г. — 1 руб. Но затем начались резкие колебания стоимости: 1864 г. — 1,55 руб. (+55%), 1865 г. — 1,01 (—35%), 1866 г. — 1,70 (+68%), а на рубеже 1860—1870-х гг. — в пределах 1,55—1,48 руб.

В целом стоимость чугуна определяла стоимость железа (см. рис. 4), однако в 1860—1864 гг. второй показатель рос быстрее первого, а с 1868 г. понизился, в то время как первый оставался стабильным. Данная динамика объясняется как распространением новых технологий, так и изменением сортамента, переходом от дорогих сортов железа (заказывались Военным и Морским министерствами) к дешёвым, в большей степени востребованных рынком.

Так, в пореформенный период на казённых горных заводах Урала эффективность золотодобычи, производства меди, чугуна и железа снижалась: при фактической стагнации производства затраты казны в 1860-х гг. возросли в 2—2,5 раза, в результате чего себестоимость продукции приблизилась к ценам вольного рынка. При этом продукция этих производств не была уникальной, её могли приобрести на рынке, чего нельзя было сказать о предметах вооружения.

С военным производством связывалось разрешение важнейших военно-стратегических задач — перевооружение армии, укрепление береговой обороны, строительство нового броненосного флота. В 1861—1871 гг. стоимость изготовленных на Урале артиллерийских орудий увеличилась в 30 раз (с 23,7 до 735,8 тыс. руб.), снарядов — в 24 (с 27,9 до 672,8 тыс. руб.). Производство предметов вооружения возросло в 8 раз (с 230 тыс. до 2 млн руб.) (см. табл. 9). Доля оружия, боеприпасов, брони и корабельной оснастки в об-

Таблица 8

Динамика стоимости железа, стали и железных изделий казённых горных заводов в 1854—1875 гг.

Тип железа	Округ	Годы	Стоимость (руб./пуд.)	Годы	Стоимость (руб./пуд.)	Рост (%)
Кричное полосовое	ЕО	1854—1862	0,59	1865—1874	0,84—1,12	42—90
	ГО	1854—1863	0,59	1870—1875	1,00—1,50	69—154
	ЗО	1856—1861	0,40—0,60	1862—1870	0,91—1,10	52—175
	КВО	1854—1862	0,62—0,68	1865—1872	1,10—1,57	62—153
Сортовое	ЕО	1854—1859	0,76	1866—1869	1,27—1,36	67—79
	ГО	1854—1863	0,68	1867—1874	1,26—1,96	85—188
	ЗО	1856—1860	0,51—0,58	1861—1870	0,74—1,46	28—186
Котельное	ЕО	1854—1862	0,98	1868—1875	2,00—2,20	104—124
	ГО	1854—1863	0,88	1864—1874	1,00—2,30	14—161
Листовое	ГО	1854—1863	1,29	1867—1875	2,00—3,13	55—143

Составлено и подсчитано по: см. примеч. к табл. 1.

щей стоимости продукции увеличилась с 10 до 40%. Специально для выполнения этих задач построили несколько предприятий, которые обошлись казне в весьма крупные суммы: Николаевский оружейный — около 0,5 млн руб.; Князе-Михайловская сталепушечная фабрика — от 0,5 до 1,5; Пермские сталепушечный и чугуннопушечный заводы — 1; Камский броневой завод — около 0,5; всего 2—3 млн руб. Первые два проекта оказались неудачны[20], другие дали хороший результат, хотя и не сразу. В 1866 г. вопрос о приватизации казённых горных заводов был поднят не только в связи с ростом расходов, но и из-за «неуспешности» заводов в выполнении военных нарядов. В том же году все стальные орудия, изготовленные Князе-Михайловской фабрикой и Пермским сталепушечным заводом, признали негодными и сняли с вооружения (через год эту проблему решил Пермский завод). За предприятиями годами числились «недоимки» не выполненных нарядов — на специальные сорта железа, железные суда и проч.[21] Например, проблему качества ствольного железа («камень преткновения» военного и горного ведомств на протяжении полувека) решили только в 1850-х гг. за счёт переноса производства с горных заводов на подведомственный военным Ижевский завод.

[20] Подробнее см: *Шумкин Г.Н.* К вопросу о месте Николаевского завода в истории русской промышленности // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2015. № 4. С. 192—204; *Шумкин Г.Н.* Трансформация системы производства артиллерийских орудий на Урале в конце 1850—1860-х гг. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2016. № 4. С. 202—217.

[21] Журнал Общего собрания Комиссии № 60. Заседания 31 марта — 9 июля 1867 г. // Труды Комиссии высочайше учреждённой для пересмотра системы податей и сборов. Т. XIII. Ч. II. СПб., 1867. С. 2—12.

Таблица 9

Производство предметов вооружения казёнными горными заводами Урала в 1856—1871 гг. (*тыс. руб.*)

Год	Орудия	Снаряды	Холодное оружие	Якоря, цепи, ридерсы	Ружья, винтовочные стволы	Лафеты, лафетная оковка	Железные суда	Итого
1856	1,4	193,9	125,0	98,2	—	8,2	—	426,7
1857	26,4	9,5	58,9	68,8	—	13,8	—	177,4
1858	19,5	22,1	109,4	78,3	7,4	—	—	236,7
1859	14,5	111,2	98,8	79,5	13,5	—	—	317,5
1860	27,9	21,0	28,8	79,6	7,1	—	—	164,4
1861	23,7	27,9	99,2	78,7	—	—	—	229,5
1862	25,1	122,3	93,7	88,3	3,7	—	—	333,1
1863	119,2	339,1	96,7	82,6	10,8	—	—	648,4
1864	57,9	268,5	102,2	120,8	16,3	—	—	565,7
1865	240,2	147,9	98,2	102,5	6,6	—	154,4	749,8
1866	290,2	115,7	104,2	123,3	15,5	22,7	160,9	832,5
1867	350,6	414,9	13,7	79,1	50,7	22,8	108,4	1 040,2
1868	347,8	631,4	66,7	39,3	40,1	156,9	56,3	1 338,5
1869	535,1	672,2	95,8	8,7	7,6	209,9	65,2	1 594,5
1871	735,8	672,8	154,0	33,5	—	329,7	68,5	1 994,3

Составлено и подсчитано по: см. примеч. к табл. 1.

В «Отчётах» горного ведомства представлен комплексный кризис. При острой потребности армии и флота в предметах вооружения в стране наблюдался восьмикратный рост стоимости производившегося оружия и боеприпасов (при нестабильном качестве продукции и без внятных перспектив на улучшение). Одновременно происходила стагнация в добыче золота и металлургических производствах (их продукцию можно было приобрести на рынке) при росте стоимости их продукции в 2,5 раза. Нести этот груз расходов государству было не по силам. Его решение избавиться от производств, не связанных с выполнением госзаказов, стало вполне закономерным и обоснованным.

Экономическое развитие России на рубеже 1880—1890-х гг. в освещении журнала «Русское обозрение»

Максим Медоваров

The economic development of Russia at the turn of the 1880—1890s in the coverage of the magazine «Russkoye obozreniye»

Maxim Medovarov
(Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870012188-7

Освещение экономического развития России на страницах отечественной прессы конца XIX в. сравнительно редко привлекает внимание историков, хотя печать к этому времени уже заметно влияла на дискуссии в правительственных сферах и образованных кругах общества. Но если споры об экономике страны народников и марксистов на рубеже XIX—XX вв. или восприятие либеральной общественностью голода 1891—1892 гг. хорошо известны, то воззрения консервативных публицистов изучены гораздо меньше[1]. Между тем, по словам А.Э. Котова, обстановка последних лет царствования Александра III «вынуждала консерваторов уделять большее внимание экономическим вопросам»[2]. В.А. Твардовская указала на защиту ими в 1880-е гг. дворянского землевладения и отсутствие среди них единого отношения к крестьянской общине[3]. По мнению М.Н. Крота, охранители второй половины XIX в. выступали за «создание мощной национальной экономики, опирающейся на собственные средства и ресурсы», при усилении регулирующей роли государства и сохране-

© 2020 г. М.В. Медоваров

[1] Характерно, что их мнения не рассматривались даже в работах о голоде: *Соколов Н.П.* Голод 1891—1892 годов и общественно-политическая борьба в России. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1987; *Книга М.Д.* История голода 1891—1892 гг. в России. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2007; *Пьянков С.А., Михалев Н.А.* Голод 1891—1892 годов в России в советской и современной отечественной историографии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 1. С. 44—55; *Дёмина Ю.В.* Современная отечественная историография голода 1891—1892 гг. // Genesis: исторические исследования. 2018. № 4. С. 85—94. Сравнительно подробно анализировались лишь взгляды С.Ф. Шарапова и К.Ф. Головина: *Базулин Ю.В.* Двойственная природа денег: русская экономическая мысль на рубеже XIX—XX веков. СПб., 2005; *Репников А.В., Соловьёв К.А.* Шарапов Сергей Фёдорович // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. М., 2010. С. 572—577; *Соловьёв К.А.* Головин Константин Фёдорович // Там же. С. 123—127; *Антонцева В.А.* Аграрная программа К.Ф. Головина в контексте консервативной мысли России рубежа XIX—XX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 2005. А.В. Репников и И.В. Омельянчук охарактеризовали позиции русских консерваторов начала XX в., но 1880—1890-е гг. практически остались за пределами их исследований: *Омельянчук И.В.* Проблемы экономического развития России во взглядах правых монархистов начала XX века // Отечественная история. 2006. № 1. С. 16—23; *Репников А.В.* Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. С. 351—398.

[2] *Котов А.Э.* Русская консервативная мысль и левый радикализм // Под каким соусом нас съедят: русский антинигилистический памфлет второй половины XIX века. СПб., 2019. С. 89.

[3] *Твардовская В.А.* Аграрный вопрос в консервативной мысли России в 80-е гг. XIX в. // Экономическая история России XIX—XX вв.: современный взгляд. М., 2003. С. 509—523.

нии сословного строя, но расходились в оценке общины[4]. Даже самые резкие критики общинного землепользования, как К.Ф. Головин, опасаясь пролетаризации и захвата деревни «кулаками», не требовали его упразднения и предлагали лишь частичные изменения в аграрном законодательстве. В.А. Антонцева, проследив эволюцию взглядов Головина после голода 1891 г., отметила, что он не одобрял переселение крестьян на новые земли, поскольку это снижало цены на хлеб, но приветствовал их переход к промыслам и предлагал постепенно заменить общинную собственность семейным владением неотчуждаемым наделом (на чём настаивал даже в годы столыпинской реформы)[5].

Одним из наиболее заметных органов консервативной печати конца XIX в. являлся журнал «Русское обозрение», издававшийся с 1890 г. в Москве на средства фабриканта Д.И. Морозова (а после его смерти в 1896 г. — при государственной поддержке) и тесно связанный через своих редакторов и авторов с правящими кругами империи — от вел. кн. Сергея Александровича до государственного контролёра Т.И. Филиппова. В первый период существования данного издания, когда его редактировали кн. Д.Н. Цертелев (с января 1890 г. до мая 1892 г.) и Н.М. Боборыкин (до сентября 1892 г.), в нём обстоятельно и профессионально рассматривались всевозможные аспекты развития промышленности, сельского хозяйства, торговли, финансов и кредита как в России, так и во всём мире.

Рубрику «Экономическое обозрение» в каждом номере до июня 1892 г. вёл выдающийся экономист и один из создателей журнала Л.Н. Воронов[6] (затем она досталась довольно поверхностному анонимному автору). Кроме того, на страницах «Русского обозрения» регулярно появлялись «Сельскохозяйственные вопросы» А.С. Ермолова, к тому времени уже занимавшего пост директора Департамента неокладных сборов Министерства финансов и считавшегося одним из крупнейших специалистов по сельскому хозяйству в России[7]. В 1892 г. он стал товарищем министра финансов С.Ю. Витте, а в 1894 г. — министром земледелия и государственных имуществ. К.Ф. Головин писал о крестьянском и помещичьем землевладении, а А.А. Борзенко, Е.К. Нелидов, Ф.А. Духовецкий и (в «боборыкинские» месяцы) Н. Чубаров в основном рецензировали различные книги, в том числе труды Ермолова и Воронова[8].

В журнале постоянно сетовали на отставание российской индустрии от западных стран, требовали модернизации производства и расширения рынков сбыта. «Русское обозрение» сочувствовало росту крупных капиталистических предприятий, хотя и признавало необходимость улучшения положения рабо-

---

[4] *Крот М.Н.* Консервативный вариант модернизации России во второй половине XIX века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2004. С. 8—9, 21. К сожалению, экономическим проблемам 1880—1890-х гг. в данной диссертации уделён только один параграф.

[5] *Антонцева В.А.* Аграрная программа К.Ф. Головина... С. 16—18.

[6] РГАЛИ, ф. 542, оп. 1, д. 16.

[7] Первая часть этого цикла статей вышла отдельной книгой: *Ермолов А.С.* Современные сельскохозяйственные вопросы: этюды из области сельского хозяйства и статистики. М., 1891. Помимо статей Ермолова, «Русское обозрение» публиковало сведения о его докладах на Областном съезде сельских хозяев в Киеве в 1890 г., Международном сельскохозяйственном конгрессе в Гааге в 1891 г., Первом всероссийском съезде винокуренных заводчиков и спиртопромышленников в 1892 г. (*Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // Русское обозрение (далее — РО). 1892. № 6. С. 796—799; [Б.а.] Экономическое обозрение // РО. 1892. № 8. С. 783—786; № 9. С. 464—486).

[8] Нелидов также критиковал марксистские подходы к экономике: *Нелидов Е.К.* [Рец.:] И. Иванюков. Основные положения теории экономической политики. 3-е изд. М., 1891 // РО. 1891. № 11. С. 481—488.

чих и государственного регулирования условий труда. Наиболее ярко эти идеи развивал Л.А. Тихомиров[9]. Воронов и кн. Цертелев также рассуждали о благодетельности фабричной инспекции и ограничения труда женщин и подростков в России[10].

Воронов, Нелидов, Борзенко сурово критиковали экономическую и финансовую политику 1860—1870-х гг., но высоко оценивали деятельность И.А. Вышнеградского в 1887—1892 гг.[11] и прежде всего его продуманный и систематичный протекционистский курс, который в «Русском обозрении» противопоставляли прежнему хаотичному установлению пошлин[12].

В феврале 1890 г. Воронов утверждал, что «увеличение в минувшем году иностранного привоза обусловливается отчасти повышением нашего вексельного курса, отчасти производится ныне пересмотром нашего таможенного тарифа»[13]. Публицист призывал вернуться к заветам Е.Ф. Канкрина: не применять ни чрезмерно высокие, заградительные, ни нулевые ставки; взимать пошлины с единиц меры и веса, а не с цены; сдерживать с помощью их повышения нежелательный экспорт; не облагать предметы первой необходимости и товары, которые легко перевозить контрабандой; в договорах с другими государствами не предоставлять индивидуальных таможенных льгот придворным и дипломатам[14]. В том же духе высказывался Нелидов, который отозвался даже на русский перевод книги аббата Ф. Галиани 1764 г., доказывая, что свободная торговля зерном выгодна в мире только Великобритании и наносит ущерб остальным странам[15].

В работах Воронова и Борзенко очерчивалась история тарифов, действовавших в России со времён Петра I до 1890 г.[16] Чередование периодов свободной торговли и протекционизма в «Русском обозрении» объясняли случайной «модой», подражанием Европе, никогда не соответствовавшим действительным потребностям страны. По мнению Воронова, в России то покровительствовали всем без разбора, то защищали промышленность, но разоряли помещиков, облагая высокими сборами ввоз сельскохозяйственных машин. Поэтому он призывал Министерство финансов отменить все старые тарифы и построить их новую систему с нуля, без учёта прежних ставок и использования «средних», компромиссных цифр. В 1890 г. экономист констатировал: «В общем, пошлины достигли очень высокого уровня, а между тем нельзя сказать, чтобы вполне обеспечили успешное всестороннее развитие национальных промыслов, без ущерба для производственных сил страны»[17].

Воронов одобрил новый тариф, введённый с 1 июля 1891 г., заявив, что он

---

[9] *Тихомиров Л.А.* Нужна ли нам фабрика? // РО. 1891. № 1. С. 286—309.

[10] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1890. № 3. С. 428—432; № 6. С. 877—879.

[11] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1891. № 1. С. 420—421; [Б.а.] Экономическое обозрение // РО. 1892. № 8. С. 777; № 9. С. 400—404.

[12] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1890. № 8. С. 873—879; № 11. С. 433—441; 1891. № 4. С. 914—915; № 8. С. 873—875; № 12. С. 883—904.

[13] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1890. № 2. С. 874—875.

[14] Там же. С. 889.

[15] *Нелидов Е.К.* Беседы о торговле зерном. Сочинение аббата Галиани // РО. 1891. № 9. С. 445—450.

[16] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1890. № 2. С. 889—892; № 11. С. 434—438; *Борзенко А.А.* [Рец.:] Свободная торговля и покровительственная система в России. Доклад Московскому отделению общества для содействия русской промышленности и торговле. Л. В[оронов]. М., 1891 // РО. 1891. № 5. С. 460—462.

[17] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1890. № 8. С. 873—875; № 9. С. 460—461.

«даёт полное и равномерное покровительство всем отраслям производительности в государстве, применительно к современным условиям экономической деятельности». «Заметно, — отмечал публицист, — что тариф составлен опытным практиком, ловко совместившим, по-видимому, непримиримые элементы: интересы фиска с целями покровительства, и в результате такого соединения получается стройное здание на месте бывшей до него руины, искусственно поддерживавшейся наставленными в разное время бесчисленными подпорками»[18].

Одновременно в «Русском обозрении» пристально следили за повальным переходом к протекционизму всех стран мира, кроме Британской империи, анализировали «тарифы Мак-Кинли» в США и призывали Петербург подражать им при пересмотре прежних, часто невыгодных торговых договоров с другими странами[19]. Ведущий идеолог «Русского обозрения» В.А. Грингмут остроумно высмеивал доктринёрство и оторванность от реальной жизни фритредеров[20]. Воронов указывал на то, что Германия с 1892 г. приступила к созданию долгосрочного таможенного союза с центральноевропейскими странами (предшественника будущей «Срединной Европы» Ф. Наумана)[21]. С учётом резкого изменения в 1880-е гг. баланса русско-германского торгового оборота в пользу России он настаивал на нецелесообразности уступок и снижения ставок, поскольку «среднеевропейская таможенная коалиция окажет не вполне благоприятное влияние на нашу внешнюю торговлю, ограничив сбыт русских товаров на рынки участвующих в договоре государств»[22]. Германскую промышленность авторы «Русского обозрения» считали прямым конкурентом русской. Журнал не раз рекомендовал ужесточить борьбу с дешёвыми и контрабандными немецкими товарами, повысить обложение импорта из Германии, поощрять развитие собственного производства при помощи Франции[23]. В частности, высокую оценку получила выставка французских товаров в Москве, воспринятая как альтернатива немецкой экспансии[24].

В июне 1890 г. «Русское обозрение» приветствовало рост ввозных пошлин на пряжу и нитки и вывозных — на пальмы и орехи, требуя также обложить сбором экспорт редких металлов[25]. В июле журнал защищал отмену пошлин на товары лёгкой промышленности, не выпускавшиеся в России в заметных количествах, но выражал беспокойство из-за того, что чрезмерное понижение расценок на перевозки грузов по железным дорогам будет выгодно иностранцам. Воронов обвинял Витте в отступлении от идей его же книги «Принципы железнодорожных тарифов»[26], требовал привязки ставок к дивидендам казны и допускал их снижение лишь после строительства сети элеваторов и завершения борьбы с одесскими спекулянтами[27].

---

[18] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1891. № 8. С. 873—875.

[19] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1890. № 8. С. 877—880; № 9. С. 462—466; № 10. С. 928—930.

[20] *Грингмут В.А.* Текущие вопросы международной политики. VII. Лазуревые фантазии // РО. 1890. № 11. С. 387—401.

[21] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1891. № 12. С. 883—898.

[22] Там же. С. 893. Попытки Германии добиться нового соглашения критиковались в журнале и в дальнейшем: [Б.а.] Экономическое обозрение // РО. 1892. № 9. С. 413—414.

[23] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1890. № 3. С. 433—436; 1891. № 5. С. 432—436; № 12. С. 897—898.

[24] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1891. № 6. С. 877—884.

[25] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1890. № 6. С. 870—871.

[26] *Витте С.Ю.* Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов. Киев, 1883.

[27] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1890. № 1. С. 420—431; № 7. С. 408—418.

«Русское обозрение» неизменно сочувствовало национализации железных дорог. Воронова возмущало, что частные компании прокладывали пути не в интересах страны и народа, а там, где это приносило наибольшую прибыль. Между тем «вся энергия предпринимателей на бездоходных линиях направлена лишь к тому, чтобы каким бы то ни было способом обмануть казну, заставить её увеличить выгодные для них расходы»[28]. Как ему казалось, только в руках правительства убыточные малые ветки могут стать эффективными и даже прибыльными, благодаря гибкому регулированию тарифов и сокращению общих расходов, и «тогда прекратится эксплуатация государства дорогами и начнётся эксплуатация дорог государством, что и составляет конченую цель реформ Министерства финансов в железнодорожном хозяйстве»[29]. Воронов не сомневался, что Витте и С.С. Поляков стремятся к созданию единого управления всеми линиями России (с элементами внутренней конкуренции). Его волновало лишь то, чтобы при этом не забыли о развитии водных путей и необходимости повышения уровня Волги[30].

Пути сообщения имели большое значение и для продвижения российского экспорта в балканские и азиатские страны. Среднюю Азию, Персию, Турцию, Сербию и Румынию в «Русском обозрении» считали приоритетными рынками сбыта. Однако, несмотря на резкое изменение в 1880-е гг. русско-турецкого торгового баланса в пользу России, Воронов учитывал невозможность надёжных инвестиций в Сербию и Болгарию, правительства которых установили для России крайне высокие тарифы. Превращение этих стран в экономический придаток Австро-Венгрии и Германии возмущало Воронова, уверенного в том, что «Сербия важна для нас не только в качестве потребителя, но и как удобный складочный пункт товаров для всей северной половины Балканского полуострова»[31]. На Балканы, в Персию и Китай он предлагал поставлять туркестанский хлопок, компенсируя возможные убытки экспортёров за счёт казны.

Опираясь на записки Н.Н. Коншина об опыте работы в тегеранской фактории, Воронов продумывал меры, способные хотя бы частично уравновесить привилегии англичан в Персии. Для этого следовало ввести льготный таможенный режим для тех купцов, которые шли на риск вести там дела[32], а также популяризировать среди персов русские товары (порою более качественные, но менее известные, чем английские), избавиться от комиссионеров-посредников в Тегеране и Тебризе, учредить особое предприятие для содействия русско-иранской торговле, построить шоссе Решт—Казвин и т.п. В то же время консулы должны были подражать британцам и лично вмешиваться в коммерческие дела своих сограждан. Ведь «малая отзывчивость дипломатии к экономическим вопросам и составляет главную причину упадка торговли и политического значения России в Персии и рост там английского влияния». Впрочем, столь же неэффективно МИД защищал интересы отечественных купцов и в других странах — от Норвегии до Румынии[33].

---

[28] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1891. № 3. С. 407.

[29] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1890. № 3. С. 438—440; № 5. С. 421—424; № 7. С. 415—419; 1891. № 3. С. 403—424.

[30] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1891. № 1. С. 427—433.

[31] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1892. № 2. С. 896—899.

[32] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1890. № 4. С. 901—904.

[33] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1890. № 7. С. 423—430; [Б.а.] Экономическое обозрение // РО. 1892. № 7. С. 320—324; № 8. С. 780—781; № 9. С. 415.

Анализируя историю русских финансов 1860—1880-х гг. и признавая заслуги Н.Х. Бунге в систематизации и детализации бюджета, Воронов упрекал его за несовпадение запланированных и реальных доходов и расходов, «поспешные» изменения акцизов в 1883 г. и 1885 г., отсутствие плана реформ и «финансовой смелости». Напротив, уже первые три года управления Вышнеградского объявлялись экономическим чудом, объяснявшимся как хорошими урожаями, так и решительной борьбой с германскими финансистами и переориентацией России с берлинской биржи на парижскую, что позволило министру обеспечить профицитный бюджет, хотя уже давно «за границей установилось мнение о невозможности исправления русских финансов»[34]. Правда, доходы от зерна, железных дорог и почты всё же казались автору «Экономического обозрения» ненадёжными.

На примере упадка Нижегородской ярмарки Воронов демонстрировал изменение характера торговли в России, которой ещё только предстояло развивать торговое мореходство и товарный кредит (под залог товара со складов), заменив им вексельный, а также погасить внутренние долговые обязательства путём взаимозачётов через клиринговые дома[35]. С беспокойством экономист указывал на то, что империя поставляла на зарубежные рынки преимущественно продукцию сельского хозяйства и сырьё. При этом доля промышленных товаров в русском экспорте составляла лишь 2,1%, тогда как в импорте она достигала 19,2%[36].

Так или иначе, итоги исполнения бюджета в 1889 г. Воронов считал блестящими. Внушало оптимизм и достижение фиксированного золотого содержания рубля в 1890 г.[37] В январе 1890 г. внешние займы России удалось конвертировать с 5% до 4,32%, в марте — до 4%; в апреле 1890 г. в связи с ликвидацией Общества взаимного поземельного кредита его долги подверглись конверсии до 4,5%; в мае 1891 г. был конвертирован до 4% внутренний заём[38]. Воронов писал тогда, что «благосостоянию русских финансов могут позавидовать многие из наших западноевропейских соседей»[39]. Уже к осени 1890 г., по его словам, «конверсия отразилась настолько удовлетворительными результатами для нашего государственного хозяйства, оказала такую крупную поддержку финансовому положению страны, что можно было бы даже примириться с предстоящими в будущем переплатами, так как богатому легче заплатить большую сумму, чем бедному маленькую... Уменьшение расходов по государственному долгу значит улучшение кредитоспособности России, освобождение русских финансов от господства берлинской биржи и, наконец, приобретение Россией финансового влияния на международных денежных рынках Европы». Казалось, что «наш Государственный банк при стеснённом состоянии денежных рынков Европы представляет крупную силу, которая перемещением своих свободных сумм может оказывать значительное давление на международные финансовые операции»[40]. В условиях кризиса 1890 г., связанного с банкротством

---

[34] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1890. № 1. С. 398—400; 1891. № 1. С. 417—427.

[35] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1890. № 4. С. 898—900, 905—909; № 8. С. 865—872; № 10. С. 927—928.

[36] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1890. № 6. С. 860—868.

[37] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1890. № 4. С. 890—893; № 9. С. 459.

[38] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1890. № 2. С. 866—868; № 3. С. 422—427; № 5. С. 401—411; 1891. № 5. С. 420—422.

[39] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1891. № 5. С. 436.

[40] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1890. № 10. С. 922, 924—925.

банка Бэринга и его должников Уругвая и Аргентины, Банк Англии впервые оказался в зависимости от русского кредита[41]. В начале 1891 г. стабильность русских финансов не пошатнули даже попытки Ротшильдов (по мнению Воронова, управлявших политикой Франции через контролировавшийся ими Французский банк[42]) сорвать одну из конверсий, дабы компенсировать свои убытки от сомнительных спекуляций[43].

Теперь, по мнению Воронова, оставалось понизить учётную ставку банков[44]. И хотя уже в 1891 г. дефолт, объявленный Португалией, вызвал очередные скачки курса русских ценных бумаг, а начавшийся вскоре в России голод привёл к дефициту бюджета на 1892 г. [45], авторы «Русского обозрения» считали это временным явлением[46]. Тем не менее их беспокоило то, что колебания курса рубля «съедали» позитивный эффект от введённых Вышнеградским таможенных пошлин[47].

Воронов с осторожностью относился к проектам денежной реформы и категорически отвергал проект «Русского вестника», предусматривавший девальвацию бумажного рубля и переход к золотому или серебряному стандарту, что в «Русском обозрении» приравнивали к банкротству[48]. Экономист утверждал, что фактически рубль уже давно привязан к курсу золота, а «при серебряной валюте придётся всецело отдать наше денежное обращение в распоряжение американцев, обладающих громадными запасами серебра. Тогда едва ли будет лучше»[49]. В условиях длительного падения мировых цен на серебро подобные опасения лишь усиливались.

Не забывали в «Русском обозрении» и о сельском хозяйстве. Головин подводил на его страницах итоги реализации реформы 1861 г. По его мнению, за три десятилетия «переходный период» так и не завершился, помещики и крестьяне в равной степени разорились, землю скупили «кулаки», цены на зерно упали, и никакие паллиативные меры и попытки сохранения надела не могли спасти Россию от аграрного кризиса[50].

Будучи противником крестьянской общины, в отличие от таких авторов «Русского обозрения», как А.А. Киреев или К.П. Победоносцев, Головин отмечал несомненные признаки расслоения в русской деревне: рост количества как безземельных и безлошадных, так и избыточно богатых хозяйств, профицит бюджета в одних губерниях и недоимки в других[51]. До отмены крепостного права, по его мнению, уравнительное распределение земли не позволяло никому беднеть, а предприимчивые крестьяне наживались на сторонних заработках, без эксплуатации своих односельчан. Помещики и казна могли относительно легко переселять избыточное население в другие деревни[52]. После 1861 г. этот

---

[41] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1890. № 11. С. 422—433.

[42] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1892. № 6. С. 810—814.

[43] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1891. № 5. С. 424—427.

[44] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1890. № 6. С. 875.

[45] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1891. № 5. С. 427—431; 1892. № 2. С. 931—933.

[46] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1892. № 1. С. 451—458; № 2. С. 929—931; [Б.а.] Экономическое обозрение // РО. 1892. № 9. С. 409.

[47] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1890. № 11. С. 442—444.

[48] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1890. № 12. С. 847—851; 1891. № 2. С. 875—881.

[49] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1891. № 2. С. 890—898.

[50] *Головин К.Ф.* Перелом в русской деревне // РО. 1890. № 1. С. 275—316; № 2. С. 624—650. Данная работа была написана ещё в 1888 г.

[51] *Головин К.Ф.* Перелом в русской деревне // РО. 1890. № 1. С. 282—283, 302—316.

[52] Там же. С. 282—284.

благодетельный патернализм, утверждал Головин, был подорван самим государством: крестьяне оказались прикованы к своим наделам, переселения стали почти невозможны, запасы хлебных магазинов расхищались, значительная часть деревенских жителей принудительно выталкивалась в сферу наёмного труда и промышленности. При этом люди разного возраста и здоровья получили при освобождении одинаковое количество десятин, что Головин считал несправедливым. Пореформенные переделы представлялись ему фиктивными и лишь прикрывавшими неупорядоченные отношения аренды и кредита[53].

Не защищая общину и круговую поруку, Головин вместе с тем настаивал на неприкосновенности крестьянских семейных участков и необходимости устранить причины, вынуждавшие бедняков фактически отказываться от земли, прикрывая её продажу иными юридическими формами. Государству, по мнению Головина, следовало «остановить начавшийся процесс и хотя некоторую, более или менее значительную часть крестьянства сделать экономически обеспеченною», признав «крестьянские подворные участки неотчуждаемыми и не подлежащими дроблению далее известного предела» (например, от 8 до 15 дес. на семью из трёх человек), что гарантировало бы сохранение рентабельности хозяйства хотя бы одному из наследников[54]. В губерниях, где не существовало общинного владения, эта же цель достигалась бы с помощью сохранения «заповедных дворов». В будущем же он желал сочетания неизменного и передельного фонда земли.

С тревогой Головин воспринимал проникновение в деревню промышленных товаров, распространение кабаков и железных дорог. Если Ф.А. Духовецкий, рассмотрев историю торговли алкоголем в России, признал акцизную систему наиболее удачной[55], то Головин утверждал, что в русские города стекается не избыточное сельское население, как в Европе, а те, кого манят лёгкие заработки и кабаки[56]. Наблюдая за быстрым ростом фабричных и торговых посёлков в Подмосковье, Новороссии, Поволжье, он с грустью писал о крушении дореформенного уклада жизни, о «роковом, бесповоротном характере» урбанизации, географического разделения труда и расслоения крестьянства, сетовал о том, что в нечернозёмной полосе земледелие стало невыгодным и уступило место отхожим промыслам, а Черноземье переориентировалось на товарный экспорт хлеба[57].

Головин резко осуждал существовавшие нормы, устанавливавшие в русской деревне диктат главы семейства и тем самым стимулировавшие разделы дворов. Ему казалось целесообразным законодательно разрешить членам се-

---

[53] Там же. С. 280—290, 300—305.

[54] *Головин К.Ф.* О семейных участках. По поводу статьи К.П. Победоносцева // РО. 1890. № 6. С. 545—546.

[55] *Духовецкий Ф.А.* [Рец.:] Н.С. Терский. Питейные сборы и акцизная система в России. СПб., 1890 // РО. 1890. № 5. С. 442—444.

[56] Ещё более мрачную картину изображал В.В. Святловский, указывавший на высокую смертность среди горожан и утверждавший, что, за исключением Петербурга, русские города — «это те же деревни, только очень большие и очень грязные, в которых было бы напрасно искать каких-либо следов цивилизации XIX столетия». Автор верил, что вскоре «школа научит деревенский люд любить чистоту и опрятность, это, в свою очередь, явится первым шагом в деле оздоровления крестьянских жилищ, а следовательно и деревень», и тогда «крестьянская жизнь станет краше и крестьянин будет достаточнее». Улучшить состояние городских мостовых, канализации, водоснабжения и освещения, по мнению журналиста, было гораздо сложнее (*Святловский В.В.* Гигиена больших городов (санитарно-экономический этюд) // РО. 1890. № 5. С. 192—193).

[57] *Головин К.Ф.* Перелом в русской деревне // РО. 1890. № 1. С. 291—299; № 2. С. 633—650.

мьи уходить на заработки по собственному усмотрению. Как ни странно, он надеялся, что это будет сдерживать переселение в город и позволит избежать «развращающей» пролетаризации крестьян[58]. Это было вполне созвучно рассуждениям Воронова, по словам которого, «русский рабочий тем и отличается от западноевропейского фабричного пролетариата, что он не порывает связи с землёй, не кидает сельскохозяйственных занятий. Фабрика и земля дают ему взаимное подспорье для усиления его экономической деятельности, увеличивают производительность его труда, повышая размер заработка»[59].

Головин был противником дробления не только крестьянских, но и дворянских владений. Включившись в дискуссию о наследственных родовых имениях, изъятых из свободной продажи, он, вслед за К.П. Победоносцевым, доказывал значимость для России класса «средних 13 тысяч» землевладельцев, собственность которых была бы защищена от отчуждения в руки кулаков и спекулянтов. Вместе с тем звучавшие в дворянской среде предложения перейти к широкому применению принципа майората ни у него, ни у Победоносцева не вызывали сочувствия. Головин опасался появления разбросанных по разным губерниям и уездам латифундий, которые, по его мнению, были бы столь же пагубны для сельского хозяйства, как и парцеллы. Со своей стороны, Головин предлагал установить минимальный и максимальный размеры неделимых имений, включая и недворянские, и так изменить правила залога поместий, чтобы значительная их часть передавалась в роду одному наследнику[60].

В отличие от Головина, Ермолов главную задачу видел в том, чтобы Россия перешла к интенсивному, поставленному на научную основу земледелию и животноводству[61]. Способствовать этому переходу должны были химический анализ злаков и молока, распространение при поддержке Императорского Русского географического общества по всей Европейской части России бактериологических, почвенных и метеорологических станций, популяризация методов неглубокой вспашки и боронования в Черноземье, использование новых типов удобрений и отказ от тех, которые вредны для сохранения влаги в почве, замена ржи и пшеницы другими культурами, высаживание бобовых и мотыльковых растений, изменение графика вспашки и посева и т.д. Ермолов ссылался на методики В.В. Докучаева, В.И. Ковалевского, И.А. Стебута, И.Н. Шатилова, знакомил русских читателей с дискуссиями в Европе о мелиорации и аграрных реформах, о создании банков взаимного кредита, о вознаграждении арендаторов за улучшение состояния почвы, о борьбе с подделками семян, болезнями скота и растений, сообщал об открытии агротехнических школ и снижении международных тарифов на перевозки. Он также выступал за регулярный созыв уездных, всероссийских и международных съездов сельских хозяев. Но далеко не все предложения агрономов-новаторов были ему близки. В частности, он не соглашался с тем, что ленивых и пьяных крестьян следует заменить рабочими, специально завезёнными для этого из Азии[62].

---

[58] *Головин К.Ф.* Перелом в русской деревне // РО. 1890. № 2. С. 624—629; *Головин К.Ф.* О семейных участках // РО. 1890. № 6. С. 554—558.

[59] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1891. № 4. С. 914—915.

[60] *Головин К.Ф.* О семейных участках. По поводу статьи К.П. Победоносцева // РО. 1890. № 5. С. 280—299.

[61] *Ермолов А.С.* Сельскохозяйственные вопросы // РО. 1890. № 4. С. 657—679; 1892. № 6. С. 642—676.

[62] *Ермолов А.С.* Сельскохозяйственные вопросы // РО. 1890. № 4. С. 674—678; 1892. № 6. С. 674—676.

Являясь знатоком истории сельскохозяйственного экспорта, Ермолов отмечал, что лишь после реформ 1860-х гг. Россия стала крупным игроком на мировом рынке зерновых. Между тем к 1880-м гг. она контролировала 85% мирового рынка ржи, более половины ячменя и двух третей овса, четверть рынка пшеницы и лишь 14% кукурузы. При этом другие страны экспортировали менее 7% производимого ими зерна, потребляя остальное внутри. На этом фоне поощрение Петербургом вывоза хлеба (особенно ржи) казалось опасным, поскольку оно обрекало крестьян на недоедание[63].

Несмотря на это, в 1880-е гг. Россию сильно потеснили такие конкуренты, как США, Австралия, Аргентина и Британская Индия. Не имея качественных, признанных в мире сортов зерна и возможности поставлять готовую муку, она безнадёжно проигрывала[64]. Сформировавшиеся единые, глобальные цены на хлеб перестали зависеть от неурожаев в отдельных регионах и начали стабильно снижаться. Однако помещики, эффективно хозяйствовавшие при крепостном праве, после катастрофических для них последствий реформы 1861 г. не могли избежать разорения даже при высоких ценах на экспортируемую ими продукцию, теперь же они окончательно становились неконкурентоспособными[65]. «В бедной стране, — сетовал Ермолов, — при настоящих экономических условиях, не может процветать и земледелие, которое всегда при этом будет обречено на печальную, вполне зависимую от других народов роль производителя дешёвого сырья»[66]. Тем не менее он не терял надежды на превращение убыточных хозяйств в прибыльные и даже призывал сократить в России посевные площади, интенсифицировав их обработку (двукратная вспашка, селекция злаков, совершенствование севооборота и т.п.)[67]. К подобным предложениям присоединялся и Воронов[68], ожидавший, правда, что с 1892 г. тенденция к понижению мировых цен на зерно сменится их ростом, и «русское земледелие может рассчитывать на блестящую будущность»[69].

Признавая резкий спад табаководства в России в 1888—1890 гг. необратимым[70], Ермолов с тревогой наблюдал за упадком винокурения[71]. Реформа 1891 г., которая должна была поддержать данную отрасль, тесно связанную с земледелием, и стимулировать внедрение технических новшеств, совпала с началом голода и не принесла желаемых результатов. Выступая в 1892 г. на съезде производителей вина и спирта, Ермолов говорил об исчезновении в России малых винокурных заводов и полной неспособности великорусских губерний конкурировать в этом отношении с Финляндией, Прибалтикой, Польшей и Западным краем. Соглашаясь с ним, авторы «Экономических обозрений»[72] то

---

[63] *Ермолов А.С.* Сельскохозяйственные вопросы // РО. 1890. № 6. С. 616—640; 1892. № 6. С. 680—703. Сходные расчёты приводил и Воронов: *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1890. № 5. С. 413—420.

[64] *Ермолов А.С.* Сельскохозяйственные вопросы // РО. 1890. № 6. С. 641—661.

[65] *Ермолов А.С.* Сельскохозяйственные вопросы // РО. 1890. № 2. С. 755—762.

[66] *Ермолов А.С.* Сельскохозяйственные вопросы // РО. 1890. № 6. С. 669.

[67] *Ермолов А.С.* Сельскохозяйственные вопросы // РО. 1891. № 2. С. 671—680.

[68] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1890. № 12. С. 862—866; *Воронов Л.Н.* [Рец.:] А.С. Ермолов. Организация полевого хозяйства (Системы земледелия и севообороты). Изд. 2. СПб., 1891 // Экономическое обозрение // РО. 1891. № 4. С. 927—931.

[69] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1891. № 12. С. 899—904.

[70] Там же. С. 201—205.

[71] *Ермолов А.С.* Сельскохозяйственные вопросы // РО. 1891. № 4. С. 177—201.

[72] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1892. № 6. С. 796—807; [Б.а.] Экономическое обозрение // РО. 1892. № 8. С. 783—786.

отмечали сокращение подушевого потребления спирта в 1880-е гг.[73], то звали на борьбу с кабаками[74], тем самым поддерживая движение за трезвость, ставшее популярным в 1890-е гг.

Гораздо оптимистичнее Ермолов оценивал перспективы русского животноводства[75]. В условиях, когда на протяжении всего XIX в. потребности Западной Европы в мясе, молоке, яйцах, кожах, щетине быстро увеличивались, обеспечивая рост спроса на скот, у России появлялся шанс получить свою долю этого рынка наряду со странами Северной и Южной Америки, Австралией и др. Но, несмотря на отдельные примеры успешного экспорта российского масла и сыра, этому препятствовало наличие посредников, сильно влиявших на цены. Затрудняло торговлю и отсутствие системы единообразного взвешивания и оценки животных и т.п. Между тем к 1880-м гг. количество голов скота на душу населения в России уменьшилось по сравнению с дореформенным временем; экспорт продуктов животноводства после 1861 г. вырос в абсолютном выражении, но его доля в общем объёме резко упала с 24% до 10%[76]. При этом, за исключением Петербурга, в стране не наблюдалось роста потребления мяса, столь заметного в Западной Европе.

В этих условиях конкурировать с США за рынки Англии и Франции можно было, лишь отказавшись от вывоза живого скота по морю и используя высококачественные рефрижераторы для мяса, а также повысив качество производимой свинины до высших сортов. Намеченная Ермоловым широкая программа мер также включала селекцию новых пород, поставки щетины, обустройство рыбоводных хозяйств, налаживание сортировки яиц по размерам и даже экспорт готовых белков и желтков целыми бочками, не говоря уже о развитии молочных школ силами Министерства государственных имуществ[77]. Вместе с тем производство шерсти и, как ни странно, мяса птицы (хорошо поставленное тогда в России) считалось неконкурентоспособным и нуждавшимся в ограждении запретительными пошлинами для сохранения хотя бы на внутреннем рынке[78].

Воронов поддерживал идеи Ермолова и его стремление устранить диспропорции в развитии сельского хозяйства, что было отнюдь не просто в то время, когда помещики Черноземья распахали всю землю, не оставляя места для скотоводства. Для решения столь сложной задачи, по мнению публицистов «Русского обозрения», следовало реорганизовать Министерство государственных имуществ и создать на его основе Министерство земледелия (что и было осуществлено в 1894 г.)[79].

«Русское обозрение» никогда не приукрашивало положение дел в деревне. Воронов и Ермолов указывали на низкие урожаи 1889—1890 гг., вызвавшие

---

[73] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1892. № 6. С. 807—810.

[74] *Чубаров Н.* По поводу прочитанного. Ora et labora! Труды Императорского Московского общества сельского хозяйства // РО. 1892. № 9. С. 480—482.

[75] *Ермолов А.С.* Сельскохозяйственные вопросы // РО. 1890. № 8. С. 531—540.

[76] Там же. С. 550, 556—561.

[77] Другой автор «Русского обозрения» выдвинул идею создания в России школьных хозяйств, где ученики выращивали бы огородные культуры, а все продукты с участка поступали «в собственность учителя, как награда за его труд»: *Н.Б.* [Рец.:] Об устройствах школьных хозяйств при сельских народных училищах. К.В. Белевича. СПб., 1892 // РО. 1892. № 9. С. 494—496.

[78] *Ермолов А.С.* Сельскохозяйственные вопросы // РО. 1890. № 8. С. 564—572; № 11. С. 163—199; 1891. № 2. С. 689—691.

[79] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1891. № 10. С. 872—873.

рост недоимок по податям и выкупным платежам, чрезмерную эксплуатацию крестьян и снижение экспорта зерна[80]. Они обращали внимание на то, что повторение таких признаков на протяжении трёх лет предвещает голод, и не ошиблись. С июня 1891 г. в журнале не прекращали писать о «голоде», не пытаясь представить его как «недород» и преуменьшить масштаб бедствия[81]. Уже в первые месяцы сообщалось, что голодает два десятка губерний и около трети населения Европейской части России. Одновременно разоблачалась некомпетентность центральных ведомств, земских собраний и правлений железных дорог, не сумевших организовать закупку и подвоз хлеба и вызвавших своими несогласованными действиями резкие колебания цен[82]. Воронов не сомневался, что «при более спокойном отношении к делу, при единстве действия отдельных органов, борьба с неурожаем шла бы гораздо успешнее и дала бы более плодотворные результаты»[83].

Причинами голода, по словам Воронова, являлись климатические изменения, хронический недостаток влаги в почве вследствие распашки оврагов и массовой вырубки лесов в 1840—1880-е гг. в черноземном центре России и Поволжье, плохая агротехника, отсутствие хлебных запасов и чрезмерный экспорт. «Мы вывозили не избыток товаров, а плоды усиленного истощения новых земель, — утверждал он. — Таким образом, наш крупный вывоз не упрочил, а наоборот, подорвал благосостояние русского земледелия и занимающихся им масс населения... Мы торгуем хлебом не от избытка, а от скудости, хищнически истощая естественные богатства страны»[84]. В журнале считали, что сперва нужно создать мощное производство, и тогда «внешняя торговля разовьётся сама собой»[85]. Между тем в начале 1892 г. Воронов крайне пессимистично оценивал состояние крестьянского хозяйства в большинстве губерний, прогнозы урожая и запасов на начавшийся год были неблагоприятны. Кн. Цертелев был убеждён, что избыток хлеба имелся только у спекулянтов[86]. Информация о погоде и состоянии хлебов в разных регионах империи размещалась в журнале вплоть до весны 1892 г.

Как полагали в редакции, во избежание дальнейшего изменения климата и ландшафта надлежало принять меры по сохранению влаги в реках и ручьях, приступить к высадке в черноземной полосе деревьев и засухоустойчивых культур (таких как кукуруза или горох), создать сеть метеорологических и почвоведческих станций, пропагандировать неглубокую вспашку и точечный посев семян[87]. «Совладаем мы с климатом и водой — всё прочее будет в наших руках», — восклицал Ермолов[88].

---

[80] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1890. № 2. С. 869—873; 1891. № 4. С. 900—911; *Ермолов А.С.* Сельскохозяйственные вопросы // РО. 1890. № 2. С. 799—805; 1891. № 2. С. 655—670.

[81] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1891. № 6. С. 885—889; № 7. С. 427—437; № 9. С. 378; Современная летопись // РО. 1892. № 2. С. 893—896.

[82] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1891. № 11. С. 449—454; 1892. № 2. С. 916—926.

[83] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1891. № 11. С. 455.

[84] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1891. № 8. С. 862—872; № 9. С. 379; № 11. С. 464—466; 1892. № 3. С. 367.

[85] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1891. № 12. С. 903.

[86] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1892. № 1. С. 458—469; № 5. С. 377—398; № 6. С. 814—825; Современная летопись // РО. 1892. № 4. С. 875.

[87] *Ермолов А.С.* Сельскохозяйственные вопросы // РО. 1891. № 10. С. 656—691; 1892. № 1. С. 159—212; *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1891. № 10. С. 864—875.

[88] *Ермолов А.С.* Сельскохозяйственные вопросы // РО. 1891. № 10. С. 688. Эти идеи были во многом созвучны составленным в те же годы агротехническим проектам В.С. Соловьёва и

На протяжении всего этого времени «Русское обозрение» требовало энергичных мер, сенаторской ревизии деревни, борьбы со спекулянтами, державшими излишки продовольствия и повышавшими цены[89], регулирования торговли и потребления, ужесточения контроля за провиантскими магазинами и даже полного запрета на вывоз зерна из России[90]. Разумеется, все авторы журнала приветствовали частную благотворительность, но мысль Д.Ф. Самарина о принудительной экспроприации хлебных запасов ими категорически отвергалась. Несмотря на достаточно сложное отношение редакции к гр. Л.Н. Толстому и В.С. Соловьёву, их действия по борьбе с голодом освещались с явным одобрением[91].

Впрочем, когда летом 1892 г. экспорт хлеба из России вновь разрешили, Воронов одобрил этот шаг[92]. А его анонимный преемник, придерживаясь той же линии, рассуждал в «Экономическом обозрении» про несовершенство нового закона о привлечении спекулянтов к уголовной ответственности и необходимость сломить их сопротивление, строя элеваторы на юге России[93].

Первейшей целью государства Воронов считал поддержку крестьянских хозяйств и предотвращение их разорения. Он доказывал, что «лучше издержать двойную сумму на продовольствие, нежели разлучать крестьянина с домом» и в будущем столкнуться «с неминуемыми недоборами в податях»[94]. Публицист настаивал на предоставлении крестьянам права льготного проезда из голодающих районов к местам заработка по железным дорогам всей России, а не только своей местности[95]. Князь Цертелев призывал выдавать ссуды всем нуждающимся общинам и земствам. «Главная забота правительства и земства, — заявлял он, — должна состоять в том, чтобы не жалеть никаких жертв, но в то же время следить за тем, чтобы жертвы эти приносили действительную пользу населению»[96]. «Для государства, — рассуждал князь, — едва ли желательно, чтобы земли переходили в руки кулаков, которые, пожалуй, будут сначала исправными плательщиками, но подорвут платёжные силы окрестного населения»[97].

«Русское обозрение» ратовало за организацию сезонных работ (особенно на железных дорогах), выдачу пособий и адресной помощи, смягчение сбора податей при условии последующего возвращения кредитов и недоимок натурой. При этом кн. Цертелев, Воронов и Головин резко возражали против практики безвозвратных ссуд, называя их «рассадником лени и тунеядства»[98]. Чубаров и

Н.Ф. Фёдорова: *Соловьёв В.С.* Сочинения в 2 т. Т. 2. М., 1989. С. 432—444; *Фёдоров Н.Ф.* Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. М., 1995. С. 257—259.

[89] Их действия осуждались в журнале исключительно жёстко: *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1892. № 4. С. 876—887; № 5. С. 398.

[90] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1891. № 7. С. 438—449; № 10. С. 871—875; № 11. С. 449—455; 1892. № 1. С. 913; Современная летопись // РО. 1891. № 9. С. 355—363; № 12. С. 850—860; *Нелидов Е.К.* Исторические материалы из Архива Министерства государственных имуществ. Пб., 1891. Вып. 1 // РО. 1891. № 11. С. 472—473.

[91] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1891. № 11. С. 456—457; Современная летопись // РО. 1891. № 12. С. 857—859.

[92] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1892. № 6. С. 794—796.

[93] [Б.а.] Экономическое обозрение // РО. 1892. № 8. С. 768—776.

[94] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1891. № 10. С. 863.

[95] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1891. № 9. С. 384—386; 1892. № 1.

[96] Современная летопись // РО. 1891. № 11. С. 420—427.

[97] Современная летопись // РО. 1891. № 9. С. 362.

[98] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1891. № 8. С. 856—859; 1892. № 3. С. 374—375; Современная летопись // РО. 1892. № 1. С. 427—434; № 3. С. 347—352.

вовсе убеждал читателей в том, что не следует требовать от помещиков отказа от барщинных работ в страдное время или чрезмерно тратиться на просвещение и оздоровление крестьян, поскольку такое попечительство уместно лишь при крепостном праве или развитом централизованном государстве[99].

Головин, обличая народников, желал скорейшей интенсификации сельского хозяйства и отказа от трёхполья и сохи, а главное — от патерналистски-распределительной экономики, при которой почти все виды доходов и заработков исходили от государства и имели характер пожалований, порождая тунеядство, привычку жить за казённый счёт и получать землю и иные блага по потребностям, без труда. Публицист критиковал общину, но не призывал её ликвидировать, не веря в то, что переселение крестьян на восток или раздел земель исправят положение, если не создать неделимые крестьянские дворы и не развивать кустарные и промышленные заработки[100]. Чубаров ещё более жёстко защищал «русскую заповедность» имений и участков[101]. Но и Воронов, соглашаясь с выводами Головина, верил в возможность капиталистической интенсификации сельского хозяйства России до шотландского уровня[102].

После ухода из журнала кн. Цертелева и Воронова тон экономического раздела «Русского обозрения» изменился. В недолгий период редакторства Боборыкина он приобрёл явно антисемитский оттенок[103]. В июле—сентябре 1892 г. новая редакция продолжала следить за урожаем и борьбой с голодом, за мелиорацией и улучшением почв, за положением железных дорог и восстановлением экспорта[104]. Но теперь в «Экономическом обозрении» чуть ли не на каждой странице обвинялись российские и германские евреи: именно они будто бы вырубали леса в центральных губерниях, монополизировали с одобрения Петербурга торговлю с азиатскими и балканскими странами и препятствовали русским купцам (например, Морозову) налаживать прямые контакты с партнёрами в Сербии, Румынии, Персии, Японии и т.д. Еврейский заговор сливался при этом в изображении «Русского обозрения» с английским, олицетворявшимся Б. Дизраэли[105]. В журнале звучали призывы выслать из России всех евреев, кроме бухарских. «Еврей, — внушалось читателям, — страшен для нас не только в материальном отношении, но и в нравственном. Еврей не знает своего отечества, он космополит, бог его — золотой кружок, этот всемирный знак материального блага; его верования, положенные в Талмуде, настолько разнятся от начал христианских, что сожительство еврея с христианином растлевает последнего в нравственном отношении и разрушает его материально»[106]. Хотя и кн. Цертелев ранее жёстко критиковал экономическую

---

[99] *Чубаров Н.* По поводу прочитанного... С. 479—483.

[100] *Головин К.Ф.* Чему учит нас голод? // РО. 1892. № 2. С. 638—659.

[101] *Чубаров Н.* По поводу прочитанного... С. 473—474.

[102] *Воронов Л.Н.* Экономическое обозрение // РО. 1892. № 3. С. 375—383.

[103] Он ощущался уже в рецензиях Чубарова, призывавшего в новом законе, ограничивавшем ростовщичество, снизить допустимый процент роста с 15 до 6% годовых и вовсе исключить евреев из числа заимодавцев, создав систему гарантированной выдачи кредитов представителям каждого сословия по спискам, которые вели бы их сословные собрания, общины, артели и т.д. (*Чубаров Н.* Современные хозяйственные вопросы. Издание Д.И. В-ва. I. Закон и ростовщичество. II. Простые речи о мудрёных делах (конверсии). СПб., 1892 // РО. 1892. № 7. С. 359—364; *Чубаров Н.* По поводу прочитанного... С. 457—464.

[104] [Б.а.]Экономическое обозрение // РО. 1892. № 7. С. 311—324; № 9. С. 409—411; *Чубаров Н.* По поводу прочитанного... С. 464—479.

[105] [Б.а.]Экономическое обозрение // РО. 1892. № 7. С. 320—324; № 8. С. 780—781; № 9. С. 415.

[106] [Б.а.]Экономическое обозрение // РО. 1892. № 7. С. 319—320.

деятельность евреев, подобные заявления при нём были невозможны. Одновременно в «Экономическом обозрении» хвалили не только ушедшего в отставку Вышнеградского, который своим «нечеловеческим трудом» освободил Россию от англо-еврейского «биржевого владычества», но и Витте — «искусного врача» юго-западных железных дорог, борца с еврейскими спекулянтами, «покровителя национального производства» и поборника «святого дела»[107]. Пройдёт немного времени, и в консервативных кругах уже самого Витте начнут обвинять в пособничестве евреям.

С октября 1892 г. редакцию «Русского обозрения» возглавил А.А. Александров (он руководил ею до 1898 г.). После этого журнал покинули почти все авторы, ранее писавшие на экономические темы. Продолжали сотрудничать с ним лишь Головин и Тихомиров; появились новые сотрудники — экономисты К.С. Красильников, В.П. Панаев, С.А. Минутко, А.И. Елишев, И.Т. Тарасов, А.Ф. Замков и др. В центре их внимания оказались уже реформы Витте.

Таким образом, в первые годы своего существования «Русское обозрение» активно поддерживало и популяризировало (прежде всего — в московском обществе) протекционистскую политику И.А. Вышнеградского, выступая при этом против проектов перехода к золотому стандарту, грозившего усилением зависимости от иностранных банков. Финансировавшееся Д.И. Морозовым консервативное издание поддерживало тесные связи с видными фигурами финансового (А.С. Ермолов) и контрольного (Т.И. Филиппов) ведомств. Его авторы не только критиковали народнические теории, но и отстаивали необходимость структурной перестройки и интенсификации сельского хозяйства (при особом поощрении животноводства), скорейшего наращивания крупной промышленности, огосударствления железных дорог экономической экспансии на Балканах и в Азии. При этом они с одобрением отзывались о законодательном регулировании трудовых и долговых отношений, опасаясь как выступлений рабочих, так и закабаления крестьян кулаками вследствие оскудения дворянства и усиливавшегося расслоения деревни. В этих условиях, по мнению публицистов «Русского обозрения», лишь государство могло обеспечить социальную стабильность и успешное развитие всех отраслей экономики Российской империи.

[107] Там же. С. 776—781; № 9. С. 400—408.

Правительственные меры по возрождению бакинских нефтепромыслов в 1905—1907 гг.

Валерий Степанов

Government measures for the revival of Baku oil fields in 1905—1907

Valeriy Stepanov
(Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow; Saint Petersburg State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870012189-8

В начале XX в. бакинская нефтяная промышленность переживала трудные времена. Экономический кризис 1900—1903 гг. привёл к упадку промыслов, значительному сокращению объёмов добычи и переработки нефти, снижению цен, массовой безработице, ослаблению притока иностранных капиталов. Россия лишилась первого места в мировой добыче «чёрного золота», которое она занимала на рубеже XIX—XX вв. В 1904 г. действовавшим в Баку компаниям пришлось заключить договор о разделе международных рынков с американским трестом «Стандард ойл», что привело к утрате российскими экспортёрами прежних позиций в Европе[1]. В годы русско-японской войны западные конкуренты вытеснили их также из стран Дальнего Востока. Значительный ущерб отрасли нанесла стачечная борьба, апогеем которой стала забастовка в декабре 1904 г., сопровождавшаяся порчей промыслового имущества и сожжением 125 нефтяных вышек. Конфликт удалось погасить только ценой уступок хозяев: был заключён первый в России коллективный договор между трудящимися и нанимателями, предусматривавший сокращение рабочего дня, повышение минимальной заработной платы, улучшение условий труда и т.п.[2]

Однако возобновившееся вскоре забастовочное движение 6—9 февраля 1905 г. переросло в острые армяно-азербайджанские столкновения. Они привели к многочисленным человеческим жертвам, сожжению 225 вышек, массовому отъезду из Баку владельцев предприятий, инженерно-технического персонала и рабочих[3]. Кроме того, как докладывал императору 14 февраля министр финансов В.Н. Коковцов, «прискорбные события в городе Баку, средоточии

© 2020 г. В.Л. Степанов

Статья выполнена при поддержке Российского научного фонда. Проект № 18-18-00142 «Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894—1917)».

This research was supported by the Russian Science Foundation. Project № 18-18-00142 «The Center and the regions: state economic policy on the outskirts of the Russian Empire (1894—1917)».

[1] *Ахундов Б.Ю.* Монополистический капитал в дореволюционной бакинской нефтяной промышленности. М., 1959. С. 21—23, 171; *Ибрагимов М.Д.* Нефтяная промышленность Азербайджана в период империализма. Баку, 1984. С. 39—61.

[2] *Фролов В.И.* Очерк забастовочного движения рабочих Бакинского нефтепромышленного района за 1903—1906 годы. Баку, 1907. С. 76—86; Бакинская стачка 1904 года. Сборник документов. М., 1940. С. 109—112.

[3] *Иголкин А.А.* Бакинские поджоги 1905 г.: революционаризм или организованный терроризм? // Революционаризм в России: символы и цвета революции. Сборник статей. М., 2005. С. 213;

нашей нефтяной промышленности, в которую вложены громадные русские и иностранные капиталы, произвели сильнейшее впечатление за границей, крайне неблагоприятное для нашего кредита, пользовавшегося до сих пор вполне устойчивым положением»[4]. 18 февраля в Баку и губернии взамен режима усиленной охраны, установленного 4 сентября 1901 г., было введено военное положение и создано временное генерал-губернаторство, вверенное генерал-адъютанту И.Г. Амилахвари (ранее направленному туда для расследования беспорядков). Для усиления бакинского гарнизона и обеспечения общественной безопасности в город прибыли новые войсковые контингенты. 26 февраля Николай II восстановил упразднённый в 1882 г. пост кавказского наместника, назначив на эту должность гр. И.И. Воронцова-Дашкова и предоставив ему чрезвычайные полномочия[5].

Но уже в мае 1905 г. из-за срыва нефтепромышленниками декабрьских соглашений временное затишье сменилось всеобщей забастовкой, которую удалось прекратить только после ряда уступок предпринимателей. Несмотря на военное положение, охрана промысловой зоны, содержавшаяся на средства самих владельцев, была не в состоянии защитить предприятия от натиска толпы. Министр финансов неоднократно просил гр. Воронцова-Дашкова принять необходимые меры, однако тот так и не сумел обеспечить безопасность нефтяного района. 20—26 августа 1905 г. в ходе армяно-азербайджанской резни промыслы подверглись катастрофическому разгрому. По данным Горного департамента Министерства финансов, из 3 110 буровых вышек сгорели 1 864, пострадали нефтехранилища, мастерские, котельные, склады, трубопроводы, жилые помещения и другие сооружения, а также запасы нефтепродуктов. Общий ущерб составил 19,8 млн руб., не считая убытков, понесённых рабочими и служащими[6].

Это сразу же отразилось на основных показателях бакинской нефтяной промышленности, и до того переживавшей стагнацию. Добыча «чёрного золота» в 1905 г. по сравнению с предыдущим годом сократилась с 616 до 405 млн пуд., производство нефтепродуктов — с 486,8 до 326,8 млн пуд., вывоз из Баку — с 492,1 до 375,3 млн пуд., потребление в масштабах страны — с 371,2 до 335,9 млн пуд., экспорт за границу — с 99,9 до 48,5 млн пуд. Доля России в мировой добыче за короткий срок упала с 39 до 28%. Это создавало серьёзную угрозу развитию народного хозяйства, поскольку к тому времени железные дороги, флот и многие промышленные предприятия перешли на жидкое топливо. Доходы казны от акциза с нефти снизились с 34,7 до 30 млн руб.[7] Поэтому правительство было крайне заинтересовано в скорейшем восстановлении промыс-

---

Джаббаров Ф.Р. Армяно-азербайджанский конфликт в феврале 1905 г. и его влияние на бакинскую нефтяную промышленность // Вестник архивиста. 1916. № 4. С. 161—179.

[4] «Армянский вопрос» на Кавказе. По материалам российских архивов и изданий. 1724—1914. В 3 т. Т. 2. СПб., 2011. С. 194.

[5] ПСЗ-III. Т. 25. Отд. I. СПб., 1908. № 25854, 25891; *Мильман А.Ш.* Царский государственный аппарат в борьбе с революционным движением в Азербайджане в годы первой русской революции // Азербайджан в годы первой русской революции. Сборник статей. Баку, 1966. С. 233—241; *Флоринский М.Ф.* Центральная власть и кавказская администрация в системе управления Российской империей в 1905—1914 гг. // Центр и регионы в истории России. Проблемы экономического, политического и социокультурного взаимодействия. Сборник научных статей. СПб., 2010. С. 380—411.

[6] РГИА, ф. 1263, оп. 2, д. 5775, л. 521; Отчёт Горного департамента за 1905 год. СПб., 1907. С. 249, 250.

[7] Обзор бакинской нефтяной промышленности за 1905 год. Баку, 1906. Т. 2. С. 2; Обзор бакинской нефтяной промышленности за 1907 год. Баку, 1908. Т. 1. Ч. 1. С. 2, 85; Ч. 2. С. 2, 124, 169;

лов. Но если причины, ход и последствия августовской трагедии неоднократно изучались в научной литературе[8], то проведению антикризисных мероприятий и их значению для дальнейшего развития отрасли до сих пор ещё не уделялось достаточного внимания.

В верхах достаточно быстро отреагировали на бакинский погром. 24 августа несколько нефтепромышленников, находившихся в столице, телеграфировали Николаю II в Петергоф: «Кровавые события, имевшие место в Баку в феврале нынешнего года, с большей силой вновь теперь повторились. В течение трёх дней там льётся кровь, горят промыслы, хранилища, вся промышленная жизнь вымерла. Служащие и рабочие в паническом страхе бегут, оставляя на произвол судьбы промыслы, охваченные ужасом этих грозных событий, имеющих последствием полное уничтожение многомиллионного имущества и оборудования всей Бакинской нефтяной промышленности, дающей казне ежегодно свыше ста миллионов рублей дохода и снабжающей топливом и светом почти всю Россию. Мы, припадая к стопам Вашего Величества, просим защиты»[9]. Император сразу же отправил наместнику телеграмму: «Доходящие до меня сведения указывают на огромные размеры, которые приняло бедствие. Вред, наносимый нефтяным промыслам, есть вред не только русской промышленности, но и всей России, ибо недостаток топлива грозит всюду самыми тяжёлыми последствиями. Дело охраны промыслов есть вопрос первейшей государственной важности». Самодержец приказал немедленно восстановить порядок и в случае необходимости обратиться за помощью к военному министру[10].

Гибель значительной части предприятий и нефтехранилищ Апшеронского полуострова вызвала сильное беспокойство в финансовом ведомстве. 24 августа Коковцов телеграфировал гр. Воронцову-Дашкову: «Не знаю истинных размеров бедствия, но не допускаю возможности преувеличений или искажений фактов в такую минуту и могу только свидетельствовать Вашему сиятельству, что бедствие, постигшее бакинские нефтяные промыслы, должно отразиться величайшим потрясением на всей русской промышленности. Я не могу их ни исчислить, ни предвидеть, но позволяю себе сказать с полной откровенностью, что я предвижу полную остановку промышленных заведений из-за недостатка топлива и опасаюсь остановки судоходства и железнодорожного движения»[11]. Несмотря на тяжёлое положение промыслов и быстрый рост цен на нефть, 30 августа Бакинское отделение Императорского Русского технического общества (ИРТО) запретило инженерно-техническому персоналу выполнять свои обязанности вплоть до предоставления гарантий безопасности, и в итоге работы прекратились повсеместно[12].

Першке С. и Л. Русская нефтяная промышленность, её развитие и современное положение в статистических данных. Тифлис, 1913. С. 74, 78, 88.

[8] *Хижняков С.С., Осинов В.Г.* К вопросу о причинах и характере трагических событий в августе 1905 г. на нефтяных промыслах Апшеронского полуострова // Предвестие эры нефти: проблемы истории нефтяной промышленности России и США во второй половине XIX — начале XX в. М., 2003. С. 263—284; *Баберовски Й.* Цивилизаторская миссия и национализм в Закавказье: 1828—1914 гг. // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 347—351; *Иголкин А.А.* Бакинские поджоги... С. 207—219; *Исхаков С.М.* Первая русская революция и мусульмане Российской империи. М., 2007. С. 148—152; *Sargent L.* The «Armeno-Tatar War» in the South Caucasus, 1905—1906: Multiple Causes, Interpreted Meanings // Ab Imperio. 2010. № 4. P. 143—169; и др.

[9] РГИА, ф. 37, оп. 66, д. 711, л. 11.

[10] Там же, ф. 1276, оп. 17, д. 9, л. 69.

[11] Там же, ф. 1263, оп. 2, д. 5775, л. 520 об.

[12] Там же, л. 559—561 об.; Нефтяное дело. 1905. 11 октября.

В Отделе промышленности Министерства финансов подсчитали, что запасы жидкого топлива на внутреннем рынке к началу сентября составят 143,9 млн пуд., а к 1 ноября сократятся до 103 млн пуд. (к 1 ноября 1904 г. было 186,3 млн пуд.). Ожидалось также, что нехватка мазута с 1 ноября 1905 г. по 1 апреля 1906 г. может достичь 25—30 млн пуд. (а по подсчётам совета Съезда бакинских нефтепромышленников даже 45—50 млн пуд.), тогда как на 1 мая 1905 г. имелся запас в 88 млн пуд.[13] Коковцов приказал Бакинскому отделению Государственного банка увеличить кредиты и отсрочить уплату долговых обязательств не только нефтяным компаниям, но и их деловым партнёрам. Впоследствии в записке местного биржевого комитета на имя министра финансов отмечалось, что «распоряжение это значительно облегчило самый острый период кризиса, вызвав в торгово-промышленном классе Баку глубокую признательность к заботам Вашим к постигшему его бедствию»[14]. Кроме того, по просьбе Коковцова Министерство путей сообщения передало часть жидкого топлива, законтрактованного для казённых железных дорог, в распоряжение совета Съезда судовладельцев Волжского бассейна, где возникла угрожающая ситуация из-за острой нехватки и подорожания мазута[15].

31 августа прибывшие в Петербург уполномоченные Съезда бакинских нефтепромышленников и Бакинского биржевого комитета направили министру финансов записку, в которой требовали уголовного преследования участников беспорядков, розыска разграбленного имущества, длительного пребывания воинского контингента в «мятежном» районе, усиления полицейской охраны на промыслах, выселения из близлежащих селений (Балаханы, Романы, Сабунчи, Забрат) жителей, регулярно уличавшихся в кражах и грабежах, запрета частным лицам, кроме нефтепромышленников и владельцев перерабатывающих заводов, пользоваться землями промысловой зоны и сооружать на ней какие-либо постройки, устройства посёлков для рабочих за её пределами, а также выдачи пострадавшим от погрома предпринимателям беспроцентной ссуды на 20—25 лет в размере стоимости утраченных имущества и товаров. При этом Статистическое бюро совета Съезда, вопреки мнению Горного департамента, настаивало на том, что убытки составили 26,7 млн руб., а для полного восстановления только наземного оборудования скважин необходимо не менее 40 млн руб.[16]

22 сентября — 7 октября в Петербурге под председательством Коковцова заседало Особое совещание, созванное для рассмотрения мер по наведению порядка в нефтяном районе. В его состав вошли представители ряда министерств, Кавказского наместничества, биржевых комитетов и предпринимательских организаций. В первую очередь они обсудили возможность возобновления деятельности уцелевших промыслов. Их владельцы выразили готовность немедленно приступить к работам, как только будет увеличена штатная численность полиции на Апшероне, причём соглашались оплачивать содержание новых чинов (четырёх приставов, 16 околоточных надзирателей и 75 городовых). Члены Бакинского отделения ИРТО заверили министра финансов, что в этом случае не будут препятствовать возвращению инженеров и техников к своим обязанностям. Об этом доложили гр. Воронцову-Дашкову, который

[13] РГИА, ф. 1263, оп. 2, д. 5775, л. 546—548 об., 552.
[14] Там же, л. 579.
[15] Там же, л. 521 об., 522; Нефтяное дело. 1905. 11 октября.
[16] РГИА, ф. 1263, оп. 2, д. 5775, л. 540—542, 557, 557 об.

отдал соответствующие распоряжения, после чего производственный процесс на полуострове начал постепенно восстанавливаться[17].

На заседаниях Особого совещания обсуждались разные пути обеспечения топливом промышленности, железных дорог и судоходных компаний. Представители Московского биржевого комитета и Ивано-Франковского комитета торговли и мануфактур предлагали решить проблему с помощью российского и импортного угля, введя для этого льготные железнодорожные тарифы от Донецкого бассейна до волжских пристаней и от балтийских портов до Центрального промышленного района. Председатель совета Съезда горнопромышленников Юга России Н.С. Авдаков высказался против понижения заграничных тарифов и заявил, что нехватка мазута вполне может быть восполнена за счёт ресурсов Донбасса. Делегаты от обрабатывающей промышленности Царства Польского считали целесообразным разрешить беспошлинный импорт нефти. Член Управления Владикавказской железной дороги В.Н. Печковский рекомендовал отменить ввозные пошлины на иностранный уголь в портах Азовского и Чёрного морей. Министр финансов видел в дефиците мазута и резком росте цен на нефтепродукты серьёзную угрозу для экономики и утверждал, что далеко не все предприятия по техническим причинам смогут перейти на твёрдое топливо. Он сомневался в способности Донбасса обеспечить всех потребителей, а также учитывал состояние железнодорожного транспорта (слабая пропускная способность линий, нехватка подвижного состава и др.), которое не позволяло надеяться на своевременную доставку угля. Коковцов не исключал, что придётся закупать топливо за границей, поэтому рассчитывал получить на один год право при необходимости разрешать ввоз нефти и нефтепродуктов без взимания таможенного сбора, а также устанавливать пониженные пошлины на импорт угля через порты Азовского и Чёрного морей. К концу 1906 г. он предполагал прояснить ситуацию на бакинских промыслах и хотя бы частично восстановить утраченные производственные мощности[18].

В конце сентября нефтепромышленники представили Особому совещанию записку, в которой повторили свои прежние требования и выдвинули новые: ускорение разработки и принятия актов рабочего законодательства, облегчение условий внесения арендной платы за пользование нефтеносными участками, разрешение владельцам иметь на предприятиях, помимо полиции, собственную стражу для защиты рабочих, служащих и промыслового имущества, предоставление казной льготных ссуд на 40 млн руб. со сроком погашения 12 лет[19]. Меры финансовой поддержки предпринимателей изучались в специальной комиссии во главе с товарищем министра финансов В.И. Тимирязевым. Коковцов дал ей руководящие указания: помощь должна представлять собой не возмещение убытков, а возвратную ссуду на восстановление промыслов, причём при определении её размера не следует забывать о тяжёлом положении Государственного казначейства после едва закончившейся войны и неурожая 1905 г. Компенсация ущерба, понесённого в августе рабочими и служащими, признавалась обязанностью самих хозяев.

На основании рекомендаций, выработанных комиссией, Совещание сократило сумму кредита до 20 млн руб., умерив аппетиты нефтяных магнатов. Ссуды предполагалось выдавать не более чем на 10 лет под 5% годовых, что

[17] Там же, л. 522 об., 523.
[18] Там же, л. 523—527.
[19] Там же, л. 542—546.

соответствовало проценту, который уплачивала сама казна по государственным займам. Возврат долга собственники земли обеспечивали залогом участка с возведёнными на нём постройками, арендаторы закладывали промысловое имущество. Сумму, выделявшуюся тому или иному заёмщику, должен был определять комитет, который следовало учредить в Баку под председательством управляющего казённой палатой, включив в его состав управляющего контрольной палатой, чиновника Бакинской конторы Государственного банка, окружного горного инженера, старшего фабричного инспектора, а также трёх выборных от Съезда бакинских нефтепромышленников. По окончании работы комиссии Тимирязева входившие в неё предприниматели составили для министерства список пострадавших фирм с указанием приблизительных размеров необходимых им ссуд. При этом они руководствовались сведениями об ущербе, собранными Горным департаментом и Статистическим бюро совета Съезда, а также полученными от самих владельцев[20].

Однако нефтепромышленники просили и о других видах помощи. Бакинский биржевой комитет направил министру финансов записку, в которой отмечалось, что даже если кредит позволит арендаторам восстановить строения и оборудование, длительный перерыв в добыче «чёрного золота» неизбежно отразится на их платёжеспособности. Поэтому они нуждаются в облегчении различного рода выплат в казну[21]. По распоряжению Коковцова это ходатайство было передано в комиссию под председательством товарища министра финансов М.Д. Дмитриева, которая признала его приемлемым и не слишком обременительным для бюджета. В итоге Совещание согласилось отложить уплату акциза за нефтяные осветительные масла по принятым до 1 октября 1905 г. залоговым квитанциям на срок от одного года до трёх лет в зависимости от объекта залога при взимании 5% годовых с отсрочиваемой суммы; отсрочить взнос арендной платы за казённые нефтеносные участки за первую половину 1905 г. до 15 апреля 1906 г., за вторую половину 1905 г. до 15 июля 1906 г., за первую половину 1906 г. до 15 октября того же года при взимании 5% годовых с отсрочиваемой суммы, а также временно разрешить до конца 1906 г. оплачивать аренду земель долевой нефтью не по условиям договора, а по фактической добыче; в условиях постоянного колебания цен на нефть определять до конца 1906 г. размер арендной платы по средним ежемесячным биржевым котировкам, а не по полугодовым, как это было ранее; освободить от выплат в пользу казны всю нефть, сгоревшую во время августовских пожаров; сложить 100% пени, начисленной по 15 октября 1905 г. за невзнос в установленный срок причитающегося казне долевого отчисления нефти, при взимании 10% с просроченной суммы в течение двух месяцев и 0,5% за каждый последующий месяц[22].

Владельцы нефтяных компаний также жаловались на то, что им постоянно приходится откупаться от грабителей и убийц, ежегодно расходуя на это до 600 тыс. руб., настаивали на коренной реорганизации полиции в Баку и на промыслах, улучшении её кадрового состава и увольнении всех чинов «туземного происхождения». Тем временем под руководством наместника развернулась подготовка преобразования полицейской службы. 30 августа 1905 г. гр. Воронцов-Дашков сообщил министру финансов по телеграфу о намеченных им изменениях в штатном расписании. Согласно его проекту, учреждалась

[20] Там же, л. 527—531, 574—576 об., 589—592.
[21] Там же, л. 576 об.—579.
[22] Там же, л. 537—538 об., 579 об.—581.

должность градоначальника, который опирался в своей деятельности на канцелярию, сыскную часть и совещательное присутствие, включавшее пять выборных от Съезда бакинских нефтепромышленников. Подведомственная ему территория делилась на два полицмейстерства: Бакинское, к которому относился также Биби-Эйбатский нефтяной район, и Балахано-Сабунчинское для остальных промыслов. В каждом из них по новому штату действовали полицмейстер, его помощники, канцелярские служащие, приставы, околоточные надзиратели и городовые. Расходы по содержанию градоначальника и его аппарата возлагались на казну, полицейской части в Баку — на городское управление, в промысловой зоне — на Съезд бакинских нефтепромышленников. Коковцов одобрил проект и предложил наместнику отправить его на официальный отзыв в Государственный контроль, МВД и Министерство финансов[23].

Особое совещание рассмотрело и способы устранения причин, вызывавших волнения и беспорядки в губернии. В записке, датированной 31 августа 1905 г., предприниматели утверждали, что стачечное движение, «благодаря отсутствию нормировки отношений рабочих к промышленникам и обратно, почти с момента своего возникновения вылилось в такие формы, которые, расстраивая промышленность, лишали представителей её возможности путём взаимных соглашений достигать успокоения и восстановления нормальных условий работ». В сентябрьской записке владельцы промыслов ратовали за «ускорение разрешения рабочего вопроса в России, по крайней мере, в той его части, которая касается свободы организаций, сходок, стачек, слова и неприкосновенности личности и жилищ»[24]. Они просили допустить на заседания Особого совещания представителей рабочих и служащих бакинских промыслов, причём это ходатайство поддержал и гр. Воронцов-Дашков. Министр финансов не считал это целесообразным в силу некомпетентности выборных в финансово-экономических делах, но согласился привлечь их к обсуждению мер по улучшению условий труда на промыслах.

Пять делегатов от рабочих прибыли в Петербург в конце сентября. На очередном заседании Совещания один из них зачитал объяснительную записку, излагавшую историю забастовочного движения и межнациональных столкновений в Бакинской губ. В ней выдвигались резкие обвинения против предпринимателей и промысловой администрации, а также освещалось исключительно тяжёлое положение наёмных рабочих-нефтяников: произвол со стороны хозяев, «площадная брань», «кулачные расправы», штрафы, увольнения без объяснения причин, низкая заработная плата, изнурительная двухсменная система, 11,5-часовой рабочий день при жаре в 40°, отсутствие питьевой воды и необходимой медицинской помощи, отвратительные жилищные условия в тёмных и сырых трущобах селений Балаханы, Романы и Сабунчи и т.п. «Рабочий вопрос, — утверждалось в записке, — жгучий и наболевший, как рок, непредотвратимый — стоит перед всем русским обществом и неотступно требует своего разрешения»[25]. Делегаты вручили министру финансов петицию, в которой требовали предоставления свободы слова, печати, собраний, союзов, стачек, возможности учреждать примирительные камеры, кассы, потребительские и производственные кооперативы, открывать школы, вечерние курсы, библиотеки, читальни, участвовать в органах городского самоуправления и об-

[23] Там же, л. 531—532 об.
[24] Там же, л. 540, 545 об.
[25] Там же, л. 561 об.—567 об.

щегосударственных законодательных учреждениях, введения государственного страхования по болезни, инвалидности и старости, компенсации за сгоревшее имущество, выделения казной земли для устройства посёлков вблизи промысловой зоны, установления восьмичасового рабочего дня, отчисления процента из общего дохода предприятий для выплаты премий, права на месячный отпуск с сохранением содержания и др.[26]

Коковцов разъяснил авторам этой записки, что правовые вопросы не входят в компетенцию Совещания, а проектируемые экономические меры должны касаться исключительно Бакинской губ., поскольку определение общих законодательных норм является прерогативой высших учреждений империи. Отметив, что правительство не может по своему усмотрению устанавливать размер заработной платы и продолжительность рабочего дня, министр финансов предложил выборным ограничиться пожеланиями, относящимися к улучшению их быта и условий труда. Тогда делегаты напомнили, что после декабрьской забастовки 1904 г. хозяева обещали соблюдать условия заключённого коллективного договора, однако на некоторых промыслах они выполнялись лишь отчасти, а на остальных и вовсе игнорировались. По поручению Коковцова наниматели и рабочие совместно обсудили возможность отмены сверхурочных работ, введения оплачиваемых отпусков, выдачи квартирного довольствия, организации медицинской помощи, открытия новых школ, создания примирительной камеры и др. В итоге они договорились о дополнении и распространении декабрьского соглашения 1904 г. на все промыслы. Министр финансов обратился к предпринимателям с просьбой осуществить эту социальную программу за счёт фонда Съезда бакинских нефтепромышленников[27].

Вместе с делегатами от рабочих в Петербург приехали два представителя служащих Балаханского и Биби-Эйбатского промысловых районов. Они ознакомили членов Совещания со своей петицией, поданной совету Съезда ещё 25 июля 1905 г. В ней указывалось на то, что для этой категории работников ни законом, ни договором с хозяином не устанавливаются правила найма и увольнения, дни праздничного и воскресного отдыха, продолжительность рабочего времени, минимальные суммы окладов, предоставление отпусков, оказание медицинской помощи и т.п. К петиции прилагался подробный перечень требований. Однако совет Съезда перенёс его рассмотрение на осень, ссылаясь на отсутствие летом в Баку многих крупных нефтепромышленников. Оба делегата добивались от Коковцова проведения чёткого разделения между рабочими, на которых распространялось действие фабричных законов, и служащими (конторщиками, приказчиками и др.), чьи права регулировались бы новыми правилами о личном найме. Однако министр финансов и в этом усмотрел превышение полномочий Совещания. Поэтому он ограничился тем, что попросил предпринимателей выполнить данное ими обещание и рассмотреть петицию в ближайшее время[28].

Рекомендации Совещания, касавшиеся снижения или полной отмены таможенных пошлин на ввоз топлива из-за границы, реорганизации губернской полиции, предоставления ссуд и платёжных льгот нефтепромышленникам, 15 октября 1905 г. были представлены Коковцовым в Комитет министров[29].

---

[26] Там же, л. 567 об.—569 об.
[27] Там же, л. 534—536 об., 584—588 об.
[28] Там же, л. 536 об., 537, 569 об.—574.
[29] Там же, л. 538 об.—539 об.

1 ноября их одобрил Совет министров под председательством гр. С.Ю. Витте, а 11 ноября утвердил Николай II[30]. В дальнейшем эти меры осуществлялись отдельными законодательными актами и административными распоряжениями. Приоритетное внимание уделялось финансированию предпринимателей, имущество которых пострадало от пожаров. При этом Департамент государственного казначейства руководствовался списком компаний, составленным нефтепромышленниками и приложенным к представлению Коковцова. 9 декабря были опубликованы правила выдачи ссуд владельцам промыслов, подписанные новым министром финансов И.П. Шиповым, а также В.И. Тимирязевым, возглавившим учреждённое в конце октября Министерство торговли и промышленности, в ведение которого перешёл Горный департамент[31]. К тому времени в Баку был сформирован комитет, который принимал ходатайства о ссудах, устанавливал их размер, давал санкцию на выплату авансов и следил за расходованием заёмщиками полученных средств по прямому назначению. Правда, с 17 ноября 1905 г. по 14 апреля 1906 г. выдали только 5,7 млн руб. В Петербурге вскоре возникли сомнения в целесообразности выделения на поддержку бакинских промыслов 20 млн руб. и в самой практике их распределения. В Департаменте государственного казначейства полагали, что сумма убытков, определённая в основном по свидетельствам самих владельцев, была явно завышена. Кроме того, многие компании при быстром росте цен на нефть сумели поправить дела собственными силами, что не помешало им воспользоваться льготным кредитом в своих коммерческих интересах[32].

Управляющий Бакинской контрольной палатой 29 марта 1906 г. докладывал своему начальству, что установленный правительством общий размер ссуд превышает реальные потери предприятий не менее чем вдвое. Список пострадавших фирм составлялся в комиссии Тимирязева со слов её участников из числа предпринимателей, причём в спешке и под влиянием панических слухов о полной гибели промыслов. Комитет в Баку также выносил решения, опираясь на заключения своих членов от Съезда бакинских нефтепромышленников, поскольку сами чиновники не могли адекватно оценить нужды заёмщиков. Между тем пожар уничтожил далеко не всё имущество — металлические части механизмов не пострадали и вскоре уже снова начали работать, каменные стены зданий уцелели и нуждались только в ремонте. Посетив Апшерон, представители бакинского комитета убедились в том, что промысловые сооружения почти полностью восстановлены. Крупные компании, выигравшие от роста цен на «чёрное золото», уже могли функционировать без каких-либо льготных ссуд. Но в список Министерства финансов без всяких оснований попали даже фирмы, которые уже давно не занимались добычей. В итоге они сумели получить авансы, и тем самым казённые деньги достались «нефтепромышленникам-аферистам»[33].

Эти факты были доведены до сведения Николая II во всеподданнейшем отчёте государственного контролёра Д.А. Философова за 1905 г. При этом отмечалось, что выделение 20 млн руб. ложится «весьма чувствительным бременем» на бюджет, и бакинскому комитету следует удовлетворять ходатайства о ссудах «с большой осторожностью, не иначе, как по подробном рассмотрении

[30] Там же, д. 5772, л. 186—189; ПСЗ-III. Т. 25. Отд. 1. № 26898.
[31] Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1905. Отд. I. № 238. Ст. 1969.
[32] РГИА, ф. 565, оп. 6, д. 24841, л. 20—21.
[33] Там же, ф. 37, оп. 66, д. 729, л. 122—128 об.

всех обстоятельств дела»[34]. 22 апреля император поручил Совету министров изучить возможность сокращения кредитования нефтепромышленников без нарушения их «справедливых интересов»[35]. Однако в тот же день гр. Витте получил отставку, после чего состав правительства был почти полностью изменён. 28 июня 1906 г. Коковцов, вновь возглавивший финансовое ведомство, ходатайствовал о распространении права пользования льготным кредитом на компании, которые потерпели убытки в августе 1905 г., но по каким-либо причинам не попали в список Министерства финансов[36]. На заседании Совета министров 27 июля товарищ государственного контролёра С.В. Иванов заявил о необходимости пересмотра этого списка, включавшего фирмы, прекратившие добычу ещё до начала беспорядков или быстро восполнившие свои потери. Он рекомендовал с особой тщательностью относиться к заявкам предпринимателей, а при разногласиях в бакинском комитете передавать решение дела в Петербург. Однако товарищ министра финансов М.В. Чистяков настаивал на сохранении установленного порядка, изменение которого привело бы к усложнению и замедлению выдачи ссуд. Совет министров не принял во внимание доводы Государственного контроля и согласился с предложением Коковцова, утверждённым императором 25 августа 1906 г.[37]

Стремясь стимулировать рост добычи нефти, бакинский комитет летом 1906 г. поддержал ходатайство о предоставлении льготных ссуд подрядчикам по бурению, которые ещё не успели восстановить сгоревшее и разрушенное имущество. Эту инициативу одобрили главы финансового и торгово-промышленного ведомств[38]. В целом к концу 1906 г. из 160 пострадавших предприятий, внесённых в список, 63 получили отказ, а 81 смогло воспользоваться кредитом, но в меньшем объёме, чем запрашивало. Государственный контролёр П.Х. Шванебах, как и его предшественник, докладывал императору, что многие компании видят в использовании ссуд главным образом способ лёгкого обогащения, и упорно добивался прекращения подобной практики[39]. В итоге всего из предназначенных 20 млн руб. нефтепромышленникам было выдано только 12,5 млн руб.[40], причём они далеко не всегда справлялись со своевременной оплатой своих долговых обязательств. 5 марта 1909 г. были утверждены правила приёма в казну и сдачи в аренду участков неисправных заёмщиков[41], но их применение в последующие годы так и не покрыло полностью задолженность владельцев промыслов. На заседании межведомственного совещания по нефтяному делу в январе 1915 г. представитель Государственного контроля констатировал, что предоставленные почти 10 лет назад ссуды не погашены, за некоторыми компаниями накопились недоимки и пени в размере 800 тыс. руб., а капитальный долг достигает 1,3 млн руб.[42]

---

[34] Всеподданнейший отчёт государственного контролёра за 1905 год. СПб., 1906. С. 92—95.
[35] РГИА, ф. 37, оп. 66, д. 729, л. 164.
[36] Там же, л. 152—153.
[37] Там же, ф. 1276, оп. 17, д. 9, л. 61, 63 об.—65.
[38] Там же, ф. 37, оп. 66, д. 729, л. 187—188 об.
[39] Всеподданнейший отчёт государственного контролёра за 1906 год. СПб., 1907. С. 98, 99.
[40] Всеподданнейший отчёт государственного контролёра за 1909 год. СПб., 1911. С. 141.
[41] РГИА, ф. 37, оп. 66, д. 729, л. 231—232; ПСЗ-III. Т. 28. Отд. I. СПб., 1911. № 30958; Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1909. Отд. I. № 32. Ст. 285.
[42] РГИА, ф. 32, оп. 1, д. 314, л. 45.

Льготы по различным платежам нефтепромышленников в казну и другие «послабления», сделанные по закону 11 ноября 1905 г., также дорого обходились государственному бюджету. Только из-за взносов арендной платы долевой нефтью не по условиям контракта, а по факту действительной добычи, к концу 1907 г. казна недополучила более 2 млн руб.[43] 25 августа 1906 г. льготу по уплате пени за невзнос в установленный срок причитающегося казне долевого отчисления нефти распространили также на тех, кто арендовал участки за попудную плату[44]. Однако нефтепромышленники настойчиво добивались от Министерства финансов новых рассрочек и уменьшения размеров сборов[45]. Так, Бакинский биржевой комитет, ссылаясь на забастовку рабочих в июле 1906 г., ходатайствовал о переносе ещё на полгода и без того отсроченной арендной платы за второе полугодие 1905 г. Эту просьбу поддержали Коковцов и товарищ министра торговли и промышленности А.А. Штоф, учитывавшие «затруднительное положение» отрасли[46]. Кроме того, министр финансов присоединился к предложению торгово-промышленного ведомства распространить эти льготы и на тех арендаторов, которые заключили договоры уже после издания закона 11 ноября 1905 г. Это решение, одобренное Советом министров, 25 августа 1906 г. утвердил император[47].

В конце 1906 г. заканчивался срок, в течение которого Министерство финансов могло разрешать беспошлинный ввоз нефти, мазута и нефтепродуктов, а также импорт угля по пониженной таможенной ставке. 23 ноября Д.А. Философов (с июля занимавший пост министра торговли и промышленности) ходатайствовал о его продлении ещё на год, но применительно только к нефти и мазуту. Он объяснял это сокращением поставок жидкого топлива в районы потребления и ростом цен. По его словам, летние забастовки 1906 г. привели к тому, что ежемесячная добыча нефти, составлявшая в апреле 40 млн пуд., в дальнейшем резко снизилась до 20 млн пуд. Поскольку никто не мог гарантировать, что вспышки стачечной борьбы не повторятся, приходилось думать о том, как восполнить дефицит топлива за счёт импорта. В течение года министр надеялся преодолеть возникшие трудности и вернуться к таможенному обложению нефти и мазута[48]. 5 декабря Совет министров согласился с предложением Философова, а 24 декабря оно было утверждено императором[49].

С большим трудом в правительственных кругах продвигался проект учреждения Бакинского градоначальства и преобразования местной полиции. Граф Воронцов-Дашков в сентябре 1905 г. отправил его окончательный вариант управляющему делами Комитета министров барону Э.Ю. Нольде. В сопроводительном письме он указал, что задуманная реформа «вызывается давно уже назревшей потребностью в постоянном единообразном надзоре за всем, составляющим одно целое, промысловым районом с его беспокойным насе-

---

[43] Всеподданнейший отчёт государственного контролёра за 1907 год. СПб., 1908. С. 97.

[44] РГИА, ф. 1276, оп. 17, д. 9, л. 61, 73—74.

[45] Там же, ф. 565, оп. 6, д. 24855, л. 5—5 об., 80—83 об., 85, 87—88 об., 91—94 об., 143—144, 147—149 об., 162—163; Отчёт Бакинского биржевого комитета за 1906 год. Баку, 1907. С. 37—39, 40—60.

[46] РГИА, ф. 37, оп. 66, д. 729, л. 159, 159 об.; Отчёт Бакинского биржевого комитета за 1906 год. С. 39, 40.

[47] РГИА, ф. 37, оп. 66, д. 729, л. 161, 171.

[48] Там же, ф. 1276, оп. 2, д. 192, л. 2—6.

[49] Там же, л. 13—14; ПСЗ-III. Т. 26. Отд. I. СПб., 1909. № 28705.

лением, необходимостью быстрого принятия в нужных случаях полицейских мер»[50]. Однако в условиях финансового кризиса дело затормозилось, поскольку на содержание новых административных структур требовались значительные средства. Поэтому 4 ноября 1905 г. Тимирязев обратился в Государственный совет с ходатайством на три года (с 1 июня 1905 г. по 1 июня 1908 г.) увеличить с 0,2 до 0,5 коп. попудный сбор, взимавшийся, согласно ст. 555 Горного устава, с предпринимателей на различные нужды промыслов. 2 декабря 1905 г. это предложение прошло через Соединённые департаменты и 16 января 1906 г. было утверждено императором. Состоявшийся 7—21 февраля XXI экстренный съезд бакинских нефтепромышленников принял данное решение к сведению[51].

Проект наместника 21 и 28 августа рассматривался в Особой комиссии под председательством товарища министра внутренних дел А.А. Макарова, а 10 октября в Совете министров. 28 октября «Временное положение о бакинском градоначальстве», а также штаты Бакинского и Балахано-Сабунчинского полицмейстерств были введены в действие императорским указом в соответствии со ст. 87 Основных законов без обсуждения в законодательных учреждениях[52]. Баку и часть Бакинского уезда, включающая Апшеронский полуостров с островами Нарген, Святой и др., выделялись из состава губернии в особое градоначальство. Ежегодные расходы на новые учреждения (937,5 тыс. руб.) частично покрывались за счёт попудного сбора (537,5 тыс. руб.), средств города (150 тыс. руб.) и процентного сбора с гуртового скота (2 тыс. руб.). «Временное положение» возлагало на градоначальника «особенное попечение об охране бакинских нефтяных промыслов и заводов, о поддержании на них порядка и безопасности и предотвращении и устранении всех могущих возникнуть препятствий к правильному ходу промысловых и заводских работ». Он председательствовал в ряде губернских присутствий — по городским делам, фабричным и горнозаводским делам и др., а также руководил особым присутствием, которое занималось обеспечением порядка и безопасности в промысловой зоне, регулированием на этой территории цен на товары первой необходимости, составлением проектов постановлений, касавшихся «общественного благочиния» для местностей за пределами Баку, и другими административно-финансовыми делами. В него входили помощник градоначальника, правитель его канцелярии, бакинский и балахано-сабунчинский полицмейстеры, окружной инженер II Кавказского горного округа, старший фабричный инспектор, председатель биржевого комитета, городской голова, три представителя городской думы, председатель совета Съезда бакинских нефтепромышленников и пять членов, избранных этой организацией[53]. В дальнейшем рассмотрение «Временного положения» в Государственной думе и Государственном совете надолго затянулось, и только 23 марта 1912 г. Николай II утвердил окончательный текст закона[54]. С образованием градоначальства отменялось военное положение и упразднялось временное генерал-губернаторство. Вместо этого 6 декабря 1906 г. Бакинскую губ. объявили в состоянии чрезвычайной охраны, которое продле-

[50] РГИА, ф. 1276, оп. 19, д. 36, л. 1—14 об.
[51] Там же, ф. 37, оп. 66, д. 721, л. 3, 3 об., 4—9 об., 39—40; ПСЗ-III. Т. 26. Отд. I. № 27260.
[52] РГИА, ф. 37, оп. 66, д. 721, л. 116—123; ф. 1276, оп. 19, д. 36, л. 300—306.
[53] ПСЗ-III. Т. 26. Отд. I. № 28494.
[54] Там же. Т. 32. Отд. I. СПб., 1915. № 36741.

валось в 1907—1908 гг., а в дальнейшем было ограничено пределами градоначальства[55].

Проведение в жизнь рекомендаций, намеченных в 1905 г. под руководством Коковцова, давало положительный эффект. Философов в октябре 1906 г. отмечал, что «под благотворным влиянием изысканных совещанием мер нефтяная промышленность начала восстановляться, с наступившим успокоением оживилась деятельность промыслов, и добыча нефти вскоре заметно увеличилась»[56]. Однако дальнейшее развитие отрасли сдерживалось не прекращавшимися вспышками стачечной борьбы. Хозяева не торопились выполнять взятые на себя обязательства улучшить условия труда и быта рабочих, а те, находясь под влиянием революционной пропаганды, продолжали выступать за расширение своих прав и новые уступки. В июле 1906 г. поднялась очередная волна забастовок, которая не спадала в течение полутора лет. Если в 1905 г. их число составляло 56, то в 1906 г. — 65, а в 1907 г. — уже 122[57]. «Современное положение на нефтяных промыслах в Баку вызывает самые серьёзные опасения, — писал П.А. Столыпин кавказскому наместнику 6 февраля 1907 г. — Забастовки промысловых рабочих охватили многие нефтяные промыслы, а предъявляемые рабочими требования настолько непомерны, что не поддаются никакому удовлетворению, и, по-видимому, они возбуждаются не столько в видах улучшения экономического быта рабочих, а исключительно с целью создать удобную почву для подготовляемого революционными элементами общего рабочего движения». Председатель Совета министров опасался, что это брожение вновь вызовет всплеск беспорядков и новый разгром промыслов, когда весной на Апшероне будут сосредоточены огромные запасы жидкого топлива, предназначенные для отправки по волжскому пути во внутренние губернии[58].

16—27 октября 1906 г. способы стабилизации положения в нефтяном районе обсуждались с участием представителей рабочих в Особом совещании под председательством Философова, которое рассматривало меры по обеспечению промышленности каменным углём и жидким топливом. На его заседаниях, в частности, говорилось о недостаточности административного надзора за взаимодействием хозяев и рабочих[59]. В представлении, направленном в Совет министров 19 января 1907 г., Философов указал, что 30 тыс. рабочих, занятых на 167 нефтяных промыслах, находятся в ведении одного горного инженера и трёх его помощников, исполняющих, кроме того, многочисленные обязанности технического характера. Поэтому предлагалось расширить штат действовавшей в Бакинской губ. фабричной инспекции и временно поручить ей контролировать соблюдение законов, регулирующих отношения предпринимателей и рабочих, освободив от этой задачи чиновников горного ведомства. 9 февраля Совет министров высказался в пользу ходатайства Философова, утверждённого императором 2 марта[60].

---

[55] Там же. Т. 26. Отд. I. № 28653; Т. 27. СПб., 1910. № 29233, 29810; Т. 28. Отд. I. № 30393, 31242; Т. 29. Отд. I. СПб., 1912. № 31877, 32761; Т. 30. Отд. I. СПб., 1913. 33595, 34105; Т. 31. Отд. I. СПб., 1914. № 34836, 35745; Т. 32. Отд. I. № 37833; Т. 33. Отд. I. Пг., 1916. № 38898, 40116.

[56] Нефтяное дело. 1906. 16 ноября.

[57] *Пажитнов К.А.* Очерки по истории бакинской нефтедобывающей промышленности. М.; Л., 1940. С. 159.

[58] РГИА, ф. 1276, оп. 3, д. 179, л. 14, 14 об.

[59] Нефтяное дело. 1906. 16 ноября.

[60] РГИА, ф. 1276, оп. 3, д. 172, л. 7—12; ПСЗ-III. Т. 27. № 28967.

Со второй половины 1890-х гг. на съездах бакинских нефтепромышленников и в правительственных комиссиях не раз говорилось о необходимости строительства посёлков для рабочих за пределами промысловой зоны, поскольку непосредственно в местах нефтедобычи было невозможно обеспечить им приемлемые жилищные и санитарно-гигиенические условия. Однако только после августовских беспорядков власти перешли к практическим действиям[61]. Следуя рекомендациям Особого совещания под председательством Коковцова, 11 ноября 1906 г. Философов внёс в Совет министров представление, в котором признавалось, что «скорейшее принятие мер, могущих способствовать устройству для рабочих, занятых на бакинских нефтяных промыслах, жилых помещений, удовлетворяющих необходимым санитарным требованиям, является весьма важным не только с точки зрения должного благоустройства быта рабочих, забота о чём составляет одну из наиболее существенных задач правительства, но также и в видах внесения в среду рабочего на промыслах люда должного успокоения, так как при переживаемом ныне тревожном настроении рабочие с особенной чувствительностью относятся к промедлению в осуществлении таких мероприятий, которые направлены к улучшению материального их быта»[62]. Для устройства посёлков министр торговли и промышленности просил передать в распоряжение его ведомства участок, принадлежавший Морскому министерству (65 дес. вблизи Биби-Эйбатского района), а также 70 дес. свободной казённой земли в селении Балаханы, около озера Забрат. Порядок строительства, заселения и дальнейшего использования домов на этой территории Философову предстояло установить по соглашению с кавказским наместником[63].

18 ноября 1906 г. А.А. Бирилёв, руководивший морским ведомством, выступил в Совете министров против изъятия у флота земли, примыкавшей к Бакинскому порту. Размещение там рабочих, подверженных революционной пропаганде, вице-адмирал считал опасным для обороны южной границы империи и господства на Каспийском море. Однако его позиция не встретила поддержки[64]. Тогда 11 декабря Бирилёв направил записку с изложением своего особого мнения Николаю II, который распорядился обсудить вопрос ещё раз с учётом военно-стратегической ситуации в регионе. 3 января 1907 г. Бирилёв снова доказывал коллегам, что «интересы государственной обороны должны быть поставлены превыше всех прочих соображений». Но остальные участники заседания вновь встали на сторону Философова, подтвердив прежнее постановление. Через неделю морскому министру, произведённому в адмиралы, пришлось покинуть свой пост, а 1 февраля император одобрил предложения правительства[65].

XXIV экстренный съезд бакинских нефтепромышленников, состоявшийся 1—2 июля 1907 г., обсудил проект строительства двух поселений и первоначальную смету расходов[66]. 26 октября были опубликованы подписанные министром торговли и промышленности по соглашению с кавказским наместником

---

[61] *Пажитнов К.А.* Указ. соч. С. 148—149; Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883—1914. Документы и материалы. М.; Л., 1961. С. 321.

[62] РГИА, ф. 1276, оп. 2, д. 119, л. 43 об.—44.

[63] Там же, л. 47, 47 об.

[64] Там же, л. 90—95 об.

[65] Там же, л. 104—106, 134—136 об.; ПСЗ-III. Т. 27. № 28851.

[66] Труды XXIV экстренного съезда нефтепромышленников в гор. Баку (1 и 2 июля 1907 года). Т. 2. Баку, 1907. С. 1—35, 39—43; Приложения. С. 3—20.

«Правила об устройстве на казённых землях посёлков для рабочих Бакинских нефтяных промыслов»[67]. Они возлагали на совет Съезда бакинских нефтепромышленников финансирование строительства зданий и подъездных путей до промыслов, обеспечение благоустройства территории, хозяйственное заведование новыми жилыми комплексами, регламентировали порядок отвода усадебных участков, открытия торговых заведений, храмов, школ, больниц и других объектов. Все работы должны были проводиться с разрешения особого присутствия при бакинском градоначальнике и под наблюдением окружного инженера II Кавказского горного округа. Однако осуществление этих планов постоянно откладывалось из-за ведомственных разногласий, бюрократической волокиты, а также стремления предпринимателей избежать слишком крупных расходов. Шипов, сменивший скончавшегося в декабре 1907 г. Философова во главе Министерства торговли и промышленности, 23 сентября 1908 г. писал Столыпину, что устройство посёлков «при инертном отношении, проявляемом до сих пор к этому делу самими нефтепромышленниками, едва ли могло бы осуществиться в скором времени»[68]. Невыполнение давно данных обещаний стало постоянным дестабилизирующим фактором в промысловом районе. В конце 1914 г. предприниматели вернулись к прежнему замыслу и ходатайствовали перед правительством о выдаче ссуды в размере 2 млн руб. Однако и на этот раз дело не сдвинулось с мёртвой точки и было окончательно похоронено затянувшейся войной и революционными событиями 1917 г.[69]

В целом политика правительства сыграла свою роль в возрождении предприятий Апшерона. И хотя власть отзывалась далеко не на все запросы бакинских нефтепромышленников, они отдавали должное её усилиям и жертвам казны. При этом особо оценивались заслуги Коковцова. 16 декабря 1907 г. по случаю 35-летия служебной деятельности министра финансов владельцы промыслов отправили ему комплиментарную телеграмму: «Среди всеобщей растерянности и сумятицы, когда, казалось, нефтяная промышленность разгромлена бесповоротно, Вы, не убоявшись различных кривотолков, не отступили малодушно, как делали многие, перед отдельными мнениями печати, справедливо сознавая, что в таком специальном вопросе, как нефтяной, мнение печати, ввиду его неосведомлённости, может быть ошибочно, и Вы смело и убеждённо взялись за организацию этого дела и благополучно довели его до конца, проведя его, как опытный кормчий, между Сциллой и Харибдой, и кто знает, какие бы формы приняла наша нефтяная промышленность, если бы не Ваша твёрдая своевременная поддержка её»[70].

Однако на фоне общего упадка бакинских промыслов результаты правительственных мероприятий выглядели довольно скромно. Добыча нефти в 1905—1907 гг. росла медленно — с 409,9 до 476,5 млн пуд., производство нефтепродуктов увеличилось с 326,8 до 360,6 млн пуд., общий вывоз из Баку — с 375,3 до 377,3 млн пуд., экспорт упал с 48,5 до 37 млн пуд. В дальнейшем, вплоть до 1914 г., небольшой прирост продукции чередовался с временными падениями в пределах от 417 до 499 млн пуд.). Доля России в мировой добыче

---

[67] Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1907. Отд. I. № 173. Ст. 1275.
[68] РГИА, ф. 1276, оп. 4, д. 148, л. 126—126 об.
[69] *Пажитнов К.А.* Указ. соч. С. 149; Нефтяное дело. 1914. № 23.
[70] Отчёт Бакинского биржевого комитета за 1907 год. Баку, 1908. С. 130.

нефти продолжала уменьшаться и в 1911 г. составила лишь 19,5%[71]. Властям не удалось смягчить противоречия между трудом и капиталом[72]. Правда, с 1908 г. наблюдался спад рабочего движения, но оно по-прежнему создавало препятствия для развития промыслового района, а в 1913 г. начался новый подъём стачечной борьбы. В итоге, по словам американского экономиста Д. Ергина, «революционные беспорядки 1905 г. превратили Баку в коммерческое захолустье мирового нефтяного рынка»[73]. Прежних объёмов добычи «чёрного золота» в России удалось достичь только к концу 1920-х гг.

[71] Обзор бакинской нефтяной промышленности за 1907 год. Т. 1. Ч. 1. С. 2, 85. Ч. 2. С. 2, 124, 169; *Першке С. и Л.* Указ. соч. С. 92, 93, 108, 193; *Пажитнов К.А.* Указ. соч. С. 139.

[72] Подробнее см.: *Потолов С.И.* Царизм, буржуазия и рабочий вопрос в Первой русской революции (Бакинская совещательная компания 1906—1908 гг.) // Рабочие и российское общество. Вторая половина XIX — начало XX века. СПб., 1994. С. 70—137.

[73] *Ергин Д.* Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М., 2019. С. 149.

«Прения должны быть гильотинированы»: съезды советов госпланов СССР и проблема выбора пути развития

Михаил Фельдман

«The debate must be guillotined»: Soviet state planning congresses and the problem of choosing the path of development

Mikhail Feldman
(Ural Institute of Management, Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg)

DOI: 10.31857/S086956870012190-0

Материалы пяти съездов советов (президиумов) госпланов СССР (представителей союзного Госплана и ВСНХ, работников плановых комиссий союзных и автономных республик, крупнейших областей), прошедших в 1926—1929 гг., никогда не относились к разряду закрытых источников. Работа съездов (кроме четвёртого) освещалась в экономических журналах (с предсказуемым убыванием обзорной информации от съезда к съезду), «Торгово-промышленной газете» и «Экономической газете». Стенографические отчёты первого и пятого съездов изданы отдельными тиражами[1]. Съезды не обделены вниманием историков ни в советское[2], ни в постсоветское время[3]. Тезис о последовательном углублении экономической теории и народнохозяйственного планирования в 1920-е гг. прочно вошёл в историческую литературу, хотя в последние три десятилетия стали известны многочисленные факты необоснованных гонений на выдающихся учёных-экономистов в конце нэпа[4]. Вместе с тем приходится констатировать, что описание происходившего на съездах сводится к освещению совокупности отдельных фрагментов, мало связанных одним историческим процессом.

Это обусловило постановку цели данной статьи: выяснение места и роли материалов пятого съезда советов госпланов СССР (7—14 марта 1929 г.) как в дискуссии советских экономистов второй половины 1920-х гг., так и в сложной эволюции общественной жизни на переходе от одного этапа советской истории, связанного с нэпом и авторитарным правлением, к другому — директивно управляемой экономике и тоталитарному государству.

© 2020 г. М.А. Фельдман

[1] Проблемы планирования: итоги и перспективы (Стенографический отчёт первого съезда президиумов госпланов СССР и госпланов союзных республик). М., 1926; Проблемы реконструкции народного хозяйства на пятилетие (пятилетний план на пятом съезде советов госпланов). М., 1929.

[2] См., например: *Белянова А.М.* О темпах экономического развития СССР. М., 1974; *Звездин З.К.* От плана ГОЭЛРО к плану первой пятилетки. М., 1979.

[3] *Рогачевская Л.С.* Альтернативы первому пятилетнему плану развития народного хозяйства // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994. С. 319—328; *Эрлих А.* Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924—1928. М., 2010.

[4] Каким быть плану: дискуссии 20-х годов. Статьи и современный комментарий / Сост. Э.Б. Корицкий. Л., 1989; *Ясный Н.* Советские экономисты 1920-х годов. Долг памяти. М., 2012.

Материалы пятого съезда в сопоставлении со сведениями о работе предшествующих съездов позволяют сделать вывод об изменении состава выступающих; содержании их докладов; культуре дискуссии; методах планирования; выборе пути экономического развития. Становится более понятным, как экономисты рассматривали будущее советской экономики. Но наряду с этим важное и непреходящее заключается в том, какое влияние идеи и взгляды, документальные разработки, прозвучавшие на съезде, оказали на формирование первого пятилетнего плана, последующее развитие экономической теории и практики.

Госплан СССР представлял собой уникальный орган в аппарате управления в силу его нацеленности на научное прогнозирование и планирование. К его работе оказалось привлечено немало видных учёных и инженеров, экономистов, как правило, с дореволюционным стажем. В середине 1920-х гг. это было единственное советское учреждение, в котором более 60% сотрудников имели высшее образование[5]. При раздвоенности векторов развития большевизма и советского государства — рационально-технократического и утопического[6] — Госплан объективно становился лидером первого направления и объектом критики приверженцев второго.

Каждый из съездов советов (президиумов) госпланов СССР оставил след в развитии практики и теории планирования. Первый в марте 1926 г. рассмотрел перспективную ориентировку Госплана СССР на ближайшие пять лет. Второй (март 1927 г.) одобрил второй вариант пятилетки Госплана. Третий (март 1928 г.) утвердил методологию разработки первого пятилетнего плана. Четвёртый — сведения о нём минимальны — проанализировал контрольные цифры на 1928/29 хозяйственный год. Пятый съезд должен был представить окончательный вариант первого пятилетнего плана[7].

Ни истерия «военной угрозы», ни сталинский «ультралевый поворот» политического курса с декабря 1927 г.[8] не изменили направленности действий госплановцев во главе с Г.М. Кржижановским. Специалисты ориентировались на эффективное участие в мировом разделении труда; с уважением относились к оценке достижений зарубежных государств в области реализации идеи предвидения, планомерности[9]. Трудно сказать, насколько они понимали, что «военная истерия» носит искусственный характер. Ситуация в мире была такова, «что реальной опасности войны не существовало вплоть до прихода Гитлера к власти в 1933 г., а реальное нападение произошло ещё восемь лет спустя»[10]. Курс на развитие многоукладной экономики, сохранение взаимовыгодных отношений с западными странами выразился в ряде вариантов первого пятилетнего плана.

Так, в одобренных вторым съездом госпланов «Перспективах развёртывания народного хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг. (Материалы центральной комиссии по пятилетнему плану)» звучало следующее: «Дальнейшие крупные, исторически-решающие сдвиги в области обобществления будут воз-

---

[5] *Звездин З.К.* От плана ГОЭЛРО к плану первой пятилетки. С. 111.

[6] *Булдаков В.П.* Октябрьская революция как социокультурный феномен // Россия в XX веке. Историки мира спорят. С. 160, 162.

[7] *Звездин З.К.* От плана ГОЭЛРО к плану первой пятилетки. С. 143.

[8] *Хлевнюк О.В.* Сталин. Жизнь одного вождя. М., 2016. С. 150—158.

[9] Каким быть плану... С. 11.

[10] *Эрлих А.* Дискуссии об индустриализации в СССР... С. 183.

можны лишь после того, как в народном хозяйстве образуются новые материально-производственные предпосылки обобществления». Более того, это стратегическое положение недвусмысленно уточнялось: «В ближайшие годы, до тех пор, пока эффективность новых вложений не выявится с достаточной силой... нет смысла форсировать обобществление». У госплановцев не вызывала сомнений адекватность экономической модели нэпа для задач индустриализации. Тревогу вызывало не наличие частного сектора в экономике, а неэффективное функционирование государственного сектора, в системе управления которого присутствовали «уродливые явления». Поэтому необходимо было провести «определённую перезагрузку частного капитала, вытесняя его из тех позиций, в которых он вредит социалистическому хозяйству, и переводя его в те области, где он может быть полезным социалистическому сектору». Столь же определённо авторы «Перспектив» обозначили свою позицию и в отношении сельского хозяйства: «Продукция совхозов и колхозов играет во всём сельском хозяйстве такую незначительную роль, что изменение её удельного веса за пятилетие может выразиться в совершенно непоказательных величинах»[11].

В 1927 г. такие взгляды ещё могли звучать открыто: курс на сохранение нэпа совпадал с решениями XV съезда ВКП(б). Проблема заключалась в том, что развитие экономики ставило всё более сложные вопросы. Растущие запросы промышленности требовали капиталовложений. «Нам нужен внешний кредит на 1,5 млрд руб. ... Можем рассчитывать только на 700 млн руб.», — говорил Кржижановский на ноябрьском пленуме (1928) ЦК[12].

Проблема поиска недостающих средств казалась неразрешимой. И самый простой вариант многим большевикам представлялся в форме изъятия «излишков» средств у зажиточной части крестьянства и кустарей[13]. Именно поэтому главная претензия ортодоксов заключалась в том, что «ни в одном варианте пятилетки Госплана не была поставлена задача абсолютного сокращения частного капитала в промышленности»[14]. Конечно, статья И.А. Гладкова, где содержалось приведённое выше суждение, вышла в свет в 1935 г., т.е. спустя годы после описываемых событий, но — «большое видится на расстоянии» — автор точно передал и антинэповский вектор устремлений сталинской фракции, и её же нацеленность на «стерильно чистый социализм», базирующийся исключительно на госсекторе.

Выполняя поручение Сталина, Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) разработал к XV съезду ВКП(б) (декабрь 1927 г.) свой вариант пятилетнего плана — «Контрольные цифры развития промышленности СССР на 1927/28—1931/32 гг.». В нём темпы роста промышленности за пятилетку более чем в два раза превышали намеченные Госпланом[15]. Выбор ВСНХ в качестве главного орудия борьбы со сторонниками многоукладной экономики не случаен: к середине 1920-х гг. именно в его в структурах наметилась линия на возрождение

---

[11] Перспективы развёртывания народного хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг. (Материалы центральной комиссии по пятилетнему плану). М., 1927. С. 45—47.

[12] Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928—1929 гг. В 5 т. Т. 3. М., 2000. С. 54—55.

[13] *Лацис О.Г.* Перелом. Опыт прочтения несекретных документов. М., 1990. С. 91.

[14] *Гладков И.А.* К истории первого пятилетнего народнохозяйственного плана // Плановое хозяйство. 1935. № 4. С. 115.

[15] Там же. С. 114.

отраслевого управления и главков, заслужившая даже в советской историографии справедливый упрёк в «неоправданной централизации управления»[16].

Одновременно сообщество экономистов оказалось искусственно поделено на «настоящих советских учёных, выступающих за создание предпосылок, позволяющих развивать производительные силы в сторону социализма», и группу экономистов, «взгляды которых носили буржуазный характер» (Н.Д. Кондратьев, В.А. Базаров, А.М. Гинзбург, В.Г. Громан и др.)[17]. Показательно обвинение Базарову — «возможно, самому разностороннему экономисту своего времени»[18], — предъявлявшееся в исторической литературе советского времени: «Он игнорировал важную качественную черту, отделяющую капиталистическое и социалистическое общество — обобществление средств производства». Приоритет формы над содержанием (в данном случае — степени национализации над эффективностью производства) очевиден, но здравый смысл отступает там, где форма подкрепляется идеологической поддержкой со стороны власти. В случае с Базаровым сохранение товарно-денежных отношений и многоукладной экономики превращалось в «социальное зло», а призывы к учёту требований рынка оборачивались нападками на учёного за «стремление перенести действие законов капиталистического развития в условия советского хозяйства переходного периода»[19].

Выскажу предположение, что наибольшее неудовольствие партийных лидеров Базаров вызвал тем, что говорил о необходимости чёткого определения цели: чем будет характеризоваться советская экономика через 10—15 лет? Ни Маркс, ни Ленин не оставили какого-либо конкретного представления об обществе будущего. Руководители ВКП(б), вовлечённые в многолетнюю внутрипартийную борьбу, вопросы долгосрочного планирования и прогнозирования откладывали на более благоприятное время.

Учёный осмелился сделать свой прогноз. «Общество будущего» к началу 1940-х гг. должно характеризоваться, прежде всего, преодолением отсталости в сравнении со всеми сторонами жизни развитых капиталистических стран. Электрификация отраслей народного хозяйства и экономическое районирование могут сблизить технические и технологические показатели промышленности и сельского хозяйства СССР и США. Ускоренная (но не форсированная) индустриализация не должна осуществляться за счёт «уплотнения рабочего дня». Вместо радужных, но фантастических картин «близкого социализма» Базаров фактически писал о решении задач раннеиндустриальной модернизации, честно предупреждая о трудности этого пути, в частности о невозможности выбора оптимального варианта развития без использования математических методов (вариационного исчисления)[20].

Примечательно, что в 1974 г., продолжая и развивая многолетнюю традицию негативной оценки взглядов Базарова, А.М. Белянова подметила, что «никто из участников дискуссии не выступил с критикой существа разработанных математических формул, никто не доказал их неправильность или неправо-

---

[16] *Суворова Л.Н.* Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком. М., 2013. С. 133.

[17] *Белянова А.М.* О темпах экономического развития СССР. С. 23, 28, 29.

[18] *Ясный Н.* Советские экономисты 1920-х годов... С. 42—43.

[19] *Белянова А.М.* О темпах экономического развития СССР. С. 30.

[20] *Базаров В.А.* О методологии построения перспективных планов // Плановое хозяйство. 1926. № 7. С. 9—21.

мерность». Более того, «ссылаясь на сложность математических формул... критики широкого применения математического аппарата тем самым отказались от всякой попытки работать над совершенствованием методологии. Не было осмыслено, что главное в ней не сам математический аппарат, а сама форма созданной модели: попытка представить общественное производство, служащее удовлетворению потребностей трудящихся»[21].

Этот вывод можно было бы признать блестящим, если бы он не противоречил основному содержанию книги — критике экономистов с «буржуазными взглядами». Но выделю главное: сложность математических формул оказалась неподвластна не только части экономистов-современников Базарова, зачастую не имевших высшего образования, но и советским руководителям. Научный путь страны предполагал тесное взаимодействие с учёными и специалистами. Альтернативой оказалась ставка на импровизацию и опасные эксперименты.

Третий и четвертый съезды президиумов госпланов характеризовались медленным отступлением команды Кржижановского с прежних позиций. Так, перед третьим съездом все подготовительные материалы прошли проработку в секретариате ЦК ВКП(б)[22]. Казалось бы, барьер идеологической цензуры остался позади, и в резолюции съезда подчёркивалось: «После трех вариантов пятилетнего плана... вопросы пятилетнего плана перестали быть дискуссионными... В результате многолетнего опыта плановой работы мы, наконец, имеем создавшийся в процессе работы единый методологический фронт плановых работников по пятилетке... Разногласия в методологии построения пятилетнего перспективного плана в основном остались позади»[23]. Однако радость оказалась преждевременной. Сталин и его сторонники рассматривали социально-экономическое развитие страны с точки зрения «жизни в осаждённой крепости». «Директива в кратчайший исторический срок догнать, а затем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран превращается в категорический императив», — заявил руководитель ВСНХ В.В. Куйбышев на VIII Всесоюзном съезде профсоюзов (декабрь 1928 г.)[24].

7 мая 1928 г. президиум Госплана утвердил Директивы ВСНХ СССР по составлению перспективного плана промышленности («далеко отступившие от установок союзного Госплана», включившие как обоснованные, так и необоснованные пожелания и требования ведомств). При этом оказались отброшены критические замечания госплановцев в неподкреплённости плановых заданий необходимыми ресурсами. Очевидно, что подобное «продавливание» стало возможным только при активной поддержке партийного руководства. Попытка руководства Госплана в августе того же года вернуться к сбалансированному варианту пятилетнего плана натолкнулась сначала на упорное сопротивление представителей ВСНХ, а в ноябре — на прямое указание пленума ЦК «вести политику индустриализации возрастающими темпами» в духе проекта ВСНХ[25].

Впрочем, руководители Госплана могли опереться на решения июльского (1928) пленума ЦК ВКП(б), осудившего «чрезвычайные меры» в сельском

---

[21] *Белянова А.М.* О темпах экономического развития СССР. С. 171.
[22] Там же. С. 215.
[23] Индустриализация СССР. 1926—1941 гг. Документы и материалы. М., 1969. С. 290.
[24] Там же. С. 310.
[25] *Звездин З.К.* От плана ГОЭЛРО к плану первой пятилетки. С. 215, 219, 226, 230.

хозяйстве[26], и близкие к ним по духу постановления СНК СССР[27], подтверждавшие принципы нэпа в экономическом развитии страны. Об эволюции взглядов части партийной элиты свидетельствует выступление члена Политбюро ЦК, руководителя ВЦСПС М.П. Томского на июльском пленуме ЦК: «Я боюсь вот чего — все мы за нэп, но немножко веет от некоторых речей таким душком: хорошо, если бы этот нэп был, но без нэпманов, без кулаков и без концессионеров. Вот это был бы прекрасный нэп. Но позвольте вам сказать, что это был бы не нэп... такого нэпа в природе не дано»[28].

Очевидное раздвоение идеологии и практики, вытекавшее из составлявших марксизм уже упомянутых рационально-технократической и утопической тенденций, в той или иной форме, в различных сочетаниях пронизывало всю советскую историю. Следует напомнить: и ноябрьский пленум ЦК стал полем борьбы сторонников и противников нэпа (зачастую в скрытой форме[29]), опровергая мнения ряда историков о бесперспективности нэпа в теории и практике хозяйствования. В такой обстановке становится понятно, почему руководство Госплана не выполнило директив и весь декабрь 1928 г. отстаивало прежнюю позицию. В новый год Госплан входил с проектом пятилетнего плана, вобравшим весь опыт и методологию трёхлетних научных обсуждений, отвергавшим явно завышенные прогнозы ВСНХ. На заседаниях президиума Госплана 29 декабря 1928 г. и 5 января 1929 г. возникла острая дискуссия, в ходе которой специалисты Госплана доказывали, что расчёты ВСНХ «не имеют экономической обоснованности». В свою очередь ВСНХ в очередной раз увеличил контрольные цифры на пятилетку (примерно на треть). Показательно, что и в советской историографии отмечалось, что «задания контрольных цифр проекта ВСНХ по ряду важнейших позиций были сбалансированы искусственно в надежде на использование внутренних ресурсов промышленности»[30]. Но именно за это и критиковали «оптимальный вариант пятилетнего плана ВСНХ» те учёные, кого партийная печать называла «буржуазными специалистами».

На рубеже 1928—1929 гг. Госплан и ВСНХ стремились заручиться дополнительной поддержкой. С этой целью Госплан и соответствующие наркоматы провели ряд отраслевых конференций с участием представителей науки и практических работников с целью «уточнения перспективных планов и использования в них важнейших достижений науки и техники». Они сыграли важную роль в технико-экономическом обосновании плановых заданий[31]. Со своей стороны глава ВСНХ Куйбышев на VIII съезде профсоюзов представил «оптимальный вариант» пятилетнего плана как официальный документ и заручился поддержкой профсоюзов. Это был беспроигрышный ход: профсоюзные лидеры, входившие в состав парткомов различных уровней, потребовали «ускорения развития ведущих отраслей и вытеснения частного сектора из экономики». В начале 1929 г. крупнейшие отраслевые профсоюзы официально заявили о необходимости ещё более высоких темпов[32].

---

[26] Как ломали нэп... Т. 2. М., 2000. С. 12, 15.
[27] Там же. Т. 3. С. 5.
[28] Там же. Т. 2. С. 426.
[29] Там же. Т. 3. С. 5—28.
[30] *Звездин З.К.* От плана ГОЭЛРО к плану первой пятилетки. С. 231, 233.
[31] История социалистической экономики. В 7 т. Т. 3. М., 1977. С. 18.
[32] *Звездин З.К.* От плана ГОЭРЛО к плану первой пятилетки. С. 233, 240.

Согласование проектов Госплана и ВСНХ проходило в явно неравных условиях. 21 января 1929 г. СНК, несмотря на резкие возражения Кржижановского, под давлением Сталина поддержал вариант ВСНХ. Доводы учёных о несбалансированности «оптимального варианта», о том, что многие его элементы экономически не обоснованы, проигнорировали[33]. Затем партийное руководство выразило отношение к «упрямству» специалистов Госплана отказом рассматривать их предложения по подготовке Генерального плана развития народного хозяйства СССР на 10—15 лет как в центре, так и на местах. Такое отношение объяснялось «отсутствием единства среди специалистов», «абстрактностью гипотез»[34].

Между тем в 1926—1928 гг. деятельность Госплана в области долгосрочного планирования считалась наиболее важной, поскольку Генплан рассматривался как «экономическая программа реконструкции всего народного хозяйства СССР... и экономический план нашего движения к социализму»[35]. В советской исторической литературе отмечались его многогранность, «богатство накопленного материала, глубина постановки проблем. Были выработаны основные идеи перспективного долгосрочного плана развития народного хозяйства»[36]. Работы по составлению плана по инерции продолжались до 1933 г., но подготовленные материалы пошли только в ведомственный архив[37]. Признать надуманность и ошибочность партийного решения советскому историку было крайне затруднительно. Но в косвенной форме всё же констатировалось: «В результате практика планирования на целое десятилетие до конца 30-х гг. сосредоточилась на разработке и реализации краткосрочных планов развития, методология которых также нуждалась в совершенствовании». Более того, «создание экономико-математических моделей было предано забвению. Теоретическая, методологическая сторона “рабочей гипотезы” Ковалевского была не понята большинством экономистов и подверглась критике. Те кто в корне отвергал методологию Ковалевского, ничего взамен предложить не могли»[38]. Как видно, в основе санкций лежала методологическая неосведомлённость многих партийных лидеров. В такой напряжённой обстановке в марте 1929 г. начал работу пятый съезд советов госпланов СССР.

Его документы[39] открываются «Предисловием» Кржижановского. Руководитель Госплана СССР, ответственный редактор большинства его трудов 1920-х гг., он пережил жесточайшую критику ряда своих коллег по ведомству и его печатному органу — журналу «Плановое хозяйство»[40].

Время между ноябрьским (1928) и апрельским (1929) пленумами ЦК ВКП(б) стало периодом ожесточённых дискуссий приверженцев и противников нэпа. Чем дальше, тем ощутимее становилось превосходство последних,

---

[33] *Рогачевская Л.С.* Альтернативы первому пятилетнему плану... С. 323.

[34] *Белянова А.М.* О темпах экономического развития СССР. С. 170.

[35] *Ковалевский Н.А.* Методология плана реконструкции // Плановое хозяйство. 1928. № 4. С. 8—9.

[36] *Белянова А.М.* О темпах экономического развития СССР. С. 170.

[37] *Иголкин А.А.* Нефтяная политика СССР в 1928—1940 гг. М., 2005. С. 46.

[38] *Белянова А.М.* О темпах экономического развития СССР. С. 171—172.

[39] Проблемы реконструкции народного хозяйства на пятилетие...

[40] *Струмилин С.Г.* Индустриализация СССР и эпигоны народничества // Плановое хозяйство. 1927. № 7, 8; *Струмилин С.Г.* Индустриализация СССР и эпигоны народничества. М., 1927. Быстрота, с которой статьи Струмилина в журнале «Плановое хозяйство» были напечатаны отдельным изданием, позволяет предположить использование административного ресурса.

использовавших в полной мере как подтасовку фактов, демагогию и прямой обман, так и антикапиталистические аргументы ортодоксального большевизма[41]. Тем не менее в марте 1929 г., даже лишившись официального прикрытия — нэпа, учёные-экономисты, составлявшие ядро аппарата Госплана, сохранили свои концептуальные подходы. Во-первых, они оставались приверженцами индикативного планирования. Во «Вступительном слове» Кржижановского это звучало недвусмысленно: «Пятилетний план не выливается в оконченную форму, его установки не должны иметь характера твёрдых цифр»[42]. Во-вторых, судя по докладу заместителя председателя Госплана Г.Ф. Гринько «Основные проблемы пятилетнего хозяйственного плана СССР»[43], не предусматривались какие-либо меры по форсированному обобществлению частного сектора в экономике. Обращает на себя внимание социальный раздел доклада, предложивший ряд мероприятий (например, сокращение продолжительности рабочей недели — с учётом укороченных предпраздничных и субботних дней — с 44,6 часа до 41,2). «Крупнейшим вопросом пятилетнего плана» называлось «обеспечение роста реальной заработной платы»[44].

Согласно проекту пятилетнего плана, строительство большинства крупных промышленных предприятий из числа тех, что реально войдут в строй за годы пятилетки, сочеталось с планами повышения энерговооружённости рабочего места (в среднем на 90%). Сооружение 22 крупных машиностроительных заводов по отправному варианту и 30 — по оптимальному рассматривалось как важнейшая задача. Важной особенностью проекта было то, что он является единым документом, построенным как в отраслевом, так и районном разрезе на основе 28 планов республик и крупных областей[45].

Ярче всего отношение госплановцев к нэпу, многоукладной экономике выражено в докладе главного специалиста Госплана М.М. Вольфа «Пути реконструкции сельского хозяйства в пятилетие»[46]. В нём отмечалось, что «основную роль (в деревне) будет играть масса индивидуальных хозяйств, и поэтому стимулирование бедняцких и середняцких хозяйств есть основа плана. Но они будут охвачены широким кооперативным движением»[47]. Предлагаемый проект намечал умеренные темпы роста доли колхозов в товарной продукции села с 0,8 до 14,9% и совхозов — с 3,6 до 8%; при этом индивидуальные хозяйства сохраняли приоритетные позиции, даже сократив свою долю за пятилетие с 96,6 до 77,1%[48]. Обоснованно звучали строки о необходимости «разделять кулака и крестьянина, поднимающегося вверх за счёт усвоения агрокультур и кооперации»[49]. Большое значение придавалось землеустройству, содействию производителям в увеличении поголовья рабочего скота и снабжению простейшими орудиями и инвентарём.

Проект плана предусматривал рост товарной продукции сельского хозяйства с 2 990 млн до 5 300 млн руб. по отправному варианту и до 6 400 млн руб. —

---

[41] Как ломали нэп... Т. 3. С. 6—17.
[42] Проблемы реконструкции народного хозяйства на пятилетие... С. 17.
[43] Там же. С. 29—125.
[44] Там же. С. 103, 106.
[45] Там же. С. 46—56, 102, 180—193.
[46] Там же. С. 235—298.
[47] Там же. С. 296.
[48] Там же. С. 274.
[49] Там же. С. 296.

по оптимальному[50]. Таким образом, при сохранении нэповской модели за счёт кооперации, мер по развитию сельскохозяйственного машиностроения и т.п. крестьянство могло нарастить товарную продукцию на 2,4—3,5 млрд руб. Расходы на небольшое повышение закупочных цен на зерно (на 5%)[51], на закупки сельхозмашин окупались бы во многом за счёт оборотных средств кооперации (около 760 млн руб.). О возможностях кооперации говорил и такой факт: если в 1926/27 г. она имела в обороте собственных средств 36,5%, а заёмных — 63,5%, то спустя год — соответственно 63 и 37%[52]. Показательно и то, что стоимость сельскохозяйственного экспорта в 1926/27 г. — 292 млн руб. — была практически равна аналогичному показателю в 1930 г. (303 млн) и существенно превышала показатели 1931 г. (223 млн) и 1932 г. (81 млн)[53]. Сохранение индивидуального крестьянского хозяйства позволяло получить в виде налогов и займов 3,9 млрд руб., в том числе 2,1 млрд у «кулаков», 1,8 млрд у середнячества. Около 300 млн из этой суммы должно было быть перераспределено на укрепление бедняцких дворов[54].

Рост продукции мелкой промышленности (представленной в основном частными товаропроизводителями) примерно на 50% за пятилетие должен был сопровождаться максимально полным кооперированием мелкого производства (доля его продукции возрастала с 32,7 до 68% всей продукции мелкой промышленности СССР[55]); его частичной электрификацией; налаживанием экономических отношений с крупными предприятиями, с одной стороны, и с массой ремесленников — с другой[56]. Тем самым сохранялись налоговая база, насыщение рынка товарами широкого потребления, занятость населения.

За счёт займов у населения (добровольных по форме и во многом обязательных в реальности) планировалось привлечь 2,2 млрд руб. Ещё 1 млрд должна была дать эмиссия банковских билетов[57]. Аккумуляция этих средств в руках государства выдвигала на первый план задачу рационального и умелого их использования. Вообще, риски финансового обращения оставались высокими. Уменьшить их масштаб должны были мероприятия по обеспечению рыночного равновесия[58], повышение рентабельности промышленных предприятий. Запланированное наращивание экспорта нефти и леса — главных статей советского внешнеторгового оборота конца 1920-х — начала 1930-х гг.[59] — могло компенсировать колебания показателей вывоза за рубеж зерна. Об этом же говорил нарком внутренней и внешней торговли А.И. Микоян на июльском пленуме ЦК (1928).

Тогда же он указал и на раздутый характер военной угрозы для СССР, сообщив: «Мы преодолели трудности во внешней торговле, вызванные разрывом Англии с СССР. Английская промышленность и торговля пошли на то, чтобы

---

[50] Там же. С. 273.

[51] Осенью 1927 г. предполагалось повысить цены на четыре основные культуры — рожь, пшеницу, овёс, ячмень — примерно на 5%, однако вместо этого в начале 1928 г. они были понижены на 3—5% (Как ломали нэп... Т. 1. М., 2000. С. 8).

[52] Как ломали нэп... Т. 3. С. 199.

[53] Внешняя торговля СССР за 1918—1940. Статистический обзор. М., 1960. С. 18.

[54] Проблемы реконструкции народного хозяйства на пятилетие... С. 159—161.

[55] Там же. С. 122.

[56] Там же. С. 88—89.

[57] Там же. С. 456—457.

[58] Там же. С. 109.

[59] Внешняя торговля СССР за 1918—1940... С. 14, 18, 67, 104.

сохранить англо-русскую торговлю... Мидленд-банк выдал СССР кредит на 100 млн руб., затем в момент разрыва снял его, затем восстановил, расширив его до 150 млн руб.». С 1928 г. советские заказы в Англии стали постепенно восстанавливаться[60]. Тот факт, что даже коминтерновская деятельность не смогла прервать взаимовыгодных торгово-экономических отношений двух держав, наводит на мысль, что получению Советским Союзом внешних кредитов мешал не столько «антисоветский курс капиталистических стран», сколько нацеленность руководства ВКП(б) на активизацию революционного движения во всем мире и понимание страны Советов как «прообраза мирового СССР»[61].

Как видим, проект пятилетнего плана, предложенный на пятом съезде госпланов, говорил о сохранении нэповской многоукладной экономики не как о самоцели, а как об адекватной экономической модели, способной решать действительно сложные и противоречивые задачи индустриализации.

В принципе такие установки не противоречили директивам XV съезда ВКП(б), предусматривавшим, в частности, сохранение кустарной и ремесленной промышленности («совершенно необходимым дополнением крупной государственной промышленности»), индивидуального сектора в деревне[62]. Однако за прошедшее время изменилось слишком многое. Курс на дополнение экономических стимулов административным нажимом всё в большей степени подменялся «чрезвычайными мерами» в рамках «новой» политики Сталина[63].

Понимание целенаправленности критики «сверху» и её взаимосвязи с возможными «организационными выводами» определило внешнюю форму материалов пятого съезда. Их отличали подчёркнутый оптимизм в выступлениях, частое употребление ритуальных фраз о «социалистической реконструкции», заявления о «небывалом единстве всех плановых работников». «Ни на одном съезде не наблюдалось такой воодушевленной сплочённости среди плановых и хозяйственных работников, такого общего подъёма рабочего настроения. Устами многочисленных ораторов пятый съезд продемонстрировал... единство плановой мысли в основных и важнейших наметках пятилетки»[64], — такими словами открывалось «Предисловие» Кржижановского.

По-видимому, единство плановой мысли должно было наступить после того, как ведущие экономисты Госплана и авторы наиболее заметных статей журнала «Плановое хозяйство» 1926—1928 гг. — Базаров, Кондратьев, Громан — оказались за чертой приглашённых на съезд, а их статьи практически перестали приниматься к публикации. Между тем даже в советской историографии указывалось, что именно с Базаровым были связаны такие методологические приёмы планирования, как балансовые расчёты, метод вариативных приближений, конкретизация качественных установок, которые могли быть положены в основу планов, и т.п.[65] «Единство подходов к планированию», отмечал Кржижановский, позволяло прекратить дальнейшую дискуссию по разработке

---

[60] Как ломали нэп... Т. 2. С. 185—186.

[61] Там же. С. 10.

[62] Из резолюции XV съезда ВКП(б) «О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства» // Индустриализация СССР. 1926—1941 гг. Документы и материалы. М., 1969. С. 287.

[63] *Хлевнюк О.В.* Сталин. Жизнь одного вождя. С. 160—161.

[64] Проблемы реконструкции народного хозяйства на пятилетие... С. 9.

[65] *Звездин З.К.* От плана ГОЭЛРО к плану первой пятилетки. С. 215.

пятилетнего плана. Причём мысль выражалась в примечательной форме: «Прения должны быть гильотинированы»[66].

Однако к концу 1920-х гг. восторгов по поводу революционных методов решения проблем у «старой» большевистской гвардии заметно поубавилось. Нэп принёс «отрезвление» умов той части большевиков, которая оказалась тесно связана с экономикой. Ответственность за результаты — суровая школа. Как следствие, совершенно иные оценки прозвучали во «Вступительном слове» Кржижановского. Дискуссия между сторонниками директивного управления, главным образом работников ВСНХ, и приверженцами индикативного планирования никуда не исчезла. «Вопросы пятилетки продолжают обсуждаться», но «мы идём как бы разрозненным фронтом. ВСНХ докладывал свой вариант пятилетнего плана на съезде профсоюзов»[67].

Глава Госплана отметил, что «при первом оглашении проекта пятилетки на первом съезде президиумов госпланов в марте 1926 г. представители ВСНХ не присутствовали». Кроме того, далеко не случайно «прения прошли совершенно незамеченными». Намёк на вмешательство работников ВСНХ, близких к сталинской фракции, довольно очевиден. Прозвучало и напоминание о том, что ещё более острым характером отличалась полемика на втором съезде, где обсуждался представленный Госпланом вариант пятилетнего плана. «Но каков был характер дискуссии? Если вы вспомните, в какой политической обстановке происходила эта дискуссия», — осторожно напомнил Кржижановский[68]. Как известно, 1927 г. стал временем резко возросшей политизации всех сторон жизни советского общества, преследованием и осуждением внутрипартийной оппозиции, объединившей немало «старых» большевиков.

Тональность выступлений представителей ВСНХ на пятом съезде госпланов можно охарактеризовать как благодушную: «на фронте» количественных показателей одержана победа. Показательна речь Куйбышева: «Я бы считал более правильным (но на этом я не буду настаивать), чтобы был принят один вариант, при котором нас бы обязали сделать всё возможное для осуществления его в пять лет». Непривычный либерализм для члена Политбюро. Впервые за несколько лет руководитель ВСНХ похвалил работу конкурентов, заметив, что «оптимальный вариант Госплана — оптимум, предел того, что может быть достигнуто в этой пятилетке». Как видим, в марте 1929 г. атмосфера научного форума ещё заметно отличалась от настроя газет и научных журналов, полемики на пленумах ЦК, чисто внешне сохраняя черты академизма. Правда, внимательный слушатель мог обратить внимание на деталь: похвалив Госплан за завершение «проработки отправного варианта», докладчик всю последующую «большую работу по дальнейшей переработке пятилетнего плана» связал исключительно с ВСНХ[69].

Иерархия регулирования экономической политики выглядела стройно: Политбюро ЦК ВКП(б), управленческая структура (ВСНХ), экспертно-плановая организация (Госплан). Однако фасад «единомыслия», столь характерный для советского общества, как правило, скрывал переплетение противоречий и внутренних конфликтов. Не стал исключением и съезд плановиков. Так, выступление представителя ВСНХ Л.М. Сабсовича 12 марта 1929 г. началось с

[66] Проблемы реконструкции народного хозяйства на пятилетие... С. 9.
[67] Там же. С. 15.
[68] Там же. С. 14—15.
[69] Там же. С. 368, 370.

лестных слов в адрес Госплана: «Я считаю, что та работа, которая представлена сейчас Госпланом на суждение съезда, является действительно громадным шагом вперёд». Однако, пояснил выступающий, продвижение произошло лишь постольку, поскольку «Госплан в значительной мере приблизился к последней установке ВСНХ» (!). После такого острого пассажа докладчик последовательно подверг критике все основные разделы проекта Госплана. «Неверной» была названа постановка двух вариантов пятилетнего плана. Если в начале доклада это утверждение Сабсович аргументировал недоработанностью варианта Госплана, то далее выдвинул завуалированные упрёки в «минимализме» заданий, недоучёте «скрытых резервов» социалистической экономики. Универсальным средством, по мысли представителя ВСНХ, должно было стать «снижение себестоимости продукции». Это вызвало ироническую реплику Кржижановского: «Так что мы предложим Наркомату финансов — искать источники внутри себя?».

Сабсович предложил съезду бездоказательные пропагандистские клише: «Мы считаем, что социалистическая организация народного хозяйства имеет громадные преимущества перед капиталистической, поскольку она производительнее, дешевле, экономнее, и поэтому она неизбежно должна победить». Говоря о возможности за пятилетие на новых заводах «превзойти показатели производительности труда передовых капиталистических стран» и заодно поднять до европейского уровень быта в строящихся рабочих посёлках[70], докладчик словно не замечал, что днём ранее в выступлении заместителя наркома труда СССР, бывшего уральского рабочего И.А. Толстопятова говорилось об «ужасающей отсталости техники, низком культурном уровне рабочего класса», «огромной нищете» значительной части населения. Кроме того, заявив о систематическом невыполнении планов по охране труда («у нас за последние 3—4 года намеченная по плану сумма расходов на мероприятия по охране труда ни разу не была полностью израсходована, а только в пределах 70—75%»), Толстопятов прозорливо подчеркнул: нарастающая волна несчастных случаев, аварий и травматизма на производстве угрожает выполнению любых планов[71].

Даже в тех случаях, когда критика проекта Госплана носила, казалось бы, конструктивный характер (например, представитель ВСНХ И.А. Краваль обратил внимание на заниженность расходов на техническую подготовку квалифицированных промышленных рабочих — 87 руб. в год или в 5 раз ниже, чем на курсах Центрального института труда), не исчезали обвинения в идеологических и методических ошибках. В данном случае — в «излишних усилиях»(!) по повышению доли квалифицированных рабочих[72]. В то же время работники ВСНХ поставили под сомнение целесообразность любой критики своего проекта[73].

В тени дискуссии хозяйственников и плановиков остались малозамеченными и выступление наркома финансов Н.П. Брюханова о тревожной взаимосвязи роста цен и нарастающей «сверхплановой денежной эмиссии»[74], и речи руководителей отраслевых профсоюзов о низком уровне механизации, тяжёлых жилищно-бытовых условиях, высокой текучести кадров.

---

[70] Там же. С. 458—465.
[71] Там же. С. 401, 405.
[72] Там же. С. 611.
[73] Там же. С. 589—590.
[74] Там же. С. 425—430.

В «Заключительном слове» Кржижановский говорил главным образом об успехах плановиков, стараясь обойти спорные сюжеты. Единственное, что смог позволить себе глава Госплана, это саркастическое замечание: «К оптимизму Сабсовича я отношусь с полным сочувствием»[75]. Ради сохранения главного детища — двух проектов пятилетнего плана (оптимального и отправного) — стоило многое стерпеть.

Одобренный съездом проект пятилетнего плана даже с учётом многократных поправок представлял собой реалистичный документ. Сохранение двух вариантов плана, «участие различных классов в решении задач индустриализации», равенство всех систем кооперации; понимание индивидуального крестьянского хозяйства как «сохраняющего для настоящего пятилетия своё значение главного производителя сельскохозяйственных продуктов»[76] — всё это недвусмысленно говорило о стремлении сохранить многоукладную экономику (стержень нэповского периода) и совершить качественно новый индустриальный рывок, особенно в металлургии и машиностроении[77]. Довольно смело в резолюции съезда звучали слова: «Модель пятилетки в настоящий момент может считаться завершённой»[78]. Однако научный проект только вступил в зону идеологической турбулентности. Если обоснованный и тщательно просчитанный вариант Госплана («Перспективы развертывания народного хозяйства») предусматривал рост экономики за пятилетие на 79,5%, то утверждённый 23 марта 1929 г. президиумом Госплана отправной вариант предусматривал рост на 134,9%, а оптимальный — на 179%. Кроме того, вместо двух вариантов пятилетнего плана, допускающих определённую гибкость хозяйственной политики, после недельного (26 марта — 4 апреля 1929 г.) обсуждения на объединённом заседании СНК и Совета труда и обороны СССР постановлением правительства от 23 апреля 1929 г. был оставлен только один — оптимальный[79].

Длительность обсуждения указывает скорее на острую дискуссию в руководстве, чем на «единодушное» единство мнений, подчёркнутое в докладе А.И. Рыкова на XVI партийной конференции (вечернее заседание 23 апреля 1929 г.)[80]. В пользу этого говорит и то, что в тот же день (23 апреля) завершил работу Объединённый пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), осудивший взгляды «правых» в Политбюро (Бухарина, Рыкова, Томского), в том числе и по вопросу о темпах роста экономики. Однако, вынужденно признав «правоту партии» по экономическим вопросам (в сталинской интерпретации), Рыков не отказался от осуждения «чрезвычайных мер» в сельском хозяйстве: «Совершенно ясно, что никаких десятков миллионов пудов “чрезвычайные меры” нам не дали. Мы ввели и осуществили чрезвычайные меры ради получения очень ничтожного количества хлеба, такого количества хлеба, которое никакой не только решающей, но и вообще значительной роли играть в нашей стране не может»[81].

Одобрение пятилетнего плана на XVI партконференции и на V Всесоюзном съезде Советов (май 1929 г.) предполагало «завершение напряжённой работы всех плановых органов страны». Тем не менее в июле—августе 1929 г. ЦК при-

---

[75] Там же. С. 644.
[76] Резолюции пятого всесоюзного съезда плановых работников // Там же. С. 3—5.
[77] Проблемы реконструкции народного хозяйства на пятилетие... С. 45—53.
[78] Там же. С. 5.
[79] *Гладков И.А.* Указ. соч. С. 134, 138, 139; История социалистической экономики. Т. 3. С. 19.
[80] XVI конференция ВКП(б). Стенографический отчёт. Апрель 1929. М., 1962. С. 9.
[81] Как ломали нэп... Т. 5. М., 2000. С. 345—346.

нял ряд постановлений о дополнительном форсировании роста ряда отраслей промышленности. На этой основе в представленном в ноябре так называемом уточняющем варианте[82] оказались сделаны явно нереалистичные исправления в сторону увеличения показателей. Этот вариант явился «типичным примером волевого планирования, без научного обоснования и экономической аргументации». Но и на этом деформации пятилетнего плана не закончились[83].

К марту 1929 г. труды экономистов, «взгляды которых носили буржуазный характер», уже подверглись критике. Вскоре после пятого съезда госпланов многим научным разработкам учёных надуманно придали характер «антисоветской деятельности». Обвинение в связях с группой сторонников эволюционного пути развития в руководстве партии и правительства[84] привело к аресту Базарова, Кондратьева и ряда других видных экономистов. Кржижановскому и его соратникам в 1930 г. пришлось покинуть Госплан; уделом их научной деятельности стали публикации в узкоотраслевых журналах. Для Куйбышева, возглавившего наряду с ВСНХ и Госплан, не осталось преград к неоднократному повышению количественных показателей. Однако время реального их выполнения пришлось уже на 1950-е гг.[85] Сравнение же итоговых показателей первой пятилетки и индикаторов проекта Госплана свидетельствует о реалистичности прогнозов учёных. Лишь некоторые результаты советской экономики в 1932 г. оказались близки к проектировкам отправного варианта плана[86].

Тем не менее кризисное состояние советской экономики в 1930—1932 гг. заставило новое руководство Госплана переосмыслить подходы к планированию вообще и к формированию второго пятилетнего плана в частности[87]. В определённой степени это означало возвращение к материалам пятого съезда госпланов.

События марта 1929 г. свидетельствуют, что экономическая наука выдержала массированный удар со стороны власти и «связанных с ней незримыми узами» группы специалистов. Следует отдать дань уважения работникам Госплана, отстаивавшим свои взгляды и убеждения. В отличие от 1927 г. это уже приходилось делать в более осторожной, временами иносказательной форме. Стенографический отчёт съезда подтверждает: сторонниками сохранения многоукладной экономики выступали практически все ведущие экономисты страны[88].

На съезде по разным причинам мало затрагивались проблемы рентабельности предприятий госсектора, качество управления и регулирования в экономике, вопросы взаимодействия отраслей, судьба синдикатов и трестов и т.п. В то же время научная прозорливость ведущих советских экономистов того времени привнесла в мировую науку проекты долгосрочного планирования, основы математического моделирования в экономике, опыт балансового планирования, использованный при разработке пятилетних планов для увязки его разделов и показателей как в СССР, так и далеко за его пределами. «Поднятые проблемы и получаемые решения предвосхитили работу, выполненную западными эко-

[82] *Гладков И.А.* Указ. соч. С. 139.
[83] *Рогачевская Л.С.* Альтернативы первому пятилетнему плану... С. 325.
[84] *Белянова А.М.* О темпах экономического развития СССР. С. 42.
[85] *Лацис О.Г.* Перелом... С. 37.
[86] *Рогачевская Л.С.* Альтернативы первому пятилетнему плану... С. 327.
[87] См., например: *Дэвис Р., Хлевнюк О.В.* Вторая пятилетка: механизм смены экономического курса // Отечественная история. 1994. № 3. С. 102—103.
[88] *Ясный Н.* Советские экономисты 1920-х годов... С. 28.

номистами, работавшими в той же области (в 1940—1950-х гг.) — но на более высоком профессиональном уровне и в рамках других концепций»[89].

Научное мужество госплановцев и близких к ним специалистов не позволило безоговорочно утвердиться пониманию плана как только «системы императивных указаний, варьируемых по воле правящей партии». Нельзя не отметить ещё одно важное обстоятельство: учёные, составлявшие гордость советской экономической науки, модернизацию (коренную реконструкцию) народного хозяйства СССР видели в русле мирного развития мировой экономики. По мысли Н.А. Ковалевского, без учёта и использования новинок научно-технического прогресса в странах Запада, «без критического сопоставления наших достижений к конечному периоду генерального плана с ориентировочными линиями развития и предполагаемыми достижениями стран капитализма за тот же период» СССР будет не в состоянии преодолеть отставание от передовых стран капиталистической системы[90]. «Идея международного разделения труда, идея рационального районирования общественных производительных сил в мировом масштабе обязательна для реализации Генерального плана, — писал В.А. Базаров, — и необходимо приложить все усилия для того, чтобы сохранить существующие отношения со странами капитализма такими же, как в настоящее время». Он категорически отвергал вариант развития СССР «в условиях национальной обособленности и борьбы за мировые хозяйственные ресурсы»[91]. Учёные-экономисты не исключали возможности войны против СССР, но фактически открыто заявили о возможности мирного сосуществования стран с различным социально-экономическим строем — почти за три десятилетия до того, как эту идею озвучили на высшем политическом уровне.

По сути, пятый съезд госпланов СССР стал вершиной дискуссий экономистов 1926—1929 гг.: научные взгляды сторонников многоукладной экономики обрели законченную форму. «Спуск с вершины» зачастую сопровождается особыми трудностями и человеческими жертвами. В данном случае можно говорить о понижении научного уровня советского планирования, по крайней мере, до конца 1930-х гг. По большому счёту, это был частный случай проявления внутриполитического курса сталинской бюрократии, основанного на поисках (методом проб и ошибок) оптимальных методов управления. Но покорённые вершины не забываются. Оказалось возможным сузить и даже прекратить дискуссии экономистов, «гильотинировать» не только прения, но и выдающихся учёных. Однако никому не удалось перекрыть дорогу развитию научной мысли. Не секрет, чьи труды второй половины 1920-х гг. вошли в историю мировой экономической мысли.

Показательно и высказывание лидера китайской модернизации Дэн Сяопина (1985): «Наиболее правильной моделью социализма была новая экономическая политика в СССР»[92]. В документах пятого съезда президиумов госпланов СССР, трудах советских экономистов второй половины 1920-х гг. содержался вариант создания постоянно меняющейся экономической многоукладной системы, включавшей как механизмы саморазвития в виде права на личную инициативу в определённых хозяйственных формах, так и регулирование сверху нормативной, фискальной и контрольно-надзорной деятельности.

---

[89] *Эрлих А.* Дискуссии об индустриализации в СССР... С. 25.
[90] *Ковалевский Н.А.* Указ. соч. С. 14—15.
[91] *Базаров В.А.* Указ. соч. С. 15.
[92] *Панцов А.В.* Дэн Сяопин. М., 2013. С. 413.

Таким образом, советские учёные и специалисты в течение 1926—1929 гг. подготовили вариант пятилетнего плана, позволяющий решить многие задачи раннеиндустриальной модернизации на основе сохранения многоукладной экономики. Он позволял избежать потери миллионов людей, инвентаря, лошадей, крупного рогатого скота; голода и хронического недоедания; широкомасштабного выпуска бракованной продукции и мн. др., что принесли коллективизация и форсированная индустриализация. Избежать человеческого горя и озлобления, потери стимулов к труду — всего того, что трудно измерить деньгами, но что имеет твёрдую историческую цену. Вопреки мнению ряда исследователей постсоветского времени[93], этот вариант пятилетнего плана нацеливал на взаимодействие плана и рынка, на их взаимодополняющее проявление; опровергал «невозможность спланировать развитие многоукладной экономики» из-за «теоретико-идеологического прессинга большевиков». Материалы пятого съезда не избавляли властные структуры от мучительного поиска решения вопросов об отношениях с научным миром, специалистами, представителями частного сектора, а также форм и методов привлечения капиталовложений. Однако они указывали вектор поиска.

[93] *Суворова Л.Н.* Нэповская многоукладная экономика... С. 28, 30.

Госбанк СССР в 1927—1929 гг.: курс на «оздоровление» кадров накануне полномасштабной «чистки» советского госаппарата

Михаил Николаев

The USSR State Bank in 1927—1929: staff «sanation» before the large-scale purging of the Soviet government apparatus

Michael Nikolaev
(Bank of Russia, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870012191-1

Рубеж 1920—1930-х гг. стал поворотным как в истории СССР в целом, так и в истории Государственного банка в частности. Слом нэповской модели социально-экономического развития и усиление авторитаризма сопровождались кампаниями гонений и репрессий. К ним относилась и «чистка» советского госаппарата 1929—1932 гг., затронувшая в свой начальный период прежде всего наркоматы и ведомства экономического блока. 13 января 1930 г. в Госбанке СССР начала работу комиссия по «чистке» (под руководством члена Президиума ЦКК ВКП(б) В.А. Радус-Зеньковича)[1], а 5 июня по её итогам были приняты кадровые решения[2].

Согласно брошюре, выпущенной к XVI съезду ВКП(б) (26 июня — 13 июля 1930 г.), из 2 554 проверенных сотрудников Госбанка по первой категории[3] «вычистили» 37, по второй — 44, по третьей — 71, всего по категориям — 152 (5,9% проверенных), снято без категорий — 61 человек. Всего сняли из аппарата Госбанка 213 человек (8,3% общего числа проверенных), кроме того, 92 сотрудника получили дисциплинарные взыскания[4].

© 2020 г. М.Г. Николаев

[1] ГА РФ, ф. 8341, оп. 1, д. 784, л. 1 об.

[2] См.: По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. Вып. 17. М., 2016. С. 24.

[3] К первой категории относились лица, «оценка работы которых показывает абсолютную невозможность их исправления и безусловность вреда, наносимого их работой в советском аппарате интересам рабочего класса», ко второй — лица, «которых вредно оставить на работе в данном учреждении или в данной местности», но которые были способны исправиться и могли быть использованы в учреждениях другого типа или в другой местности, третья категория объединяла тех, кого «нецелесообразно использовать в дальнейшем на ответственных должностях, но которым может быть предоставлена работа технического порядка в этих же или других учреждениях и предприятиях» (см.: Инструкция НК РКИ СССР по проверке и чистке советского аппарата. М., 1929).

[4] Эти цифры недостаточно надёжны, поскольку в ходе апелляций решения пересматривались. При тех же 2 554 охваченных чисткой служащих В.А. Радус-Зенькович приводит другие статистические показатели и цифры «вычищенных» к 21 мая 1930 г.: «При ознакомлении с работой отделов на чистку поставлены (по подсчёту на 21 мая [1930 г.]) 372 человека (14,6% к общему числу сотрудников). Окончательная цифра вместе с остальными превысит 380. Из 360, оформленных к 21 мая протоколами, 172 (48%) имеют категории (I—42, II—48, III—82) и 183 человека — другие виды взысканий. Сняты с работы в Госбанке 265 человек (74% от прочищенных), переведены в другие отделы — 19» (По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. Вып. 17. С. 21).

18 мая 1929 г. заведующий Учётно-распределительным отделом Госбанка СССР Степанов сообщил в Комиссию по обследованию ячейки Госбанка СССР, что накануне «чистки» «был просмотрен весь архивный материал и личные дела сотрудников. Вся эта работа протекала в тесном контакте с соответствующими органами»[5]. Как известно, это означало информирование последних обо всех «вычищенных» под видом сокращения (с тем чтобы изгои беспрепятственно не трудоустроились в другие учреждения) и предварительное «согласование» кандидатур на вакантные должности. Позже полученный в ходе «архивных поисков» «компромат» был использован ОГПУ для написания по заказу И.В. Сталина сценария фальсифицированного «дела контрреволюционной меньшевистской вредительской организации в Госбанке СССР», связанного с судебным процессом «Союзного бюро ЦК РСДРП(м)» (1931)[6].

Положение Госбанка накануне «чистки» осложнилось и по той причине, что в апреле 1929 г. его глава — А.Л. Шейнман[7] — неожиданно даже для близкого окружения решил порвать с советским режимом и стать невозвращенцем. Это не могло не вызвать соответствующей реакции у руководства страны[8]. Не случайно кампания по чистке в Госбанке сопровождалась призывами избавиться от «кутлеровско-шейнманского» наследства[9].

---

[5] Там же. С. 19.

[6] В обвинительном заключении в качестве основной цели организации значились подготовка свержения советской власти и установление буржуазно-демократического строя. Для её достижения в Госбанке якобы проводилась вредительская деятельность в денежно-кредитной системе, подрывающая финансовую мощь СССР. Подробнее см.: *Николаев М.Г.* Разгром «вольных стрелков»: дело о «меньшевистской вредительской организации в Госбанке СССР» (1930—1931 гг.) // Российская история. 2014. № 2.

[7] Шейнман Арон Львович (1886—1944) — государственный, финансовый деятель, из купеческой семьи; учился в гимназии г. Сувалки; окончил коммерческое училище, работал конторщиком. С 1903 г. член РСДРП, большевик; с октября 1917 г. председатель исполкома Совета в Гельсингфорсе; с мая 1918 г. член Коллегии Наркомфина РСФСР и заместитель наркома финансов по губерниям-коммунам Северной области, затем финансовый атташе в Скандинавии; с февраля 1919 г. член Коллегии Наркомата продовольствия (позже — внешней торговли); полпред РСФСР в Грузии (сентябрь 1920 — 1921 г.); председатель Правления Государственного банка РСФСР/СССР (4 октября 1921 — 5 марта 1924 г.; 16 января 1926 — 19 апреля 1929 г.) и одновременно заместитель наркома финансов СССР и член СТО СССР; нарком внутренней торговли (1924—1925), заместитель наркома внутренней и внешней торговли СССР (с ноября 1925 г.). С разрешения Политбюро от 25 июля 1928 г. находился в двухмесячном отпуске, продлённом до декабря, лечился в Берлине. В августе 1928 г. назначен председателем АО «Амторг» в Нью-Йорке, однако 1 ноября 1928 г. это решение отменило Политбюро. В январе 1929 г. выехал в США для переговоров, по окончании которых возвратился в Берлин. 20 апреля 1929 г. отказался вернуться в СССР, вышел из ВКП(б). После переговоров с представителями партийно-советского руководства получил возможность работать в советских загранучреждениях. Решение Политбюро от 1 ноября 1932 г. обязывало определить характер его будущей работы. С января 1933 г. — управляющий лондонским отделением АО «Интурист». По решению Политбюро 27 октября 1937 г. снят с должности. Работал кладовщиком на одной из лондонских фабрик. В начале Второй мировой войны его жена и сын приняли гражданство Великобритании и уехали в Австралию. Умер в Великобритании.

[8] Подробнее см.: *Генис В.Л.* Неверные слуги режима: первые советские невозвращенцы (1920—1933). Опыт документального исследования в 2-х книгах. М., 2009. В новое издание вошли важные дополнения, относящиеся к истории невозвращенчества Шейнмана. См.: *Генис В.Л.* Неверные слуги режима... Кн. 2. М., 2012. С. 683—690.

[9] Сохранился эскиз рисунка, очевидно, предназначенного для стенгазеты «Госбанковец» с подписью: «Кутлеровско-Шейнманская биржа. Дело их живет» (ГА РФ, ф. 8341, оп. 1, д. 13, л. 257). В ходе чистки и по её следам из Госбанка были уволены, а позднее арестованы сотрудники: Н.А. Сканави, В.С. Коробков, А.А. Сахаров, А.И. Антокольский, Е.С. Лурье, А.И. Лежнёв и др.

Между тем годы, предшествовавшие подготовке и началу «чистки» в Госбанке, нельзя назвать безмятежными. С 1927 г. высшие партийные инстанции стали более активно предъявлять к его руководству требования относительно «коммунизации», «орабочивания» аппарата и вовлечения в него молодых специалистов[10]. Этому периоду и посвящена данная статья, основанная на хранящихся в РГАСПИ и ГА РФ документах.

Кадровый вопрос применительно к коллективу Госбанка СССР был тесным образом связан с хозяйственным кризисом в стране во второй половине 1925 г. В связи с быстрыми темпами восстановления промышленности и ранее полученным высоким урожаем зерна советское руководство решило форсировать хлебозаготовительную кампанию и начать его ускоренный экспорт. Хлебозаготовители получили щедрый государственный кредит, однако погодные условия, мировая рыночная конъюнктура и дефицит товаров крестьянского потребления (с их помощью предполагалось стимулировать крестьян к ускорению темпов вывоза урожая) привели к нежелательным негативным последствиям. В частности, рост заготовительных цен на зерно поставил под угрозу рентабельность его экспорта. В этих условиях в январе 1926 г. были применены меры жёсткого административного регулирования хлебозаготовок, которые распространили и на частных производителей. С декабря 1925 г. хлебозаготовительный, а с января 1926 г. и экспортно-импортный планы пришлось корректировать в сторону понижения. Эта неблагополучная ситуация затронула сферу денежного обращения и кредита[11].

Расхождения в спорах по вопросу о причинах кризиса и мерах по его ликвидации привели к смене руководства Народного комиссариата финансов (НКФ) и Госбанка СССР. Главой последнего 16 января 1926 г. вновь назначили Шейнмана, чему предшествовала дискуссия, развернувшаяся на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 11 января 1926 г. при обсуждении вопроса «О состоянии и перспективах наших валютных ресурсов и возможностей». Выступивший с докладом народный комиссар финансов Г.Я. Сокольников отстаивал принципы оберегавшей курс червонца жёсткой кредитно-денежной политики. В этом его поддержал глава Госбанка СССР Н.Г. Туманов, увидевший причины сложности в «валютном положении на внутреннем рынке» в политике зажима частного капитала в торговле. Линия Сокольникова—Туманова вызвала неприятие большинства участников заседания, среди которых были не только сторонники Сталина, но и «сверхиндустриализаторы» во главе с Л.Д. Троцким. Нельзя не учитывать и то важное обстоятельство, что на прошедшем в конце декабря 1925 г. XIV съезде ВКП(б) Сокольников выступил в пользу возвращения к принципу коллективного руководства партией, осудив политику «отсечения» от неё Л.Б. Каменева и Г.Е. Зиновьева. Мало того, он открыто высказал недоверие

Характерно, что 10 из 26 обвиняемых по «госбанковскому делу» к моменту своего ареста в банке уже не работали.

[10] См.: Письмо заведующего Учраспредом Правления Госбанка СССР Степанова о задачах по выполнению директивы ЦК в области коммунизации аппарата (ноябрь 1928 г.); докладную записку Учраспреда Правления Госбанка СССР о проверке состава работников кредитных учреждений от 20 февраля 1929 г.; доклад Правления Госбанка СССР о работе по укреплению аппарата за время с 1 октября 1927 г. по 1 апреля 1930 г. (период от XV до XVI съезда партии), 1930 г. (По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. Вып. 17. С. 20—25, 35—47).

[11] См.: *Голанд Ю.М.* Кризисы, разрушившие НЭП. Валютное регулирование в период НЭПа. Изд. 2, доп. М., 1998. С. 17—24; Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б) 1923—1938 гг. В 3 т. Т. 1. М., 2007. С. 319—412, 501—542.

персонально Сталину, поставив вопрос о целесообразности сохранения поста генерального секретаря партии[12]. Все эти обстоятельства привели к вынесению на заседании Политбюро 11 января 1926 г. решения об отставках Сокольникова и Туманова и назначению на их места Н.П. Брюханова и А.Л. Шейнмана.

Уже в апреле 1926 г. глава Госбанка обратился в Политбюро с предложением прекратить котировку червонцев за границей (что подразумевало запрет на их вывоз из страны). На заседании созданной для решения данного вопроса комиссии 20 мая её председатель Шейнман сформулировал новый принцип валютной политики: отказ от попыток превращения червонца в одну из мировых валют и переориентация на замкнутую денежную систему[13].

Следующим важным направлением действий нового руководства стал курс на «единый банк», направленный на повышение роли главного банка страны в кредитно-финансовой сфере. 15 июня 1927 г. было принято постановление ЦИК и СНК СССР «О принципах построения кредитной системы», согласно которому непосредственное руководство всей кредитной системой было возложено на Госбанк СССР. Его представители могли участвовать в работе советов и ревизионных органов кредитных организаций, увеличивалась его доля в акционерных и паевых капиталах кредитных организаций, а в управление передавались принадлежавшие НКФ СССР акции и паи. Госбанку СССР предоставлялось право получать от всех кредитных учреждений балансовые данные, сведения о выданных кредитах, задолженностях клиентов, текущих счетах и вкладах государственных органов. За некоторыми исключениями кредитные учреждения обязывались кредитоваться исключительно в Госбанке СССР.

Если перемены курса в валютной политике и укрепление его роли в кредитной системе государства получали поддержку в верхах, то в отношении взаимодействия с частным сектором превалировала подозрительность, которую подпитывали различные направлявшиеся во властные инстанции «сигналы». Один из них — письмо, подготовленное не ранее 22 октября 1926 г. и адресованное в ЦК ВКП(б), отложилось в его Секретном отделе[14]. Трое авторов письма (очевидно, из числа госбанковских служащих) обратили внимание на то, что «командные высоты» в банке сохранялись за «чуждыми нашей системе» старыми беспартийными специалистами, привносившими в работу «бюрократическо-чиновничий дух» образца дореволюционных кредитных учреждений. Одно из главных выдвинутых обвинений касалось усиления посредством госкредита роли частного капитала. Констатируя увеличение после 1924 г. числа коммунистов, активно проводивших соответствующие установки, авторы письма, тем не менее, обвинили Шейнмана в том, что он в борьбе между сложившимися в банке группировками встал на сторону беспартийной группы, «разогнав часть коммунистического актива». В заключение они предложили «снизить состав

---

[12] См.: Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б). 1923—1938 гг. Т. 1. С. 35—36. Нападки на Сокольникова велись давно. В передовой статье «Правды» от 25 декабря 1925 г. нарком обвинялся в поддержке экономической программы, которая сводилась к ослаблению роли крупной промышленности, развязыванию мелкобуржуазной стихии и превращению нашей страны в аграрную колонию промышленно-капиталистических стран. См.: *Генис В.Л.* «Упрямый нарком с Ильинки» // *Сокольников Г.Я.* Новая финансовая политика: на пути к твёрдой валюте. Изд. 2. М., 2003. С. 27, 25.

[13] Решение о запрещении вывоза червонцев за границу было принято ЦИК и СНК 9 июля 1926 г. См.: *Голанд Ю.М.* Кризисы, разрушившие НЭП... С. 146—148.

[14] В 2010 г. его опубликовал журналист Е. Жирнов (*Жирнов Е.* «В Госбанке господствует чуждое влияние» // Коммерсантъ — Власть. 2010. № 22(876). 7 июня).

б[ес]партийных членов Правления за счёт введения коммунистов»[15]. В высших партийных инстанциях накапливались и другие целенаправленно собираемые материалы, которые обрабатывались и интерпретировались, очевидно, с ориентацией на «господствующие установки».

Документом, положившим начало работе над директивой, преследующей цель добиться перемен в кадровой политике, стал проект постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) от 9 апреля 1927 г. «О проверке состава работников кредитных органов в целях их укрепления и подготовки новых кадров». Его обсуждение состоялось 23 мая на заседании Оргбюро. В подготовленных к нему документах обосновывалась необходимость намечаемых мер: «Правильно проводимая кредитная политика, являясь одним из условий, обеспечивающих успешность проведения линии партии во всех областях строительства, в то же время служит одним из главных рычагов воздействия на хозяйственные и торговые органы, выполнения ими основных для ближайшего периода задач партии — рационализации производства, снижения цен и режима экономии»[16]. В этой связи «в целях оздоровления аппарата и замены негодных в деловом отношении работников» было признано необходимым через фракции соответствующих правлений банков и местные парткомы «произвести пересмотр состава сотрудников в следующих кредитных организациях: по Госбанку — хлебного и элеваторного отделов, краевых к[онто]р Сибири, Дальн[его] Востока, Сев[еро-]Зап[адной] области, Барнаульской, Омской, Томского и Тифлисского отделений, хлебного отдела Уфимской и Казанской к[онто]р». В результате обмена мнениями было принято решение предложить Орграспреду ЦК ВКП(б) в трёхнедельный срок с привлечением руководящих банковских работников переработать проект резолюции и внести на утверждение Оргбюро[17]. Речь пока ещё не шла о сплошной проверке, выбор же подразделений в структуре Госбанка обусловливался проблемами, связанными с хлебозаготовками и кредитованием занятых в этой сфере частных лиц.

Среди материалов заседания — объяснительная записка «К вопросу о проверке состава работников кредитных учреждений под углом их укрепления и подготовки новых кадров» (два варианта, более полный — на 11 листах и стенограмма прошедшего обсуждения — 43 листа). Отложился в архиве и первоначальный текст записки, подписанный заместителем заведующего Орграспредом ЦК ВКП(б) Н.А. Богомоловым 9 мая 1927 г. Согласно этим материалам, «в разработку было включено 1 000 работников, из них 600 чел[овек] ответработников по центр[альному] аппарату 8-ми банков и 400 — по периферии, причём из центральных работников 250 человек было взято в персональную разработку»[18]. Характеристика кадров производилась «под углом обеспечения проведения линии партии» на основании материалов администрации учреждений, партячеек, НКФ, РКИ и ОГПУ. Автор записки отмечал, что характеристики, полученные из кредитных учреждений в ответ на запросы, часто оказывались формальными[19]. К материалам, представленным ведомством, боровшимся с контрреволюцией, доверия было больше. В качестве примера, взятого из материалов Экономического отдела ОГПУ, приводится случай злоупотреблений

[15] РГАСПИ, ф. 17, оп. 85, д. 159, л. 70—72 об.
[16] Там же, оп. 113, д. 295, л. 15.
[17] Там же, л. 20, 27.
[18] Там же, л. 21.
[19] Там же, л. 52.

при подборе кадров, связанный с членом Правления Госбанка Н.А. Реске[20]. Он якобы устроил своего шурина Соловьёва, растратившего впоследствии 40 тыс. руб., Полякова — бывшего хлеботорговца, Телеснина — бывшего предводителя дворянства, арестованного за взяточничество и экономическую контрреволюцию. «В этом же Хлебном отделе Госбанка, искажавшем кредитную политику, — говорится в записке, — по протекции Реске... сидят на ответственных постах никуда не годные в деловом отношении работники (к тому же среди них: царский следователь, иностранный подданный, полковник, дворяне)... В итоге этой, в известном смысле, организационно-выдержанной системы подбора из 316 работников хлебного отдела Госбанка, за исключением 30 человек коммунистов и комсомольцев, остальные из бывш[их] дворян, почётных граждан и лиц духовного звания»[21]. Здесь, как и в других случаях, мы обнаруживаем характерный уклон в сторону выявления «классового лица» сотрудников в ущерб анализу их деловых качеств.

Выступивший на обсуждении Богомолов, отвечая на вопрос секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Андреева, как он оценивает нынешнее состояние аппарата по сравнению с предыдущими годами (улучшился, ухудшился, стабилизировался), ответил в обтекаемой форме: «Аппарат улучшается, но очень медленно. Улучшение — за счёт коммунистов, но мешает большая текучка: “коммунисты не хотят проходить срединную банковскую работу и лезут сразу на оперативную банковскую”»[22]. Для улучшения положения докладчик предложил «подобрать группу товарищей, кончающих Институт Красной профессуры, где можно дать с-х. уклон, затем из экономистов есть специалисты банковцы, человека 3—4. Привлечь этих товарищей, чтобы мы имели своих Шлезингеров[23] и Кацеленбогенов[24], которые сейчас сидят в Госбанке. Шлезингер, человек совсем

---

[20] Реске Николай Александрович (1887—1956) — административный, финансовый деятель, из дворян. Служил на Николаевской железной дороге (1906—1910), в Азовско-Донском банке (1912—1917), позже во Всероссийском земском союзе; после Октября 1917 г. в Государственном контроле. Чрезвычайный ревизор, уполномоченный ВЦИК по проведению продналоговой кампании, помощник особоуполномоченного по реализации урожая (1921—1922). Член Президиума ЦК Помгол (1921), коллегии Наркомата РКИ (1921—1932), Правления Госбанка СССР, руководил хлебным отделом (1923—1928), Элеваторным комитетом при СТО СССР, одновременно — член правлений Всесоюзного акционерного общества «Интурист» и Всесоюзной торговой палаты (с 1925 г.), правления Акционерного камчатского общества и заместитель его председателя (1930—1937). Арестован в 1938 г.; приговорён к восьми годам лишения свободы, освобождён в 1946 г. Повторно арестован в 1949 г. и приговорён к ссылке в Красноярский край; освобождён в 1955(?) г., реабилитирован.

[21] РГАСПИ, ф. 17, оп. 113, д. 295, л. 44—45.

[22] Там же, л. 61.

[23] Шлезингер Александр Данилович (1853 — ?). Окончил Московское Петропавловское училище; принят на службу в Московский купеческий банк. Председатель Правления Московского купеческого банка (1905 — 14 декабря 1917 г., дата подписания декрета ВЦИК о национализации частных акционерных банков), Банковской комиссии при московском Биржевом комитете (1905—1918); товарищ председателя совета Съезда банков в Петрограде; член Правления Госбанка РСФСР с 19 октября 1921 г. Согласно решению Правления от 12 июля 1924 г., в его ведении находились отделы: вкладов, текущих счетов и комиссионных поручений и железнодорожного и водного транспорта; освобождён от обязанностей 12 декабря 1929 г.

[24] Имеется в виду член Правления Госбанка СССР З.С. Каценеленбаум. Каценеленбаум Захарий Соломонович (Залман Шлиомович) (1885—1961) — экономист, специалист в области денежного обращения, профессор (1919). С октября 1921 г. член Правления Госбанка РСФСР, активный участник проведения денежной реформы 1922—1924 гг. В апреле 1931 г. осуждён по делу «контрреволюционной меньшевистской вредительской организации в Государственном банке СССР» на пять лет лагерей, после пересмотра приговора в декабре 1931 г. срок был сокращён на год, а заключение заменено высылкой в Западную Сибирь. В 1933 г. переведён на работу в Москву (за-

одряхлевший, держится потому, что червонцы подписывает, мы таких людей ещё не имеем (Косиор: Дело в 70-ти летах?). Дело не в 70-ти летах, а потому что он практический работник»[25].

В выступлении члена Правления Госбанка А.П. Спундэ прозвучала жалоба на то, что добиться направления в банк нескольких «красных профессоров» сложно; даже подобранных им «парочку оппозиционных товарищей» не дали. В начатых ещё в 1926 г. обращениях к партийно-советскому руководству он дошёл до секретаря ЦК ВКП(б) В.М. Молотова. Поддержал Спундэ секретарь ЦК ВКП(б) С.В. Косиор, признав частично и вину не оказавшего необходимой помощи Орграспреда. Любопытно, что даже прозвучавшая оценка высоких деловых качеств специалистов не спасала их от подозрений в нелояльности. «Конечно, в элеваторном деле, где имеются большие беспартийные спецы, они имеют очень большое влияние, — заявил Косиор, — но долго молиться на этих спецов нам нельзя, нам пора самим вмешаться в это дело. Конечно... умеючи. Нельзя посадить маленького коммуниста, который не может разобраться в этом деле, и заставить его командовать спецами. Этого делать нельзя. Но мы должны подготовить наших людей, знающих это дело»[26]. Мы видим, что в высказывании Косиора ещё сохраняется установка на замещение руководящих должностей коммунистами в зависимости от их профессиональных знаний и опыта.

При всей своей нацеленности на коммунизацию аппарата, взял под защиту некоторых спецов и Спундэ: «Очевидно, меня не совсем верно поняли, и я хочу это дело выяснить. Тов. Богомолов сказал насчёт Шлезингера, что он старик. Я говорю, что за исключением предс[едателя] Правления червонец подписывают беспартийные заведующие с большим стажем (Андреев: для подписи годится). Он ведёт кое-какую работу, но я должен совершенно откровенно сказать, что ценность нашего золотого запаса заверяют и проверяют не Косиор, не Спунде, а эти люди. Это своеобразная проверка того, что это не Филькина грамота. Это не случайно, что даже партийные члены Правления Госбанка под этим документом не подписываются»[27].

После переноса рассмотрения вопроса о резолюции с 14 на 27 июня 1927 г. её наконец утвердили, а ход реализации рассматривался 30 декабря на заседании Секретариата ЦК (в присутствии И.В. Сталина, С.В. Косиора, Н.И. Ежова, Л.Е. Марьясина и др.). В подготовленном к этому заседанию материале «Справка по Госбанку о выполнении постановлений Оргбюро ЦК партии от 27 июня с.г. по проверке работников кредитных учреждений» предлагалось признать, что Правление Госбанка в основном выполнило постановление Оргбюро ЦК партии, а именно: «уделило значительное внимание подбору работников вообще»; укрепило в указанных в постановлении отделах «средние звенья» ответственных работников (директоров, заведующих, их заместителей

меститель начальника финансового отдела Московского управления Дальстроя). В 1939—1946 гг. профессор Института цветных металлов и золота, Всесоюзного заочного финансового института, с 1945 г. сотрудник Научно-исследовательского финансового института при Наркомфине СССР и профессор Московского финансового института. В 1948 г. во время «борьбы с космополитизмом» уволен. С 1955 г. профессор Московского государственного экономического института. Реабилитирован 3 октября 1957 г.

[25] РГАСПИ, ф. 17, оп. 113, д. 295, л. 59.

[26] Там же, л. 80.

[27] Там же, л. 75.

и помощников)[28]. Однако на прямой вопрос Сталина, обращённый к присутствовавшему на обсуждении Спундэ, как он оценивает мероприятия по улучшению организационного состояния банка, тот ответил, что находит эту работу недостаточной[29].

В итоге Секретариат ЦК ВКП(б) принял решение: «а) поставить на вид руководителям банков невыполнение директивы ЦК от 27/IV—27 г. об улучшении состава фактически руководящих банковских работников и усилении коммунистического влияния средних звеньев, предупредив их, что невыполнение директивы в ближайшие два-три месяца поставит ЦК перед необходимостью привлечения руководителей банков к строжайшей партийной ответственности; б) обязать Орграспред ЦК непосредственно вмешаться в дело выполнения банками постановления ЦК от 27/VI—27 г. и совместно с руководителями банков ускорить всеми мерами выполнение директив ЦК; в) обязать Агитпроп и Орграспред ЦК совместно с Главпрофобром, не позже, чем в 2-х недельный срок внести на рассмотрение ЦК конкретные предложения по вопросу об организации курсов по переподготовке банковских работников преимущественно партийцев, с тем, чтобы эти курсы начали функционировать не позднее второй половины февраля 1928 г.»[30].

Решение вопроса о подготовке новых кадров, как нетрудно заметить, отставало от развернувшейся работы по улучшению кадрового состава банковских работников. План выполнения решения Секретариата ЦК ВКП(б) предусматривал создание трёх комиссий по трём группам банков: первая — Госбанк и Внешторгбанк; вторая — Промбанк и Цекомбанк; третья — Всекомбанк, ЦСХбанк, Россельбанк; на перифирии отдельно по Госбанку — Сибирская, Тифлисская, Уфимская, Казанская, Московская конторы и Томское отделение. К своей работе комиссии должны были привлечь местные партийные и профсоюзные организации. Подведение итогов было отнесено на 25 сентября — 5 октября[31].

Следующее заседание Оргбюро ЦК ВКП(б) по вопросу о выполнении его решений от 30 декабря 1927 г. состоялось 18 мая 1928 г. Из Правления Госбанка СССР уже «удалили» его беспартийных членов — А.Г. Хрущова и Н.А. Реске, на которых, очевидно, накопился солидный «компромат». Решение о снятии их с работы было принято на заседании Секретариата ЦК ВКП(б) 20 апреля 1928 г. (докладчики И.М. Москвин, Л.Е. Марьясин и А.И. Морин) с последующим утверждением Политбюро ЦК ВКП(б)[32].

Однако эти меры не повлияли на общую негативную оценку деятельности руководства Госбанка СССР в области кадровой политики. В частности, в протоколе заседания Оргбюро ЦК ВКП(б) от 18 мая 1928 г. читаем: «Отметить, что

---

[28] Там же, д. 583, л. 38.

[29] ГА РФ, ф. 9558, оп. 1, д. 226, л. 2.

[30] Там же, д. 583, л. 1. На заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) 14 января 1928 г. было принято решение организовать Центральные полуторагодичные курсы и вечерние семинарии для торговых, синдикатских и банковских работников при Московском промышленно-экономическом практическом институте. Общее количество слушателей — 250 человек, 100 из которых — по банковскому отделению. Курсы предлагалось комплектовать преимущественно из членов ВКП(б) — работников центральных и местных учреждений всей торговой, синдикатской и кредитной системы (РГАСПИ, ф. 17, оп. 74, д. 60, л. 20).

[31] РГАСПИ, ф. 17, оп. 74, д. 60, л. 22.

[32] Там же, оп. 113, д. 613, л. 6. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило это решение на заседании 3 мая 1928 г. (Там же, оп. 3, д. 685, л. 8).

состав работников среднего звена в аппарате Госбанка улучшился лишь в незначительной степени, благодаря недостаточной работе Правления Госбанка, проделанной в этой области». Решение Оргбюро обязывало Шейнмана в двухнедельный срок представить в ЦК «конкретный план как в отношении людей, так и сроков по укреплению состава ответственными работниками в кредитных группах, транспортной части, иностранном отделе, отделе контролируемых учреждений, эмиссионном отделе, отделе международных расчётов, в гл[авной] бухгалтерии, отделе финансирования хлебных операций и финансово-экономическом бюро». Кроме того, главе Госбанка предложили немедленно уволить группу специалистов, скомпрометированных своими связями с лицами, осуждёнными по процессу «Общества взаимного кредита» как в Москве, так и на периферии, а об исполнении сообщить в ЦК в течение двух недель. Один из пунктов протокола обязывал через полгода заслушать на Секретариате ЦК сообщение Госбанка и Россельбанка по вопросу о дальнейшем укреплении состава работников среднего звена по всей системе этих банков[33].

В этих решениях, по сравнению с ранее принятыми, речь шла уже о более широкой проверке банковского аппарата. В этой связи следует напомнить о судебном процессе по «делу» 1-го Московского Общества взаимного кредита (ОВК) и Московского торгово-промышленного ОВК, приговор по которому был вынесен Верховным судом СССР 14 апреля 1928 г. Семеро обвинённых в экономической контрреволюции подсудимых, включая бывшего помощника заведующего финансово-экономическим бюро Госбанка СССР В.А. Николаевского, были приговорены к расстрелу, остальные фигуранты — к лишению свободы на срок до десяти лет. По ст. 117 УК РСФСР (взяточничество) осудили на восемь лет заместителя заведующего учётно-ссудным отделом Госбанка СССР Е.И. Васильева и заведующего подотделом специальных текущих счетов В.П. Цветнова и на полгода — бухгалтера подотдела учёта векселей М.А. Потапова[34].

Не исключено, что авторы документа делали отсылку и к более раннему судебному процессу, известному как «дело сотрудников Хлебного отдела Госбанка» (при этом из 20 обвиняемых только двое занимали ответственные посты в Госбанке СССР, остальные были торговцами и сотрудниками обществ взаимного кредита). Судебные слушания проходили в Москве с 9 декабря 1927 г. по 3 января 1928 г.[35] И хотя государственный обвинитель говорил, что «мы судим здесь не Госбанк, а взяточников», «судим не политику хлебного отдела Госбанка, а практику», общественный резонанс явно сыграл на руку сторонникам кадровых чисток. Тем более что один из обвиняемых госбанковцев являлся бывшим предводителем дворянства, а другой — бывшим купцом 1-й гильдии[36]. Выдвинутые же по «делу» обвинения во взяточничестве и пособничестве частнику трактовались как «экономическая контрреволюция» (ст. 58-7 УК РСФСР). Замечу, что само «дело» нуждается в беспристрастном дополнительном изучении с учётом хотя бы того обстоятельства, что несколько подсудимых отказались в суде от своих ранее данных показаний. Более того, ещё до решения суда «компрометирующие» материалы, связанные с прохо-

[33] Там же, оп. 74, д. 60, л. 18.

[34] *Жирнов Е.* «Советский суд не знал ещё ни одного такого процесса» // Коммерсантъ — История. 2014. № 24(48). 1 декабря.

[35] См.: *Кондурушкин И.С.* Хозяйственно-экономические судебные процессы периода НЭПа. Обвинительные речи. М.; Л., 1930. С. 85—110.

[36] Там же. С. 86, 97—98.

дившим по делу в качестве свидетеля Реске и подсудимыми — сотрудниками хлебного отдела Госбанка, фигурировали в материалах майского (1927) заседания Оргбюро ЦК ВКП(б) и стали основанием для вынесения соответствующих решений.

Любопытную картину, сложившуюся в руководстве Госбанка СССР по вопросу о кадрах, рисуют черновики писем и записок руководителям партии и правительства, авторство которых принадлежит Спундэ. Они свидетельствуют о его весьма непростых отношениях с Шейнманом.

13 февраля 1928 г. в письме Г.К. Орджоникидзе Спундэ подчеркнул, что весной 1926 г. он согласился работать в Госбанке только после выработки общей с Шейнманом позиции в отношении основ банковской политики. Взятый курс на «единый банк», по словам Спундэ, отодвинул на второй план возникшие с главой Госбанка разногласия по внутренним организационным и кадровым вопросам. Ещё в начале зимы 1926/27 г. Шейнман якобы категорически возражал против перемен в руководстве банка, весной же 1927 г., отчасти соглашаясь с критикой деятельности некоторых членов Правления и признавая необходимость кадровых перемен, всё же не спешил что-либо предпринимать. Когда Шейнман четыре с лишним месяца находился в командировке в Германии, Спундэ, по его утверждению, провёл в Госбанке ряд назначений, предоставив некоторым обладателям партийных билетов должности заведующих отделами и директоров[37].

К марту 1928 г. конфликт между двумя руководителями достиг пика. Спундэ, считавший своё положение в банке «нетерпимым», нашёл временный выход в отъезде в длительную командировку. В марте и апреле он подробно написал об этом Косиору: объяснил мотивы, побудившие принять решение об уходе из банка, и предварил их «историческим экскурсом».

Обстановка в Госбанке СССР, как он вспоминает, произвела на Спундэ в первые месяцы после назначения членом Правления в мае 1926 г. «весьма тяжёлое впечатление». Отделы, обслуживающие посетителей, работали сносно, в бухгалтерии же дела были запущены, а вот «верхушка аппарата» оказалась в значительной части враждебно настроена по отношению к хозяйственному курсу, взятому банком после «просчётов» осени 1925 г. Особенно негативно воспринимались сокращение кредитования частников и меры по регулированию торговли. «Был, например, со мной такой случай, — сообщает Спундэ, — через неделю после моего прихода в Банк ныне уволенный член Правления Госбанка Хрущов и директор одного из отделов коммунист Штерн, уволенный ещё в 1926 году, приходили ко мне (каждый отдельно) и уговаривали меня дать новых 100 000 руб. Обществам Взаимного кредита, так как только таким путём можно будет вытащить ранее данные деньги»[38].

Спундэ писал, что с осени 1926 г. он неоднократно склонял Шейнмана к необходимости «почистить» Правление от «нечистоплотных людей вроде Хрущова, Реске». Но тот возражал, объясняя, что «художества Реске» разбирались по докладу ОГПУ на заседании Политбюро, которое решило не давать делу ход из опасения создать неблагоприятное впечатление за границей. У Реске в Кремле якобы имелись высокие покровители[39]. Был ли Шейнман искренен

[37] ГА РФ, ф. 9558, оп. 1, д. 226, л. 1 об.

[38] Там же, л. 11.

[39] Там же, л. 11 об. Возможно, автор путает. В письме Косиору, написанному в апреле 1928 г., во многом повторяющем мартовское, говорится о «художествах Хрущова» (Там же, л. 18).

или придумывал для Спундэ приемлемое объяснение в защиту тех, с кем не спешил расставаться, сказать сложно. Так или иначе, на несколько месяцев инициатор кадровых перемен оставил свои попытки.

После февральского (1928) постановления Оргбюро о кредитной системе, которое, как считал Спундэ, ликвидировало остатки принципиальных споров, он возобновил свои походы к Шейнману. Исчерпав возможности действий в одиночку, он в конце февраля — начале марта собрал совещание трёх партийных членов Правления. Но и групповой нажим не имел результатов. «При нынешнем состоянии аппарата, без воли к его постоянному улучшению, — писал Спундэ Косиору в марте 1928 г., — мы не справимся с возложенной на нас задачей быть единственным или почти единственным кредитным учреждением в стране»[40].

В изображении Спундэ Шейнман, не меняя состава членов Правления, которые «у нас одно время служили парламентом для произнесения высоких “направленческих” речей», предпочёл авторитарный стиль руководства. Заседания собирались всё реже, а обсуждавшиеся документы пускались «вкруговую». Получалась прямо противоположная крайность. Накалились и отношения Шейнмана со Спундэ, который, видя, что начальство его игнорирует, всё больше удалялся от активной работы[41].

Через несколько месяцев, очевидно, после командировки, ситуация несколько изменилась. С разрешения Политбюро от 25 июля 1928 г. Шейнман находился в двухмесячном отпуске, продлённом до декабря, и лечился в Берлине. В одном из писем заместителю председателя СНК Я.Э. Рудзутаку (написанном, очевидно, не раньше начала августа, накануне какого-то важного разговора с главой советского правительства А.И. Рыковым) Спундэ констатировал наметившееся улучшение положения дел в банке, которое он связывал с нажимом на Шейнмана извне. Спундэ хотел, чтобы со стороны Рыкова, Рудзутака или «может быть, ещё кого-нибудь» (намёк на Сталина?) с главой Госбанка состоялся «крутой разговор об условиях работы» в нём.

Высказывалось отнюдь не новое предложение: не «злоупотребляя коллегиальностью», всё же оживить работу Правления и ввести в его состав одного-двух партийных работников с целью устранения «спецовских сменовеховских настроений» у некоторых беспартийных его членов. При этом, добавлял Спундэ, руководящая роль Шейнмана должна была сохраниться. В числе предлагаемых мер — официальное назначение постановлением Политбюро и СНК заместителя председателя Правления. Необходимо добавить, что выполнявший фактически его функции и воспринимавшийся в этом статусе политическим руководством страны Спундэ официально таковым не являлся[42]. Шейнман рассматривал его лишь как временную фигуру на данной должности. Очевидно, сетования Спундэ на неопределённость своего положения, его просьбы о помощи в давлении на главу Госбанка и готовность покинуть свой пост убедили Сталина в необходимости приставить к руководителю главного банка страны более сильную фигуру. Решением Политбюро ЦК ВКП(б) (опросом) от

---

[40] Там же, ф. 9665, оп. 1, д. 226, л. 9.

[41] Там же, л. 11 об.

[42] 13 февраля 1928 г. Спундэ писал Орджоникидзе: «Фактически с осени 1926 г. во всех случаях отсутствия т. Шейнмана я его замещаю, однако нет ни партийного, ни советского постановления, которое оформило бы моё положение в качестве или рядового члена Правления, или зам[естителя] Предправления» (Там же, 1 об.).

16 октября 1928 г. было одобрено назначение заместителем председателя Правления Госбанка Г.Л. Пятакова, с включением его в состав коллегии НКФ СССР, а 25 октября другим решением высшей партийной инстанции Спундэ получил назначение на должность начальника валютного управления и члена коллегии НКФ СССР[43].

18 ноября 1928 г. истекал срок, намеченный Оргбюро ЦК ВКП(б) для отчёта Госбанка и Россельбанка о проделанной кадровой работе. Очевидно, в этой связи и было направлено руководителям подразделений Госбанка письмо заведующего Учраспредом Правления (с грифом «секретно»), в котором предписывалось в соответствии с директивами высших партийных органов в недельный срок пересмотреть весь наличный штат беспартийных работников и сообщить свои соображения по вопросам их увольнения, замены и выдвижения[44].

Вопрос об исполнении постановления Оргбюро ЦК ВКП(б), связанный с проверкой состава работников кредитных учреждений, не считался закрытым до 1930 г. 20 февраля 1929 г. датирована докладная записка Учраспреда Правления Госбанка СССР в Орграспред ЦК ВКП(б) с неполными отчётными данными о «преодолении и изжитии выявленных дефектов» по девяти конторам и отделениям на 1 января 1929 г. При привычной констатации наличия в составе аппарата «бывших» (дворяне, купечество, чиновники и т.д.) был сделан общий вывод по составу работников проверенных филиалов (за исключением Новосибирска): «Имеется значительный сдвиг в области коммунизации аппарата по всем звеньям, а особенно в средних звеньях (с 18 до 30,3%) при некотором, хотя и мизерном, улучшении социального состава работников (рабочих в среднем звене было 2,3%, стало 4%, и крестьян было 1,4%, стало 2%). Материалов по чистке аппарата от чуждых элементов, коренизации аппарата и ещё по ряду других вопросов в распоряжении пока не имеется... Однако... можно прийти к заключению, что ещё весьма мало сделано для улучшения социального состава работников, вовлечения в руководящую и ответственную работу женщин и коренизации аппарата в национальных республиках и областях»[45].

Другой отчётный документ, направленный Правлением Госбанка СССР в Орграспред ЦК ВКП(б), охватывает работу по «укреплению аппарата» с 1 октября 1927 г. по 1 апреля 1930 г. (от XV до XVI съезда ВКП(б), т.е. включал и период общесоюзной «чистки» госаппарата). Констатировалось, что «более или менее решительное очищение аппарата» от классово чуждого элемента началось в последние год-полтора (начиная с октября 1928 г.). Всего же до «чистки» выявили «в центральном аппарате 184 человека “бывших людей”... 83 человека из них с начала... января сего года... уже уволено из банка (под видом реорганизации, сокращения штата и т.д.), в том числе 3 члена Правления, 36 человек работников среднего звена, 44 человека технических работников»[46]. Далее подробно охарактеризована структура госбанковского аппарата (центрального и в филиалах) в начале и конце отчётного периода. Приведены цифры сокращения аппарата Правления (на 17,9%), увеличения числа коммунистов (на 8,3% по отношению ко всему аппарату) и рабочей прослойки (с 10,2 до 18,2%), женщин (с 30,3 до 37%, при незначительном абсолютном снижении) и др.[47]

[43] РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 709, л. 4; д. 710, л. 2.
[44] По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. Вып. 17. С. 16.
[45] Там же. С. 17—18.
[46] Там же. С. 32.
[47] Там же. С. 31.

По результатам проверки выполнения апрельских решений Оргбюро (1927) был подготовлен проект постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) 1929 г., где графа с датой и месяцем оставлена незаполненной. Наряду с признанием успехов в деле коммунизации и «орабочивания» аппарата в проекте перечислялись имевшиеся на тот момент недостатки: назначение на должности членов партии «невыдержанных, в отдельных случаях разложившихся, подпадающих под влияние спецов и проявляющих оппортунизм и примиренчество в своей практической работе»; кредитно-плановые отделы («являющиеся, по сути дела, мозгом каждого банка»), как правило, находились в руках беспартийных, придерживавшихся чуждой идеологии (эсеры, кадеты, меньшевики)[48].

Также в ходе реализации июньского постановления Оргбюро (1927) был подготовлен проект составленной не ранее 1 июня 1929 г. программы обследования выполнения решения ЦК о банковских кадрах, призванной составить картину партийного влияния в аппарате, определить социальный состав кадров, роль беспартийных (особенно специалистов) в аппарате, их фактическое влияние и идеологические установки. В отношении последних требовалось выяснить кастовые, семейственные, политические группировки, случаи покрытия ошибок и преступлений, совершённых подконтрольными органами и лицами. В работе правлений банков следовало выявить, кто и как следил за выполнением июньских решений Оргбюро ЦК (при невыполнении отдельных директив предлагалось указать его причины). Выяснению подлежал и вопрос о том, занимает ли Учраспред авторитетное положение в банке, не было ли между ним и Правлением конфликтов на почве назначения и подготовки работников и т.д.[49]

Можно предположить, что удаление из повесток дня заседаний Оргбюро обсуждения его июньских (1927) решений произошло только после февраля 1930 г., когда в полной мере разворачивалась общесоюзная «чистка» госаппарата. Так, в протоколе заседания Оргбюро ЦК от 26 февраля 1930 г. фигурируют уже ссылки на последующие решения, свидетельствующие о стремлении не возвращаться к данному вопросу: «Слушали... Доклад об итогах проверки выполнения решения ЦК о кадрах банковских работников... от 3.VI.29 г. ... Постановили... Поручить тт. Петерсу Я.Х., Кацнельсону Л.Е. и Горбунову П.П. сформулировать на основе состоявшегося обмена мнений краткий проект предложений и внести его на утверждение Оргбюро (опросом)»[50].

Предназначенный для Орграспреда ЦК ВКП(б) документ «О результатах обследования выполнения постановления ЦК ВКП(б) от 27/VI—27 о банковских кадрах» содержит очень ценную информацию относительно персоналий (хотя в нём подчёркивается сложность анализа в связи с произошедшими с июня 1927 г. по сентябрь 1929 г. изменениями в структуре и функциях Госбанка СССР). В общей сложности в работу по изучению кадров были вовлечены около 70 человек из центрального аппарата и 30—40 — из обследуемых контор. Характеристики работников среднего звена на 1 сентября 1929 г. были получены как от администрации, так и от партийных организаций по определённой схеме. Предложенный им для оценки сотрудников вопросник содержал следующие пункты: «1) понимает ли партийные директивы и умеет ли проводить их в жизнь; 2) есть ли элементы вредительства в работе; 3) сведения о политиче-

[48] РГАСПИ, ф. 17, оп. 74, д. 60, л. 97.
[49] Там же, л. 23—26.
[50] Там же, л. 29.

ской физиономии; 4) об инициативности в работе; 5) справляется ли в общем с работой; 6) замазывает ли ошибки, промахи, преступления других и т.д.»[51]. Пользовались авторы и материалами дел по обследованию отдельных контор Госбанка СССР (в основном выбирали описания фактов, иллюстрировавших неблаговидные дела и поступки).

Предваряя индивидуальные характеристики, отмечу общий вывод о неудовлетворительной оценке состава работников Госбанка (по центру и периферии) в социально-политическом отношении[52]. Фигурирующую в документе статистику затруднительно сопоставлять с ранее приведёнными цифрами из докладной записки Госбанка СССР (на 1 апреля 1930 г.).

Данные периода с 1 июля 1927 г. по 1 января 1929 г. (до «чистки госаппарата), обобщённые в аппарате Орграспреда ЦК ВКП(б), «скромнее»: прослойка рабочих и сотрудников из рабочей среды уменьшилась с 7,7 до 6,9%, а коммунистов увеличилась всего лишь на 1,3%, причём только за счёт центрального аппарата. «По центральному аппарату, — отмечается в документе, — произошло резкое повышение парт[ийной] прослойки в группе ответственных сотрудников (с 15,9 до 40,9%). Увеличение числа коммунистов в системе Госбанка произошло главным образом механическим путём и объясняется в значительной мере происшедшим слиянием с Госбанком касс Наркомфина и части аппарата Промбанка. Вместе с кассами Наркомфина в систему Госбанка влилось около 3 тыс. чел[овек], из которых примерно 400 или 13% членов ВКП(б). На повышении прослойки коммунистов по центральному аппарату наряду с указанными причинами отразилось и сокращение штатов»[53].

Остановимся на характеристике центрального аппарата. Его количественный состав сократился в вышеназванный период с 2 100 до 1 550 человек, число членов ВКП(б) и ВЛКСМ в общей массе сотрудников увеличилось с 9,2 и 4,9% соответственно до 17,7 и 5,2%. Для сравнения: партийная прослойка в центральном аппарате НКФ СССР составила 24,9%, Наркомторга СССР — 28%, ВСНХ СССР — 20,2%.

Оставив в стороне детальные статистические выкладки, касающиеся различных звеньев аппарата, партийного и банковского стажа сотрудников, обратимся к персональным характеристикам, начиная с руководства. «Вполне авторитетным и влиятельным членом Правления, — полагали авторы документа, — является лишь один тов. Пятаков. Остальные члены Правления партийцы, хотя и пользуются сравнительно большим влиянием, чем беспартийные, и больше чувствуются в работе банка, тем не менее некоторые из них дискредитировали себя в деловом и партийном отношениях, о чём свидетельствуют и материалы проводимой партпроверки. Для примера можно указать, что Морин обвиняется в правом оппортунизме и примиренчестве к нему, в недопустимом пренебрежении к дельным предложениям партийцев о внедрении планового начала в работу Банка о регулировании денежного обращения, реорганизации структуры банка, о борьбе с бюрократизмом, слабом проведении партийной линии в вопросах о кадрах и т.д. Каган — обвиняется в правом оппортунизме и

[51] Там же, л. 99 об.

[52] Там же, л. 100. В другом месте документа отмечено, что «существующие банковские кадры, несмотря на наличие среди них значительного слоя удовлетворительных и здоровых элементов, не могут всё же считаться в достаточной мере обеспечивающими проведение линии партии и правительства в кредитной работе в настоящее время» (Там же, л. 103 об.).

[53] Там же, л. 100.

примиренчестве к нему, в отсутствии чёткой партийной линии в работе, в протекционизме... и пр[оч]... Часть беспартийных членов Правления продолжает заведовать весьма важными участками банковской работы. Так, например, Блюм — ведает кредитными группами, занимающимися финансированием тяжёлой промышленности и транспорта; Шер — вопросами финансирования кооперации; Каценеленбаум — эмиссионным отделом; Берлацкий — финансированием лесных операций, кредитной работой в странах Востока и Главной бухгалтерией; Шлезингер — отделом пассивных операций и отделом кассы. В отношении руководства последнего нужно отметить, что это руководство, по сути дела, является лишь формальным. Он настолько устарел, как по возрасту (77 лет), так и по его подходам к банковской работе, что в настоящее время никакой ценности для банка не представляет и никакой активности в работе не проявляет. Многие из ответственных работников банка (члены Правления, директора) заявляли, что за всё время их работы они никогда даже не слышали голоса Шлезингера... О политической физиономии их до некоторой степени можно судить потому, что один из них является бывшим председателем Правления Моск[овского] Купеческого банка и, следовательно, акционером его... Трое — бывшие активные меньшевики (Берлацкий, Шер, Блюм) и один кадет (Каценеленбаум). В публичных выступлениях и в печатных трудах этих членов Правления имелись установки, противоречащие решениям партии и правительства и неправильные теоретические положения в научных трудах»[54].

В этот период авторы документа лишь предлагали поставить вопрос об их замене партийными выдвиженцами[55], но совсем скоро Б.М. Берлацкий и В.В. Шер будут осуждены по делу «Союзного бюро ЦК РСДРП(м)», а А.А. Блюм и З.С. Каценеленбаум — по «госбанковскому делу».

Далее шли характеристики трёх директоров Правления. В отношении Е.П. Ростковского[56] была принята рекомендация «за преклонностью лет и неприспособленности к современным требованиям кредитной политики» заменить. Два других директора — В.С. Коробков[57] и С.К. Бельгард — являлись

[54] Там же, л. 107—107 об.

[55] В документе указано: «Совершенно очевидно, что... в условиях решительного наступления на частно-капиталистические элементы, изменения форм и методов банковской работы все беспартийные члены Правления не могут играть положительной активной роли в проведении политики банка, в его практической работе, а поэтому необходимо поставить вопрос о замене их партийцами и выдвиженцами» (Там же, л. 108).

[56] Ростковский Евгений Павлович (1870—1942) в 1895 г. окончил математический факультет Санкт-Петербургского университета. Участник революционного движения, во время учебы в университете примкнул к группе народовольцев, вел пропаганду среди рабочих. В 1896 г. арестован по делу Лахтинской типографии народовольцев, осуждён и сослан в Восточную Сибирь. С 1904 г. работал инспектором Русского торгово-промышленного банка в Санкт-Петербурге; член первого Санкт-Петербургского Совета рабочих депутатов (1905). Примыкая к партии эсеров, сблизился с выдающимися деятелями революционного движения, в том числе с В.Н. Фигнер и П.А. Кропоткиным. В 1915 г. переведён в Москву заместителем управляющего Московским отделением Русского торгово-промышленного банка. В январе 1918 г. после национализации частных банков перешёл на службу в Московский Народный банк в качестве заместителя директора. С конца 1918 г. по октябрь 1921 г. работал в кооперативном отделе Центрального бюджетно-расчётного управления Наркомата финансов РСФСР. В октябре 1921 г. назначен главным кассиром Отдела кассы Правления Государственного банка РСФСР; заведующий Отделом кассы (1923—1929); директор Правления Государственного банка СССР с исполнением обязанностей по наблюдению за работой Главной кассы (с 1929 г.). С этой должности вышел на пенсию в 1929 г.

[57] Подробнее см.: *Николаев М.Г.* Неизвестные судьбы госбанковцев 1920-х: директор Иностранного отдела Госбанка СССР В.С. Коробков // Деньги и кредит. 2013. № 7. С. 59—67; № 8. С. 62—67.

представителями Госбанка СССР в США и Англии. Выводы в их отношении весьма характерны. Сообщая об отсутствии возможностей получить на них характеристики в силу нахождения обоих длительное время в заграничных командировках, авторы отметили: «Тем не менее в качестве представителей Госбанка за границей следовало бы, имея в виду политическое значение этого представительства, посылать партийцев, тем более что в настоящее время такие кандидатуры можно было бы подобрать»[58] (вскоре Коробков и Бельгард тоже станут фигурантами «госбанковского дела»).

Важно отметить, что авторы в ряде случаев оговаривали несовпадение характеристик Учраспреда и цехпартбюро[59], иногда приводили сравнительные оценки, но почему они склонялись в пользу той или иной точки зрения, неизвестно. Кроме того, ведомственные парторганы представляли характеристики на беспартийных, и эти аттестации служили основанием для принятия в их отношении административных решений.

Среди перечисленных руководящих работников встречаем уволенных в ходе «чистки» госаппарата, а позже фигурантов дел — «госбанковского» и «наркомфиновского». Это В.А. Лепёшкин («потомственный дворянин, монархист»), А.И. Лежнёв («поверхностен, беспринципен»), А.А. Сахаров («фактически является сторонником развития частно-капиталистических элементов в нашем хозяйстве и враждебен его плановому началу», «экономически неграмотен, безынициативный, карьерист», «бессистемен в работе, хотя и работоспособен»), А.Ф. Тимофеев («не способен проявлять инициативы. Антисоветский. Желания проводить директивы нет. Лентяй, саботажник. Необходимо удалить из банка»).

Характеристика заместителя директора одной из кредитных групп Г.В. Рочко была составлена со слов его шефа. Это обстоятельство, несмотря на указанное кадетское прошлое, очевидно, способствовало мягкости формулировок («Толков. Политически грамотен. По своей политической идеологии примыкает к концепции проф. Кондратьева. Однако в практической работе ориентируется на линию партии»). Правда, фамилия Рочко присутствует в другом месте — в списке выходцев из «враждебных партий».

Для представления о стилистике «досье», охватывающего широкий круг банковских сотрудников, приведу одну из характеристик полностью: «Директор Бюро РСФСР — Венгеровский, служащий, член ВКП(б) с 1917 года, со средним образованием, имеет 18-летний банковский стаж, в капиталистических банках был зав[едующим] отд[елом] и доверенным банка. Характеристики Учраспреда и цехпартбюро, в основном совпадающие, дают о нём следующее представление: достаточной марксистской подготовки не имеет. Политически недостаточно грамотен. Трудолюбив и работоспособен, хорошо знает технику банковской работы, проявляет инициативу и растёт в этой области. Политически беспринципен, типичный деляга. Обвиняется в оппортунизме и бюрократизме, волоките и т.п. Подхалим. Подвергался партвзысканию за игнорирование выдвиженцев. Легко поддаётся влиянию беспартийных»[60]. Такая причудливая смесь достоинств и недостатков оставляет возможности для принятия решений весьма широкого спектра.

---

[58] РГАСПИ, ф. 17, оп. 74, д. 60, л. 108.
[59] Там же, л. 111 об., 113.
[60] Там же, л. 114.

Ещё один сюжет — партийная чистка, решение о которой было принято на XVI конференции ВКП(б) (апрель 1929 г.). Несмотря на то что она затронула только часть банковского аппарата, а комиссии по «чистке», казалось бы, должны были в качестве мер наказания оперировать исключительно партийными взысканиями, в соответствующих документах можно обнаружить вынесение резолюций относительно сферы трудовых отношений. В протоколах проверочных комиссий различных структурных подразделений Правления Госбанка СССР встречается достаточное количество подобных примеров. Вот некоторые из принятых решений: в отношении секретаря отдела кассы А.Я. Буланкина («считать необходимым снять с работы в Госбанке и направить на работу в колхозы, как знающего деревню и уже работавшего ранее в деревне»); контролёра И.Я. Королёва («просить Правление Госбанка перевести его для работы в другой город»); секретаря партийной ячейки Госбанка А.В. Кирпичёва («снять с работы в Госбанке, направив на работу, где будет связан с рабочей массой»); консультанта В.Б. Рошаля («объявить выговор за нарушение трудовой дисциплины и нежелание работать активно. Считать целесообразным снять с работы в Госбанке»); инспектора С.С. Бочарникова («объявить выговор, с работы в Госбанке необходимо снять и послать на низовую работу в деревню — за непринятие мер как бывш[ий] учраспред, по орабочиванию и коммунизации аппарата и нерешительную постановку вопросов, связанных с этим, перед соответствующими организациями, а также им не было создано достаточных условий для роста вузовцев на практической работе»); заведующего отделом текущих счетов Г.С. Белова («рекомендовать администрации снять его с занимаемой работы»); консультанта А.Я. Лебеля («объявить выговор, снять с работы в Госбанке, направив на работу, где он будет связан с рабочей массой»)[61].

Для рекомендации об увольнении достаточно даже не исключения из партии, а всего лишь выговора, правда, остаётся невыясненным вопрос, насколько строго соблюдались администрацией вынесенные партийные решения.

Помимо всего остального, материалы партийных «чисток» дают представление о том, к каким провинностям относились терпимо, а за какие сурово наказывали. В документах можно встретить любопытные примеры, позволяющие лучше представить те настроения, которые поощряла кампания по коммунизации аппарата и выдвиженчеству. Так, в решении об исключении из ВКП(б) М.С. Лапкина ему было инкриминировано использование партии «в своих шкурных интересах»: провинившийся обратился к секретарю цехового коллектива с просьбой о переводе его с должности дворника, так как «партийцу зазорно быть» таковым[62].

Работа партийных проверочных комиссий проходила в Госбанке СССР в октябре—ноябре 1929 г. и завершилась в то время, когда в кадровой политике начался новый этап, связанный с масштабной «чисткой» госаппарата.

Итак, можно констатировать, что в системе Госбанка СССР гонения на специалистов в основном по признакам социального происхождения и бывшей партийной принадлежности начались после июньского (1927) постановления Оргбюро ЦК ВКП(б). Процесс стал набирать темпы в начале 1928 г. по мере ослабления позиций в партийно-правительственных кругах главы Госбанка Шейнмана. «Вытеснялись» прежде всего руководители высшего и среднего звена. «Свёртывание» нэпа, коренные преобразования в экономической сфере

[61] Там же, л. 33, 34, 48 об., 49, 49 об., 44 об., 50 об.
[62] Там же, л. 36—36 об.

и их негативные последствия заставили руководство страны резко ужесточить кадровую политику, не останавливаясь перед травлей и репрессиями в отношении «старых» специалистов. С июня 1927 г. по январь 1930 г. была проделана не только определённая предварительная «очистительная» работа, но и собран объёмный «компромат», который впоследствии использовали органы Рабоче-крестьянской инспекции и ОГПУ при выполнении своей, по выражению Сталина, «проверочно-мордобойной работы»[63].

[63] Письма И.В. Сталина В.М. Молотову 1925—1936 гг. Сборник документов. М., 1995. С. 211—212.

Руководящие кадры лесной промышленности в период предвоенной индустриализации

Евгений Воейков

Leading personnel of the forest industry during pre-war industrialization

Evgeny Voeikov
(Financial University under the Government of the Russian Federation, Penza branch)

DOI: 10.31857/S086956870012479-7

В начале XXI в. в отечественной историографии активизировалось изучение промышленных предприятий, отраслей и индустриального развития России первой половины XX в.[1] Однако их руководители редко привлекают к себе внимание[2]. Лишь отдельные черты их административного и хозяйственного стиля и опыта проанализированы в работах иностранных авторов[3]. В частности отмечено, что «управленцы и инженеры не были пассивными исполнителями приказов» и «даже после 1937 г. ... пытались повлиять на политику Сталина и иногда им это удавалось»[4]. К тому же, изучая промышленность 1930-х гг., историк сталкивается с парадоксальной ситуацией. В документах содержится информация о производственном процессе, площади жилого фонда предприятия (часто с точностью до десятых долей квадратного метра), количественном и качественном составе рабочих, трудностях их быта и особенностях досуга.

© 2020 г. Е.В. Воейков

[1] См., например: *Журавлёв С.В., Мухин М.Ю.* «Крепость социализма»: повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928—1938 гг. М., 2004; *Маркевич А.М., Соколов А.К.* «Магнитка» близ Садового кольца». Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883—2001. М., 2005; *Мухин М.Ю.* Авиапромышленность СССР в 1921—1941 годах. М., 2006; *Мухин М.Ю.* Советская авиационная промышленность 1940-х гг. и первые реактивные самолеты // Российская история. 2016. № 4. С. 44—55; *Постников С.П., Фельдман М.А.* Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900—1941 гг. М., 2009; *Кузьмина Т.Н., Шарошкин Н.А.* Индустриальное развитие Поволжья. 1928 — июнь 1941 гг.: достижения, издержки, уроки. Пенза, 2005; *Соколов А.К.* От военпрома к ВПК: советская военная промышленность. 1917 — июнь 1941 гг. М., 2012; *Чолахян В.А.* Индустриальное развитие Нижнего Поволжья (конец XIX в. — июнь 1941 г.): исторический опыт и уроки. Саратов, 2007; *Чолахян В.А.* Роль директивного государственного планирования в реализации советской модели индустриализации в 1920—1930 годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17. Вып. 2. С. 180—186.

[2] См., например: *Гребенюк П.С.* Руководящие кадры Дальстроя (1938—1945 годы) // Новый исторический вестник. 2016. № 3. С. 78—102; *Калмыков И.А.* Сталинский авиапром: «портрет» руководителя (на материалах Горьковской области) // Псковский военно-исторический вестник. 2017. Вып. 3. С. 165—170.

[3] *Rowney D.K.* The scope, authority, and personnel of the new industrial Commissariats in historical context // Social dimensions of Soviet industrialization / Ed. by W.G. Rosenberg, L.H. Siegelbaum. Bloomington; Indianapolis, 1993. P. 124—145; *Хоскинг Дж.* История Советского Союза. 1917—1991. М., 1994. С. 159; *Шаттенберг С.* Инженеры Сталина: жизнь между техникой и террором в 1930-е годы. М., 2011. С. 187—250.

[4] *Davies R.W.* The management of Soviet industry, 1928—41 // Social dimensions of Soviet industrialization. P. 105.

В то же время сведения, касающиеся руководящих кадров, приводятся в кратком виде и только по инженерам и техникам. Управленцы же, от которых преимущественно зависели ход и результативность производства (особенно в кризисные и переломные годы, когда наряду с исполнением вышестоящих указаний требовалось принятие нестандартных и творческих решений) словно бы остаются в тени, хотя фраза «кадры решают всё» стала одним из символов 1930-х гг. Да и в целом история — «наука о людях» и о «людях во времени»[5].

Между тем подписи руководителей стояли на многочисленных документах, их фамилии указаны в списках участников различных ведомственных и партийных собраний, им объявляли выговоры, их снимали с должностей. Информацию о личностных и профессиональных характеристиках руководящих кадров — как общесоюзного (Наркомат лесной промышленности СССР, Управление лесами Наркомата земледелия СССР, Главное управление лесоохраны и лесонасаждений при Совнаркоме СССР), так и регионального (лесопромышленные и лесохозяйственные тресты, управления лесоохраны и их производственные единицы — леспромхозы, лесхозы и отдельные лесоучастки) уровня, а также о специфике работы в сложной, постоянно менявшейся обстановке предвоенных пятилеток, о бытовых условиях их жизни приходится собирать буквально «по крупицам» в годовых отчётах, материалах производственных совещаний и деловой переписке организаций. Сказывается и то, что история лесной промышленности СССР в значительной степени остаётся «белым пятном», а положение в отрасли в период массовых репрессий 1937—1938 гг. требует отдельного рассмотрения.

Исследование охватывает Куйбышевскую, Пензенскую и Саратовскую области, Татарскую и Мордовскую АССР. В 1930-е гг. осуществлялись постоянные реорганизации лесозаготовительных структур. Представление о них дают итоги производственной деятельности в завершающем году первой пятилетки: Наркомлес СССР — 54,9% общего объёма заготовок лесоматериалов, Наркомат путей сообщения — 10%, Союзлес Наркомата тяжёлой промышленности (Союзлеспромтяж) — 8,6%, Главлесхоз Наркомата земледелия — 6,5%, кооперативные организации — 4,5%, прочие лесозаготовители (отдельные предприятия и учреждения) — 15,5%[6].

В первой половине 1930-х гг. основными в Поволжье являлись Средне-Волжский лесной трест «Средлес» (Наркомат тяжёлой промышленности), Средне-Волжский лесохозяйственный трест (Наркомзем СССР), трест «Москвотоп» (Наркомлес СССР), Татарский лесохозяйственный трест «Татлесхозтрест» (Наркомзем СССР), «Саратовлесхозтрест» (Наркомзем СССР). Как видно из приведённых данных, регион имел определённую специфику. Приближение к общесоюзной тенденции развития отрасли произошло в третьей пятилетке с распространением структур Наркомлеса. В 1936 г. на базе лесохозяйственных трестов Наркомзема были образованы тресты Наркомлеса («Куйбышевлес», «Татлес», «Саратовлес») и местные управления лесоохраны. В 1936—1939 гг. созданы Куйбышевское, Мордовское, Татарское, Саратовское, Пензенское управления лесоохраны и лесонасаждений. Производственные единицы трестов наркоматов тяжёлой и лесной промышленности назывались леспромхозами, аналогичные структуры трестов Наркомзема и управлений лесоохраны —

[5] *Блок М.* Апология истории или ремесло историка. М., 1986. С. 18.

[6] *Николаев С.А.* Лесозаготовки во втором пятилетии // Лесная индустрия. 1934. № 11. С. 14.

лесхозами. Как правило, каждое такое хозяйство состояло из нескольких производственных участков или пунктов.

Значение лесопромышленности для экономики страны трудно переоценить. Экспорт этого рода материалов являлся важным источником валютных поступлений. Тресты вели заготовки деловой древесины, которая использовалась для строительства домов, изготовления телеграфных столбов, железнодорожных шпал, рудничных стоек, фанеры, мебели. В условиях дефицита жилья возведение домов барачного типа, складских помещений, столовых и клубов из брёвен и досок происходило быстрее, чем из кирпича, и обходилось значительно дешевле. Лесная промышленность, как и все другие отрасли народного хозяйства, была также связана с нуждами обороны. Так, материалы из древесины активно использовались при производстве самолётов с целью замены дефицитного алюминия[7]. Например, в годовом отчёте Пензенского леспромхоза за 1936 г. упоминается «авиалипа»[8]. Введение в строй новых промышленных предприятий уже в первой пятилетке выявило недостаток существующих объёмов добычи основных видов топлива (нефти и каменного угля) и перегруженность железных дорог. Поэтому началось повсеместное внедрение местных видов топлива[9]. Если в 1932 г. дров было заготовлено 65,3 млн кубометров, то в 1940 г. — 128,2 млн. В 1937 г. их доля в топливном балансе СССР составляла 28,5%, уступая углю (46,6%), но превосходя нефть (17,3%)[10].

Для оценки руководящих кадров использованы три основных критерия: 1) уровень общего образования (начальное, среднее, высшее) и наличие специального образования; 2) опыт (стаж) работы в отрасли и на руководящей должности; 3) выполнение плановых заданий и умение решать производственные проблемы.

Руководители уровня наркоматов и главков назначались по критерию стажа на советской и партийной работе. Так, из пяти глав Наркомлеса с 1932 по 1941 г. (С.С. Лобов, В.И. Иванов, М.И. Рыжов, Н.М. Анцелович, Ф.В. Сергеев) специального образования в лесном институте или техникуме не получил никто. Более того, только Иванов имел среднее образование, остальные — лишь базу начальной школы. Следует отметить, что это — общая проблема наркомов 1930-х гг. Например, М.М. Каганович — нарком оборонной, а затем авиационной промышленности — имел только начальное образование[11].

Второму критерию отвечали Лобов, работавший в руководстве ВСНХ с 1926 по 1930 гг., и Иванов, занимавший пост первого секретаря Северного крайкома ВКП(б) в 1931—1936 гг. Стаж в лесной отрасли имел только Сергеев (12 лет к моменту перевода в союзный наркомат)[12]. Анцеловичу также приходилось иметь дело с проблемами лесных рабочих, хотя должность руководителя профсоюза работников земли и леса в 1920-х гг. не могла дать необходимых знаний и опыта работы, связанного с лесозаготовками. В результате пригод-

---

[7] *Мухин М.Ю.* Авиапромышленность СССР в 1921—1941 годах. С. 176—179, 309, 311.

[8] Государственный архив Пензенской области (далее — ГА ПО), ф. Р-430, оп. 1, д. 174, л. 22 об.

[9] Подробнее см.: *Воейков Е.В.* «Торфяные пятилетки» в Поволжье — забытая страница истории 1930-х гг. // Российская история. 2010. № 2. С. 43—52.

[10] История социалистической экономики СССР. Т. 4. М., 1978. С. 175; Т. 5. М., 1978. С. 292; *Пробст А.Е.* Основные проблемы географического размещения топливного хозяйства СССР. М.; Л., 1939. С. 172, 322.

[11] Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители. 1923—1991 гг. Историко-биографический справочник / Сост. В.И. Ивкин. М., 1999. С. 327.

[12] Там же. С. 86, 204—205, 321, 391, 504—505, 518—519.

ными к занятию должности всех пятерых наркомов можно считать только по наличию опыта руководящей работы. Наилучшие показатели в данном случае у Лобова и Анцеловича, которые ещё в 1920-х гг. занимали руководящие посты общероссийского и общесоюзного уровня. Работник со стажем в лесной промышленности Сергеев в данном аспекте уступал своим предшественникам. Руководителем крупного масштаба он стал только в 1938 г.; должность начальника лесопункта, которую он занимал с 1931 г., значительной назвать сложно. В леспромхозе обычно существовало несколько лесопунктов; трест в 1930-х гг. мог насчитывать от пяти—шести до двух—трёх десятков леспромхозов. «Ленлес», который Сергеев возглавил в 1938 г., входил в Главсевзаплес Наркомлеса. Таким образом, будущий нарком перескочил через несколько ступенек карьерной лестницы: сначала от директора мехлесопункта до управляющего трестом, затем от руководителя лесного треста одного из управлений до заместителя главы всей отрасли.

В качестве примера квалифицированного специалиста с многолетним опытом работы можно привести К.Х. Данишевского. Являясь членом ВКП(б) с дореволюционным стажем, он в 1921 г. возглавил Главный лесной комитет (Главлеском) — руководящий орган РСФСР по лесозаготовкам. Затем руководил созданным на его базе Центральным управлением лесной промышленности (ЦУЛП), в 1932—1936 гг. работал заместителем наркома лесной промышленности СССР[13]. Публикации характеризуют его как знатока своего дела[14]. Интересно отметить, что ни один из наркомов леспрома периода 1932—1941 гг. не оставил публикаций в виде научно-популярных работ или аналогичных статей в отраслевых журналах. Представляется, что на посту главы отрасли Данишевский принёс бы больше пользы стране. Именно его было бы уместно назначить наркомом в октябре 1936 г., после перевода Лобова на должность наркома пищевой промышленности РСФСР. Но ведомство возглавил глава Севкрайкома Иванов[15]. Налицо приоритет партийцев перед «хозяйственниками» при отборе на высшие посты.

Наличие некомпетентных в лесном деле руководителей не могло не сказываться на результатах лесозаготовок. Интересно оценить результативность управленцев по критерию успешности решения производственных задач. Лесопромышленность периодически срывала выполнение плановых заданий. В 1932 г. производственная программа по заготовкам деловой древесины оказалась выполнена на 72%, дров — на 81,3; по вывозке — на 71 и 87,4% соответственно. Неплохие результаты по заготовке показали тресты Украины и Белоруссии (96 и 99,6% плана), но по вывозке «Украинлес» и «Лесбел» выполнили только 87,8 и 79,6% программы. Наиболее крупные заготовители программу провалили: «Севлес» — 80,3% по заготовке и 85,6% по вывозке, «Кареллес» — 80,8 и 72,1%, «Ленлес» — 69 и 60,8%. Хуже всего выступили «Вятлес» (34,7% заготовки, 36,4% вывозки) и «Удмуртлес» (36,4 и 45,7%)[16].

---

[13] Центральный комитет КПСС, ВКП(б), РКП(б), РСДРП(б): историко-биографический справочник / Сост. Ю.В. Горячев. М., 2005. С. 189.

[14] См.: *Данишевский К.Х.* Итоги и перспективы государственных дровозаготовок. М., 1921; *Данишевский К.Х.* Современное положение лесной промышленности (итоги и перспективы). Доклад СТО и ВСНХ. М., 1922; *Данишевский К.Х.* Летняя механизированная лесовывозка // Лесная промышленность. 1936. 19 марта.

[15] Государственная власть СССР... С. 86, 321, 391.

[16] *Николаев Н.* Итоги лесозаготовок 1932 г. // Лесопромышленное дело. 1933. № 8. С. 401—402.

В начале третьей пятилетки ситуация несколько ухудшилась: программу 1938 г. по заготовке деловой древесины Наркомлес выполнил на 59,8%, дров — на 61,9%; по вывозке — на 58,7 и 69,5% соответственно. По-прежнему прилично на общем фоне выглядели результаты УССР (103,3% по заготовке; 101% по вывозке) и БССР (92,5 и 88,5%). Ещё более ухудшили показатели заготовители Северной части страны, дававшие около трети всей лесопродукции: «Главсевлес» (51,3 и 60,9%) и «Главсевзаплес» (66,8 и 62,8%). Наркомлес РСФСР, объединявший преимущественно лесные тресты Центральной части страны, Поволжья, Урала и Северного Кавказа, выполнил программу на 64,3 и 59,3% соответственно[17].

Срыв планов отраслью рассматривался в постановлениях Совнаркома СССР[18]. Особое внимание обращалось на отстающие тресты, снижение количества постоянных рабочих, недостатки в использовании на лесозаготовках тракторов. «Системной работы Наркомлеса, его главных управлений, трестов по повышению эффективности функционирования лесопромышленного комплекса не наблюдалось... Невыполнение планов, потери древесины на лесосеках, в ходе сплава, обработки, приписки и искажение отчётности, финансовые убытки стали системными проблемами»[19].

Однако было бы некорректно сводить провалы только к личностям руководителей. Не секрет, что плановые задания первых пятилеток часто составлялись без учёта реальных возможностей промышленности. На заготовках не хватало продовольствия, одежды. Поступления автотранспорта и темпы строительства специальных дорог отставали от резко выросших объёмов вывозки, к тому же степень технической надёжности выпускаемых заводами СССР автомобилей и тракторов оставляла желать лучшего[20]. Но всё это не объясняет, почему на протяжении многих лет отдельные тресты хронически пребывали в числе отстающих, а другим при сопоставимых условиях и наличии общих для всей страны трудностей удавалось показывать неплохие результаты. Подбор же руководителей этого уровня лежал на наркоме и его заместителях.

В этой связи уместно обратиться к свидетельству очевидца. Корреспондент журнала «Лесопромышленное дело» в конце января — начале февраля 1930 г. провёл несколько дней в одном из лесопунктов треста «Камураллес» с заданием разобраться в причинах низких темпов заготовок. В Свердловске ему рассказали о совокупности объективных факторов, объяснявших невыполнение плана (недостаток рабсилы, вредительство кулаков, низкое техническое качество тракторов, плохое снабжение продовольствием). Сам же журналист, оценив ситуацию на месте, написал о непродуманной прокладке лесовозной дороги, из-за чего возникали заторы, постоянных многочасовых очередях рабочих в

---

[17] РГАЭ, ф. 7637, оп. 1, д. 1492, л. 1, 2.

[18] О работе Народного комиссариата лесной промышленности по заготовке и вывозке леса // Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических республик. 1933. Ст. 112. 11 марта; О недостатках в работе Народного комиссариата лесной промышленности в области лесозаготовок и лесосплава и о мерах её улучшения. М., 1935. С. 2—5.

[19] *Зыкин И.В.* Народный комиссариат лесной промышленности Советского Союза в 1932—1940 годах и проблемы выполнения плановых заданий // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2019. Т. 29. № 4. С. 633.

[20] Например, в стенограмме радиопереклички о ходе лесозаготовок по системе Наркомлеса СССР в ноябре 1936 г. сохранилось упоминание о 250 тракторах, которые «не отремонтированы» (РГАЭ, ф. 7637, оп. 1, д. 29, л. 8).

конторе лесопункта, отсутствии пропаганды опыта передовых бригад лесорубов, неумении организовать ремонт тракторов. Его вывод звучал решительно: «Нет, я окончательно перестаю верить в объективные причины»[21].

В 1920-х гг. на общесоюзном уровне лесным хозяйством руководило Центральное управление лесов (ЦУЛ) при Наркомате земледелия СССР. В 1931 г. его преобразовали в Главлесхоз Наркомзема. В первой половине 1930-х гг. среди руководителей управления по критериям «образование» и «стаж работы в данной отрасли» наблюдался определённый регресс по сравнению с первым главой ЦУЛа, профессором Петербургского лесного института Н.И. Фалеевым (1918—1923). Главлесхоз возглавляли А. Гриневич (1931) и С.Я. Багдатьев (1931—1933) — большевики с многолетним стажем, не имевшие лесного образования[22]. Результаты руководства партфункционеров проявились почти сразу: планы работ не выполнялись. Постановление комиссии исполнения при СНК СССР 13 апреля 1933 г. констатировало срыв программы заготовок наркоматами путей сообщения, тяжёлой промышленности и земледелия[23].

Отсутствие специалистов и лиц, имевших опыт работы в лесном хозяйстве, осложняло подбор руководящих кадров на местах. Например, докладная записка Средне-Волжского краевого планового управления, составленная весной 1934 г. по материалам проверки, констатировала срыв планов из-за «полного неумения» руководителей краевого лесхозтреста[24]. Показателен акт обследования специальной комиссией лесной охраны Борского лесхоза Средне-Волжского лесхозтреста от 21 сентября 1935 г. Лесной массив Бузулукский Бор расположен на территории современных Самарской и Оренбургской областей, является уникальным памятником природы, он привлекал внимание учёных и специалистов ещё со второй половины XIX в. С 1931 г. в соответствии с постановлением правительства он находился в «лесокультурной зоне», где рубки должны вестись с приоритетом интересов лесного хозяйства, а не промышленности, как в зоне Правобережья Волги.

Комиссия констатировала: «Мероприятий по уходу за лесом в 1934 г. не проводилось совершенно, хотя лесхозу был дан план проведения этих работ... По всем учлесхозам в молодняках, культурах и на вырубках проводится пастьба скота, причём во всех случаях, обнаруженных нами, скот оказался принадлежащим работникам учлесхозов... Постановления СНК СССР от 31.07.1931 г. о лесокультурной зоне лесхоз не имеет. Преподанных Главлесупром в 1933 г. правил санитарного минимума в лесу лесхоз также не имеет»[25]. Как видно, руководство лесхоза не знало об особой ценности вырубаемых массивов. Непонятно также, почему здесь не сочли нужным хранить документы с основной нормативной базой своей деятельности. Уровня образования у работников лесхоза не хватило даже для того, чтобы не уничтожать пастьбой собственного скота молодые посадки на вырубленных площадях.

Ситуация изменилась к лучшему после образования в 1936 г. Главного управления лесоохраны. Его возглавил И.К. Якимович, ранее возглавляв-

---

[21] *Немковский.* «Объективные причины» // Лесопромышленное дело. 1930. № 2. С. 125—128.

[22] Двухсотлетие учреждения лесного департамента. 1798—1998. Т. 2 (1898—1998). М., 1998. С. 230; *Колданов В.Я.* Очерки истории советского лесного хозяйства. М., 1992. С. 81.

[23] Собрание законов и распоряжений... Ст. 150. 13 апреля.

[24] Самарский областной государственный архив социально-политической истории (далее — СОГАСПИ), ф. 1141, оп. 40, д. 144, л. 7.

[25] Центральный государственный архив Самарской области, ф. Р-751, оп. 9, д. 145, л. 33.

ший Главлесхоз (1933—1936). Заместителями стали бывший руководитель ЦУЛа А.И. Шульц (1923—1931) и опытный работник, специалист лесного дела В.М. Соловьёв, главным лесничим — доктор сельскохозяйственных наук А.В. Тюрин. Ведущие отделы возглавили авторитетные лесоводы С.П. Быков, В.И. Гольденберг, И.В. Горячев, М.К. Ефименко. Во главе областных управлений лесоохраны появились руководители с профильным образованием. Осенью 1937 г. пост начальника Главлесоохраны занял специалист по лесоустройству Г.П. Мотовилов, его заместителями стали научный работник Л.А. Кощеев и бывший директор Воронежского лесотехнического института Г.С. Рычков[26].

Это способствовало эффективной работе территориальных структур в различных регионах СССР. В Поволжье в третьей пятилетке успешно функционировали Саратовское, Средне-Волжское (Куйбышевское), Татарское управления лесоохраны и лесонасаждений. Их деятельность в 1938—1940 гг., как по заготовкам, так и в сфере охраны и восстановления лесов, контрастировала с хроническими ранее срывами планов заготовок Средне-Волжского треста и повсеместным катастрофическим отставанием восстановительных работ в Средне-Волжском крае и Татарской АССР. В Куйбышевской и Саратовской областях объёмы ежегодных посадок возросли примерно втрое. Заметно улучшилась ситуация с очисткой лесосек, сократилось количество пожаров[27].

Однако не хватало не только лиц со специальным или инженерным образованием, но и вообще грамотных людей. В 1937 г. среднее образование имели всего 4,9% населения СССР, высшее — 0,6%; в 1939 г. по РСФСР соотношение — 7,7 и 0,7%[28]. Поэтому подбор профессионалов на должности руководителей леспромхозов, лесхозов, располагавшихся чаще всего в сельской местности, где уровень грамотности был ниже, чем в городе, оставался трудноразрешимой задачей. Зачастую эти структуры возглавляли лица, не имевшие не только высшего, но и среднего образования. Так, в 1933 г. Наркомлес СССР провёл обследование директоров 216 леспромхозов по основным трестам. Высшее образование имели 12 человек (5,5%), среднее — 51 (23,6%)[29].

Более подробные сведения об образовательном уровне региональных руководящих кадров сохранились по лесхозам территориальных управлений лесоохраны Поволжья второй половины 1930-х гг. В Саратовской обл. в 1939 г. из 15 директоров лесхозов высшее образование имели четверо, среднее — двое, низшее — девять человек. В Куйбышевском управлении лесоохраны в 1940 г. из 31 директора высшее образование имели двое, ещё трое — незаконченное высшее, 10 человек — среднее. В Татарском управлении в 1938 г. из 31 директора лесхоза высшее образование было у троих, среднее — у девяти. В Мордовском в 1938 г. из шести директоров лесхозов высшее образование имел один, остальные пять — низшее[30]. Таким образом, в третьей пятилетке наилучшие показатели

---

[26] *Колданов В.Я.* Очерки истории советского лесного хозяйства. С. 95, 97.

[27] Подробнее см.: *Воейков Е.В.* Деятельность Саратовского управления лесоохраны и лесонасаждений и состояние лесного фонда Саратовской области в предвоенные годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16. Вып. 4. С. 481—48; *Воейков Е.В.* Экологические проблемы Среднего Поволжья в годы первых пятилеток (на примере состояния лесов региона) // Отечественная история. 2007. № 5. С. 145—153.

[28] Население России в XX веке. В 3 т. Т. 1. М., 2000. С. 390, 391.

[29] *Малинкович З.В., Сухинин Д.Т.* Укрепить руководящие кадры на лесозаготовках // Лесопромышленное дело. 1933. № 12. С. 575.

[30] См.: РГАЭ, ф. 9449, оп. 1, д. 343, л. 190; д. 414, л. 184; Государственный архив Саратовской области (далее — ГА СО), ф. Р-2168, оп. 3, д. 21, л. 95; Центральный государственный архив Республики Мордовия (далее — ЦГА РМ), ф. Р-1496, оп. 1, д. 9, л. 289.

отмечались в Куйбышевской и Саратовской областях, где люди с высшим и средним образованием среди директоров лесхозов составляли, соответственно, 48,4 и 40%. В Татарской АССР ситуация почти соответствовала саратовскому уровню — 38,7%, хуже всего дело обстояло в Мордовской АССР (16,7%). Поскольку бóльшая часть региональных структур Главлесоохраны создавалась на основе ликвидированных в 1936 г. лесохозяйственных трестов, то данные по образовательному уровню можно с определённой погрешностью отнести к основному составу директорского корпуса леспромхозов Наркомлеса середины 1930-х гг. и считать соответствующими общесоюзной картине нехватки лиц с высшим образованием.

В результате при назначении на руководящую должность «правильное» происхождение», партийность и проявленные качества успешного управленца имели приоритет перед образованием и стажем работы в профильной отрасли промышленности. В августе 1937 г. после снятия за срыв плана заготовок предыдущего руководителя Черемшанского леспромхоза на должность директора был выдвинут И.Ф. Куркин, образование которого составляла неоконченная сельская школа. В графе анкеты «социальное происхождение» указано «крестьянин». С 1931 г. работал лесником в Мелекесском лесхозе, в 1934 г. стал начальником пункта в тамошнем леспромхозе. Управляющий трестом «Куйбышевлес» в направленной в обком ВКП(б) докладной записке выделил критерии, в соответствии с которыми данный работник рекомендовался на руководящий пост: член партии с 1932 г., имеет «большой опыт работы в лесной промышленности», проявил себя как «хороший руководитель-хозяйственник»[31]. Как видно, на руководящей работе Куркин пробыл не более четырёх лет, поэтому «большой опыт» работы на лесозаготовках вызывает сомнения. Вероятно, ему действительно удалось зарекомендовать себя в качестве успешного управленца на своём участке. В данном эпизоде обращает на себя внимание ещё и тот факт, что перед назначением директора леспромхоза руководитель регионального треста Наркомлеса был обязан получить санкцию обкома ВКП(б) своей области.

В Поволжье среди директорского корпуса леспрома преобладали хозяйственники, зарекомендовавшие себя в какой-либо отрасли промышленности, или представители партийно-советской номенклатуры, которых переводили на руководящие посты в тресты, леспромхозы и лесхозы. Как пример успешного руководителя можно привести управляющего трестом «Средлес» Э.П. Детлова. Специального образования он не получил; перед нами типичный пример «хозяйственника» — способного руководителя, выдвинувшегося за счёт хороших организаторских способностей и умения решать проблемы. Судя по написанным им приказам и докладным запискам, его образование было не ниже среднего, документы характеризуют его как грамотного и творчески мыслящего работника[32]. Опыт работы в отрасли для 1930-х гг. можно считать вполне достаточным: ещё во второй половине 1920-х гг. он хорошо показал себя, возглавляя «Ульяновсклес»[33]. После объединения трестов Ульяновской и Пензенской губерний в 1927 г. стал управляющим «Средлеса», который являлся крупнейшим трестом региона. В середине 1930-х гг. он насчитывал свыше 20 тыс. ра-

[31] СОГАСПИ, ф. 656, оп. 28, д. 294, л. 67, 71—71 об.

[32] Там же, ф. 1141, оп. 40, д. 144, л. 17—18.

[33] Государственный архив Ульяновской области (далее — ГА УО), ф. Р-91, оп. 1, д. 294, л. 17; д. 595, л. 1.

бочих и служащих, действовал на территории бывших Пензенской, Самарской и Ульяновской губерний, вошедших в состав Средне-Волжского края. Для управления таким громадным хозяйством требовались качества незаурядного администратора. Добиться перелома в работе треста, хронически срывавшего выполнение производственной программы, Детлову удалось в 1935—1936 гг., когда «Средлес» план по лесозаготовкам перевыполнил[34].

До этого, в 1933—1934 гг., его начальство самостоятельно сумело почти полностью ликвидировать образовавшиеся на лесосеках огромные запасы заготовленной древесины, которая постепенно портилась и приходила в негодность. Однако главк «Леспромтяж» Наркомата тяжёлой промышленности, в системе которого функционировал «Средлес», от участия в решении вопроса устранился и проблемы недостаточности спускаемой сверху нормы фуража для лошадей, дефицита запчастей для автотранспорта и выделяемых средств на посадку леса, закладку питомников и уход за саженцами Детлову, несмотря на оживлённую переписку и визиты в Москву, решить не удалось. В ноябре 1934 г. после очередной поездки, вероятно, в приступе депрессии он написал резкое письмо руководству с выражениями типа «лошади не могут дожидаться конца нашей с вами дискуссии», «запчастями трест снабжается чисто случайно, в зависимости от удачи», «мы не можем работать на тех случайных подачках, которые нам удаётся выклянчить»[35]. Развёрнуто ситуацию Детлов изложил в докладной записке Средне-Волжскому крайкому ВКП(б), в заключение попросив освободить его от занимаемой должности. Однако отставка принята не была.

Отдавая должное сложной и ответственной работе управляющих трестами, необходимо отметить и громадный вклад в развитие отрасли директоров леспромхозов и лесхозов, на плечах которых лежал тяжкий груз неблагодарной работы по непосредственной организации производственного процесса. Наиболее подробные сведения сохранились в отчётах «Средлеса». В 1935—1937 гг. регулярно перевыполняли планы Барышский, Инзенский, Карсунский, Кузнецкий, Николо-Пестровский, Пензенский, Ульяновский леспромхозы[36], в чём, наряду с безусловной заслугой тысяч оставшихся безымянными лесорубов и возчиков, можно усмотреть и значительный вклад руководителей данных хозяйств.

Так, осенью 1932 г. вместо снятого с должности за ряд злоупотреблений прежнего руководителя директором Пензенского леспромхоза был назначен С.А. Остапчук, проявивший себя способным «хозяйственником» и организатором. Под его руководством хозяйство успешно выполнило плановые задания 1933—1937 гг. Улучшились жилищные условия рабочих, наладилась работа доско-рельсовых дорог. Заместителем директора работал специалист по лесозаготовкам В.И. Карабанович, уделявший значительное внимание очистке лесосек и лесовосстановительным мероприятиям, что было редкостью среди руководящего корпуса трестов. В апреле 1937 г. Остапчук стал директором Кузнецкого леспромхоза (одного из крупнейших в тресте), а в Пензе его заменил Карабанович, проработавший вплоть до ликвидации хозяйства в начале 1938 г.[37]

---

[34] Там же, ф. Р-1810, оп. 3, д. 12, л. 46; д. 13, л. 282; д. 14, л. 148.
[35] СОГАСПИ, ф. 1141, оп. 40, д. 144, л. 1—3.
[36] ГА УО, ф. Р-1810, оп. 3, д. 12, л. 64 об.; д. 13, л. 282 об.; д. 14, л. 150.
[37] ГА ПО, ф. Р-430, оп. 1, д. 216, л. 164, 169.

Впрочем, регулярно находились и профессионально некомпетентные руководители. В заключении о работе лесной промышленности области за 1936 г. подчёркивалось: «Плохая работа механизированного транспорта является следствием плохого руководства со стороны треста “Куйбышевлес”, так как трест был полностью обеспечен мехтранспортом». Далее при сравнении результатов работы по сплаву древесины подчёркивалось, что трест «Средлес» план выполнил на 102,7%, «Куйбышевлес» — на 77,1%. «Однако, несмотря на засушливое лето, тресту “Средлес”, работавшему в одинаковых условиях с “Куйбышевлесом”, удалось не только выполнить, но и перевыполнить план по сплаву»[38]. В мае 1937 г. за перевод деловой древесины в дрова и «за бездушное отношение к нуждам рабочих» был снят с работы заведующий Пугачёвским участком Пензенского леспромхоза «Средлеса». В постановлении общего собрания работников треста «Саратовлес» от 9 февраля 1938 г. по итогам работы 1937 г. записано: «Кадр руководителей лесопунктов подбирался без серьёзного подхода к изучению назначенных лиц, в результате чего некоторые начальники разваливали работу... их пришлось снять при первой же ревизии»[39]. В Тетюшском леспромхозе треста «Татлес» директор с удивлением обнаружил, что один из специалистов по лесозаготовкам не может вычислить процент от общего количества. Директор Заинского леспромхоза того же треста жаловался, что один из начальников лесопунктов «не знает совершенно лесного дела, был раньше продавцом в винной лавке»[40].

Проблему руководство СССР осознавало. Для преодоления дефицита кадров директорского корпуса и ИТР в годы первой пятилетки началось расширение сети учебных заведений. Специалистов готовили образованные в Поволжье в 1920-е гг. лесные техникумы, увеличившие в 1930-х гг. приём учащихся. Например, в Средне-Волжском крае на базе бывшего техникума в с. Ахуны в 1930—1931 гг. появился Пензенский лесотехнический институт. Во второй пятилетке его снова преобразовали в техникум[41]. К началу 1936 г., за 15 лет существования этого учебного заведения, отрасль получила 740 техников-лесоводов[42].

Новым явлением тех лет стало активное вовлечение в производство женщин. Редким примером управленца из них стала Е.Д. Пазова. В 1932 г. она начала административную карьеру в должности председателя сельсовета. Затем её выдвинули на работу в районную администрацию и почти сразу назначили руководителем лесхоза. Она вспоминала об этом так: «Я не знала, что такое лесхоз», но «в райкоме мне заявили — научишься»[43]. В данном эпизоде снова обращает на себя внимание роль партийных органов при назначении руководителей. Из-за недостатка знаний Пазову послали на специальные курсы. На совещании хозяйственного и партийного актива лесной промышленности Куйбышевской обл. в октябре 1937 г. Пазова присутствовала в должности директора Мелекесского леспромхоза «Куйбышевлеса». В 1938 г. она стала

---

[38] СОГАСПИ, ф. 656, оп. 28, д. 294, л. 25 об., 26.

[39] ГА ПО, ф. Р-430, оп. 1, д. 173, л. 12; ГА СО, ф. Р-2052, оп. 20, д. 1346, л. 5.

[40] Национальный архив Республики Татарстан (далее — НА РТ), ф. Р-4571, оп. 1, д. 24, л. 52, 54.

[41] См.: Итоги первого месяца учебной работы института // Лестехкадры. 1931. 7 ноября; Перспективы развития ПЛТН // Лестехкадры. 1932. 16 сентября.

[42] 15-летие Пензенского лесного техникума // Лесная промышленность. 1936. 15 апреля.

[43] СОГАСПИ, ф. 656, оп. 28, д. 258, л. 62.

руководителем Куйбышевского леспромхоза, а вскоре пошла на повышение и возглавила трест «Куйбышевлес»[44].

В 1930-х гг. руководители региональных промышленных предприятий и трестов параллельно с огромным объёмом непосредственных служебных обязанностей приобрели и дополнительные функции. Периодически они «уговаривали» председателей колхозов выделить рабочую силу на лесозаготовки (в большинстве трестов и других заготовительных организаций основную массу лесорубов и возчиков составляли пришедшие на заработки жители сельской местности), отыскивали в местных снабженческих организациях таинственно исчезнувшие продовольствие и промтовары, изобретали неформальные способы достать дефицитные запчасти для простаивающих автомашин и тракторов. Период индустриализации стал также временем усиления роли партийных и советских структур в хозяйственной жизни. Поторопить колхозы с выполнением договоров на поставку рабочей силы и разобраться с продовольствием и промтоварами в ряде случаев могли райкомы и райисполкомы. И практически мгновенно проблемы решались, если в ситуацию вмешивалось руководство областных парторганов. Поэтому именно в 1930-х гг. сформировалась специфическая система отношений руководителей на местах, основанная на личных связях. Директорский корпус промышленности старался наладить более дружественные отношения с партийным и советским руководством на всех уровнях.

Такого рода примеры привёл работник треста «Средлес» на первой областной конференции Куйбышевского обкома профсоюза рабочих леса и сплава 5—10 октября 1937 г. Бывший заместитель управляющего трестом и временно исполняющий обязанности руководителя треста И.М. Красильщиков имел «хорошие отношения с Шубриковым», выражавшиеся в том, что они вместе ездили на охоту и кататься на катере[45]. В.П. Шубриков с 1932 до 1937 г. занимал пост первого секретаря Средне-Волжского (Куйбышевского) крайкома ВКП(б), т.е. фактически являлся первым лицом в своём административно-территориальном образовании. Неформальные контакты такого уровня для руководства обычного промышленного треста имели значение, которое в тех условиях трудно переоценить. Для поддержания устойчивых личных связей с партийно-советской номенклатурой руководящим кадрам промышленности в регионах приходилось идти и на сознательные нарушения, граничившие с должностными преступлениями. Показательный факт содержится в материалах обследования треста «Средлес» (1937): «Для строительства дач крайисполкома на Белом озере Кузнецкого района по распоряжению Красильщикова отпускался без нарядов лесоматериал самого лучшего качества (столярного)»[46]. Завязывались личные связи и на уровне руководителей районного масштаба. Результат таких взаимоотношений в отдельных случаях мог оказать заметное воздействие на ситуацию в конкретном леспромхозе. Так, на совещании работников «Средлеса» 10 ноября 1938 г. начальник Куйбышевского леспродтяжа заявил: очень многое зависит от личных контактов директора леспромхоза и работников данной организации на местах, поэтому в Кузнецком леспромхозе большая часть товаров попадала к рабочим, в то время как в Майнском, Сенгилеевском и Краснослободском товары до них почти не доходили[47].

---

[44] Там же, оп. 30, д. 474, л. 259 об.
[45] Там же, ф. 9452, оп. 1, д. 1, л. 214.
[46] Там же, ф. 656, оп. 28, д. 293, л. 59.
[47] Там же, оп. 29, д. 23, л. 58 об.

В то же время руководители лесопромышленности испытывали на себе прессинг со стороны вышестоящих структур. Чаще всего директоров лесхозов и леспромхозов наказывали за невыполнение плановых показателей. Иногда им приходилось расставаться с партбилетом или с занимаемой должностью. Так, в 1931 г. из-за неудовлетворительного хода заготовок заменили руководство в Барышском, Бузулукском, Кузоватовском, Мелекесском леспромхозах «Средлеса»[48]. С учётом того, что данный трест в начале 1930-х гг. насчитывал в своём составе 34 хозяйства, кадровые перестановки коснулись 11,7% производственных структур основной заготовительной организации Средней Волги.

Обычной формой порицания являлись выговоры. Например, в феврале 1931 г. его объявили руководителям Жигулёвского, Промзинского, Сергиевского и Чуфаровского леспромхозов треста «Средлес», директора Мелекесского вдобавок сняли с работы[49]. В решении Мордовского обкома подчёркивалось: «Обком категорически предупреждает директоров леспромхозов, что срыв выполнения программы по лесовывозке и лесоразработкам повлечёт за собой исключение из партии и отдачу под суд... За позорные темпы выполнения программы лесовывозки объявить строгий выговор директору Саранского леспромхоза т. Касаткину. Директорам Ардатовского леспромхоза т. Мефодьеву и Дубенского т. Семёнову объявить выговор»[50]. В отдельных случаях выговоры следовали так часто, что их переставали воспринимать всерьёз. Так, директор Камского леспромхоза треста «Татлес» на совещании 21—22 октября 1939 г. жаловался: «Я работаю в леспромхозе шесть месяцев и получил уже около пяти выговоров»[51].

Невысокий культурный уровень и профессиональная безграмотность в сочетании со слабыми моральными устоями части руководителей лесопромышленности Поволжья приводили к распространению в их среде негативных явлений. На Мордовской областной партконференции глава райкома привёл информацию о злоупотреблениях руководителей Ичалковского леспромхоза, которые, по его утверждению, занимались «сплошной пьянкой» и «половой распущенностью»[52]. Директор Тетюшского леспромхоза треста «Татлес» Карпов взял с собой в командировку в Казань сотрудницу, с которой имел служебный роман. Решением партийного собрания за этот случай и срыв плана заготовки его исключили из партии[53]. Работник обкома, проводивший в 1938 г. проверку Куйбышевского леспромхоза треста «Куйбышевлес», удивился, встретив в Ново-Бинарадском лесопункте в разгар рабочего дня пьяных начальника данного участка и завхоза. Подобные факты были типичны для данного хозяйства. На январском совещании 1939 г. приводилась следующая статистика: во всех пяти лесопунктах руководство сменилось от двух до пяти раз преимуществен-

---

[48] Вот они, печальные плоды оппортунизма на практике // Борьба за лес. 1931. 7 января; Право-«левацкие» элементы потерпели поражение // Там же. 5 мая; Решение комиссии исполнения при Крайисполкоме от 26 января по докладу Средлеса и содокладу РКИ о ходе лесозаготовок // Там же. 7 февраля.

[49] Решение комиссии исполнения при Крайисполкоме от 26 января...

[50] О ходе выполнения программы по лесовывозке и лесозаготовкам. Постановление бюро Мордовского обкома ВКП(б) от 11 февраля 1933 г. // Красная Мордовия. 1933. 20 февраля.

[51] НА РТ, ф. Р-6952, оп. 1, д. 2, л. 99.

[52] IV областная партконференция. Тов. Рябов. Больше внимания лесному хозяйству // Красная Мордовия. 1934. 11 января.

[53] Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан, ф. 308, оп. 1, д. 1, л. 13—18.

но по причине пьянства[54]. В Старо-Майнском леспромхозе треста «Средлес» весной 1937 г. из-за ушедшего в запой начальника участка остались несплавленными 7 тыс. кубометров лесоматериалов, в Казанском леспромхозе треста «Татлес» в июле 1937 г. начальник Краснооктябрьского лесопункта в состоянии алкогольного опьянения способствовал поломке грузового автомобиля[55]. Пьянство временами перерастало в хронический алкоголизм. По этой причине один из директоров не смог присутствовать на совещании актива треста «Татлес» в сентябре 1938 г. Когда дошла очередь до его выступления, он отсутствовал; в стенограмме записана реплика с места: «Запишите, что он пьяный! Если нужно, то люди подтвердят»[56].

Допускались злоупотребления служебным положением. В 1935 г. директор Саранского леспромхоза треста «Средлес» Я.Г. Купряшкин получил сверх положенного ему продовольственного пайка четыре литра подсолнечного масла, несколько килограмм сахара и другие продукты; сделавшего ему замечание о недопустимости подобных поступков представителя рабочего контроля бухгалтера Г.Н. Владимирова вскоре по инициативе директора уволили[57]. Материалы проверки, проведённой Ново-Малыклинским райкомом ВКП(б) в 1936 г., показали, что руководитель Черемшанского леспромхоза треста «Средлес» Н.И. Исаев расходовал крупные суммы на выдачу премий отдельным руководящим работникам при наличии задолженности колхозам и недостаточном материальном поощрении рабочих[58]. Подобные примеры далеко не единичны.

Подводя итоги реконструкции «портрета» руководителя лесной отрасли, необходимо, прежде всего, отметить противоречивость профессионального и личного образа. На ключевые посты назначались преимущественно не специалисты-профессионалы, а люди, проверенные на многолетней партийно-хозяйственной работе. При этом иногда оказывалось, что руководить лесной промышленностью всей страны может хозяйственник с образованием уровня начальной школы, а директором леспромхоза на протяжении ряда лет работать человек, страдающий алкоголизмом. «Когда страна быть прикажет героем, у нас героем становится любой», — пелось в популярной песне тех лет. К сожалению, на практике такой курс не мог не привести к многочисленным просчётам и ошибкам: срыву планов, неэффективному использованию денежных средств, продовольствия, материалов, злоупотреблению алкоголем и служебным положением. Достижения отрасли часто обеспечивались громадными затратами людских и материальных ресурсов и самоотверженной работой сотен тысяч человек в ужасающих даже по тогдашним меркам условиях. В то же время в столь напряжённой обстановке происходил «естественный отбор». Формировался слой «хозяйственников», выдвинувшихся на руководящие должности за счёт успехов «на фронте лесозаготовок». Именно им частично удавалось компенсировать провалы малограмотных и профнепригодных управленцев на всех уровнях.

---

[54] СОГАСПИ, ф. 656, оп. 30, д. 474, л. 70, 259 об.

[55] НА РТ, ф. Р-4571, оп. 1, д. 24, л. 38 об., 48; д. 25, л. 51; СОГАСПИ, ф. 656, оп. 28, д. 258, л. 25 об.

[56] НА РТ, ф. Р-4571, оп. 1, д. 72, л. 107 об.

[57] ЦГА РМ, ф. П-344, оп. 1, д. 8, л. 72.

[58] СОГАСПИ, ф. 656, оп. 28, д. 294, л. 68—69.

Деятельность треста «Арктикуголь» на Шпицбергене в условиях краткосрочного планирования и экстремального климата, 1934—1941 гг.

Василий Боровой

Mining activity of the trust «Arcticugol» on Spitsbergen under short-term planning and extreme climate, 1934—1941

Vasily Borovoy
(University College Dublin, Ireland)

DOI: 10.31857/S086956870012192-2

Угледобывающий трест «Арктикуголь»[1] работает на норвежском архипелаге Шпицберген почти 90 лет. До лета 1934 г. трест находился в ведении Наркомата тяжёлой промышленности, а затем — Главного управления Северного морского пути (ГУСМП, Главсевморпути) при СНК СССР. Являясь фактически одним из советских наркоматов, ГУСМП занималось обслуживанием Северного морского пути как транспортной артерии, развитием промышленности на Севере, проведением научных исследований в Арктике и советизацией коренных народов Крайнего Севера[2].

В историографии подробно рассмотрены проблемы правового статуса Шпицбергена, советского присутствия на территории архипелага и возникавших в этой связи международных отношений[3]. Организованное на архипелаге производство представлено в трудах по экономической истории советского Севера лишь в контексте исследований высокой Арктики и арктических островов, но не значения угольных ресурсов для развития промышленности и транспорта региона в целом[4].

Изучая проблемы индустриализации Крайнего Севера, историки фокусировали внимание на событиях, происходивших на материке, а не на островах

© 2020 г. В.С. Боровой

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10265.

[1] Создан 7 октября 1931 г. постановлением СНК СССР № 386.

[2] См., например: *Белов М.И.* Научное и хозяйственное освоение Советского Севера. 1933—1945 годы. Л., 1969; *McCannon J.* Red Arctic: polar exploration and the myth of the North in the Soviet Union, 1932—1939. N.Y.; Oxford, 1998; *McCannon J.* The Commissariat of Ice: The Main Administration of the Northern Sea Route (GUSMP) and Stalinist Exploitation of the Arctic, 1932—1939 // The Journal of Slavic Military Studies. 2007. № 20. P. 393—419.

[3] *Østreng W.* Soviet-Norwegian Relations in the Arctic // International Journal. 1984. Vol. 39. № 4. P. 866—887; *Тимченко Л.Д., Буроменский М.В.* Международно-правовой статус Шпицбергена // Правоведение. 1990. № 3. С. 88—92; *Касиян А.С.* Вопрос о Шпицбергене в российско-норвежских отношениях (1870—1953) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 1. С. 16—22.

[4] *Порцель А.К.* От «Груманта» до «Арктикугля». Очерк истории отечественной социально-экономической деятельности на Шпицбергене в XX веке. Мурманск, 2011; *Карелин В.А.* Российские деловые интересы на архипелаге Шпицберген в 1905—1925 гг.: исследование правительственной политики и предпринимательской инициативы (на фоне отношений с Норвегией). Архангельск, 2013.

Шпицбергена, поэтому развитие там угольной промышленности рассматривалось как второстепенное явление в ранее названных контекстах и не вписывалось в историю индустриализации Европейского Севера[5]. Восполнить этот пробел призвано данное исследование, хронологические рамки которого выбраны не случайно. В 1934 г. «Арктикуголь» был передан в подчинение успешно работавшему ГУСМП, а в начале Великой Отечественной войны, летом 1941 г., всех работников треста (с 1940 г. переданного Министерству угольной промышленности) эвакуировали со Шпицбергена. Цель статьи: показав работу «Арктикугля» в экстремальных природных условиях Арктики, лучше понять внутренние механизмы деятельности предприятий СССР в рамках плановой экономики[6].

Исследование основано на источниках, хранящихся в ведущих российских архивах. В основном это документы, содержащие планы и ежегодные отчёты о работе «Арктикугля» (РГАЭ, фонды Учреждений Северного морского пути и НИИ Экономики севера при ГУСМП), решения правительства по организации и развитию рудников на Шпицбергене (ГА РФ, фонд СНК СССР), а также информацию о складывавшейся там обстановке, об отношениях внутри коллектива треста и связанных с его будущим планах руководства ГУСМП (РГАСПИ, фонд Политуправления ГУСМП).

В первые годы XX в. на архипелаге добывать уголь начали привлечённые высокими мировыми ценами на него компании США, Великобритании, Норвегии, России, Швеции и Нидерландов. Продолжавшийся до середины 1920-х гг. рост цен на это сырьё сменился их резким падением. В результате несколько компаний ушли с рынка[7], а их участки выкупила норвежская государственная компания «Стуре Ношке» («Store Norske Spitsbergen Kulkompani»).

В 1913 г. на Шпицбергене заработали российские компании («Торговый дом “Грумант”» и «Русское Шпицбергенское акционерное общество»). После революции 1917 г. их активы были проданы иностранным предпринимателям, а в конце 1920-х гг. часть из них выкупило советское правительство (государственный трест «Северолес»)[8]. В сентябре 1931 г. на основе участков, числившихся за акционерными обществами «Англо-Грумант» и «Русский Грумант», был основан трест «Арктикуголь» с рудником «Грумант-Сити» («Грумант»). В 1932 г. трест приобрёл голландский посёлок Баренцбург, а также угленосные участки шведских и голландских предпринимателей — «Пирамида» и «Тундра Богемана»[9].

---

[5] *Bruno A.* The Nature of Soviet Power: An Arctic Environmental History. Cambridge (Mass), 2016; *Дьяков Ю.Л.* Северная угольно-металлургическая база СССР: возникновение и развитие. М., 1973; *Киселёв А.А.* Социалистическая индустриализация Европейского Севера СССР (1926—1940 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1975; *Josephson P.* Technology and the Conquest of the Soviet Arctic // The Russian Review. 2011. Vol. 70. № 3. P. 419—439.

[6] О деятельности заводов, находившихся в центральных районах Советского Союза, см., например: *Журавлёв С.В., Мухин С.Ю.* «Крепость социализма»: повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928—1938. М., 2004; *Маркевич А.М., Соколов А.С.* «Магнитка близ Садового кольца»: стимулы к работе на московском заводе «Серп и молот», 1883—2001. М., 2005.

[7] *Avango D., Hacquebord L., Aalders Y., de Haas H., Gustafsson U., Kruse F.* Between Markets and Geo-politics: Natural Resource Exploitation on Spitsbergen from 1600 to the Present // Polar Record. 2011. № 47. P. 29—39; *Kruse F.* Frozen Assets: British Mining, Exploration, and Geopolitics on Spitsbergen, 1904—1953. Groningen, 2013.

[8] *Карелин В.А.* Шпицбергенский вопрос и судьба русских угольных предприятий на архипелаге в 1917—1925 годах // Российская история. 2014. № 6. С. 142—157.

[9] *Порцель А.К.* От «Груманта» до «Арктикугля»... С. 11—34.

В отличие от всех других компаний интересы «Арктикугля» касались не только извлечения прибыли или обоснования государственного присутствия на архипелаге. Трест работал в режиме плановой экономики, его официально декларированной целью стало снабжение топливом Мурманской железной дороги, торгового и тралового флотов, а также промышленности Кольского полуострова. Направлявшийся на Крайний Север донбасский и импортный уголь планировали заменить шпицбергенским. Решение этой задачи упрощалось — Советское государство начало производство на арктических островах не с нуля, а приобрело два «законсервированных» рудника[10]. Работа советских предприятий базировалась на двух юридических документах. Принципы открытости и демилитаризации архипелага гарантировал Шпицбергенский трактат 1920 г. (ратифицирован в 1925 г.), а Горный регламент 1925 г. (внутренний закон Норвегии) регулировал деятельность горной промышленности на местах.

В 1932 г. приоритет перед прочими организациями относительно поставок топлива имело ГУСМП. Оно могло получать уголь для арктических экспедиций в Ленинграде и Мурманске из запасов других предприятий и в ущерб выполнению их плана. Это ведомство отправляло в Комитет по топливу СТО при СНК жалобы на низкое качество шпицбергенского угля и угрожало впредь отказаться от него, если ситуация не изменится[11]. Стремление поставить под прямой контроль Главсевморпути качество угля «Арктикугля» и стало причиной его переподчинения. Объединение под одним руководством добытчика ресурса и его основного потребителя упрощало координацию поставок топлива.

При «переходе» были зафиксированы сверхплановые убытки треста в размере 1,8 млн руб., так как уже на третий год его работы выявилась отрицательная динамика в виде перерасхода средств на капитальное строительство и оплату сверхурочных работ. Наркомтяжпром обвинял во всём своих поставщиков (Главуголь) и транспортников. К середине 1934 г. оказалось, что в «Арктикугле» нет завершённого финансового отчёта за прошлый год, без которого нельзя было определить, кому и сколько задолжал трест, как появились его убытки, за счёт чего их можно было покрыть[12].

Давление норвежского законодательства, по которому на рудниках обязывали хранить годовой запас продовольствия, вынудило советское правительство экстренно решать проблему, возложив на Наркомтяжпром убытки «Арктикугля». ГУСМП приступило к активному выведению треста из кризиса за счёт давления на другие ведомства с целью получения необходимых ресурсов.

В центре внимания руководства Главсевморпути находилась организация навигации, за время которой надо было успеть вывезти уголь и завезти материалы, продовольствие, зимовщиков и сезонных рабочих. Для этого требовалось разработать план мероприятий до начала навигации, однако препятствием оказалось несоответствие циклов: годичных (планирования) и природных (в высоких широтах). Впоследствии работы по плану нового года обычно начинались позже первых чисел января, потому что согласование отчётов за прошлый год существенно задерживалось. Далее принимались постановления на уже начавшийся год, из-за чего к обсуждению планов навигации приступали, в лучшем

---

[10] *Боровой В.С.* Дискуссии о создании треста «Арктикуголь» для добычи угля на Шпицбергене в 1931—1932 годах // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. № 6(51). С. 42—47.

[11] ГА РФ, ф. Р-6761, оп. 1, д. 35, л. 163—164, 174, 183—184.

[12] Там же, ф. Р-5446, оп. 16, д. 3892, л. 1—16.

случае, в феврале—марте, а чаще в апреле—мае. В «неудачные» годы вплоть до конца лета и даже сентября на Шпицбергене вопросы завоза и вывоза решались в большой спешке, а планы производства угля и его вывоза неоднократно пересматривались уже в ходе навигации.

Задержки при согласовании отчётов и составлении планов были привычными для советской экономики. Затягивание сроков исполнения производственных заданий и «придерживание» информации об этом, констатировал А.М. Маркевич, стали одной из стратегий «торга» наркоматов с вышестоящей инстанцией за более реалистичные планы. В этой связи автор предложил называть советскую экономическую систему не «плановая», а «централизованно управляемая», при которой всё решала исполнительная власть[13]. Тем не менее трудновыполнимые планы оставались гибкими и корректируемыми, что позволяло руководителям «Арктикугля» произвольно «передвигать» работы в течение года и вывозить продукцию с острова за время короткой навигации.

В докладах сотрудников Научно-исследовательского института экономики севера (НИИЭС)[14] за 1935 и 1936 гг. подчёркивалась особая роль треста в будущем снабжении углём флота и баз ГУСМП. Например, А.И. Реут отмечал, что обеспечить потребности этого ведомства в европейской части Арктики в полном объёме угледобывающий трест «Воркутауголь» уже не мог, а транспортировка угля со Шпицбергена по воде обходилась дешевле, чем по железной дороге из Донбасса. В первую очередь требовалось удовлетворить потребности флота, но роль «Арктикугля» в его снабжении составляла лишь 20—25%. Главсевморпуть вёл разведку угольных месторождений на территории всего Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока. Шпицберген считался временным источником угля, дальнейшие планы по его добыче связывались с печорскими рудниками (заработали на полную мощность уже в начале Великой Отечественной войны). По расчётам ГУСМП, после отказа от донецкого угля промышленность и транспорт Мурманского округа и Карельской АССР должны были работать только на топливе, добытом на Крайнем Севере[15].

Из-за невозможности расширения производства на архипелаге инженеры НИИЭС А.А. Копорский и Ф. Плёнкин обосновали необходимость замены шпицбергенского угля печорским, предложив увеличить производительность труда шахтёров-ударников вдвое, рассматривая их как ресурс для выполнения плана. При этом они стремились избежать проектируемого ранее главным инженером треста М.Н. Стельмахом строительства с нуля шахты и посёлка на угленосном участке «Пирамида»[16]. По мнению учёных, можно было увеличить производство на уже имевшихся предприятиях только в краткосрочной перспективе и с минимальными капитальными вложениями. На рудниках сложилась ситуация, при которой план постоянно увеличивался, но завозить больше людей оказалось нельзя из-за невозможности строительства жилых помещений. Рост производительности труда через рационализацию и механизацию шёл очень медленно и на первых порах требовал больших затрат. Поэтому при решении технологической задачи исключительно организационным способом

---

[13] *Маркевич А.М.* Была ли советская экономика плановой? Планирование в наркоматах в 1930-е гг. // Экономическая история: ежегодник. М., 2003. С. 26, 41—42.

[14] НИИЭС был специально создан для научного сопровождения работы ГУСМП в 1934 г.

[15] РГАЭ, ф. 67, оп. 1, д. 84, л. 1—5, 9—12, 21—25. Тогда же посчитали, что поставки этого топлива необязательны для Ленинграда.

[16] Там же, д. 141.

сделали ставку на стахановское движение[17]. Оно начало приносить «плоды» уже с 1936 г., развиваясь за счёт переработок и повышенного износа техники[18]. Большинство «подземных рабочих» приезжали из Донбасса. Для них становилось принципиально важным перекрыть в Арктике рекорды родного края. Это происходило неоднократно, являя собой пример адаптации советских практик управления промышленным производством в полярных условиях.

Какова же была роль треста «Арктикуголь» в снабжении ГУСМП углём? Основными его потребителями, по данным НИИЭС, стали порты и флоты, включая рыболовецкие траулеры, а также судоремонтные заводы и предприятия консервной промышленности. В 1935 г. в расходе Главсевморпути 183,9 тыс. т угля шпицбергенский составил лишь 21 тыс. т (11,4%). В 1936 г. планировалось израсходовать 213, через год — 250 тыс. т при увеличении покрытия нужд ГУСМП шпицбергенским углём до 20% (43 и 50 тыс. т в 1936 и 1937 гг. соответственно), в дальнейшем — до 25%[19].

Различным по возможностям применения, качеству и цене был уголь, добывавшийся для нужд Главсевморпути в разных частях Сибири, Дальнего Востока и Европейского Севера. На территории последнего шпицбергенский уголь конкурировал только с донецким (его доставка по железной дороге была ограничена) и печорским (месторождения края до войны давали незначительные объёмы топлива). В ценовом отношении уголь шпицбергенских и печорских рудников было целесообразнее отправлять на Европейский Север, а в Сибири использовать местный[20].

«Арктикуголь» около 12—15% добытого топлива поставлял ГУСМП, остальное — предприятиям вне его системы: тресту «Апатит», Мурманской железной дороге, судам Наркомата водного транспорта и рыболовным траулерам. Продукция треста пользовалась большим спросом, особенно в области морских перевозок, постепенно вытесняя на Европейском Севере донбасский уголь. Однако в случае возникновения проблем с производством или вывозом продукции «Арктикугля» замены ему не было, что ставило в зависимость от треста многие предприятия. Сформировалась чувствительная система, в которой на фоне постоянного топливного голода выход из строя хотя бы одного элемента угрожал работе транспорта и промышленности Крайнего Севера. В первую очередь могли пострадать торговые и траловые флоты — они снабжались в основном с архипелага и не могли найти замену шпицбергенскому углю.

Единственный способ повысить объём производства в условиях слабой организации труда и постоянной нехватки технических средств руководство ГУСМП и «Арктикугля» видело в расширении посёлков и строительстве рудников. Однако такой подход не сработал в поселке Грумант. Из-за сложного рельефа нельзя было построить жильё для рабочих, а механизация местного рудника требовала вложений. В итоге трест получил согласие Госплана на то, что объёмы производства на этом руднике будут расти незначительно, а его работу по возможности поддержит «Арктикуголь». Закрыть «Грумант» не могли: пропали бы вложенные в его развитие средства, к тому же уголь рудника имел марку «флотского» из-за высокого качества и был востребован в морском транспорте.

---

[17] Там же, д. 120, л. 207—210, 236.

[18] *Журавлёв С.В., Мухин С.Ю.* «Крепость социализма»... С. 120—124.

[19] РГАЭ, ф. 67, оп. 2, д. 127, л. 4—4 об., 51, 55, 59.

[20] Там же, л. 7—8 об.

Проект Стельмаха предполагал экстенсивное развитие рудника «Баренцбург» за счёт вовлечения в производство большего числа рабочих и расширения шахты, а стабильную работу «Груманта» должны были обеспечить задержки роста плановых показателей и постепенное наращивание производительности труда, прежде всего за счёт стахановского движения. Но в проекте не назывались резервные производственные мощности, и он был рассчитан на благоприятные геологические условия, в которых горные выработки велись равномерно с постоянным и предсказуемым ростом[21]. В целом план Стельмаха предполагал слишком оптимистичные перспективы показателей роста производительности труда и качества угля параллельно со снижением его себестоимости. В тот период, по предположению Л. Грэма и К. Бэйлса, ориентация советских специалистов на экстенсивное развитие предприятий объяснялась «давлением плана»[22]. Инженеры и учёные часто устранялись от внедрения своих разработок в производство. Расчёт на быструю отдачу от него в короткой перспективе мешали реализации инноваций, более выгодных в долгосрочном плане. Общая для промышленности СССР нехватка представителей важного звена — между производством и исследователями — явилась большой проблемой и для «Арктикугля», и для промышленности Европейского Севера. Полагаю, причинами также стали нежелание инженеров и учёных брать на себя дополнительную ответственность и невозможность для них в тех условиях реализовать задуманное.

Во второй половине 1930-х гг. ожидался рост вывоза топлива со Шпицбергена — 500—600 тыс. т угля в год, однако к 1938 г. произошёл спад производства — до 57% запланированного. Разведанные запасы уже выработали, а на поиск новых выделялось недостаточно средств. «Арктикуголь» был обеспечен известными запасами всего лишь на один-два года работы. Угольные пласты оказались недостаточно изученными, новые участки в процессе освоения быстро истончались, их производительность резко падала. К тому же на не подготовленных к работе участках появились грунтовые воды, зольность угля (доля несгораемого остатка) увеличилась до 23%, что превышало норму[23]. Более того, в конце 1937 г. трест ещё не подготовил план на третью пятилетку (1938—1942). Всё это наряду с общей тенденцией на разукрупнение ГУСМП способствовало передаче в 1940 г. «Арктикугля» Наркомуглепрому[24].

Отмечу ещё один важный факт: с середины 1936 г. из-за слабо изученных на архипелаге природных условий часто изменяли планы строительных и горных работ треста[25]. Организаторы производства иногда даже не знали, какими запасами угля располагали, на какие объёмы производства могли рассчитывать. В условиях арктического климата многие материалы (товары и оборудование) хранились под открытым небом, их заносило снегом. Как правило, только весной выяснялось, какие материалы требовалось срочно заказать в период навигации. Многие грузы завозили в избыточном количестве, и происходило затоваривание. Плохую видимость в зимнее время местное руководство ис-

[21] Там же, ф. 9570, оп. 2, д. 139—140.

[22] *Graham L.R.* The Ghost of the Executed Engineer. Technology and the Fall of the Soviet Union. Cambridge (Mass.), 1993. P. 67—79 (*Грэхэм Л.* Призрак казнённого инженера. Технология и падение Советского Союза. СПб., 2000); *Bailes K.E.* Technology and Society under Lenin and Stalin: Origins of the Soviet Technical Intelligentsia, 1917—1941. Princeton (NJ), 1978. P. 337—380.

[23] РГАЭ, ф. 9570, оп. 2, д. 1492, л. 14.

[24] *Порцель А.К.* От «Груманта» до «Арктикугля»... С. 49.

[25] РГАЭ, ф. 9570, оп. 2, д. 1493, л. 4—8, 12.

пользовало как аргумент для создания дополнительных запасов на период автономной работы. Завоз лишних товаров и проведение подземных работ вслепую увеличивали финансовую нагрузку на «Арктикуголь». Дестабилизация его деятельности также происходила из-за невозможности постоянного проживания работников на Шпицбергене. Так, главный бухгалтер, начальник треста и их заместители попарно ежегодно менялись местами на архипелаге и в Москве, а местный персонал склада обновляли каждую навигацию. Кроме того, в 1937 г. в московской конторе «Арктикугля» сменилось восемь начальников[26]. Дезорганизовывали работу треста неблагоприятные природные условия, «давление» всё возраставшего плана, травматизм на производстве и начало кампании по выявлению «вредителей», особенно во время Большого террора 1937—1938 гг.

В 1930-х гг. на «Арктикугле» было зафиксировано немало несчастных случаев. Чаще всего рабочие получали травмы из-за обрушения кровли в шахтах, что было организационно-технической проблемой работы рудников и следствием низкой технической грамотности рабочих и инженеров. В 1934 г. при взрыве угольной пыли погибли девять человек, в 1937 г. — шесть, 34 рабочих пострадали[27]. Кроме того, некачественные медицинские осмотры шахтёров перед работой приводили к их частым заболеваниям, особенно в зимнее время. В 1938 г. трудившиеся на архипелаге 1 975 человек пропустили по болезни 11 007 рабочих дней и ещё 1 686 — из-за прогулов и отказов выхода на работу. При этом число заболевших в первом квартале года оказалось в два-три раза больше, чем в остальные месяцы[28].

Если в начале 1936 г. благоприятное для добычи угля геологическое строение пластов (толщина, мягкость, доступность) способствовало перевыполнению плана, то дальнейший переход шахтёров на другие участки привёл к срыву запланированного на второе полугодие. Невыполнение плана стало постоянным явлением нескольких последующих лет. Климат и короткая навигация по-прежнему «помогали» администраторам требовать первоочередного завоза необходимых товаров на Шпицберген, однако в 1937—1938 гг. вину за такое безответственное отношение к материальным ценностям в Москве возложили на руководство «Арктикугля». Тогда же советская пресса активно призывала рабочих постоянно контролировать на производстве действия местных инженеров и администраторов[29]. Учитывая ориентацию «Арктикугля» на завоз «привозных» стахановцев, можно предположить, что их «контроль» был особенно жёстким.

В то же время репрессии на архипелаге в отношении инженеров, управленцев и обслуживающего персонала стали, по сути, завершением происходивших во время зимовок многочисленных склок с участием членов партийного актива и комсомольцев. Так, в 1935—1938 гг. частыми были конфликты между членами партийного комитета рудников, фактически нелегально существовавшего на территории Норвегии. Как правило, получившее очередное «дело» Политуправление ГУСМП летом отправляло на место комиссию для выяснения всех обстоятельств. По завершении её работы «провинившихся» высылали со Шпицбергена[30].

---

[26] Там же, д. 1492, л. 4—28.

[27] *Порцель А.К.* От «Груманта» до «Арктикугля»... С. 183—198.

[28] РГАЭ, ф. 9570, оп. 2, д. 1510, л. 17.

[29] *Siegelbaum L.H.* Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935—1941. Cambridge (Mass.), 1990. P. 210—246.

[30] РГАСПИ, ф. 475, оп. 1, д. 24, л. 49—70.

В таких конфликтах всегда смешивались личная неприязнь, рабочие вопросы и политические кампании по выявлению «вредителей». Вдали от государственных институтов сообщество советских трудящихся вырабатывало систему неформальных отношений, неподвластную присланным партийным организаторам. В итоге работники сводили счёты друг с другом через обвинение оппонентов в дезорганизации производства и срыве его планов[31]. Под удар попадали руководители парткома, инженеры и администраторы, которым вменялась неспособность повысить на предприятиях архипелага производственные показатели и мобилизовать партийные и комсомольские организации для борьбы с вредительством[32].

Хотя вместо арестованных в 1937 г. инженеров и управленцев «Арктикугля» начали работать «новые» люди, в течение одного-двух лет они не могли резко изменить ситуацию. Удалось ли тогда руководству учесть опыт своих предшественников? Отчёт о работе треста за 1938 г. во многом отсылает к тому времени, когда виновных за ошибки «назначали»[33]. Согласно документам, в 1937 г. недостаточно проводилось горных капитальных работ, игнорировалась геологоразведка, в результате производство под землёй двигалось «вслепую». Оно становилось более убыточным, началось истончение угольных пластов, повысилась зольность угля. Кроме того, ухудшилась организация труда треста, происходила неразбериха с зарплатой (перерасход). Вовремя не проведённый ремонт электростанции привёл к её аварии и длительному простою шахты. Летом почти прекратили ремонтировать жилые помещения, что вызвало недовольство работников. Сохранялся дефицит запчастей для используемых на рудниках механизмов. Из-за низкого качества сделанных кустарно, в механическом цехе, необходимых деталей падала общая производительность труда[34].

План завоза в посёлок Грумант инженеров и обслуживающего персонала удалось перевыполнить в полтора-два раза, при этом последних было существенно больше, чем рабочих. Оригинальным оказался способ подсчёта общей численности стахановцев на рудниках: определялось число работников, ежемесячно перевыполнявших план по каждой специальности, и в конце года складывалась сумма количества рабочих по месяцам, т.е. каждый стахановец учитывался столько раз, сколько месяцев в году он перевыполнял норму. В 1938 г. из работавших на Шпицбергене 1 975 человек в «Баренцбурге» «насчитали» 1 689, в «Груманте» — 769 стахановцев[35].

Убыток треста составил 17 656 841 руб., суммарный долг на 1 января 1939 г. — 10 632 тыс. руб., в том числе 6 332 тыс. руб. — задолженность по зарплате перед рабочими и служащими[36].

План работ на 1937 и 1938 гг. был сорван: их организация велась из расчёта на улучшение геологических условий[37], не учитывался непредсказуемый рельеф Шпицбергена. В 1939 г. срочно составили новый производственный план «Арктикугля». На 1 января разведанное шахтное поле в «Баренцбурге» оценивалось в 500—600 тыс., в «Груманте» — в 5 млн т (при таких темпах добычи

[31] Там же, оп. 3, д. 6.
[32] Там же, оп. 2, д. 593.
[33] РГАЭ, ф. 9570, оп. 2, д. 1510, л. 1.
[34] Там же, л. 2—10.
[35] Там же, л. 23—26.
[36] Там же, л. 29—34.
[37] Там же, д. 1515, л. 6—18, 64—67.

угля его запасов к 1941 г. в «Баренцбурге» не осталось бы). Для советских предприятий на Шпицбергене срочно начали искать запасы угля в других местах, и внимание руководства переключилось на рудник «Пирамида». Здесь отмечались высокое качество угля и два пласта, толщиной от 1,45 до 6,65 м. На том же участке имелись хорошие условия для строительства и транспортировки: широкая горная долина с выходом на спокойную гавань. Запасы рудника в верхнем пласте оценивались в 10, в нижнем — в 20 млн т. В новых обстоятельствах «Пирамида» рассматривалась как замена выходившему из строя «Баренцбургу». Хотя это было вынужденной мерой, но в целом в краткосрочной перспективе не противоречило планам разработки месторождений угля на архипелаге. Вскрыть участок планировали в 1939 г., в 1940 г. добыть 60, в 1941 г. — 150, в 1942 г. — 280 тыс. т угля. Развивать рудник «Грумант» намеревались за счёт механизации горных работ и погрузки в порту[38].

В 1939 г. заместитель начальника ГУСМП П.П. Ширшов (один из четырёх героев-папанинцев, морской биолог по образованию) обратился в Экономсовет СНК[39] с запросом о выделении 2 млн руб. на горные (разведывательные) работы по месторождению «Пирамида»[40]. В тот год в ходе строительства Мурманского судоремонтного завода не успели освоить заложенные на это средства в бюджете, в то же время в некоторые предприятия Главсевморпути нуждались в срочном финансировании (например, «Баренцбург» мог прекратить работу в течение одного-двух лет)[41].

В сентябре 1939 г. Экономсовет СНК предложил ГУСМП увеличить оплату услуг Народного комиссариата морского флота по перевозке угля со Шпицбергена. Хотя согласие последовало, но не относительно 1 августа 1939 г. (на этой дате настаивал нарком морфлота С.С. Дукельский), а начала 1940 г. Увеличение стоимости фрахта привело бы к расходам, не учтённым в плане. Главсевморпуть был согласен на повышенный тариф. Если в начале работы шпицбергенской линии (1931—1932) цена фрахта составляла 8 руб. за 1 т угля, то в начале навигации 1940 г. — 16 руб. В первые годы добычи угля его вывозили в основном иностранные суда (по тайм-чартеру), в 1939 г. — только советские. С началом Второй мировой войны суда многих зарубежных стран ушли со шпицбергенской линии, поскольку были задействованы в перевозках стратегических грузов воюющих сторон[42].

В связи с этим интересные факты содержит переписка Экономсовета СНК, ГУСМП и рудоуправления на Шпицбергене по поводу вывоза угля с рудника «Грумант» (август—сентябрь 1939 г.). Тогда в середине навигации выяснилось, что на складе скопились большие запасы угля, и сохранялся риск не успеть его вывезти и сорвать реализацию программы угледобычи на будущий год. Переписку инициировал обратившийся к В.М. Молотову начальник рудника «Грумант» Шпак, который раскритиковал своё непосредственное начальство — Горно-геологическое управление ГУСМП[43].

При неправильном хранении на складе уголь мог самовозгореться. Его погрузка на суда оставалась одной из главных проблем с момента создания

[38] Там же, д. 1514, л. 5—17, 45—49.

[39] Экономсовет СНК был сформирован после того, как Экономсовет СТО был упразднён постановлением ЦИК СССР от 28 апреля 1937 г.

[40] Эти работы начались в 1941 г.

[41] РГАЭ, ф. 9570, оп. 2, д. 200, л. 81, 133—134.

[42] Там же, л. 144—149.

[43] Там же, л. 201—203, 206, 208—214.

«Арктикугля» — ограничивались максимально возможные объёмы добычи топлива. Погрузка производилась лишь пять-шесть месяцев в году во время навигации и всегда требовала привлечения большого числа «подземных» рабочих. Её могли существенно расширить за счёт капитальных вложений в портовую инфраструктуру, но ориентация на краткосрочную перспективу не предполагала необходимых для этого значительных расходов.

Вопрос о погрузке угля на суда был поднят в начале 1941 г., вскоре после подчинения «Арктикугля» Наркомату угольной промышленности. Это ведомство запросило СНК о передаче в ведение Наркомморфлота портов Шпицбергена, так как их обслуживание и расширение оставалось «головной болью» треста. Заместитель наркома угольной промышленности Д.Г. Оника ссылался на то, что погрузкой угля в тяжёлых условиях Арктики должны заниматься квалифицированные специалисты[44]. В Наркомморфлоте ответили, что порты строились специально для нужд рудников, а портовикам с их сезонной работой потребовались бы специальные постройки, что вызвало бы ненужные расходы на завоз грузчиков. В итоге всё оставили без изменений, в противном случае, по мнению руководства, произошёл бы разрыв «единого хозяйства рудника и порта»[45].

У «Арктикугля» имелись проблемы с количеством и качеством угля, из-за чего многие суда не могли выполнить план. Балтийское государственное морское пароходство неоднократно обращалось к Ширшову с жалобами относительно угля из «Баренцбурга». В нём встречались куски породы, доходившие до 8 кг. Хотя для этого рудника стандарт зольности на 1939 г. предполагал 19—22,5%, на пароходах этот показатель доходил до 26%. От начальника «Баренцбурга» неоднократно требовали поднять качество угля и увеличить число породоотборщиков. Со стороны потребителей звучала угроза впредь отказаться от баренцбургского угля и использовать топливо только с «Груманта». В ответ руководство «Баренцбурга» заявляло, что качественное обогащение механическим способом было невозможно, устройство обогатительной фабрики в Баренцбурге не планировалось, так как запасы для производства имелись всего на один год. Пласт продолжал сокращаться до 0,5 м и тоньше, из-за чего в перспективе зольность должна была подняться до 25—35%[46]. В «Арктикугле» были готовы закрыть «Баренцбург» в течение одного-двух лет и сконцентрировать все усилия на «Пирамиде», но не сделали этого из-за отсутствия необходимых средств. В итоге в 1939 г. «Грумант» оказался единственным стабильно работавшим на Шпицбергене рудником, вывоз с него угля напрямую контролировали ГУСМП и Экономсовет СНК[47].

Между тем «Арктикуголь» стал убыточным предприятием, подходы к его управлению не изменились. Составители его планов стремились к экстенсивному развитию за счёт расширения производственных мощностей, механизация рудников шла медленно, размывалась трудовая этика рабочих, росло недопонимание между представителями разных уровней администрации Главсевморпути и треста. Неспособность выполнить план лишала последнего доверия со стороны ГУСМП, СНК и в перспективе делала невозможным выведение предприятия из затянувшегося кризиса.

---

[44] ГА РФ, ф. 5446, оп. 25, д. 754, л. 18—22.
[45] Там же, л. 23—25.
[46] РГАЭ, ф. 9570, оп. 2, д. 200, л. 214.
[47] Там же, д. 202, л. 157—160.

В 1939 г. ситуация с работой «Баренцбурга» и вывозом угля с «Груманта» ухудшилась. Потребители предъявляли всё больше претензий, игнорировать которые ГУСМП уже не могло. Ещё весной 1938 г. на совещании по вопросам работы на Шпицбергене И.О. Серкин, начальник Политуправления ГУСМП, предложил вывести из этой организации «Арктикуголь». Горные работы треста не соответствовали задачам Главсевморпути, практически не имевшего для такой деятельности собственных кадров, за них он постоянно «боролся» с Наркомтяжпромом[48]. В результате «Арктикуголь» перевели из-под непосредственного руководства ГУСМП под начало его Горно-геологического управления. Но, потеряв рычаги финансового влияния на трест, управление не смогло спасти ситуацию[49].

Передачу в 1940 г. «Арктикугля» Наркомату угольной промышленности можно объяснить как попытку исправить положение, равно как и мерой отраслевой концентрации производства предыдущего десятилетия, а также арестом руководителей, ранее обосновывавших важность треста для ГУСМП[50]. Однако до начала эвакуации всех предприятий со Шпицбергена (после 22 июня 1941 г.) существенных изменений в «Арктикугле» не произошло, по-прежнему игнорировались условия работы на рудниках и особенности устройства их технической системы.

Итак, в 1935—1939 гг. в регионе Главсевморпуть обладал большим влиянием и аккумулировал значительные материальные и людские ресурсы. Находившемуся в подчинении этого ведомства тресту «Арктикуголь» удалось занять нишу в области поставок угля для промышленности Европейского Севера, испытывавшей в довоенный период топливный голод. Однако трест оставался ненадёжным поставщиком ввиду сложности добычи топлива в Арктике и постоянных срывов производственных планов и отчасти работы ГУСМП (хотя на морском транспорте уголь рудников «Арктикугля» «вытеснил» донецкий). Разрешить кризис развития треста пытались его переподчинением вышестоящей организации, но безуспешно.

Однако важно помнить, что Советский Союз разрабатывал угольные участки Шпицбергена не только по внешнеполитическим соображениям, но и реализовывал проекты, снабжая топливом советские флоты и промышленные предприятия на своём Крайнем Севере. В плановой системе СССР (в отличие от рыночной) даже убыточное предприятие финансировалось, если в его продукции нуждалось государство. Для него, безусловно, была целесообразность в работе неприбыльного «Арктикугля» — он участвовал в решении топливной проблемы. Предположение, что шахты открыли только для поддержания советского присутствия на Шпицбергене, неверно, как минимум, для исследуемого периода: трест выполнял тяжёлые производственные задачи, предполагались рост выпуска его продукции и удовлетворение постоянно растущего на Европейском Севере спроса на топливо. В этом смысле в годы первых пятилеток «Арктикуголь» не отличался от других промышленных предприятий Советского Союза.

---

[48] РГАСПИ, ф. 475, оп. 2, д. 634, л. 1—2.

[49] РГАЭ, ф. 9570, оп. 2, д. 131, л. 32.

[50] *Rowney D.K.* The Scope, Authority and Personnel of the New Industrial Commissariats in Historical Context / Ed. W.G. Rosenberg, L.H. Siegelbaum // Social Dimensions of Soviet Industrialization. Bloomington; Indianapolis (IN), 1993. P. 124—145; *Маркевич А.М.* Отраслевые наркоматы и главки в системе управления советской экономикой в 1930-е гг. // Экономическая история: ежегодник. М., 2004. С. 118—119.

Так, участок «Пирамида» был куплен правительством СССР, чтобы сделать советское присутствие на Шпицбергене более заметным, но работа рудника изначально там не планировалась (это требовало больших вложений, которые не сразу бы окупились). В результате выхода из строя «Баренцбурга» «Арктикуглю» всё же пришлось заняться разработками в «Пирамиде», так как снижение производительности труда на угольных шахтах архипелага, тем более их закрытие в 1939 г. привели бы к остановке морского транспорта и коллапсу советской экономики на Европейском Севере. Рудник «Пирамида» должен был заменить истощившиеся шахты «Баренцбурга», а «Грумант» — сохранять постоянный уровень добычи угля (но провести здесь механизацию производства не удалось, а его объёмы практически не увеличились).

Приобретение рудников на архипелаге и попытка с минимальными вложениями быстро получить уголь высокого качества выглядят разумным решением в краткосрочной перспективе. И всё же природно-климатические и геологические условия, а также международно-правовой статус Шпицбергена требовали более продуманного управленческого подхода и масштабных инвестиций, которые могли окупиться только в будущем. По окончании Второй мировой войны СССР занялся восстановлением шахт на архипелаге, однако структура промышленного производства на Европейском Севере изменилась. Так, объём добычи угля в Воркуте в несколько раз превысил тот же показатель на Шпицбергене, и эта разница росла год от года.

В целом кризисное состояние треста «Арктикугля» в 1930-х гг. (деятельность которого стала возможна лишь под руководством ГУСМП, непрофильного ведомства, которое испытывало дефицит соответствующих кадров и не имело опыта добычи угля, потребляя лишь пятую его часть) обусловливалось не только медленным внедрением инноваций в осуществлявшееся в трудных арктических условиях производство, но и в целом экстенсивным развитием советской промышленности с характерным для неё краткосрочным планированием.

Формирование промышленной базы строительства в Ханты-Мансийском национальном округе в 1960-х гг.

Александр Прищепа

Formation of the construction's industrial base in Khanty-Mansi national district in the 1960s

Alexander Prischepa
(Surgut State University of KHMAO — Yugra, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870012193-3

17 октября 1961 г. в Ханты-Мансийском национальном округе (ХМНО)[1], в 40 км западнее Сургута геологоразведчики «Сургутской нефтеразведки глубокого бурения» (под руководством Ф.К. Салманова) открыли Усть-Балыкское месторождение нефти, одно их крупнейших в стране, с предполагаемым полным запасом 100 млн т. Это событие могло означать победу сторонников академика И.М. Губкина в 30-летней дискуссии учёных о наличии углеводородного сырья в Западной Сибири. Однако по данному поводу не принимались значимые решения на правительственном уровне.

Ситуация изменилась в декабре 1961 г., когда первый секретарь Тюменского обкома КПСС Б.Е. Щербина представил в ЦК партии докладную записку. В ней констатировалось открытие в Тюменской обл. нефтегазоносного района (провинции) с большими потенциальными запасами нефти, газа и ставился вопрос о значительном увеличении объёмов геологоразведочных работ для организации в регионе нефтедобывающей и газовой промышленности[2].

Столь активная позиция Тюменского обкома партии и его конкретные предложения предопределили принятие 19 мая 1962 г. постановления Совета министров СССР, в котором официально признавалось обнаружение в регионе нефтяных и газовых месторождений значительной нефтегазоносности. Вместе с тем в документе не корректировалась ранее одобренная экономическая политика развития топливно-энергетического комплекса СССР, открытые нефтегазовые месторождения ещё не рассматривались как предвестники рождения новой Западно-Сибирской топливно-энергетической провинции, доминирующей и безальтернативной. В постановлении указывались факторы, не позволявшие в то время сосредоточиться на организации новой крупной базы поисковых и разведочных работ: особые природно-климатические условия освоения этой территории и слабая техническая оснащённость геологоразведочных организаций[3].

© 2020 г. А.И. Прищепа

[1] 10 декабря 1930 г. был образован Остяко-Вогульский автономный округ, в 1940 г. переименованный в Ханты-Мансийский национальный округ (с 1978 г. — Ханты-Мансийский автономный округ, с 2003 г. — Ханты-Мансийский автономный округ ХМАО — Югра). В 1930—1934 гг. округ входил в состав Уральской обл., в 1934 г. — Обьиртышской, в 1934—1944 гг. — Омской, с 1944 г. по настоящее время — Тюменской обл.

[2] *Комгорт М.В.* Открытие Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции и перспективы промышленного освоения ресурсного потенциала региона в 1960-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 331. С. 77—78.

[3] Государственный архив Тюменской области (далее — ГА ТО), ф. 814, оп. 5, д. 1249, л. 76—77 об.

Нефтяники «новой топливной провинции» спешно, рассчитывая лишь на собственные строительные силы и «благотворительность» сотрудничавших с ними организаций, приступили к подготовительным работам по добыче «чёрного золота» в Сургутском районе ХМНО.

13 декабря 1963 г. Совет министров СССР и Средне-Уральский совнархоз приняли совместное постановление об образовании в Сургуте нефтяного управления «Сургутнефть» под руководством Р.Ш. Мамлеева[4]. В историографии существуют различные мнения относительно даты прибытия в Сургут первых нефтяников. В марте 1964 г. ими были, согласно книге «Долгая дорога к нефти», Р.Ш. Мамлеев и Н.Е. Дурасов, а через несколько дней (без указания даты) туда же приземлился самолёт АН-24 с 17 специалистами — будущими работниками нефтепромыслового предприятия «Сургутнефть». Далее утверждается, что это событие (как и день высадки 13 сентября 1957 г. экспедиции Ф.К. Салманова) «является историческим для Сургута и для всей России»[5]. По мнению П.А. Мунарёва, в то время председателя Исполнительного комитета Сургутского районного Совета депутатов трудящихся, высадка первого десанта нефтяников произошла 8 февраля 1964 г.[6] Как бы то ни было, но точно известно, что 16 марта 1964 г. Мамлеев подписал приказ о создании первого нефтедобывающего предприятия в Среднем Приобье — Нефтепромыслового управления «Сургутнефть»[7].

В начале 1964 г. в Среднем Приобье геологоразведчики открыли 20 газовых и 10 нефтяных месторождений. В перспективе при их полном разбуривании объёмы извлекаемого углеводородного сырья могли составить 25—30 млн т нефти в год (столько в целом получала страна в конце 1930-х гг.). Так на карте ХМНО появились крупные нефтегазовые провинции — Шаимо-Берёзовская, Сургутская, Нижневартовская и Северная[8]. Начало их освоения было сопряжено с огромными трудностями. В те годы в правительстве и Госплане СССР ещё не верили в то, что этот регион располагал стратегическими ресурсами углеводородного топлива и стал бы альтернативой разработанным традиционным месторождениям нефти и газа. В условиях неопределённости и большого риска необходимые для этих районов средства выделялись только для решения краткосрочных производственных задач. Оказалось невозможно организовать освоение месторождений «по науке»: сначала построить жильё для строителей, создать индустриальную базу строительства, а затем производственную — для нефтяников, и лишь потом приступить к сооружению мощностей по добыче и транспортировке нефти. Тюменская обл. представляла собой огромный сельскохозяйственный район, а в ХМНО в основном развивались лесная промышленность и добыча рыбы.

Ещё в июне 1960 г. на Пленуме Тюменского обкома партии подчёркивалось, что открытие месторождения нефти в районе поселка Шаим на реке Конде «внесёт большую поправку в сторону увеличения темпов роста развития производительных сил области» и будет иметь особое значение для перспек-

---

[4] Долгая дорога к нефти. Сургут, 1997. С. 57.

[5] Там же.

[6] *Мунарёв П.А.* Так было, так начиналось. Сургут, 2008. С. 69.

[7] С октября 1977 г. производственное объединение «Сургутнефтегаз», на базе которого 19 марта 1993 г. Советом министров РСФСР было учреждено АООТ «Сургутнефтегаз» (*Мамлеев Р.Ш.* Мои северные горизонты // Сургутнефтегаз в лицах и судьбах. Сургут, 1997. С. 11).

[8] Долгая дорога к нефти. С. 59.

тивного развития её экономики и урбанизации. Поскольку в Тюменской обл. соответствующей производственной базы не имелось в совнархозе, подчинённых облисполкому управлениях, трестах и строительных организациях (кустарных или полукустарных предприятиях), далее отмечалось: «Развитие строительной индустрии и производство строительных материалов в области не только не опережают темпы строительства, но даже резко отстают и тем самым сдерживают промышленное, культурно-бытовое и жилищное строительство»[9].

Уровень индустриального строительства определяет основной показатель, фиксирующий расход сборного железобетона на 1 млн руб. выполненных строительно-монтажных работ. Если в целом по стране в 1959 г. этот расход составил 175 кубометров, в Тюменской обл. — лишь 59 кубометров. При этом подведомственные облисполкому строительные организации сборный железобетон почти не применяли. Тем не менее потребность в нём строительных организаций области в 1960 г. составила около 100 тыс. кубометров, а предприятия совнархоза и облисполкома могли выпустить лишь 30 тыс. кубометров[10].

Для ввода в строй в Тюменской обл. новых объектов строительной индустрии не хватало капиталовложений, а ранее действовавшие были законсервированы. Например, с 1961 г. по заказу тюменского совнархоза разрабатывались проектные задания для строительства в городе стекольного завода, однако в течение семи лет его не создали. Власти решили изменить профиль производства и поручили институту «Гипростекло» разработать проект завода листового стекла.

С 1954 г. трест «Тюменьгорстрой» возводил завод сборного железобетона, но к началу 1960-х гг. его в эксплуатацию так и не ввели. С 1962 г. в Тюмени строили промбазу № 1 — основного поставщика сборного железобетона и стеновых панелей для жилищного строительства. Вместе с тем в 1962—1964 гг. на него выделили всего 20% сметной стоимости, задача же ввода базы в строй в 8-й пятилетке (1966—1970) даже не ставилась. В том же городе из-за отсутствия ассигнований на шесть лет законсервировали строительство деревообрабатывающего цеха мощностью 20 тыс. кубометров переработки древесины в год. По аналогичной причине остановилось возведение Тюменского керамзитового завода и базы строительной индустрии в Тобольске.

Подведомственные Министерству промышленного строительства СССР немногочисленные и технически слабо оснащённые строительные организации не имели в Тюменской обл. своего автотранспорта, типовых технических училищ по подготовке кадров. Рабочие таких предприятий были практически не обеспечены жильём и социальными объектами[11].

Крайне тяжёлым оставалось положение со снабжением строек стеновыми материалами. В регионе работали 79 кирпичных заводов (только два из них — круглый год), многие из них часто не выполняли плановых заданий. В 1959 г. годовой объём данного производства составил 60% (было недополучено более 70 млн штук условного кирпича). Однако 77 мелких кустарных заводов произвели тогда 60 млн штук кирпича (по 770 тыс. штук за сезон на один завод)[12].

---

[9] Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (далее — ГАСПИ ТО), ф. П-124, оп. 1, д. 4065, л. 108.

[10] Там же, л. 105, 106.

[11] Там же, оп. 91, д. 73, л. 74—75.

[12] Там же, л. 108.

Строительная индустрия области требовала высококачественных заполнителей — щебня, гравия, песка, но добыча и переработка этих нерудных материалов находилась на крайне низком техническом уровне. Расположенные в Свердловской обл. полукустарные предприятия — Богдановический карьер и Тюменский межкарьер — выпускали дорогую, но низкопробную продукцию. На стройки области поставляли щебень из этих карьеров — не сортированный по фракциям, смешанный с остатками земли и глины. Гравий и песок тоже имели примеси других пород. Неудовлетворительное состояние нерудных материалов вызывало увеличение расхода цемента в бетоне, снижало его качество.

В 1960 г., накануне открытия «большой нефти» в Нефтеюганске, для всех строек Тюменской обл. требовалось 640 тыс. кубометров камня, щебня и гравия, но за счёт производства обеспечивалось только на 50%. Дефицит нерудных ископаемых частично компенсировали поставки из других областей.

Основной поставщик гранитного камня — слабо оснащённый механизмами Тюменский межкарьер имел не соответствовавшие работе в скальном грунте экскаваторы небольшой ёмкости. Маломощным являлось и дробильно-сортировочное хозяйство; установка дробилок и сортировок носила временный характер, их недостаточное количество не позволяло организовать приготовление и сортировку щебня по фракциям, тщательную их очистку от примесей[13]. Расположенное возле Тюмени Кулаковское месторождение имело небольшой запас гравия (залегал на малой глубине, но размещался затруднявшими его механическую разработку тонкими пластами) и возраставшую в нём потребность обеспечить не могло[14].

Соблюдение технологических норм промышленной добычи углеводородного сырья (осуществление последовательного ряда сложных инженерно-технических и строительных операций) требовало от региона опережающего выделения дополнительных финансовых средств. Но таковых не имелось, поэтому освоение нефтегазовых месторождений в ХМНО, как и на всём Тюменском севере, осуществлялось без создания строительной, инженерной и социальной инфраструктуры. Речные порты, автодороги, электроэнергетику, аэропорты, жилые и социальные объекты строили уже после сооружения непосредственных производственных механизмов извлечения и приёма нефти.

В те годы производственно-технологический потенциал «Сургутнефти» составляли два нефтепромысла — на Усть-Балыкском и Мегионском месторождениях, цех научно-исследовательских и производственных работ, строительный участок с двумя прорабскими участками в Сургуте и Нефтеюганске. Однако их строительные и технические возможности оказались недостаточными для реализации столь масштабной работы. Помогли нефтяникам геологи Сургутской нефтеразведочной экспедиции, а также работники Сургутского рыбокомбината, производившие в своих механических мастерских наладку оборудования. Рыбокомбинат передал нефтяникам несколько восьмиквартирных домов, а местный райпромкомбинат поставил пиломатериалы и столярные изделия. Сургутская речная пристань предоставила нефтяникам здание вокзала под жильё, а совхоз «Юганский» — помещение под контору управления[15].

Тем не менее в 1964 г. развернуть в полном объёме работы по бурению эксплуатационных скважин не удалось из-за тяжелейших бытовых условий.

[13] Там же.
[14] Там же, л. 114.
[15] *Мамлеев Р.Ш.* Мои северные горизонты. С. 11.

Например, на Усть-Балыкском промысле не было собственной конторы, а заведующий не имел даже письменного стола. На участке Уфимского строительного управления вовремя не возвели жильё, и зимой рабочим пришлось жить в палатках и бараках[16]. Во многом по аналогичным причинам до конца года не приступил к буровым работам Мегионский нефтепромысел (с августа самостоятельное управление «Мегионнефть»)[17].

Опыт развития крупнейших нефтяных регионов Татарии и Башкирии порождал у ведомственных руководителей скептическое отношение к возможности выполнения в ХМНО задач строительства и создания здесь в максимально короткие сроки нового энергетического центра страны. На то были реальные основания. Например, созданное на базе Сургутского прорабского участка строительное управление № 9 выполнило план строительно-монтажных работ по промышленному строительству на 1964 г. на 30,7%, а по культурно-бытовому — на 8,7%. Срыв плановых заданий был связан в основном со слабой укомплектованностью подразделений управления работниками. В июле их насчитывалось всего 500 человек, но почти столько же требовалось для одновременного комплексного строительства промышленных, социально-бытовых и жилищных объектов[18].

Кадровый дефицит на строительных предприятиях Тюменской обл. был постоянным. По состоянию на 1 мая 1959 г. на предприятиях стройматериалов Западно-Сибирского совнархоза работали около 1 500 человек, в их числе только 93 инженера и техника. По плану 1960 г. и вовсе предусматривалось направить на север области только 17 инженеров и 15 техников[19].

Трудовая дисциплина на кирпичных и железобетонных заводах была крайне низкой, в отдельные дни отсутствовало до 20% работающих. Заводская техника использовалась неудовлетворительно. Так, работали только 70% башенных кранов из 30 и, как правило, в одну смену. Экскаваторы использовались за смену на 70%. Слабомеханизированными (на 40—49%) оставались штукатурные и малярные работы[20].

Кроме того, в строительно-монтажные управления несвоевременно поставлялись стройматериалы. Так, баржа с таким необходимым для Усть-Балыкского месторождения грузом прибыла только 26 июля 1964 г., а по плану первые суда для отправки в Омск нефтеналивных танкеров должны были пришвартоваться в Сургуте ещё в мае. Основное поступление строительных материалов и инструментов началось лишь в середине августа и сентябре, что затруднило организацию работ по их выгрузке и складированию. В результате их буквально бросили на берегу Оби, в 12 км от Сургута[21].

В многообразной цепи задач освоения новой нефтегазоносной территории в ХМНО важнейшей стала проблема формирования строительной индустрии. Однако, как вспоминал один из создателей строительной индустрии Западно-Сибирского нефтегазового комплекса Ю.П. Баталин[22], «Главуралстрой», в состав которого входили тюменские тресты, при поддержке Свердловского обко-

[16] Долгая дорога к нефти. С. 63.
[17] *Судаков В.В.* Тюменская быль. М., 1989. С. 25.
[18] ГАСПИ ТО, ф. 113, оп. 16, д. 30, л. 106; ГА ТО, ф. 1861, оп. 1, д. 11, л. 9.
[19] ГАСПИ ТО, ф. 113, оп. 16, д. 30, л. 128.
[20] Там же.
[21] ГА ТО, ф. 1861, оп. 1, д. 6, л. 1.
[22] Баталин Юрий Петрович — главный инженер Главтюменнефтегазстроя, в 1980-х гг. — заместитель председателя Совета министров СССР и одновременно председатель Госстроя СССР.

ма КПСС наотрез отказался развернуть строительные работы на нефтяных месторождениях. То же сделали в курировавшем Тюменскую обл. Министерстве строительства предприятий тяжёлой индустрии СССР, мотивируя свой отказ большими задачами по развитию чёрной металлургии. Поочередно взять на себя ответственность за создание строительной индустрии в Западно-Сибирской нефтегазовой провинции отказались два союзных министерства — транспортного строительства и монтажных и специальных строительных работ[23].

Пока нефтестроительные организации в территориальных строительных главках утрачивали свои ведущие позиции, успешно развивалась газовая промышленность. Решающим организационным фактором её ускоренного развития в первой половине 1960-х гг. явилось то, что после перестройки системы управления народным хозяйством (1957) газостроительные организации в отличие от нефтестроительных не передали совнархозам. При Совете министров СССР было создано новое структурное подразделение — Главгаз (глава А.К. Кортунов). В 1963 г. после передачи этому ведомству 12 нефтестроительных трестов его преобразовали в Государственный производственный комитет по газовой промышленности СССР[24].

В октябре 1964 г. специальным уполномоченным Комитета с задачей создать новый главк для материально-технического обустройства нефтяных и газовых месторождений, строительства новых посёлков и городов, создания социально-культурной инфраструктуры на территории новой нефтяной провинции страны был назначен А.С. Барсуков[25]. О начале своей «ознакомительной поездки» по региону он вспоминал: «Я приехал в Тюмень в мае 1964 г. Там ничего не было. Ни-че-го. Есть такой город Сургут. Там было три лошади и один самосвал»[26].

В соответствии с распоряжением Совета министров СССР от 6 февраля 1965 г. № 209-р и приказом Государственного производственного комитета по газовой промышленности СССР от 16 февраля 1965 г. № 114 было учреждено Главное управление по строительству предприятий нефтяной и газовой промышленности в Западной Сибири (Главтюменнефтегазстрой)[27].

В процессе формирования структуры этого главка и системы его управления надёжным соратником Барсукова стал главный инженер Баталин. Оба активно участвовали в обсуждении проблем организации промышленного освоения новой нефтегазоносной территории, преимуществ и недостатков стационарных городов и вахтовых посёлков в деле расселения трудовых ресур-

---

[23] *Баталин Ю.П.* Воспоминания и взгляды. История и перспективы градостроительного освоения территории севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. М., 2004. С. 32.

[24] Там же. В 1965 г. было образовано Министерство газовой промышленности СССР.

[25] Барсуков Алексей Сергеевич — высококвалифицированный специалист промышленного и гражданского строительства, участник Великой Отечественной войны (получил первый орден за инженерное обеспечение танкового прорыва). После войны выполнял ответственные государственные задания в ходе ввода в строй знаменитого Новокраматорского машиностроительного завода им. В.И. Ленина; в 1949 г. назначен управляющим треста «Особстрой» (контролируемого лично И.В. Сталиным). Участвовал в строительстве заводов, фабрик, прокатных станов в Донбассе, Сумгаите, Волгограде, а также являлся одним из организаторов возведения высотных зданий в Москве (*Рычков Б.* Сибирь — Иран // Соратники. Тюмень, 2002. С. 75; *Чинчевич А.* Всё остаётся людям // Соратники. С. 76).

[26] *Рычков Б.* Сибирь — Иран. С. 75.

[27] ГАСПИ ТО, ф. 124, оп. 84, д. 64, л. 35; ГА ТО, ф. 1861, оп. 1, л. 1. В 1970 г. в руководящий состав главка вошли 4 тыс. специалистов, прошедших «школу А.С. Барсукова» (*Баталин Ю.П.* От игр в кубики к «суперблокам» // Соратники. С. 79).

сов, промышленной эксплуатации и обустройства месторождений. Барсуков и Баталин говорили о необходимости создания производственных баз на начальном этапе строительства Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Так, в июне 1965 г. на Пленуме Тюменского обкома партии Барсуков заявил: «Базы — это основа плодотворной работы». Он выразил неудовлетворение тем, что в первые пять месяцев этого года организации Главтюменнефтегазстроя не создавали первоочередных объектов производственных баз бурения, энергопоездов и промысла геофизики в Урае и Нефтеюганске, «не на все базы предусмотрены средства. Мы, например, ничего не строим из баз заказчику в Урае, то же и в Сургуте»[28].

Актуальность создания баз стройиндустрии в Западной Сибири Барсуков связывал с опасным, по его мнению, форсированием темпа и роста объёмов промышленного развития. В 1966 г. программа работ только для собственных подразделений главка составила 98 млн руб. В июне 1965 г. на Пленуме Тюменского обкома КПСС, обратившись к залу с вопросом: «можем ли мы поднять эту программу?», заявил: «Для этого надо 2 000—2 200 автомобилей, 120—140 бульдозеров, 100—120 единиц экскаваторов, а мы имеем только 25% от их количества. И, самое главное, для того чтобы её выполнить, нужно, по подсчётам специалистов главка, 16—18 тыс. рабочих»[29].

По мнению Барсукова, существовало два пути развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Первый путь («программа-минимум») давал возможность «на 1,5—2 года отказаться от многого и оставить только самое необходимое для добычи нефти». Создав запас скважин в Сургуте и Усть-Балыке, он полагал возможным «сократить капиталовложения и перебросить их на строительство промышленных баз. А за это время будет построен нефтепровод Усть-Балык — Омск, который быстро восполнит недоданную нефть, резко удешевит стоимость нефти и окупит затраты на предлагаемые мероприятия»[30]. Второй путь у Барсукова ассоциировался с «программой-максимум»: «Для её выполнения нужно дать средства и материальные ресурсы, механизмы и оборудование и идти развёрнутым фронтом... нужно одно, чтобы тюменской целине отдавалось столько и так, как это делалось, скажем, на строительстве Братской или Волгоградской ГЭС».

Алексей Сергеевич так разъяснял необходимость первого пути: «Институтами подсчитано и прогнозировано, что, для того чтобы добыть и передать на переработку 70 миллионов тонн нефти к 1975 г. и довести добычу до 200 миллионов тонн к 1980 г., нужно затратить до 4 миллиардов рублей, нужно привлечь для этого сотни тысяч человек населения... Это необходимо ещё и потому, что освоение природных ресурсов нашей области усложняется суровыми климатическими условиями, отсутствием транспортных связей, кроме рек, эксплуатация которых продолжается всего 4—4,5 месяца в году»[31].

Осуществление на территории ХМНО во второй половине 1960-х гг. программы ускоренной добычи углеводородного сырья, не имевшей мировых аналогов[32], во многом состоялось благодаря тому, что советское правительство на-

---

[28] ГАСПИ ТО, ф. П-124, оп. 1, д. 4506, л. 4.

[29] Там же, л. 4 об.

[30] Там же, л. 4 об.—5.

[31] Там же, л. 5.

[32] Она приобрела форсированный характер в связи с повышением мировых цен на нефть в 1973—1974 и 1979—1981 гг. и сопровождалась эксплуатацией преимущественно разведанных круп-

шло оптимальные пути решения проблем формирования материальной базы промышленного и гражданского строительства на севере Западной Сибири. Ранее основным источником обеспечения строительных объектов материалами и конструкциями являлись межобластные поставки. Однако Главснабсбыт РСФСР был в значительной мере в них ограничен из-за дефицита на российских предприятиях стройиндустрии производства материалов стеновых панелей и трудностей их доставки из других экономических районов СССР. Поэтому Главснабсбыт РСФСР обратился к Тюменскому обкому партии с просьбой принять меры по увеличению на действующих предприятиях области производства стеновых материалов, а также использовать капитальные вложения, выделенные «на строительство и реконструкцию предприятий по производству стеновых материалов», металлоконструкций и нестандартного оборудования[33].

15 августа 1967 г., 4 июля и 13 августа 1968 г. на совместных заседаниях Бюро Тюменского обкома и Исполкома областного Совета депутатов трудящихся рассматривался вопрос о создании собственной материальной базы вышеназванного строительства. Были утверждены планы-задания по вводу новых и реконструкции действующих предприятий из расчета, что с 1969 г. каждый город и район Тюменской обл. (кроме городов ХМНО, Ямало-Ненецкого автономного округа) обеспечит свои потребности за счёт местного производства. Тогда же решили к 1971 г. увеличить в регионе производство условного кирпича до 750 млн штук[34].

На севере Тюменской обл. развернулась широкомасштабная работа по реконструкции и созданию местной промышленности по производству стройматериалов. Интенсивно создавалась сырьевая база строительной индустрии. Ещё в декабре 1966 г. Министерство геологии РСФСР утвердило план работ Главного Тюменского производственного геологического управления по разведке строительных материалов, составленный в соответствии с заявками Министерства промышленности строительных материалов РСФСР по обеспечению сырьём предприятий, создававшихся в нефтегазовых районах области.

В целях расширения базы нерудных материалов, объёмов производства и улучшения качества кирпича и железобетонных конструкций была создана специальная комиссия в составе представителей Главтюменнефтегазстроя и Центральной геологопоисковой партии. В 1967 г. она подготовила «Акт о выборе под детальную разведку участков аглоперитовых глин». Предполагалось разведать несколько участков. В трёх километрах к югу от Сургута, на левом берегу Оби находилось Каменномысовское месторождение глинистого сырья (количество его запасов предполагалось довести до 2 500 тыс. кубометров). Второй участок располагался на правом берегу протоки Юганская Обь, у населённого пункта Чеускина, в 12 км ниже по течению от Нефтеюганска, в районе одноимённого посёлка (до 200 тыс. кубометров), третий — на правом берегу Оби, на первой подпойменной террасе, в шести километрах к востоку от посёлка Мысовая Лига, в семи — к северо-западу от посёлка Нижневартовск (в 200 тыс. кубометров)[35].

В 1967—1971 гг. планировалось реконструировать 10 и построить 12 новых кирпичных заводов общей мощностью 250 млн штук условного кирпича в год.

ных месторождений.

[33] ГАСПИ ТО, ф. 124, оп. 191, д. 73, л. 34.

[34] ГА ТО, ф. 1861, оп. 1, д. 228, л. 1.

[35] Там же, д. 129, л. 44.

Среди крупных предприятий по производству кирпича (с ежегодным выпуском по 40 млн штук условного кирпича) были завод «Труд» Управления промышленности стройматериалов; Богандинский завод треста «Облмежколхозстрой»; завод треста «Тюменьлесстрой». Решающую роль в их строительстве играл трест «Тюменьоблстрой».

Осуществляя координацию строительства, Главтюменнефтегазстрой заложил фундамент собственного кирпичного завода с мощностью годового производства 16 млн т штук условного кирпича. Одновременно, реализуя стратегическую задачу Барсукова — приближение материальной базы строительства к производству, главк приступил к реализации оригинальной идеи «передвижных кирпичных заводов»[36]. Рост числа действующих предприятий сопровождался внедрением новой технологии массового выпуска крупных кирпичных блоков, дырчатого, семищелевого и других видов кирпича.

В целях превращения строительства в механизированный процесс сборки и монтажа зданий и сооружений из изготовленных в заводских условиях блоков, частей и деталей намечалось строительство принадлежавших различным ведомствам девяти цехов и предприятий с намечаемым годовым производством 93 млн штук условного кирпича[37], семи предприятий стеновых материалов Главтюменнефтегазстроя (343 млн штук)[38], десяти заводов стеновых панелей: два — крупного домостроения, по одному — железобетонных изделий, товарного бетона и керамзитовый (Сургут), четыре — по ремонту машин и механизмов, производства блочно-комплектных устройств и металлоконструкций, заводов крупнокомплексного и крупнопанельного домостроения, а также цеха стеклопрофилита и мозаичной плитки (Тюмень)[39].

Особо отмечу, что из запланированных в 1968—1971 гг. 23 предприятий по производству керамзито-бетонных блоков, стеновых материалов и строительных материалов 17 заводов предстояло построить Главтюменнефтегазстрою[40]. В 1969 г. главк сдал в эксплуатацию первую очередь Тюменского домостроительного комбината, а в четвёртом квартале 1970 г. — Сургутского[41].

В начале 1970-х гг. в ХМНО уже работали, например, заводы крупного домостроения, а также по производству железобетонных изделий, керамзита и товарного бетона (Сургут), комплектно-блочных устройств и ремонта машин и механизмов, крупнопанельного домостроения и цех стеклопрофилита и мозаичной плитки (Тюмень); заводы по производству кирпича (посёлки Локосово и Советский) и керамзитового гравия (посёлок Богандинский); выпускавшая щебень дробильно-сортировочная фабрика (Харп)[42].

---

[36] ГАСПИ ТО, ф. 124, оп. 191, д. 73, л. 75; д. 27, л. 17.
[37] ГА ТО, ф. 1861, оп. 1, д. 228, л. 5.
[38] Там же, д. 1, л. 19.
[39] ГАСПИ ТО, ф. 124, оп. 191, д. 27, л. 17.
[40] Подсчитано по: ГА ТО, ф. 1861, оп. 1, д. 228, л. 2, 4, 5.
[41] ГАСПИ ТО, ф. 2010, оп. 1, д. 170, л. 5.
[42] Там же, ф. 1, оп. 191, д. 27, л. 3.

К 85-летию со дня рождения С.В. Тютюкина

С.В. Тютюкин и журнал «Отечественная история»

Игорь Христофоров

S.V. Tiutiukin and the journal «Otechestvennaia istoriia»

Igor Khristoforov
(Princeton University, USA;
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870012195-5

Я познакомился со Станиславом Васильевичем Тютюкиным летом 1999 г. Шёл третий год моей аспирантуры, надо было думать о публикациях, и, подготовив первую свою «настоящую» статью, я, по совету своего учителя Ларисы Георгиевны Захаровой, отнёс её в журнал «Отечественная история». Не могу сказать, что я разбирался в неформальных научных статусах и иерархиях или в особенностях производства и публикации академических текстов, в том числе в процедурах рецензирования и редактирования. Снимая с библиотечной полки научный журнал, я интересовался его содержанием, а не составом редколлегии или редакции. Поинтересоваться, конечно, стоило. Отделом Новой истории в «Отечественной истории» тогда заведовал нынешний директор ИРИ РАН Ю.А. Петров, Новейшей — будущий главный редактор «Историка и Художника» и «Российской истории» С.С. Секиринский; кроме них, в составе редколлегии были долгие годы занимавшиеся «моей» тематикой В.Я. Гросул, П.Н. Зырянов, А.П. Корелин и М.А. Рахматуллин.

Через пару месяцев Ю.А. Петров пригласил меня зайти в редакцию и сочувственно познакомил с отзывами на статью всех перечисленных авторитетных учёных. Отзывы были, скажем так, сдержанными. Чтобы учесть все пожелания, мне придётся написать совершенно новый текст, в котором не останется ничего моего, предсказуемо подумал я. Пообещав Юрию Александровичу сделать всё возможное, я в расстроенных чувствах отправился домой. Я не знал, что мне следовало не переживать, а радоваться: статья прошла обсуждение на заседании редколлегии, отзывы были в общем положительными, и оставалось «лишь учесть замечания». Правда, сделать это по неимению опыта оказалось совсем непросто, ведь рецензенты вроде бы предлагали мне двигаться сразу в нескольких направлениях. Тем не менее я как-то доделал текст, а когда перезвонил в редакцию, трубку неожиданно взял Станислав Васильевич. Как потом оказалось, главный редактор решил не ожидать возвращения из отпуска Ю.А. Петрова и взять на себя подготовку моей статьи к печати. Через несколько дней он передал мне испещренную правкой рукопись. Во многих местах страницы были разрезаны и аккуратно подклеены, чтобы переставить абзацы местами. Где требовалось, Станислав Васильевич предлагал свой вариант текста на обороте или на вложенных листах. Иногда его предложения не устраивали его самого и он правил уже их, в том числе восстанавливая вычеркнутые было куски моего текста. Каким-то образом ни общее направление мысли,

© 2020 г. И.А. Христофоров

ни многочисленные частности при этом не терялись, а, напротив, обретали смысл и стройность. Так я впервые увидел легендарное редактирование С.В. Тютюкина. Он работал с текстом сразу на нескольких уровнях: замысла (как бы ограняя его), нарратива (убирая ненужные подробности и соединяя напрямую разрозненные точки), стиля и синтаксиса. Ни в нашей, ни в зарубежной практике я никогда больше не встречал такого стиля редактирования.

Тогда я, конечно, не мог по достоинству оценить ни его редакторского дара, ни того факта, что руководитель крупного академического журнала потратил массу времени на правку первой статьи никому не известного аспиранта. Не осознал я и мудрости своего научного руководителя. Ведь, посоветовав обратиться в «Отечественную историю», Лариса Георгиевна не только дала мне шанс получить первый (и самый благоприятный из возможных) опыт работы со своими собственными текстами. Через год один из моих рецензентов А.П. Корелин выступал на защите моей кандидатской диссертации, а спустя ещё некоторое время я получил приглашение Станислава Васильевича поработать редактором отдела историографии и источниковедения «Отечественной истории».

Работа под его руководством продолжалась вплоть до его ухода с поста главного редактора в 2007 г. Но и после этого мы еженедельно встречались в Институте российской истории на заседаниях центра истории России в XIX в., где оба работали, часто гуляли по Коломенскому и Профсоюзной улице, обсуждая академические и личные дела. Начиная с 2013 г., когда я стал главным редактором теперь уже «Российской истории», Станислав Васильевич неизменно помогал мне советом, а порой и прямым участием в решении редакционных проблем. Но эта заметка будет посвящена не всему 20-летнему периоду нашего знакомства, а 2000—2007 гг.

«Отечественная история», как и многие другие академические журналы, имела тогда довольно неопределённый формальный статус. Издание было *de facto* аффилировано с одним из академических институтов, располагалось на территории ИРИ РАН, работало по тем же присутственным дням и многими воспринималось как подразделение института. Однако сотрудники *редакции* журнала числились постоянными сотрудниками издательства «Наука» и не подчинялись ни институту, ни Отделению историко-филологических наук РАН. Соответственно, институт не имел никакого отношения к изданию и распространению журнала. Членство в *редакционной коллегии* журнала считалось общественной нагрузкой. Главный редактор утверждался Отделением, возглавлял и редакцию, и редколлегию, но не числился в штатном расписании ни института, ни «Науки», работая, как и члены редколлегии, на общественных началах. Однако по традиции он избирался из числа сотрудников института. Эта сложная конфигурация создавала журналу немало проблем, но давала и некоторые преимущества. В частности, она позволяла ему проводить относительно независимую редакционную политику. Дирекция ИРИ РАН (в описываемое время институтом руководил А.Н. Сахаров), разумеется, располагала рычагами влияния на журнал, но не могла прямо руководить им.

Как и любая система сдержек и противовесов, наша хорошо работала только до тех пор, пока А.Н. Сахаров не начал её систематически разрушать. Но и до, и после начала этого процесса эрозии главный редактор находился в центре всей системы, отвечал не только за содержание и выпуск журнала, но и за то, чтобы журнал был не безликим периодическим сборником статей, а живой и развивающейся средой. Члены редколлегии, сотрудники редакции и

сотни авторов со всего мира, включая непосредственных коллег из института, должны были чувствовать, что они являются участниками общего дела. Сейчас, как и 20 лет назад, эта цель выглядит декларативной и невыполнимой. Тем удивительнее, что Станиславу Васильевичу удалось достичь её незаметно и без всяких деклараций. В своей повседневной деятельности он был тем, кто, как сказал бы современный политолог, выполняет важнейшую для любой системы роль «брокера», т.е. человека, который позволяет сторонам услышать друг друга и прийти к взаимоприемлемому решению. Думаю, он понимал, насколько важной частью его работы является общение. Вот как он сам это описывал: «Главной моей заботой все эти годы был журнал, которым я занимался буквально повседневно и с полной отдачей сил. Мне приходилось держать в голове уйму вещей, общаться лично и по телефону с сотнями людей, самому редактировать десятки статей, формировать каждый номер, проводить заседания редколлегии, разные совещания, читательские конференции и т.д., и т.п. И так день за днём, месяц за месяцем, год за годом»[1].

Несмотря на кажущуюся рутинность, это дело всегда оставалось для него живым и полным реального смысла. Как и редактирование, оно удавалось ему мастерски. Собственно, оба дара, конечно, лишь выявляли глубоко присущую ему толерантность и умение выслушать собеседника, видеть в нём равного себе. Станислав Васильевич хорошо осознавал, что, как всякий процесс, связанный с творчеством, руководство журналом не терпит ни формализации, ни жёсткого администрирования. Ему не приходилось в этом смысле сдерживать себя: директивный стиль был глубоко ему чужд. Так, будучи человеком абсолютно организованным (не помню ни одного случая, когда бы он не успел к сроку), он спокойно относился к некоторой неорганизованности в других. Он никогда не жалел времени и сил на то, чтобы выслушать собеседников, уточнить их точку зрения, обсудить все возможные варианты решения. Не скрою, мне порой внутренне хотелось в таких случаях поторопить его. Однако он, конечно, был прав: пространство общения важнее самих по себе решений, сколь бы очевидными они ни казались.

Неудивительно, что Станислав Васильевич самым скрупулёзным образом относился к стандартным и даже ритуальным для журнала формам повседневной работы: беседам с автором или, как вариант, трёхсторонним встречам автора, редактора отдела и главного редактора; редакционным совещаниям и, конечно, заседаниям редколлегии. Мне памятны многие редколлегии начала 2000-х гг., длившиеся порой довольно долго. Каждая из обсуждаемых статей (иногда даже рецензий) заранее раздавалась нескольким членам редколлегии, которые произносили неспешные речи, зачастую полные разнообразных отступлений и интересных воспоминаний. Редколлегия была небольшой, и заседания её напоминали скорее научный семинар или клуб учёных, чем властную инстанцию. В конце каждого раунда главный редактор под протокольную запись резюмировал услышанные мнения. Конечно, в принятии резолюций его личная роль как главы редколлегии, модератора и резюмирующей инстанции была велика. Но не помню ни одного случая некорректного использования им своих полномочий.

К сожалению, помню, как всё более безапелляционными становились суждения директора ИРИ РАН Сахарова (как одного из членов редколлегии, который был для многих присутствовавших ещё и прямым начальником).

[1] *Тютюкин С.В.* Десять лет в журнале «Российская история». М., 2005. С. 16.

Поскольку процедурно принимать окончательных решений он не мог, директор начал утрачивать интерес и к заседаниям редколлегии, и к журналу в целом. Ни для кого в институте не являлось секретом, что растущее давление директора постепенно привело к отчуждению между ним и редакцией, так что если не идиллические, то вполне рабочие поначалу отношения сменились конфронтацией. Сейчас мне кажется, что, учитывая принципиальность Станислава Васильевича и административный стиль Сахарова, который с течением времени становился попросту самодурским, конфликт был неизбежен. Вместе с тем почти все мы привыкли воспринимать его как что-то внешнее, неприятное, но не мешающее повседневной работе журнала. Главный редактор стоически относился к многочисленным «сигналам», посылавшимся с начальственной стороны институтского здания. Топографически редакция находится от административных кабинетов на противоположном конце здания, и это окраинное положение способствовало тому, что она стала в начале 2000-х гг. (возможно, это произошло раньше) центром притяжения для коллег из «дружественных» центров института.

Авторы, приходившие на улицу Дмитрия Ульянова с текстом или идеей публикации, моментально погружались в эту насыщенную и гостеприимную атмосферу, где общение и принятие решений плавно дополняли друг друга. Никаких предварительных договорённостей не требовалось. Станислав Васильевич своей открытостью во многом создавал это неформальное и абсолютно демократическое пространство и жил им. Я часто потом думал, что было бы любопытно, используя компьютерное моделирование, представить круг его общения и траекторию передвижений, остановок и бесед в «нашей» части институтского здания (включая телефонные разговоры с многочисленными иногородними авторами) в обычный присутственный день.

За прошедшие с тех пор полтора десятилетия стандарты общения, как известно, сильно изменились. Подавляющее большинство академических журналов мира издаётся сейчас дистанционно, так что авторы, главные редакторы и члены редколлегии, научные и литературные редакторы почти никогда не видят и не слышат друг друга. Такова реальность. Но после школы «Отечественной истории» воспринимать её как норму для меня совсем не просто. У этой новой реальности есть ещё один важный аспект. Анонимность стала формальным требованием к академическому рецензированию (не только в журналах) и вообще к оценке качества научной работы. Подразумевается, что она обеспечивает необходимую для оценок объективность и исключает клановость и корпоративизм. Здесь не место спорить о том, насколько деперсонализация и алгоритмизация решают эти важные задачи (на мой взгляд, решают плохо). Я лишь хотел бы сказать, что реальная открытость «Отечественной истории» гораздо лучше формальных стандартов обеспечивала объективность её редакционной политики. В отличие от них, она не поддавалась симуляции. Конечно, мы работали тогда в условиях свободы от наукометрических безумств последнего десятилетия — ещё одного аспекта новой академической реальности. Думаю, однако, что Станислав Васильевич не уступил бы и этой разновидности бюрократического регламента.

Свою роль в том, что я воспринимаю сейчас время работы под началом Станислава Васильевича как один из самых важных этапов моей профессиональной жизни, сыграл блистательный состав тогдашней редакции журнала. Каждый из редакторов был яркой личностью и крупным учёным. При этом мои

старшие коллеги — М.А. Рахматуллин, С.С. Секиринский и Ю.А. Петров,— представляя разные научные школы и поколения, редко сходились друг с другом в своих симпатиях и антипатиях. Все они пришли в журнал задолго до избрания Станислава Васильевича главным редактором, ещё в те времена, когда «История СССР» была номенклатурным изданием, размещавшимся на Кузнецком мосту. Работать и общаться с ними было очень интересно, при этом главный редактор и здесь выступал в роли первого среди равных. Если же вспомнить не менее важных для журнала сотрудников — Ю.В. Мочалову, М.А. Новикову, Р.В. Костину, И.Н. Шамину и многих других, станет ясно, что редакция была сложным коллективом людей, от каждого из которых зависело общее дело — подготовить и выпустить шесть качественных номеров в год. Успех этого дела определялся не единомыслием, а, напротив, разнообразием характеров и взглядов. Авторитет Станислава Васильевича в редакции был непререкаем именно потому, что он не испытывал от этого разнообразия и разномыслия ровно никакого дискомфорта, стремился не искоренить или даже затушевать его, а, наоборот, культивировать.

Думаю, именно поэтому он сознательно ориентировался и на привлечение в число руководителей отделов молодых недавно защитившихся историков. Автор этих строк пришёл в журнал в 2000 г., А.В. Мамонов и Л.В. Мельникова — в 2003 г., П.С. Стефанович — в 2006 г. Конечно, этот путь начала академической карьеры был типичен и для советского времени. Но в 2000-х гг. академический журнал, объективно говоря, не мог считаться особенно привлекательным местом трудоустройства. Зарплаты стали низкими, а редактирование чужих текстов — непростое дело. Мы охотно шли в «Отечественную историю», потому что твёрдо знали: работа не будет рутинной и многому нас научит.

Чему работа со Станиславом Васильевичем научила меня? На самом поверхностном уровне — читать и работать с текстами (особенно своими, что обычно сложнее всего). Он никогда не выступал в роли педантичного редактора-перфекциониста и очень хорошо понимал, что безупречных текстов не бывает. Думаю, его знаменитое «чтение с ручкой» было одним из проявлений свойственных ему профессионализма и самодисциплины: он трудился даже тогда, когда от этого, на внешний взгляд, ничего не зависело. Когда я пришёл в журнал, мои редакторские навыки, естественно, были нулевыми. Главному редактору приходилось за мной всё переделывать; в этом заключался важный процесс учёбы (делал он это с присущим ему абсолютным тактом). Но и спустя немало лет он возвращал отредактированные мной статьи с множеством поправок. Не сразу, но становилось понятно: когда исправлений много, мне нужно вспомнить, по какой причине я в тот или иной момент схалтурил. И когда литературный редактор издательства, публиковавшего мою книгу, вернула мне рукопись, где правки практически не было, я уже считал, что это вопиющее безобразие. Станислав Васильевич не оставил бы в тексте ни одного нетронутого абзаца. Позднее я узнал, что таким же был редакторский стиль Б.В. Ананьича в возрождённых им «Исторических записках». Не ограничиваясь «общим руководством», Борис Васильевич лично готовил к печати каждый текст.

Для редактора академических трудов научный смысл и потенциал важнее внешней гладкости. Проблема в том, что в гуманитарных науках оценка качества неизбежно субъективна. Ни так называемая новизна, ни количество архивных ссылок сами по себе ничего не говорят о значении рукописи. Отзывы двух анонимных экспертов также, в сущности, вещь случайная. До сих пор

считаю, что принятое в «Отечественной истории» коллегиальное обсуждение лучше, хотя в современных условиях его можно считать скорее редким и дорогостоящим исключением. Но какой бы ни была общая система, то, как она действует, всегда зависит от конкретных людей, их способности и желания «видеть текст» и работать, порой долгое время и с многократными раундами, с его автором.

Станислав Васильевич был непревзойдённым мастером такой работы. Но какое общее, стратегическое, как сейчас говорят, видение развития журнала и его миссии стояло за его деятельностью? В отличие от своего преемника на посту главного редактора, А.Н. Медушевского, он не претендовал на лавры теоретика исторической науки и тем более не любил выступать на страницах журнала с «установочными» методологическими текстами. Его принципиальная позиция заключалась в том, что читателей следует знакомить с исследованиями, написанными в рамках разных научных школ при условии их высокого качества, а также добросовестности и объективности авторов.

Придерживаться этой, на первый взгляд, самоочевидной позиции было далеко не просто. «Отечественная история» имела репутацию очень респектабельного, но при этом традиционного издания. Публикация в нём считалась престижной, и редакционный портфель всегда был полон, несмотря на то, что срок от получения статьи до её публикации мог измеряться многими месяцами. Очень большую часть портфеля составляли материалы из российских регионов и ближнего зарубежья. Тематика текстов, их качество и стиль были фантастически неоднородны. Мы получали биографические заметки на пять страниц и теоретические трактаты на пять печатных листов, причём и то, и другое могло иметь академическую форму и принадлежать перу историков со степенями и званиями.

Могу засвидетельствовать: столичным авторам не отдавалось никакого предпочтения. Подобно тому, как в редакции главному редактору было легко работать с людьми разных поколений и взглядов, он лишь приветствовал максимально широкую палитру подходов, региональных тем, сюжетов и жанров. Пристрастный читатель мог упрекнуть журнал в эклектичности и недостаточном ригоризме. Станислав Васильевич на подобные упрёки всегда отвечал, что «Отечественная история» — зеркало российской исторической науки (разумеется, с исключением из научного поля политически ангажированных и академически недобросовестных работ). Конечно, эта метафора не имела гоголевского смысла; главный редактор считал, что роль журнала — быть форумом для самого широкого сообщества историков. Став же нишевым или цеховым изданием, он в погоне за модой эту свою объединяющую роль неизбежно бы утратил.

Возможно, позиция Станислава Васильевича не была лишена идеализма. Но в 2000-х гг. профессиональных общероссийских журналов насчитывалось немного и каждый из них по-своему находился в фокусе внимания тысяч специалистов. Объединяющая роль этих изданий казалась не фикцией или благим пожеланием, а реальностью.

Конечно, у журнала были проблемы, которые не мог бы решить ни один самый талантливый и добросовестный редактор. Одна из них — непрерывное с середины 1990-х гг. снижение тиража. Онлайн-версии тогда не существовало, и тираж отражал интерес к «Отечественной истории» со стороны обычных подписчиков (библиотеки в России и за рубежом выписывали более или менее

стабильное количество экземпляров). Надо сказать, что редакция не имела никакого представления об «экономике» издания: «Наука» не делилась с нами информацией по этому поводу. Тем не менее считалось, что указываемый издательством в конце номера тираж достоверно отражает реальность. Понятно, что после умопомрачительных цифр (в десятки тысяч экземпляров) конца 1980-х и начала 1990-х гг., которые не снились ни одному зарубежному гуманитарному академическому изданию, тиражи начала XXI в. выглядели гораздо скромнее (хотя были значительно выше нынешних). Этот процесс был неизбежным: профессиональная историография в это время по разным причинам теряла свой публичный статус.

Станислав Васильевич переживал этот процесс как личную проблему. В отличие от многих в то время, он считал, что общественная миссия нашей дисциплины не менее важна, чем профессионально-академическая. Он не переоценивал своих сил: речь всё же не шла о том, чтобы «Отечественную историю» читала широкая публика. Однако выйти за пределы цеха он считал не только возможным, но и необходимым. Так родилась их совместная с С.С. Секиринским идея «круглых столов»: широких и неформальных дискуссий, посвящённых резонансным книгам, подходам и проблемам. Немало усилий было потрачено и на привлечение в число авторов журнала представителей смежных дисциплин: экономистов, искусствоведов, филологов, а также учёных из дальнего зарубежья.

Вся эта кропотливая работа, насколько я могу судить, давала плоды: журнал читался и пользовался немалым авторитетом. В подходе Станислава Васильевича не было при этом ничего революционного. Не пытаясь радикально «переизобрести» издание с такой непростой «биографией», какая была у «Истории СССР», он выбрал иной путь: нащупать в прошлом журнала всё, что заслуживало сохранения, но придать традициям новое, свежее звучание. Этому подходу журнал следует и сейчас.

Вторая профессия

Андрей Мамонов

The second profession

Andrey Mamonov
(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870012196-6

Новых сотрудников для «Отечественной истории» С.В. Тютюкин предпочитал искать среди молодых авторов, недавно публиковавшихся в журнале, и прежде всего — среди выпускников и аспирантов исторического факультета Московского университета. В сущности, он был глубоко университетский человек, хотя и работал всю жизнь в академических институтах. Привязанность к университету, который он окончил в далёком 1958 г., связывала его в начале XXI в. не только с Институтом повышения квалификации, где профессор Тютюкин читал лекции, но и с семинаром Л.Г. Захаровой. Он никогда не присутствовал на этих встречах, но испытывал к их участникам искреннюю симпатию, не только публикуя написанные ими статьи, но и выступая в роли оппонента на защитах диссертаций, привлекая к подготовке коллективных трудов и даже влияя на их судьбу. По-своему символичным представляется теперь и то, что Станислав Васильевич предложил мне занять место редактора отдела в журнале «Отечественная история» во время совершенно случайной встречи в декабре 2002 г. на перекрёстке проспектов Вернадского и Ломоносовского, когда он возвращался из университета, а мне нужно было отвезти туда какие-то бумажки для диссертационного дела (с момента защиты прошёл всего месяц). Столь внезапное предложение меня ошеломило, и я, не раздумывая, согласился.

Любопытно, что Станислава Васильевича совершенно не смущало полное отсутствие у будущего сотрудника редакторского (да и жизненного) опыта. Возможно, оно его даже привлекало, поскольку новый человек приходил без уже сложившихся привычек и подходов и ему было проще передать свой метод и взгляд на работу в журнале. Вместе с тем это означало, что основная нагрузка по руководству отделом ложилась на главного редактора, добровольно обрекавшего себя на дополнительный труд по обучению молодого специалиста. Мы же, благодаря Станиславу Васильевичу, фактически овладевали второй профессией.

Знакомил он нас с новым делом весьма бережно и деликатно. Мне, к примеру, ни разу не пришлось тогда почувствовать степень своей беспомощности. Лишь спустя годы пришло понимание, насколько она была велика. В затруднительных ситуациях каждый редактор всегда мог рассчитывать на спасительный совет и чёткие указания.

Первоначально Станислав Васильевич поручал мне редактировать либо статьи крупных учёных, посвящённые известным мне сюжетам (в них несложно было отыскивать неточности и даже фактические ошибки, что невольно укрепляло уверенность в собственных силах), либо тексты, с авторами которых меня связывало знакомство, либо материалы, поступавшие через Л.Г. Захарову. Всё это заметно облегчало первые шаги. К тому же объём работы был совсем не велик, а установленные сроки позволяли делать её, не спеша и не рас-

слабляясь. Учитывая более чем скромные издательские оклады, главный редактор с пониманием относился к тому, что его подчинённым приходится трудиться в двух—трёх местах, постоянно переключаясь с одного на другое.

На моей памяти ничто не нарушало хорошо отлаженный процесс. Обычно главный редактор передавал мне ту или иную рукопись для прочтения и доклада, и в следующий же присутственный день мы подробно обсуждали её достоинства и слабые стороны, целесообразность передачи на отзыв членам редколлегии или возвращения автору на доработку. Иногда она сразу же включалась в план ближайшего номера, в этом случае оговаривался размер и характер исправлений. Во время таких разговоров Станислав Васильевич никогда не выносил скоропалительных и безапелляционных суждений, напротив, он имел склонность несколько раз проговаривать возникавшие у него идеи, как бы заново их взвешивая, возвращаясь к уже решённому и давая собеседнику возможность передумать или учесть упущенные ранее из виду обстоятельства, высказать возражения и сомнения. Его по-настоящему, всерьёз интересовало, подходит ли данный текст для журнала и что можно с ним сделать — как повернуть тему, усилить её освещение, смягчить или, наоборот, заострить формулировки. В любом материале он видел потенциал для улучшения, но также знал, на чём и когда остановиться, дабы совершенствование не стало бесконечным.

Отредактированный вариант обязательно вновь поступал на просмотр к Станиславу Васильевичу. Доверяя сотрудникам, он принципиально не сравнивал его с исходным, но зато буквально усеивал страницы своими поправками, обращая внимание и на мельчайшие детали оформления, и на содержание написанного. Иногда он вычёркивал целые абзацы и излагал их своими словами, более точно и выразительно. Пожалуй, никто не редактировал так основательно и радикально, пересказывая, дописывая, сокращая, как С.В. Тютюкин. При этом он не делал различий между аспирантами, академиками, признанными корифеями, давними друзьями — лицеприятие исключалось. И тексты преображались: исчезали повторы, неоправданное многословие, произвольные и алогичные утверждения, невнятные и туманные формулировки, и авторскую мысль — в тютюкинской её редакции, — ничто уже не заслоняло от читателя. Те же фрагменты, где мысли не обнаруживалось, беспощадно удалялись. Перенося эти исправления в чистовой экземпляр, молодой редактор вникал в их логику и перенимал технику, которой вскоре, незаметно для себя, сам начинал пользоваться. К тому же эта «работа над ошибками» проходила не механически. Если исправленная фраза казалась неудачной, она вновь переделывалась вместе с главным редактором. При его занятости (не демонстрировавшейся, но для всех очевидной) подобные стилистические споры граничили с дерзостью, но он включался в них даже с радостью, поскольку видел в этом небезразличное отношение к своему труду и конечному результату. Неудивительно, что замечания литературного редактора после такой отделки бывали минимальны.

Далее подготовленный к печати текст предстояло согласовать с автором. Впрочем, эта волнительная и щекотливая процедура заметно упрощалась, как только упоминалось, что материал вычитан и поправлен Тютюкиным. Его редактуру (а вместе с тем и нашу, им санкционированную) принимали все, даже самые чувствительные к вторжению в своё творчество. Более того, несмотря на его доступность и неизменную благожелательность, с ним почти не спорили, так высоко держался его авторитет.

Характерно, что авторов столь жёсткое и неформальное редактирование не отпугивало: «портфель» журнала из года в год лишь увеличивался. Соответ-

ственно ждать публикации приходилось всё дольше, ведь объём «Отечественной истории», жёстко лимитированный издательством, оставался прежним. Чтобы сократить это длительное ожидание, делалось всё возможное. Мелкий шрифт, неудобные концевые сноски затрудняли чтение, но позволяли печатать больше статей. А сокращение каждой из них на несколько страниц за счёт риторических красот и лирическо-теоретических отступлений освобождало площадь для ещё двух—трёх человек.

Постепенно, по мере того как редактор осваивался и приобретал необходимые навыки, его нагрузка возрастала (что почти не ощущалось, поскольку выполнять её становилось легче), тематика материалов и круг авторов быстро расширялись. Росла и требовательность Станислава Васильевича, исключавшая небрежность и поверхностность в работе. В итоге, за три с половиной года под его руководством мне довелось познакомиться с исследованиями по всем разделам русской истории XIX — начала XX в., которые принадлежали учёным всех поколений из самых разных регионов и научных центров страны. Это была глубоко продуманная школа.

Вместе с тем Станислав Васильевич буквально настаивал на том, чтобы сотрудники редакции не только улучшали чужие произведения, но и публиковали в журнале собственные, причём в разных жанрах. Не успел я ещё толком приступить к исполнению своих обязанностей, как он поставил передо мной задачу в кратчайшие сроки подготовить статью на основе диссертации. Затем, опять же по его поручению, надо было учиться писать обзоры конференций, полемические отклики, рецензии и т.п.

С.В. Тютюкин дорожил академизмом «Отечественной истории», считая, что она всегда должна оставаться строгим, несколько суховатым и даже тяжеловесным (в силу своей основательности) изданием. Но именно поэтому он постоянно искал формы, способные как-то оживить и освежить эту неизбежную монотонность, разумеется, в рамках научности. Поэтому он поддерживал проведение «круглых столов», виртуозным собирателем и комбинатором которых являлся С.С. Секиринский, выпуск неожиданных по своему ракурсу проблемно-тематических подборок, посвящённых художественной литературе и кино (их вдохновителем и составителем стал тот же Сергей Сергеевич). В 2004 г. Станислава Васильевича увлекла тема «власть и интеллект», которую он понимал достаточно широко: и как взаимоотношения представителей власти и интеллектуальной элиты, и как положение интеллектуалов, попавших во власть, и как кругозор и умственные способности правящих кругов. В 2005 г. (№ 4) в рубрике «Дискуссии и обсуждения» появились размышления об этих сюжетах весьма представительной группы историков: О.Г. Агеевой, В.Я. Гросула, А.П. Корелина, Л.Ф. Писарьковой, В.Л. Степанова, В.В. Шелохаева и др. Они занимали почти половину номера. Среди них находился и очерк самого С.В. Тютюкина «Интеллект, побеждённый властью: Александр I и М.М. Сперанский» (с. 29—38). В частных беседах Станислав Васильевич не скрывал, что, помимо прочего, в этой статье вёл завуалированную полемику с А.Н. Сахаровым, в то время ещё поднимавшим на щит фигуру Александра Павловича. Тогда никто не мог и подумать о том, что всего несколько лет спустя член-корреспондент РАН будет поощрять и протежировать гаерские выходки против покойного императора, в том числе и на академических мероприятиях.

По мнению С.В. Тютюкина, «Отечественной истории» следовало активнее реагировать на выходившие книги. 3 ноября 2005 г. он говорил на заседании

редколлегии о своём намерении вдвое увеличить количество рецензий (с 8—10 до 20 в каждом номере), сделав их одновременно менее комплиментарными, более «деловыми» и критичными. Впрочем, тогда же он не без горечи признавал, что в реальности рецензии пишут всё реже и занимаются этим по большей части друзья или недоброжелатели. Тем не менее к некоторым изданиям ему хотелось привлечь особое внимание читателей. Так, он с большим воодушевлением встретил выход в свет новаторской по своему замыслу энциклопедии «Общественная мысль России XVIII — начала XX века» (М., 2005). Однако обсуждать или даже просто рецензировать этот труд казалось совершенно немыслимым делом, к тому же в его создании принимало участие подавляющее большинство тех, кто мог бы выступить в роли рецензентов. Станислав Васильевич сумел найти нужных людей и уже к началу 2006 г. получил от них весьма содержательные отзывы. Мне довелось немного помогать ему в этом и затем вместе с ним редактировать пришедшие материалы, превращая их в «обсуждение», но я до сих пор не могу понять, как ему удалось осуществить задуманное.

В то же время Станислав Васильевич хотел не только разностороннего рассмотрения фундаментальных справочников, но и жарких споров о злободневной исторической публицистике. В 2006 г. он инициировал «дискуссию» об одной ныне уже давно и заслуженно забытой книге, посвящённой поискам «развилок» и альтернатив в русской истории. Желающих вчитываться в неё решительно не оказалось и полемизировать с авторами приходилось почти исключительно силами редакции, растянув публикацию на несколько номеров. Согласившись поддержать Станислава Васильевича, рассчитывавшего вызвать живую реакцию у широкого круга историков, я потом не раз пожалел, что втянулся в это дело. Мой «реакционный» (во всех смыслах) отклик писался долго, вяло, мучительно, и чем длиннее становился, тем нелепее выглядел на страницах нашего журнала. Размещать на них подобные мнения о мнениях являлось, конечно, непозволительной расточительностью. Пожалуй, единственная польза, извлечённая мною из этого предприятия, заключалась в том, что никогда больше я не брался за историческую публицистику. Читатели же даже не заметили наших усилий на этом поприще.

Кстати, именно с этой незадавшейся «дискуссией» была связана и самая острая наша размолвка со Станиславом Васильевичем. Приглашая меня в журнал, он прекрасно знал, что наши симпатии к деятелям прошлого диаметрально противоположны. Будучи человеком редкой внутренней свободы, широты мысли и внепартийности — особенно удивительной у того, кто всю свою жизнь изучал в Советском Союзе «историю партии»!, — он вместе с тем отличался строгостью правил и твёрдостью убеждений, тем, что когда-то называли «идейностью», а также приверженностью к ценностям освободительного движения и русской демократической интеллигенции. Собственно, он и сам принадлежал к числу её лучших представителей. Как настоящий историк, он критически воспринимал прошлое и трезво судил о революции и революционерах. Однако его суждения о революционной традиции во многом напоминали отношение протоиерея Г.В. Флоровского к истории Русской Церкви. Это была критика от любви, критика в сопричастности. Она позволяла, соблюдая необходимую для анализа дистанцию, сохранять живую и прочную связь с изучаемым явлением, не только видеть его со стороны, но и ощущать изнутри.

Между тем я и в аспирантские годы не скрывал своих симпатий к самодержавию и бюрократии, Николаю I и Александру II, Д.А. и Н.А. Милютиным

и гр. М.Т. Лорис-Меликову, а в чём-то и к гр. М.Н. Муравьёву, К.П. Победоносцеву и П.Н. Дурново (который всегда импонировал мне больше П.А. Столыпина). Моя первая статья в «Отечественной истории», опубликованная Станиславом Васильевичем ещё в 2001 г., не оставляла на сей счёт никаких сомнений. Но эти расхождения вызывали обычно лишь самый добродушный обмен мнениями. Многолетняя борьба с партийным доктринёрством за правду о русском марксизме вместе с природной чуткостью сделали Станислава Васильевича необыкновенно терпимым к оппонентам и по-настоящему либеральным. Несмотря на огромную разницу в возрасте, опыте и положении, мне было легко и любопытно не только внимать, но и возражать ему. Он не подавлял собеседника, но, наоборот, подталкивал его своими аргументами к новым размышлениям и поискам. Причём эти беседы, а их за четыре года было немало, никогда не выливались в пустое полемическое словопрение. Мы не пытались переубедить друг друга, но со взаимным интересом соотносили свои представления с тем, как та или иная проблема видится «с того берега». И главным условием взаимопонимания тут являлась обоснованность позиции, опора на критическое осмысление источников, искреннее желание разобраться в нашем общем прошлом, в мотивах его деятелей и сплетении обстоятельств. Это примиряло, на первый взгляд, непримиримое.

Но в тех моих рассуждениях о «развилках» альтернативной истории мимоходом говорилось о том, что даже если бы Николай I скончался в феврале 1826 г., не совершив ничего, кроме подавления военного мятежа, он и тогда заслужил бы благодарность потомков. Эта нехитрая мысль, увековеченная, кстати, на известном петербургском памятнике, где подавление бунтов на Сенатской и Сенной поставлено в один ряд с изданием Свода законов 1832 г. (первой и лучшей русской конституции) и началом строительства железных дорог, и вполне созвучная тому, что думали и писали В.А. Жуковский, Д.Н. Блудов и М.А. Корф, с которой непременно бы согласился Н.М. Карамзин, показалась С.В. Тютюкину чудовищной и едва ли не кощунственной на страницах «Отечественной истории». Он допускал любые оценки народников и большевиков, Николая II и А.Ф. Керенского, В.И. Ульянова и И.В. Сталина, М.С. Горбачёва и Б.Н. Ельцина, В.В. Путина и М.Б. Ходорковского, но «*mes amis de quatorze*» воспринимались им исключительно как возвышенные альтруисты и «богатыри, кованные из чистой стали», чьё поражение, пусть даже неизбежное, никак нельзя признавать благом и ставить кому-то в заслугу. При этом характерно, что главный редактор не диктовал свою волю (имея на это полное право), не требовал в ультимативном порядке убрать возмутившие его слова. Он искренне переживал, считал нравственным долгом в случае, если они будут напечатаны, публично протестовать в журнале вместе с другими членами редколлегии против такого заявления и в то же время не желал подвергать сотрудника столь тяжкому осуждению. Мы спорили об этом в ту самую минуту, когда нас обоих поразило известие о том, что он снят со своего поста. И если до того я был готов бороться за слова, рискуя оказаться в центре скандала, то теперь всякое упорство представлялось мне невозможным и даже неприличным. Мы быстро нашли компромиссную формулировку, в соответствии с которой высказанное мною мнение приводилось как одно из возможных и существующих наряду с совершенно иным. Текст при этом только выиграл, став более сбалансированным и объективистским.

Станислав Васильевич был удалён с должности главного редактора внезапно, вероломно и бесцеремонно. Формально срок его полномочий истёк ещё

летом 2005 г. Он представил свой отчёт на заседании Отделения историко-филологических наук РАН, которое создало комиссию для его рассмотрения и определения дальнейшей судьбы «Отечественной истории». Начался «реорганизационный период», как выразился на заседании редколлегии сам Станислав Васильевич. Но в редакции не ощущалось никаких перемен, поскольку в 2006 г. его оставили «исполняющим обязанности» (правда, уже с лета искала себе замену Ю.В. Мочалова, четверть века являвшаяся ответственным секретарём журнала). В четверг 25 января 2007 г. редакция, две трети которой составляли тогда выпускники университета, устроила скромное застолье по случаю Татьяниного дня. Во время его Станислав Васильевич рассказал, что согласно договорённостям, уже достигнутым с дирекцией Института российской истории и руководством Отделения историко-филологических наук РАН, он останется во главе журнала ещё на год, а его заместителем (вместо погибшего 14 октября 2006 г. М.А. Рахматуллина) и вероятным преемником будет А.И. Аксёнов. Мы также узнали, что уже в 2007 г. пройдёт реорганизация редколлегии, в состав которой Станислав Васильевич хотел включить, помимо С.С. Секиринского, ещё трёх редакторов (И.А. Христофорова, П.С. Стефановича и меня). Подразумевалось, конечно, что и сам он войдёт в число её членов. Тем самым предполагалось обеспечить преемственность в деятельности журнала. И казалось, ничего не предвещало стремительных перемен.

Во вторник 30 января заседал Учёный совет ИРИ РАН. Присутствовал на нём и С.В. Тютюкин. Но когда повестка дня была практически исчерпана и оставалось лишь «разное», он вернулся в свой кабинет, чтобы согласовать последние поправки перед сдачей очередного номера. Не прошло и получаса, как туда же пришли А.Е. Иванов и П.Н. Зырянов, сообщившие, что под конец заседания директор Института А.Н. Сахаров поставил вопрос о замене главного редактора «Отечественной истории» и рекомендовал назначить на эту должность А.Н. Медушевского. Растерявшийся Учёный совет тут же послушно его поддержал.

Планы, с которыми Станислав Васильевич связывал столько надежд, моментально рухнули. Он сильно побледнел от нанесённого ему удара, но полностью сохранил самообладание, спокойно, без видимого волнения и раздражения расспросил коллег об обстоятельствах случившегося, поблагодарил их за участие и вернулся к журнальным делам. Лишь завершив их, он переговорил о сложившемся положении с Ю.А. Поляковым, с которым его связывали доверительные отношения. До конца марта, пока академики не утвердили нового главного редактора, С.В. Тютюкин продолжал руководить журналом и даже успел выпустить ещё один, прощальный номер. Однако даже формального разговора между ним и А.Н. Медушевским за это время так и не состоялось. Внутренне Станислав Васильевич, конечно же, был глубоко возмущён и оскорблён поведением Медушевского и Сахарова. Как, впрочем, и все мы. В апреле директор Института представил коллективу редакции её нового начальника.

Покинув свой пост и не поддерживая отношений с Медушевским и его редколлегией, Тютюкин продолжал навещать в журнале бывших сотрудников, помогая им ориентироваться в непростой ситуации. Поначалу в «Отечественной истории» намечалось не только переименование, но и радикальные перемены, свидетельствовавшие о неопытности и непрактичности тех, кто задумал избавить его от будто бы накопившейся инертности и избыточного консерватизма. В частности, предполагалось повысить требования к публикуемым мате-

риалам и особенно — к их теоретическому уровню. Это грозило тем, что интересные, но слишком «фактографичные» статьи заменят псевдоконцептуальные опусы, поток которых невозможно уже будет сдерживать. Тогда журнал утратил бы не только ставшее уже привычным название, но и свой дух и облик. Это необходимо было предотвратить, пользуясь тем, что бóльшая часть редакции и редколлегии остались прежними и отнюдь не сочувствовали ломке и разрыву с прошлым. Но без нравственного одобрения и мудрых советов Станислава Васильевича сохранить его традиции и принципы работы с авторами и текстами было бы гораздо сложнее. Впрочем, и сам А.Н. Медушевский довольно быстро осознал ограниченность имевшихся у него ресурсов и стал действовать более гибко и осторожно.

Назначение в 2012 г. главным редактором «Российской истории» С.С. Секиринского С.В. Тютюткин встретил с нескрываемой радостью. Он согласился войти в состав создававшегося тогда наряду с редколлегией Редакционного совета и поддержал своим именем и участием авторитет нового органа, к которому многие отнеслись сперва с некоторым недоверием. Одновременно Станислав Васильевич живо включился в обсуждение обширных планов Сергея Сергеевича. Когда же 8 ноября 2012 г. редакция была потрясена и деморализована скоропостижной кончиной С.С. Секиринского, С.В. Тютюкин собственноручно составил объявление о ней, вывешенное в ИРИ РАН, отдав должное талантам, профессионализму и человеческим качествам покойного. В последовавшие затем тяжёлые месяцы, в течение которых журнал оставался без главного редактора, Станислав Васильевич помогал разрешать возникавшие конфликты и выстраивать отношения с авторами. Даже если его рекомендации вызывали смущение и представлялись трудноисполнимыми, редакция следовала им и потом ни разу об этом не сожалела.

С И.А. Христофоровым С.В. Тютюкин связывал самые большие надежды. В 2013—2016 гг. «Российской историей» руководил наиболее близкий и дорогой для него сотрудник. Но именно в эти годы особенно ярко проявилась деликатность Станислава Васильевича. По-прежнему переживая за судьбу журнала, он всё реже оказывал на неё прямое влияние, предоставляя молодой редакции свободу рук. Тем не менее читатели видели его фамилию не только среди членов Редакционного совета. В 2013 г. на страницах «Российской истории» обсуждалась его последняя монография, посвящённая А.Ф. Керенскому (№ 4), а в 2015 г. он сам принял участие в «диалоге» о книге О.Р. Айрапетова (№ 2). Некоторые публикации этих лет он строго критиковал и, как показала практика, оказывался прав. Однако его зрение становилось всё хуже, и это уже не позволяло обращаться к нему за отзывами так часто, как того хотели бы мы, да и он сам.

С 2015 г. Станислав Васильевич не посещал Институт, связь с ним теперь не могла быть столь тесной, как прежде. Но и тогда он оставался символом журнала и его традиций. Те же, кто благодаря ему получил вторую профессию, продолжают его дело, редактируя «Российскую историю».

С.С. Войтиков. Центральный комитет. Высшее партийное руководство от Ленина и Плеханова до Хрущёва. 1898—1964 гг.

Механизмы функционирования партийного и государственного аппарата в Советской России и СССР активно изучаются исследователями. Вышло уже немало фундаментальных работ и документальных публикаций, посвящённых деятельности Политбюро ЦК РСДРП—РСДРП(б)—РКП(б)—ВКП(б)—КПСС, различным конфликтам и дискуссиям в большевистском руководстве, отдельным его представителям и т.д. Однако сложность данной проблематики, а также объём и специфика источников, анализ которых необходим для её осмысления, столь велики, что, вероятно, ещё не одно поколение учёных будет выявлять новые материалы и предлагать их неожиданные интерпретации, пересматривая устоявшиеся походы и взгляды на, казалось бы, не раз описанные процессы, события и свидетельства и раскрывая ранее неизвестные аспекты и обстоятельства прошлого.

Неудивительно, что связанные с данной тематикой монографии профессиональных историков вызывают повышенный интерес, а подчас и оживлённые споры. К их числу относятся и труды С.С. Войтикова, освещающие ход политической борьбы и организацию государственного и военного управления преимущественно в первые десятилетия советской власти[1]. Все они основаны на широком круге архивных и опубликованных документов, а некоторые из них выдержали уже не одно издание. Его новая книга[2] далеко не бесспорна, но безусловно заслуживает внимания.

В её обсуждении приняли участие доктора исторических наук М.В. Зеленов (Российский государственный архив социально-политической истории) и А.А. Куренышев (Российский государственный социальный университет), кандидаты исторических наук О.И. Капчинский (Академия труда и социальных отношений), В.Н. Круглов (Институт российской истории РАН) и М.Ю. Моруков (Центральный государственный архив города Москвы).

Материал подготовлен Е.В. Добычиной и В.Н. Кругловым

[1] См.: *Войтиков С.С.* Троцкий и заговор в Красной Ставке. М., 2009; *Войтиков С.С.* Высшие кадры Красной армии. 1917—1921. М., 2010; *Войтиков С.С.* Отечественные спецслужбы и Красная армия. М., 2010; *Войтиков С.С.* Узда для Троцкого. Красные вожди в годы Гражданской войны. М., 2016; *Войтиков С.С.* Армия и власть. Корнилов, Вацетис, Тухачевский. 1905—1937. М., 2016; *Войтиков С.С.* Советские спецслужбы и Красная армия. 1917—1921 гг. М., 2017; *Войтиков С.С.* История противостояния: ЦК или Совнарком? М., 2018; *Войтиков С.С.* Троцкий, Фрунзе, Жуков. Из истории красного бонапартизма. М., 2019; *Войтиков С.С.* Брестский мир и гибель Черноморского флота. М., 2020.

[2] *Войтиков С.С.* Центральный комитет. Высшее партийное руководство от Ленина и Плеханова до Хрущёва. 1898—1964 гг. М.: Центрполиграф, 2019. 735 с.

Андрей Куренышев: О Ленине, партии и её «несокрушимом единстве»

Andrey Kurenishev (Russian State Social University, Moscow): About Lenin, the Party and its «indestructible unity»

DOI: 10.31857/S086956870012198-8

Люди старшего поколения, да и многие из тех, кто моложе, хорошо знают, сколько в СССР мужчин и женщин, объединённых в многочисленные и очень престижные организации, занимались изучением истории Коммунистической партии Советского Союза. Этот профильный предмет входил в число обязательных экзаменов при сдаче кандидатских минимумов при поступлении в аспирантуру (равно как и «Научный коммунизм»), изучался на всех исторических факультетах вузов страны и многих иных направлениях «гуманитарного профиля». Все прекрасно понимали явные и скрытые границы объекта и предмета исследования, да и сами темы, бравшиеся для рассмотрения учёными, посвятившими свои жизни и научное творчество этой дисциплине, были строго выверены, очерчены, предопределены. Руководящими органами партийной власти — Политбюро, Центральным и даже местными комитетами — заниматься запрещалось, не говоря уже о том, что эти сакральные сюжеты находились в центре внимания почти исключительно членов партии, попасть же в партийный архив вплоть до конца 1980-х гг. простому смертному было практически нереально.

Не стану вдаваться в подробности, каких глубин или высот достигли те великие мученики науки, коим довелось соприкоснуться со столь неоднозначным объектом и предметом исследования, как история «руководящей и направляющей силы советского общества». Как известно, КПСС после 1993 г. пытались объявить преступной организацией. Из этой затеи вышло немного, поскольку одержавшие победу во «внутрипартийной борьбе» сторонники Б.Н. Ельцина не решились на люстрацию, не лишили членов якобы свергнутой Коммунистической партии государственных должностей и не запретили им заниматься политикой. Почему так произошло в Российской Федерации и большинстве бывших республик СССР (в отличие от бывших союзников по «социалистическому содружеству») — сюжет особый, однако он важен, в том числе и для чрезмерной по сложности и специфике рецензируемой книги С.С. Войтикова. Перед нами масштабный труд молодого историка, не побоявшегося коснуться святая святых любого государства — системы организации власти, управления в центре и на местах.

Вопрос о том, как же «кучке маргиналов», назвавших себя «партией Русского рабочего класса» (РСДРП), удалось «перевернуть мир», является одним из центральных для истории не только XX в., но и человечества в целом. Войтиков рассмотрел этот вопрос с субъективной стороны, что также можно считать оригинальным и необычным. Его предшественники изучали проблему шаблонно, в русле либо ленинской концепции развития революционного движения в России (дворянский — декабристы, А.И. Герцен; разночинский — народники; пролетарский — РСДРП, большевики, В.И. Ленин), либо общей схемы марксистской парадигмы: развитие капитализма и его могильщика, пролетариата, руководимого своим авангардом — революционной партией. Войтиков не столько со свойственной молодости отвагой, сколько с уже выработанной методологией изучения внутрипартийной борьбы игнорирует данную схему.

Сначала это кажется чем-то немыслимым: как же рассматривать внутрипартийные комбинации, конфликты, дрязги без классово-социального наполнения, теоретических построений, на которые так горазды марксисты разных толков и группировок? Однако вскоре становится понятной последовательность автора, строгость его методологии и способность держать взятую концептуальную линию до конца, не скатываясь на обочину мелкотемья и не включая в работу описание и анализ тех грандиознейших катаклизмов, которые пережили наша страна и мир в целом в исследуемый период. Войтиков рассматривает почти исключительно «аппаратные игры» и политические комбинации, другими словами — непримиримое соперничество вождей и важнейших органов управления и деятельности партии.

Поражает историографический кругозор исследователя: не только знание источников, но и виртуозное умение с ними работать, интерпретировать их под авторским углом зрения. В отличие от многих своих коллег Войтиков не боится оспаривать мнения западных, прежде всего американских и британских, историков, даже таких гуру исторической науки, как Э. Карр. Однако хотелось бы пожелать автору обратить внимание на германскую и итальянскую историографию партийного строительства, международного коммунистического движения, деятельности его организаторов и идеологов — А. Грамши, А. Бордиги, П. Тольятти и др. При этом важна не столько их причастность к строительству партий «нового типа», сколько критика приёмов и методов деятельности российских коммунистов. Хотя предлагать прямое сравнение с партиями Запада и Востока в контексте концепции автора, может, и не совсем уместно, но отдельные «вкрапления» по теме были бы интересны и полезны.

Переходя к некоторым критическим замечаниям общего и конкретного характера, отмечу, что автору следовало бы акцентировать внимание на принципиальном для марксизма вопросе — соотношении объективных и субъективных факторов революционной борьбы, а также, соответственно, на партийном строительстве и деятельности структур организации и т.п. Правда, коснувшись этих сюжетов, Войтиков мог бы сойти со своей магистральной линии — рассмотрения чисто организационных сюжетов, проблем, коллизий внутрипартийной борьбы. Однако он всё же затронул важнейшие для революции 1905—1907 гг. вопросы (с. 107). Их изучение в советской историографии проходило в серьёзно деформированном виде из-за догматического следования «ленинской» концепции, выраженной в формуле: «Пролетариат борется, а буржуазия крадётся к власти». Иными словами, знаменитой новации Ленина о том, что гегемоном в буржуазно-демократических революциях новейшего времени («периода империализма») является пролетариат, а не буржуазия. Исходя из этой политико-идеологической концепции (созданной Лениным во многом для того, чтобы усилить революционность своей партии, или уже созданной фракции, что отмечает и Войтиков), советские историки игнорировали роль в революции «контрреволюционных» буржуазно-либеральных организаций (Союз Союзов, съезды земцев и т.п.). Долго замалчивался и тот очевидный факт, что Советы (в частности петербургский) тоже стали продуктом усилий интеллигентско-либеральных организаций, а ещё ранее — результатом реакции власти на события 9 января 1905 г., создавшей комиссию по рабочему вопросу (верхи не могут управлять по-старому и вынужденно подливают масла в огонь, невольно способствуя организации рабочих).

То же было с Всероссийским крестьянским союзом (ВКС), созданным не крестьянами и даже не радикальными неонародниками (хотя этот вопрос окон-

чательно не исследован), а Московским обществом сельского хозяйства. Это произошло в ответ на верноподданническую акцию его же членов весной 1905 г. Наиболее известная революционная акция ВКС — создание «крестьянских республик» (низового революционного самоуправления, что не могло не радовать Ленина) — была осуществлена под руководством либералов. Так, «Марковской республикой» руководила пятёрка ВКС, в которую входили губернский агроном А.А. Зубрилин, адвокат А.Ф. Стааль и член МОСХ А. Левицкий. «Сумскую республику» организовали кадеты во главе с А. Щербаком. Тем не менее Ленин послал приветственную телеграмму ноябрьскому съезду ВКС, на котором преобладали умеренные социалисты и левые кадеты, а большевик М.В. Васильев-Южин был изгнан с заседания. Ленина возмущали эта пассивная, по его мнению, тактика борьбы за власть (связанная с теорией и практикой широкого массового давления) и её захват снизу. Он был безоговорочным сторонником революционного рабоче-крестьянского правительства — возможно, в форме Совета рабочих депутатов и ВКС.

Войтиков справедливо полагает, что неизбрание Н.А. Рожкова в ЦК явилось следствием «ненависти Ленина к либерализму» (с. 107). Замечу, что автор, хотя и небезгрешен в анализе очень сложной политической борьбы 1905—1907 гг. (ещё и сознательно запутанной советской историографией и не распутанной по сей день), но верно ухватил смысл некоторых её аспектов, понял причины ленинской непримиримости к, казалось бы, не самым важным из них. Тезис о единстве антисамодержавной («освободительной») борьбы в историографии ещё окончательно не утвердился, что, несомненно, мешало Войтикову. Разбираться в этих недоработках отечественных историков ему необязательно, но он высказался и о них, не отклоняясь от концептуального курса своего исследования.

Очень важен анализ взаимоотношений членов РСДРП(б) дореволюционного периода её деятельности. Именно тогда, согласно концепту Войтикова, оказались выработаны наиболее эффективные методы борьбы за гегемонию в партии. Выявлению специфики партии «нового типа» (не просто борющейся за власть, например, парламентским путём, но создающей условия для её взятия в ходе революции; вопрос о мирных и насильственных методах борьбы затем долго муссировался на конгрессах Коминтерна) способствуют личностные характеристики её лидеров. Вначале это безусловный демиург партии Ленин, его соратники и эпигоны — Я.М. Свердлов, И.В. Сталин, Г.Е. Зиновьев (некоторые претендовали на то, чтобы стать вровень с вождём, а то и выше, к примеру Л.Д. Троцкий), позднее «фигуры помельче» — Н.С. Хрущёв и Л.И. Брежнев.

Насколько же эффективны и абсолютны методы внутрипартийной борьбы? Они не новы и не оригинальны, применялись руководством всех политических партий и организаций: создание фракций, группировок (как правило, тайных, неизвестных основной массе членов), внутренняя конспирация, включая шифрование общения членов группировок. Войтиков не открыл в этой механике ничего нового, но его исследование отличается обилием привлечённых источников, широким охватом изучаемых событий и скрупулёзным анализом гигантского массива документов из разных архивов. Вывод же автора оказывается на поверку очень простым и давно известным: Сталин — верный ученик и последователь Ленина, усовершенствовавший приёмы и методы достижения абсолютной власти в партии.

Подводя итоги исследования, Войтиков сделал несколько выводов общеполитического, идеологического и мировоззренческого характера. Так,

упоминая оценки Первой русской революции, данные классиком марксизма К. Каутским, который писал о её сложности и необычности, автор заключил: «Как и мировая социал-демократия, российская раскололась на два лагеря — радикальный, догматически мыслящий, и реалистический, максимально учитывавший конкретные экономические и, как следствие, политические условия» (с. 624). К сожалению, исследователь не уточняет, кого в какую категорию он заносит: Каутского в реалисты, а Ленина и большевиков в радикалы-догматики, или наоборот? Видимо, верный своей привычке не выказывать избыточных политических симпатий и пристрастий, он побоялся слишком большой определённости оценок и суждений. Но тут они просто необходимы. Тем более что описанный им «казус Рожкова» (с. 107) иллюстрирует упомянутую А.В. Луначарским особенность Ленина — относиться к борьбе с внутренним (внутри партии) врагом как к первоочередной задаче (с. 624).

Сам Войтиков отметил: «Необходимость существования единой РСДРП во имя защиты интересов очень слабого в нашей стране рабочего класса остро ощущалась подавляющим большинством партийцев» (с. 624—625). Однако жёсткий (и жестокий) характер внутрипартийных дискуссий он объяснил субъективными причинами: интеллигентским в подавляющем большинстве составом руководящего ядра РСДРП (с. 625). Здесь чувствуется фальшь, противоречие основной концептуальной линии. Точнее, упущены из вида некоторые принципиальные основы строительства партии «нового типа», о которых писал Ленин в посвящённых этой проблеме работах («Что делать?» и др.). В них (как и в трудах Троцкого, Г.В. Плеханова, Ю.О. Мартова и др.) отражена особенность России — количественная и качественная слабость рабочего класса, которую необходимо компенсировать исключительной боевитостью, единством, сплочённостью, точностью принимаемых решений и творческой инициативой авангарда рабочего класса, его партии и отдельных её членов.

Сама проблема соотношения количества и качества партийного материала неоднократно вставала перед руководством партии. Она сложна и многомерна. Не касаясь её, лишь отмечу, что ленинский подход к членству в партии, на мой взгляд, во многих историко-партийных работах интерпретировался искажённо. Это происходило по многим причинам, но главная из них — перенос принципов партийного строительства советского этапа на дореволюционное время, период подпольно-конспиративного существования партии рабочего класса. К сожалению, в монографии Войтикова можно обнаружить обратное искажение. Это, пожалуй, главный методологический изъян его труда, но, как ни парадоксально, он часто и приводит исследователя к интересным конкретно-историческим суждениям и выводам общего характера. Например, о том, что для осуществления политики «великого перелома» сталинской группе пришлось призвать бывших оппозиционеров. Самый яркий пример такой политической реанимации — деятельность Г.Л. Пятакова. Частичная реабилитация «левых» происходила одновременно с «добиванием охвостья правых» в лице группы С.И. Сырцова — В.В. Ломинадзе, разгромом Трудовой крестьянской партии (Н.Д. Кондратьев) и других умеренных, находившихся в государственных структурах.

До революции каждый член партии должен был действовать, основываясь на собственных оценках ситуации, максимально активно и быстро, не дожидаясь директив и указаний соответствующего комитета, резолюций руководства. Скорость и оперативность — вот основные козыри большевиков в условиях полицейской слежки и репрессий. Ошибок, формального незнания и невыполне-

ния решений партсъездов и директив случалось предостаточно. Пример тому — отношение большевиков к тому же ВКС и Временному правительству. После революции многие старые революционеры продолжали существовать в прежней парадигме, считая себя вправе не выполнять решения парторганов, иметь особое мнение. Это было не самым опасным явлением в годы Гражданской войны и неизбежной «партизанщины» в Красной армии. Но переход к мирному строительству, руководство экономикой на плановых началах до введения нэпа и после его свёртывания (т.е. отказа даже от квазирыночных отношений) потребовали изменения системы организации партийно-государственного руководства.

Войтиков сознательно отказался от рассмотрения всех коллизий до- и послереволюционного развития системы управления, ограничившись изучением внутрипартийных взаимодействий, взаимоотношений руководящих органов: ЦК и его Политбюро, Оргбюро и т.д. В целом эту линию удалось выдержать, что, на мой взгляд, было очень нелегко. Работа заставляет ещё раз задуматься над проблемами советского общества и продолжать их исследование, в том числе в историко-партийном направлении. Во многих аспектах этого предмета автор продвинулся далеко, став, пожалуй, единственным, кому доступно плодотворное, на уровне современной науки изучение чрезвычайно сложных, запутанных и искажённых в историографии сюжетов.

Сложность задач, которые поставил перед собой С.С. Войтиков (большинство из них обязаны были решать патентованные историки партии), вызывает неподдельное восхищение, а имеющиеся в его работе недостатки следует отнести на счёт предшественников, обходивших стороной щекотливые и сложные проблемы деятельности КПСС, что стало, на мой взгляд, одной из причин крушения Советского Союза.

Михаил Зеленов: Война и мир Сергея Войтикова

Mikhail Zelenov (Russian State Archive of Socio-Political History, Moscow): War and World View of Sergey Voytikov

DOI: 10.31857/S086956870012199-9

История Коммунистической партии как учебная дисциплина исчезла из программ высшего образования, как научная дисциплина — из списка ВАК. Это дало шанс превратить её в предмет анализа. Спор о содержании этого объекта науки начался в 1929 г. и до сих пор существуют разные точки зрения по этому вопросу.

Помимо разных предметов исследования в истории партии существует Историк, который и выделяет из исторического фона то, что он относит к предметам анализа. Историк воспроизводит только ту картину, которую видит, а видит только то, что есть в его описании и входит в его концепцию. В результате читатель получает определённый образ прошлого, который, конечно, больше говорит о мышлении Историка, чем о предмете его изучения. Этим объясняется тот факт, что в огромнейшей историографии истории партии по одним и тем же сюжетам и периодам можно встретить разнообразные по методологии исследования книги и статьи. Вот что говорили по этому поводу авторитетные для меня авторы: «В философии сознания “история” есть “мышление об истории”, то есть “история как сознание”, а не “история как объект сознания”. Иначе говоря, “история” здесь — “осознаваемое”» (А.М. Пятигорский);

«Карта — это не территория, модель мира — не сам мир, но карта структурно подобна территории, и в этом её польза» (А. Коржибский); «Каждый пишет, как он дышит» (Б.Ш. Окуджава). И мне, заинтересованному и ревностному исследователю исторического сознания, конечно, интересно, как воспринимает историю ЦК партии неординарный исследователь С.С. Войтиков.

Если сравнить исследование с картографией, то один историк создаёт административную карту прошлого, другой — политическую, третий — климатическую, четвёртый — туристическую и т.д. Один масштабирует события «крупным планом», детально выписывая действующих лиц и обстоятельства их действий, другой создаёт «мелкомасштабную» историю, обозревая десятилетия или столетия «крупными мазками». Войтиков создал карту, где различные сюжеты показаны в разном масштабировании — от поверхностного обзора дореволюционного периода и 1940—1960-х гг. до «военной топографии» отношений политических лидеров в 1917—1920-х гг.

Труд демонстрирует высокий уровень владения источниками и концепциями последнего десятилетия, в связи с чем его можно считать явлением историографии 2000—2010-х гг. Историк постоянно ищет новые источники и информацию об объекте изучения, причём является лидером в данном «забеге». В последнее десятилетие никто не ввёл в научный оборот столько источников по истории ЦК партии.

Огромная работоспособность, источниковый «фанатизм», освоение новых фондов, изложение или публикация неизвестных архивных материалов — всё это доказывает, что автор — приверженец документальной истории, который постоянно наращивает объём источникового знания, ценит документы и опирается на них. В частности, он привлёк материалы из фондов В.И. Ленина, И.В. Сталина, Г.Е. Зиновьева, Л.Д. Троцкого, Л.Б. Каменева, ЦК партии.

Конечно, есть и другие исследователи, мыслящие иначе, у которых совершенно другая установка в познании прошлого: не нужно больше источников, требуется лишь лучше их изучить и проанализировать. Эта позиция основана на признании ценности внеисточникового знания. В 1931 г. её описал Сталин: «Допустим, что кроме уже известных документов будет найдена куча других документов... Кто же, кроме безнадёжных бюрократов, может полагаться на одни лишь бумажные документы? Кто же, кроме архивных крыс, не понимает, что партии и лидеров надо проверять по их делам, прежде всего, а не только по их декларациям?»[3].

Условно можно отдельно рассматривать субстанцию и акциденцию (предмет и его свойства). Можно было бы даже заявлять, что в мире есть только два объекта исследования — предметы и их свойства, если бы мы не могли выделить ещё и третий — взаимоотношения между объектами. Выделение того или иного из них напрямую связано с отражением действительности Историком. Итак, следующий момент в восприятии связан с ориентацией на высоко- или маловероятные события. Один историк выделяет важные свойства объекта и вслед за этим объективные закономерности процессов развития (или функционирования), упорядочивает их как в изучении, так и в изложении для читателя, другой — эмоции, взаимоотношения людей, зачастую проецируя своё отношение к ним.

---

[3] *Сталин И.В.* О некоторых вопросах истории большевизма: письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция» // Пролетарская революция. 1931. № 6. С. 96.

В рецензируемом издании почти нет структуры изложения, выделения каких-либо периодов (в отличие от «Краткого курса истории ВКП(б)»), закономерностей развития (хотя рассмотрены 66 лет истории), свойств партии на разных его этапах (тогда как, например, в «Кратком курсе» после каждой главы следовал правильный вывод), но в нём есть всё, относящееся к взаимоотношениям политических лидеров и их эмоциям. Войтиков выделяет все интриги, которые можно проследить по источникам. Авторы «Манифеста Коммунистической партии» воскликнули: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов». Прочитав книгу, можно сделать вывод: «Вся история до сих пор существовавшего Центрального комитета есть история борьбы высшего партийного руководства». Читатель может справедливо спросить, были или нет эти интриги на самом деле (может, историческое полотно нарисовано так, что в качестве кисти использовалось мышление автора?). Однако получит не однозначный ответ, а увлекательное чтение, которое вполне может конкурировать с романами А. Дюма и М. Дрюона. Работу интересно читать — вот её несомненное достоинство.

Нужно обратить внимание на то, как разные историки воспринимают политиков и представляют их читателю. Один изучает их как представителей определённой группы из политической иерархии, другой сосредоточен на изучении индивидуальных качеств. Как же представлены субъекты политики в книге Войтикова? Описывая их взаимоотношения, автор, оставаясь в рамках иерархичного восприятия и описания действующих лиц, привлёк воспоминания современников, содержащие их оценки. Налицо содружество «историка и художника», которые, «описывая историческую эпоху, имеют два совершенно различные предмета... Для историка, в смысле содействия, оказанного лицом какой-нибудь одной цели, есть герои; для художника, в смысле соответственности этого лица всем сторонам жизни, не может и не должно быть героев, а должны быть люди. Историк обязан иногда, пригибая истину, подводить все действия исторического лица под одну идею, которую он вложил в это лицо. Художник, напротив, в самой одиночности этой идеи видит несообразность со своей задачей и старается только понять и показать не известного деятеля, а человека»[4].

Автор воспринимает историю партии как процесс, такой она и предстаёт перед читателем. По ходу изложения материала происходит постоянное изменение объекта, действительность предстаёт как непрерывная, динамичная смена драматических событий. При этом они сменяют друг друга не в результате каких-либо «объективных причин» (например, Первой мировой войны), а в силу личностных противостояний лидеров. Но эту же историческую картину можно представить совершенно иным способом, как, например, изучение не смены событий, а состояний объекта, где действительность — набор периодически меняющихся статичных картин. Примером служит описавшая тот же период книга Э.Б. Генкиной, в которой деятельность Ленина представлена без рассмотрения внутрипартийной борьбы, личностных взаимоотношений как фактора деятельности и вождя, и СНК[5]. Книга же Войтикова посвящена анализу процессов, а не результатов и целей. Кроме того, в ней почти на каждой

---

[4] *Толстой Л.Н.* Несколько слов по поводу книги «Война и мир» // *Толстой Л.Н.* Собрание сочинений в 22 т. Т. 7. М., 1981. С. 359.

[5] *Генкина Э.Б.* Протоколы Совнаркома РСФСР как исторический источник для изучения государственной деятельности В.И. Ленина. М., 1982.

странице поставлены новые вопросы, требующие дальнейшего последовательного изучения.

Безусловно, данный труд — итог многолетнего кропотливого исследования, изучения архивов и литературы — станет заметным явлением современной историографии.

Михаил Моруков: Новые «Опыты» по истории коммунистического движения в России и СССР

Michael Morukov (Moscow Central State Archive, Russia): New «Essais» on the history of the Communist movement in Russia and USSR

DOI: 10.31857/S086956870012203-4

Кандидат исторических наук С.С. Войтиков, несмотря на молодость, уже успел зарекомендовать себя как серьёзный исследователь истории отечественных спецслужб, военного аппарата и внутрипартийных конфликтов в Советской России в период Гражданской войны. Его монографии всегда отличались тщательностью проработки архивных и опубликованных документальных источников, скрупулёзностью в вопросах археографического описания, а также прямо-таки бретёрской хлёсткостью формулировок и оценок. Это свидетельствует об общей эрудиции автора и бойцовском складе его характера и внушает уважение. Однако его новая книга знаменует собой принципиально иной этап в творчестве исследователя — он, пожалуй, впервые выказал стремление к созданию капитальных обобщающих трудов, что для столь эрудированного и плодовитого историка более чем понятно и похвально.

Внушительный объём исследования свидетельствует о необычайной работоспособности автора. Чувство уважения ещё более усиливается при взгляде на массив проработанных источников и литературы. Не приходится сомневаться, что в основе — капитальный научный фундамент. На страницах книги в полной мере можно насладиться изяществом и сочностью стиля (умение писать не настолько распространено среди историков, как этого хотелось бы) и вновь воздать должное широте кругозора и художественному вкусу автора.

В то же время при написании произведения историк столкнулся с рядом проблем, не все из которых ему удалось разрешить столь же изящно, как стилистические. Он поставил перед собой амбициозную задачу: проследить и проанализировать развитие руководящих структур партии, эволюционировавшей от кружка единомышленников до многомиллионной массовой политической организации. За то же время страна, в которой действовала и которой на протяжении большей части описанного периода управляла эта партия, прошла практически полный цикл развития от «военно-феодальной» империи через кризисы трёх революций, двух мировых и Гражданской войн до военной сверхдержавы. В рамках советского периода истории был преодолён путь от военно-политического квазигосударственного образования, не сильно отличавшегося от прочих «правительств» эпохи Гражданской войны (от А.В. Колчака до Н.И. Махно) до сверхцентрализованной государственной машины, которую в беллетристике сплошь и рядом именуют «империя».

Представляется, что на каждом из этапов имелось множество разнонаправленно действовавших факторов, которые историк обязан учитывать и на которые ему приходится постоянно делать поправку при анализе ситуации. К сожалению, в книге эта сторона работы не отражена в достаточной степени

ярко. Автор как будто поставил себе целью провести эксперимент по историческому моделированию, абстрагируясь от воздействия «среды» и сосредоточившись исключительно на интеллектуально-организационных упражнениях руководящего круга большевистской/коммунистической партии. Такой подход имеет право на существование, но о намерении придерживаться его стоило бы заявить более определённо.

Введение является наиболее «сухой» частью монографии. Многие из тех, кто прошёл через «чистилища» исторических факультетов российских вузов, конечно, помнят, что данная часть пишется в последний момент. Но в данном случае не получается отделаться от впечатления, что автор слишком устал, хотел поскорее поставить финальную точку и сдать рукопись в издательство. Между тем на скучном и суховатом введении в историческом исследовании лежит огромная нагрузка и ответственность — быть «декларацией о намерениях» автора и сообщать всем желающим об арсенале научных приёмов и средств, при помощи коих он достиг того результата, с которым будет знакомиться читатель. К сожалению, в монографии Войтикова такой «декларации» нет. Автор много внимания и места уделил обоснованию важности избранной темы и воздаянию хвалы многочисленным и именитым предшественникам, но, видимо, в силу деликатности посчитал неудобным рассказать читателю, почему и зачем, собственно, он сел писать этот фолиант. О целях и задачах сказано буквально одним абзацем, притом... на 42-й странице книги. До этого читатель планомерно сокрушается мощью авторской эрудиции, десятками цитат и ссылок. Но эти «линкоровские» залпы все до единого — в сторону от цели, поскольку читатель, особенно неискушённый в перипетиях научных дискуссий, попросту не в силах понять причин полемической страстности автора. А для читателей «опытных» остаётся непонятным, к какой точке зрения относительно проблемы склоняется сам автор.

К сожалению, объявление целью исследования стремления «соединить разорванную нить» и «найти некую константу» развития руководящих структур РСДРП—РСДРП(б)—РКП(б)—ВКП(б)—КПСС ясности не вносит. Равно как и уверения, что достичь заявленных со столь впечатляющей лапидарностью целей возможно путём изучения «узких руководящих групп вождей» в «контексте истории руководящего ядра и мозга» партии и прояснения вопроса о её формальном и реальном руководстве. Представляется, что историк, дерзнувший замахнуться на столь фундаментальное исследование, представляющий все сложности, связанные с уровнем разработки, степенью политизированности и обширностью темы, должен быть более осторожным и взвешенным.

Ещё одно досадное упущение (вызванное, видимо, стеснённостью рамками издательского договора) относится к столь же непопулярной и непонятной для неподготовленных читателей сфере источниковедения. Так, исследователь проводит архитщательный, подробнейший разбор одного вида использованных им источников (пусть даже самого для него ценного) и... на том останавливается (с. 47—62). Между тем такой важный, востребованный и доступный почти любому читателю исторический источник, как мемуаристика, вообще не удостоился никакой характеристики. Это вдвойне удивительно, поскольку ссылок на воспоминания в монографии практически столько же, сколько на теоретические работы идеологов марксизма или партийные документы. Более того, ни в каком виде не рассмотрены многие особенности тех же теоретических работ партийных «литераторов», имевшие зачастую форму публицистических

произведений. Результатом становятся благополучное «утопление» рядовых читателей в океане цитат и возникновение у специалистов серьёзных вопросов к историку — о степени достоверности картины, выстраиваемой им из столь непроверенного и некритически подобранного материала.

Из-за необъяснимого пренебрежения обычно очень аккуратного Войтикова к должному оформлению собственных исследовательской гипотезы и «средств производства» вытекает главный, на мой взгляд, недочёт представленного труда — недостаток «присутствия» в нём автора. В тех разделах, где исследователь может опереться на наработанный им ранее творческий багаж, он чувствует себя вполне уверенно. Но стоит вернуться от эпохи Гражданской войны немного назад или продвинуться на десятилетие вперёд — и он тушуется. Из текста самым прискорбным образом дезертирует критический анализ, заставляя исследователя судорожно хвататься за сведения заведомо необъективных источников. Авторская позиция стремительно скрывается под бронёй ссылок на документы и мемуары и проявляет себя разве что в изящных соединительных фразах, сколачивающих многообразие цитат в более-менее эмоционально окрашенные подборки.

В последних главах, по мере изменения характеристик объекта исследования и содержания источниковой базы (она становится много формальнее и беднее на яркие подробности), исследователь, перефразируя собственные же фигуры речи, оказывается в положении кн. Вано Пантиашвили, внимающего историям очередной «Ханумы» о сказочной красоте и богатстве незабываемой Гулико Махнадзе. Как всегда, острые и меткие замечания и оценки, по ехидству недосягаемые даже для пропагандистов РОВС, НТС и РОА, в данной ситуации не помогают компенсировать недостаток объективных данных для проведения строгого научного анализа. «Кавалерийская атака на материал» применительно к рассмотрению истории партии периода 1930-х гг. и особенно «оттепели» успеха не имела.

Подробный разбор неточностей, спорных и дискуссионных моментов столь значительного труда не входит в мои намерения и в общем и целом книга может быть оценена достаточно высоко. Войтиков проделал впечатляющую работу по изучению источников, литературы и их группировке, создал, пожалуй, один из наиболее полных сводов сведений по истории внутрипартийной борьбы в РСДРП—КПСС за более чем 60-летний период её существования. Несомненной заслугой автора является также попытка придать новый импульс изучению истории коммунистического движения и вывести это изучение на иной уровень в рамках поиска новейших методологических подходов. Остаётся лишь сожалеть, что сильнейшая занятость и недостаток возможностей для нормальной работы не позволили ему завершить исследование в задуманном объёме и вынудили ограничиться публикацией «Опытов».

Высочайший научный потенциал Войтикова не подлежит сомнению. Надеюсь, что исследователь получит возможность развить и дополнить свои идеи, а его работа будет должным образом завершена и займёт подобающее место в историографии общественных движений и политических партий.

Владимир Круглов: Узкие места «широкой картины»

Vladimir Kruglov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): «Bottlenecks» of The Big Picture

DOI: 10.31857/S086956870012204-5

Объём книги С.С. Войтикова устрашает — без малого 800 страниц убористого шрифта! К счастью, весит этот том сравнительно немного, его можно брать с собой в дорогу и читать там, где это покажется удобным. А прочесть его нужно, поскольку новый труд профессионального исследователя, пытающегося разобраться в механизмах работы руководящих органов Коммунистической партии, безусловно, заслуживает внимания.

Однако при чтении быстро замечаешь, что данная работа не столько разрешает проблемы, волнующие научное сообщество, сколько порождает новые вопросы. Они возникают едва ли не на каждой странице. К примеру, не сразу даже скажешь, чему именно посвящена монография. Лишь к середине «Введения», после десятков страниц с массой цитат об основополагающем значении для большевиков... марксистской теории, выясняется, что речь далее пойдёт про «узкие руководящие группы вождей в рамках Центрального органа и Центрального комитета» РСДРП, РСДРП(б), РКП(б), ВКП(б) и КПСС в 1898—1964 гг. (с. 42). Больше о содержании исследования и о том, как были определены его хронологические рамки, ничего не сказано.

Способен озадачить и стиль изложения. Литературные аллюзии переплетаются с историческими аналогиями (начиная с Античности), искромётные шутки и саркастические ремарки переходят в полемику с мнениями партийных деятелей. Эмоциональные комментарии к цитатам (и в цитатах), прозвища и язвительные характеристики постоянно нарушают дистанцию между «героем» и автором. Кажется, будто исследователь не отделяет себя от эпохи, не столько повествует о ней, сколько проживает её вместе с теми, о ком пишет.

Как следствие, внимание читателя раз за разом переключается с указанной во «Введении» темы на нюансы быта и нравов большевистского руководства. Подстрочник переполнен отступлениями, замечаниями, зарисовками и всевозможными сведениями об упоминаемых лицах, их манере поведения и стиле жизни. Войтиков убедительно демонстрирует исключительную эрудицию, глубокое и детальное знание обширной историографии и источников всех видов. Это производит сильное впечатление. Но, к сожалению, обилие собранного (и не всегда разобранного) материала не помогает раскрыть идеи историка и описываемые им коллизии, более того — затрудняет чтение, уводя многочисленными отступлениями в сторону от предмета исследования. В результате смысловые блоки выглядят размытыми, а их стыковка — случайной.

Между тем стремление выявить и изучить «узкие руководящие группы вождей», их формирование, функционирование и характер, представляется весьма перспективным. Это непривычный и смелый подход, свидетельствующий об оригинальности авторской мысли. Однако для решения данной задачи требуется не столько размах, сколько, напротив, жёсткое самоограничение, сосредоточенность на небольшом, но крайне важном элементе политической системы в ущерб всему остальному, как бы увлекательно и ново оно ни было. Ведь автор решил показать то, что в значительной мере неформально, трудно формализуемо и едва уловимо, изменчиво и теснейшим образом связано с зачастую непрозрачными личными взаимоотношениями, интригами и расчё-

тами. Во всей полноте их, вероятно, не получится понять и реконструировать никогда — как из-за скудости и специфики имеющихся источников, так и в силу принципиальной ограниченности наших возможностей проникать во «внутренний мир» других людей, особенно давно ушедших из жизни. Вставая на этот путь, историк рискует «сползти» на проекции или незаметно для себя начать додумывать мотивацию деятелей прошлого.

Войтиков, видимо, чувствует эту опасность и, будто стремясь отвести укоры в авторском своеволии, приводит пространные цитаты, порою включает в текст целые речи, делая в них минимальные сокращения и даже не разбивая на абзацы. Причём эти словесные «стены», занимающие иногда полторы-две страницы, могут вовсе не сопровождаться какими-либо пояснениями! Некоторые архивные документы публикуются целиком, по всем правилам археографии, с необходимыми заголовками, легендами и примечаниями, причём не в виде приложений, а непосредственно по ходу изложения в той или иной главе. С таким подходом связана и ещё одна особенность книги. Знакомя читателей с различными суждениями большевиков или исследователей их политики, автор не спешит с критическим анализом и не высказывает *собственного* взгляда на изучаемые явления.

Правда, в то же время это не мешает ему полностью солидаризироваться с чужими оценками («это чистая правда», «как справедливо отмечал В.М. Молотов» и т.п.) или иронизировать над ними («А.В. Луначарский, как всегда невпопад, заявил» и проч.). Кстати, в книге цитируются не только участники «узких руководящих групп». Более того, в ней упомянуто столько имён, что складывается впечатление, будто в какой-то момент автор решил создать широкую картину партийной жизни. Жаль, что издание не имеет именного указателя — он явно вышел бы весьма внушительным. Но, как ни странно, подробно рассказывая о «незаслуженно забытых» большевиках второго и третьего ряда, Войтиков почти ничего не говорит о восхождении тех, кому предстояло со временем войти в высшее руководство партии, — к примеру, о Свердлове, Молотове, Кагановиче, Жданове, Хрущёве и др. Причём нередко из текста так и не удаётся уловить, что именно вызывало те или иные разногласия и конфликты между ними, если, конечно, не сводить всё к универсальному и очевидному принципу борьбы за власть и влияние.

Тем самым, хотя читатель узнает из монографии немало нового и любопытного, внутренняя логика образования и распада «узких руководящих групп» 1920—1960-х гг. едва ли станет для него понятнее и яснее. Вместе с тем работа содержит ценные суждения о роли идеологии и личных связей и отношений в политике большевиков, о способах контроля за информационными потоками и значении структур, отвечавших за подготовку партийной номенклатуры, о перемещениях «центра силы» из ЦК в правительство и обратно в зависимости от предпочтений очередного лидера и т.д.

Невольно складывается впечатление, что под одной обложкой объединены три потенциально самостоятельные книги: о противоборстве марксистских «вождей» до революции 1917 г., в период захвата большевиками власти в стране (включая годы Гражданской войны и становления СССР, вплоть до окончательной победы сталинской группировки в конце 1920-х гг.) и в середине XX в. Каждый из этих этапов заслуживает самостоятельного рассмотрения. Хочется надеяться (и даже выразить уверенность), что С.С. Войтиков ещё не раз вернётся к неисчерпаемой «истории власти» и раскроет различные её аспекты в

новых произведениях — более компактных и цельных по своим хронологическим рамкам и сюжетным линиям.

Олег Капчинский: Большевистское руководство 1917—1920-х гг. в новой книге С.С. Войтикова

Oleg Kapchinsky (Academy of Labour and Social Relations, Moscow, Russia): The Bolshevik leadership of 1917—1920s in the new book of S.S. Voytikov

DOI: 10.31857/S086956870012205-6

Монография С.С. Войтикова, известного специалиста по партийно-государственным, военным и чекистским структурам периода Гражданской войны и 1920-х гг., посвящена истории «узкого руководства» ЦК РСДРП—РСДРП(б)—РКП(б)—ВКП(б)—КПСС «от Плеханова и Ленина до ликвидации четвёртого “коллективного руководства” Хрущёвым и снятия с поста самого Хрущёва» (с. 42). Заявленная тема впервые рассмотрена им применительно к начальному этапу истории партии. Автор поставил перед собой весьма амбициозную задачу: найти «некую константу» в истории её руководящего ядра. Как и при написании предыдущей монографии[6], он провёл исследование в широких хронологических рамках: правда, его начальной датой стал не 1917, а 1898 г. (основание РСДРП), но конечной — всё тот же 1964 г., последний год нахождения Н.С. Хрущёва у власти. В целом, на мой взгляд, историк справился с поставленной задачей, хотя период 1898—1941 гг. представлен в книге очень подробно, а 1941—1964 гг. — схематично (за исключением июньских событий 1957 г., связанных с разгромом «антипартийной группы» В.М. Молотова, Г.М. Маленкова, Л.М. Кагановича «и примкнувшего к ним» Д.Т. Шепилова).

Книга состоит из пяти частей: три построены по хронологическому принципу, остальные — проблемные, посвящены природе ленинской «партии нового типа» и «выборной традиции» в ней (ч. 1), а также Коминтерну и образованию СССР (ч. 4). В основе издания — как опубликованные материалы, так и ранее не изученные архивные документы РГАСПИ, ЦГА Москвы, РГВА, РГАЛИ и ЦГА МО (с. 46). В связи с конечной датой исследования было бы весьма желательно привлечь и документы РГАНИ, однако отсутствие последних Войтиков довольно успешно компенсировал анализом выпущенных специалистами данного архива документальных сборников, а также партийных документов из фондов ЦГА Москвы. По сути, автор остаётся единственным, кто ввёл в научный оборот материалы данного архива для изучения коллизий, связанных с историей ЦК КПСС.

После Октябрьской революции, отмечает Войтиков, на некоторое время сложилось положение, при котором СНК РСФСР стал не только правительственным, но и политическим центром, взяв на себя функции ЦК РСДРП(б)—РКП(б). По мнению автора, это объясняется членством в ЦК более трети наркомов, единым местом заседания обоих органов и концептуальной неразработанностью их взаимоотношений. Далее подчёркивается, что первым усомнившимся в необходимости присвоения Совнаркомом функций ЦК стал руководитель его Секретариата Я.М. Свердлов, уже 8 декабря 1917 г. поставивший вопрос о необходимости санкции, хотя бы задним числом, в отношении решения об объявлении кадетов врагами народа. Однако подобный (хотя и

[6] *Войтиков С.С.* История противостояния: ЦК или Совнарком?

незначительный) приоритет вполне устраивал председателя СНК В.И. Ленина. Это, считает автор, делает понятным тот парадоксальный факт, что на VII (экстренном) съезде партии в 1918 г. он едва ли не настаивал на включении в ЦК «левых коммунистов», оппозиционно настроенных относительно решений правительства по внешнеполитическим вопросам. Вождю большевиков было важно, чтобы цекисты выясняли отношения друг с другом, пока он в качестве главы правительства будет проводить свою линию (с. 286).

Далее отмечается, что Политбюро, созданное в марте 1919 г. как рабочий орган ЦК РКП(б), затем фактически превратилось в очередной «узкий состав» высшего органа партии (согласно её Уставу). Ленин долго сохранял лидерство, умело балансируя между Политбюро и Советом труда и обороны (фактическими надстройками: в первом случае — над ЦК, во втором — над СНК). Баланс оказался разрушен, когда в начале 1923 г. глава советского правительства окончательно отошёл от дел из-за болезни, и в очередном «коллективном руководстве» началась яростная борьба за власть (с. 307).

В книге представлен процесс возникновения и механизм функционирования двух других важнейших органов большевистской партии — Оргбюро и Секретариата ЦК. В частности показано, как, проводя в жизнь ленинскую идею о создании Оргбюро в качестве некоего подобия Малого Совнаркома при «Большом», генеральный секретарь ЦК И.В. Сталин сделал Секретариат «подготовительной» комиссией при Оргбюро. Именно оно решало все основные вопросы и к январю 1925 г. окончательно эволюционировало от «узкого круга» внутри ЦК к бюрократической структуре.

Отдельную главу Войтиков посвятил Центральной контрольной комиссии РКП(б). Её появление противоречило партийному Уставу, согласно которому для рассмотрения различного рода дисциплинарных поступков каждый комитет имел право образовывать специальные комиссии, но при этом не превращать их в партийные суды. Одновременно были заложены предпосылки и для последующей зависимости ЦКК от Оргбюро, которое стало для неё в начале 1920-х гг. высшей апелляционной инстанцией (с. 357). Кроме того, зависимость от Оргбюро и Секретариата иллюстрирует факт вхождения членов ЦКК в одну партийную ячейку с аппаратчиками ЦК (с. 364).

Несомненным достоинством книги является введение автором в научный оборот обнаруженного в ЦГА Москвы списка членов и кандидатов ячейки ЦК РКП(б) за апрель 1921 г. Проанализировав список всех членов ЦК, ЦКК и сотрудников цековского аппарата, учитывая партийный стаж каждого, Войтиков составил их коллективный портрет (с. 343—344).

Одним из существенных отличий монографии (как и остальных книг автора) является «возвращение» фактора личности, не характерного для достаточно сухих «партийных и госаппаратных» исследований. История ЦК и его групп дана автором в контексте не только борьбы за власть в большевистской/коммунистической партии, но и взаимоотношений (личных и рабочих) её лидеров: Г.В. Плеханова, В.И. Ленина, Ю.О. Мартова, А.А. Богданова, Л.Б. Красина, Н.А. Рожкова, И.В. Сталина, Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева, А.И. Рыкова, Н.И. Бухарина и др.

В целом новую книгу С.С. Войтикова можно признать одним из наиболее значимых трудов, выпущенных к 100-летнему юбилею Гражданской войны, и рекомендовать её профессиональным исследователям XX в. и всем любителям отечественной истории.

Сергей Никонов

Рец. на: М.М. Дадыкина, А.В. Крайковский, Ю.А. Лайус. Поморские промыслы на Шпицбергене в XVIII — нач. XIX в. Исследование. Документы. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2017. 504 с.

Sergey Nikonov
(Murmansk Arctic State University, Russia)

Rec. ad op.: M.M. Dadykina, A.V. Kraykovskiy, U.A. Layus. Pomorskiye promysly na Shpitsbergene v XVIII — nach. XIX v. Issledovaniye. Dokumenty. Moscow; Saint Petersburg, 2017

DOI: 10.31857/S086956870012210-2

Коллективная монография петербургских исследователей посвящена малоизученной проблеме освоения русскими архипелага Шпицберген в XVIII — начале XIX в. К этой теме до недавнего времени обращались преимущественно археологи, плодотворно изучающие материальную культуру русских поморов на отдалённом арктическом архипелаге уже не одно десятилетие. Результаты этих исследований представлены в ряде монографий[1]. Вместе с тем обращение к данной проблеме вписывается и в сформировавшееся в современной отечественной историографии направление изучения промыслового хозяйства и культуры Поморья XVI — начала XX в.: традиции судостроения, инфраструктура хозяйства, развитие монастырских промыслов и др. Эти вопросы находят отражение в работах А.В. Богдановой, А.А. Богомазовой, А.В. Лаушкина, Е.Б. Французовой, П.А. Филина и др.[2] Впрочем, данный историографический контекст не учитывается авторами рецензируемой работы, предпочитающими рассматривать историю поморских промыслов на Шпицбергене в рамках концепции модернизации российской экономики в XVIII в. При таком подходе освоение Шпицбергена авторы связывают с попыткой перенести на российскую почву опыт китоловных компаний стран Севера Европы, в особенности Голландии.

Работа состоит из двух частей. В первой из них предлагается исследование истории поморских промыслов. К этой проблеме авторы неоднократно обращались на страницах русско- и англоязычной научной периодики. Некоторые из ранее опубликованных статей воспроизводятся в монографии чуть ли не дословно[3]. Анализируя историографию проблемы, авторы справедливо отмечают, что главным препятствием на пути изучения русского освоения Шпицбергена до XIX в. были сложности эвристики источников: исследователи долгое время опирались на очень скудные данные. Вместе с тем в работе не показан процесс накопления знаний о документах по истории промыслов на Груманте (русское название Шпицбергена) в историографии конца XIX—XX в. Достаточно сказать, что сведения Архангельской таможни об отправке

* Материал подготовлен при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00154.

судов на Шпицберген в конце XVIII — начале XIX в. известны давно, и к ним неоднократно обращались исследователи[4]. Выявлялись и новые источники, раскрывающие участие в промысле на Груманте выходцев с Двины и Мезени, старообрядцев Выгорецкого общежительства[5]. Невнимание к накопленному в историографии опыту привело к тому, что авторы рецензируемого издания нередко делали выводы, уже неоднократно высказывавшиеся в научной литературе. В частности, это относится к их утверждению об активном участии в промысле на Шпицбергене выходцев с Мезени и Онеги (с. 77, 79—80).

Существенные вопросы, имеющие значение для изучения освоения поморами Груманта, в историографическом обзоре, к сожалению, не раскрыты. Это относится к проблеме начала русских промыслов на архипелаге. Отечественные археологи (В.Ф. Старков, В.Л. Державин, П.Ю. Черносвитов и др.) относят начало поморских промыслов к XVI в., норвежские учёные (Т. Б. Арлов, Т. Хультгрен, М. Э. Ясински) полагают, что русские появились на Груманте не ранее конца XVII в. Этой точки зрения придерживается и российский археолог О.В. Овсянников. Конечно, данная дискуссия связана с анализом археологических данных и требует специальной квалификации для определения собственной позиции, но всё же обходить этот вопрос стороной вряд ли правильно. Тем более что сами авторы рецензируемого труда придерживаются мнения западных коллег о позднем начале русских промыслов на Шпицбергене, относя его к началу XVIII в.

По мнению М.М. Дадыкиной, А.В. Крайковского и Ю.А. Лайус, освоение Россией Шпицбергена необходимо рассматривать в контексте модернизации петровской эпохи. Для организации китобойного промысла на Шпицбергене была создана компания во главе с высокопоставленными сановниками. Компания строила крупные мореходные суда, нанимала специалистов в Европе. Соглашаясь с этим выводом, отмечу, что авторы сужают проблему реорганизации морских промыслов Русского Севера, предпринятую в начале XVIII в. В стороне остаётся вопрос о конфискации монастырских промыслов Поморья в казну, устройстве «государевых промыслов» на побережье Баренцева и Белого морей для добычи рыбы[6]. Организация китоловства может рассматриваться только как один из эпизодов вмешательства государства в хозяйственный уклад Русского Севера начала XVIII в. Впрочем, довод авторов о том, что истоком промысловой компании стала система откупов, действовавшая в России в XVI—XVII вв., выглядит неубедительно (с. 29). Система откупов связана с передачей государством права сбора отдельных видов налогов, например с продажи спиртного, частным лицам. Получение откупа не предполагало организации нового дела и вложения в него значительных средств.

Участие государства в освоении Шпицбергена вызвало появление ряда проектов по развитию китобойного промысла (с. 37—44, 50—55). Но, как представляется, некоторые из них не сводились только к развитию промысла на Груманте. Это относится к проекту архангелогородского губернатора Е.А. Головцына, извлечения из которого публикуются в рецензируемом издании. Созданный в 1768 г. под воздействием либерального экономического курса Екатерины II проект предполагал содействие крестьянским промыслам на Белом и Баренцевом морях, значительно пострадавшим от деятельности монопольных компаний. Шпицбергену здесь не уде-

ляется большого внимания: губернатор отмечает лишь, что организация китоловного промысла может дать России бóльшую выгоду, чем европейским странам (с. 290). Проект Головцына обстоятельно изучен в работах А.В. Ковальчука[7].

Поморские промыслы на Шпицбергене развивались вслед за государственными. Отличительными чертами хозяйственной деятельности поморов были незначительные масштабы и низкая затратность промысла (небольшое количество судов и работников), развитие традиционных видов охоты на морского зверя — моржа и тюленя, что не предполагало добычу китов (с. 75—76, 108). О небольшом масштабе промысла свидетельствуют и приводимые в монографии данные Архангельской портовой таможни за последнюю четверть XVIII — начало XIX в. (с. 460—463). Чем это было вызвано, авторы монографии не поясняют. Исходя из приводимых данных, можно высказать предположение, что помимо трудностей морского пути отваживала от промысла и высокая смертность участников экспедиций по причине несчастных случаев и суровых климатических условий в период зимовок артелей (с. 470—472).

К сожалению, ряд положений в исследовании предлагается без должной аргументации, что снижает ценность проделанной работы и вызывает вопросы. Так, авторы отмечают, что промышленники-груманланы (участники экспедиций на Шпицберген) были выходцами с Онеги и Мезени. Этот существенный вывод подкреплён отдельными фактами. Но учитывая, что авторы подготовили базу данных промышленников, остаётся неясным, почему её материалы не сведены в таблицы, раскрывающие количественный состав и происхождение участников экспедиций (с. 75, примеч. 26). Декларативный характер носит и утверждение о роли семейных объединений в организации промысла. Якобы на Грумант «уходили несколько человек из одного села, даже из одной семьи — отец и сын или племянник, два-три брата. Причём отец и сын (племянник) обычно нанимались в одну артель, в то время как братья чаще поступали в работники в разные артели» (с. 77). И в этом случае также нет никаких аргументов, основанных на анализе источников. Даже допуская, что авторы правы, остается непонятным, в чём же заключалась специфика организации промыслов на Шпицбергене? Рыболовные и зверобойный промыслы в других частях Русского Севера также предполагали наличие семейной кооперации.

Вызывает возражение и утверждение авторов об участии в 1730—1760-х гг. в промысле на Шпицбергене Соловецкого монастыря (с. 80—81). Известно, что монастырь организовывал промысел в конце 1730-х гг.[8] Возможно, и в более позднее время обитель пыталась продолжить хозяйственную деятельность на архипелаге, о чём косвенно свидетельствует роспись «груланского» судна[9], но подтверждений этому в источниках пока не выявлено.

Вторую часть рецензируемой работы составили публикации документов по истории монопольных компаний китобойного промысла и проекты освоения Шпицбергена, о традиционных промыслах поморов на полярном архипелаге. Основной массив документов выявлен авторами в Государственном архиве Архангельской области и РГАДА. Публикация выполнена в соответствии с требованиями к изданию источников по истории России XVIII—XIX вв., но и здесь возникают вопросы. Так, в первом разделе значительный объём публикуемых текстов составляют материалы о ре-

монте и подготовке к промыслу судна «Велфиш», наборе судовой команды (с. 170—253). Не оспаривая значимости публикуемых документов, отмечу, что они не вполне соответствуют теме «Поморские промыслы», вынесенной в заглавие работы. Скорее эта группа документов раскрывает трудности обслуживания судов, с которыми столкнулось руководство компании.

Во втором разделе представлены разнообразные документы, характеризующие участие в промыслах на Шпицбергене жителей Архангельской губ. Значительный массив составляют документы Архангельской портовой таможни 1797—1802 гг.: объявления судовладельцев о намерении отправить суда на промысел к Шпицбергену, запросы судовладельцев на поставку хлеба, билеты о составе судовых команд, доношения судовладельцев о вернувшихся и погибших на Груманте промышленниках и др. Безусловно, опубликованные материалы способны прояснить для короткого хронологического отрезка ряд важных вопросов промысловой деятельности русских на архипелаге: численность, состав участников и организаторов, трудности ведения промыслов, бюрократический порядок организации выхода в море.

Отмечу, что публикация документов носит выборочный характер, что никак не поясняется исследователями. Так, не вошли в издание билеты 1800 г. об отправке судов поверенным Выгорецкого общежительства Семёном Пушковым и архангельскими купцами Козмой и Афанасием Амосовыми[10]. Другие билеты за этот же год в рецензируемую работу попали. В некоторых случаях не поясняется происхождение источников, что имеет большое значение для их понимания. Публикуя ведомости об участии в промыслах жителей Архангельской губ. в 1789 г., авторы не раскрывают причину их составления: привлечение к службе в военно-морском флоте поморов, имеющих опыт дальних морских экспедиций.

К публикации есть и более существенные претензии. Так, встречаются слова с пропущенными буквами, причём в легенде не поясняется, допущен ли этот пропуск в источнике. Местами текст документов даётся без знаков препинания (с. 272). Общим для всех текстов является передача географических названий со строчной буквы. Более того, в заголовках документов в названии архипелага Новая Земля авторы постоянно дают второе слово со строчной буквы, в то время как в составных географических названиях все слова пишутся с прописной буквы.

Встречается и неверная атрибуция некоторых организаторов промыслов на Шпицбергене. Например, С.А. Пушков в заголовках документов называется новгородским либо олонецким поверенным. Однако это грубая ошибка: из текста следует, что Семён Пушков был поверенным Выгорецкого старообрядческого общежительства, в разное время находившегося на территории Новгородской или Олонецкой губерний.

В легендах к документам принято указывать предыдущие публикации[11]. Материалы Архангельской таможни 1797—1802 гг., которые широко представлены в рецензируемой монографии, ранее частично уже публиковались В.В. Брызгаловым, О.В. Овсянниковым и М.Э. Ясински[12]. Однако этой информации в легендах нет. Не сомневаясь в научной добросовестности и порядочности авторов, можно предположить, что им по какой-то причине осталось неизвестно исследование коллег, посвящённое промыслам Выгорецкого старообрядческого общежительства.

Сравнение некоторых опубликованных текстов с оригиналами обнаруживает ошибки авторов монографии, допущенные при прочтении имён собственных и административных наименований. Так, частыми являются ошибки при прочтении фамилий: Аглин — вместо Иглин, Капоин — вместо Каплин, Нешутин — вместо Лешутин, Велицын — вместо Телицын, Кустогин — вместо Кутюгин и др. (с. 334, 367, 376, 393). Одно неверно прочтённое слово позволило авторам «открыть» приказчика сальной компании Колякина, действовавшего в 1742 г. (с. 272). В действительности, слово является географической привязкой подлинных приказчиков компании О.М. Еремеевых и Ф.И. Попова, живших в Кольском остроге, и правильно должно читаться как «колянин». Эта ошибка, к сожалению, затрудняет понимание текста документа.

Существенным недостатком являются ошибки в прочтении названий волостей, поскольку читателю предлагаются наименования несуществующих поселений: Чапская волость — вместо Уемская, Барецкая — вместо Борецкая, Яромская — вместо Юромская, Локшенская — вместо Лопшенгская и т.д. (с. 367, 376, 394). Отмеченные ошибки носят, к сожалению, регулярный характер, что значительно снижает ценность опубликованных документов. Избежать ошибок в прочтении названий волостей можно было бы, обратившись к справочной литературе, раскрывающей территориально-административное устройство Русского Севера в XVII—XIX вв.[13]

Наличие всех перечисленных недочётов оставляет двойственное впечатление от рецензируемой работы. Конечно, не вызывает сомнений профессионализм авторов, посвятивших изучению темы более десятка лет и введших в научный оборот ценные источники, но всему изданию присуща некоторая поспешность и небрежность.

Вышедшая в свет монография, надеюсь, станет ещё одним шагом в изучении промыслов Русского Севера. Представленные в ней документы, безусловно, не исчерпывают всего богатства архивных материалов. Продолжение начатой работы в центральных и региональных архивах (Архангельска, Петрозаводска и Вологды) позволит выявить новые источники, что углубит представления об освоении районов Европейской Арктики в доиндустриальную эпоху.

Примечания

[1] *Старков В.Ф.* Очерки истории освоения Арктики. Т. 1: Шпицберген. М., 1998; *Старков В.Ф., Черносвитов П.Ю., Дубровин Г.Е.* Материальная культура русских поморов по данным исследований на архипелаге Шпицберген. Вып. 1. М., 2002; *Старков В.Ф., Державин В.Л., Захаров В.Г.* Материальная культура русских поморов по данным исследований на архипелаге Шпицберген. Вып. 3. М., 2007.

[2] *Богданова А.В.* Соловецкий монастырь в Екатерининскую эпоху: из истории секуляризационной реформы 1764 года. М., 2017; *Богомазова А.А.* Морская инфраструктура Соловецкого монастыря в XVII — начале XVIII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Четвёртые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции, 26 октября — 1 ноября 2015 г. М., 2015. С. 368—373; *Лаушкин А.В.* Навигационные функции береговых крестов в поморских рукописных лоциях XVIII—XIX вв. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Пятые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной конференции. Москва, 9—10 ноября 2017 г. М., 2017. С. 324—327; *Филин П.А.* Судостроение Соловецкого монастыря: лодья «Преподобный Зосима». М., 2004; *Французова Е.Б.* Солеваренные промыслы Соловецкого монастыря в XVI — начале XVII вв. // Российская Арктика: проблемы и перспективы развития. Сборник материалов. М., 2017. С. 219—227.

[3] Раздел монографии «Продуктивность и доходность русских промыслов на Шпицбергене в конце XVIII века» (с. 91—106) ранее публиковался в виде самостоятельной статьи А.В. Крайковским (*Крайковский А.В.* Продуктивность и доходность русских промыслов на

Шпицбергене в конце XVIII в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI—XIX вв. Сборник материалов Третьей международной научной конференции (Коломна, 24—26 сентября 2013 г.). Т. 1. Коломна, 2015. С. 333—347).

[4] *Д.О.* О русских промыслах на Шпицбергене (Груманте) в 1797—1852 гг. (Из дел Архангельского губернского архива) // Архангельские губернские ведомости. 1898. № 6. С. 4—5; *Русанов В.А.* Статьи, лекции и письма. Литературное наследство выдающегося русского полярного исследователя начала XX в. М.; Л., 1945. С. 282—283.

[5] *Овсянников О.В.* Поморская промысловая «энциклопедия» конца XVIII в. // Культура Русского Севера. Сборник статей. Л., 1988. С. 71—85; *Пузырёв В.П.* Паруса над студёным морем: (Судостроение, промыслы и торговое судоходство на Белом море в XVIII в.). М., 1993. С. 94—106; *Окладников Н.А.* Российские колумбы: Мезенские полярные мореходы и землепроходцы (XVI — начало XX века). Архангельск, 2008. С. 7—80; *Брызгалов В.В., Овсянников О.В., Ясински М. Э.* Европейская Арктика: морские зверобойные промыслы Выговского старообрядческого общежительства в XVIII—XIX веках: суда, кормщики, работные люди: (к исследованию поморской экономической структуры). Архангельск, 2016.

[6] Об организации «государевых промыслов» на побережье Баренцева моря см.: *Никонов С.А.* Михайло Окулов и создание государевых рыбных промыслов на побережье Баренцева моря в начале XVIII в. // Российская Арктика: проблемы и перспективы развития. С. 239—259.

[7] *Ковальчук А.В.* Об экономической свободе, северных морских промыслах и архангелогородском губернаторе Е.А. Головцыне (1760—1770-е гг.) // Образы аграрной России IX—XVIII вв.: памяти Натальи Александровны Горской. М., 2013. С. 239—241; *Ковальчук А.В.* Экономическая политика правительства Екатерины II во второй половине XVIII в.: идеи и практика. М.; СПб., 2017. С. 34—69, 74—101.

[8] *Никонов С.А.* Зверобойный промысел Соловецкого монастыря на архипелаге Шпицберген в конце 1730-х гг. // Полярные чтения на ледоколе «Красин» — 2018. Технология и техника в истории освоения Арктики. СПб., 2019. С. 12—23.

[9] *Филин П.А.* «Опись груланскому судну» Соловецкого монастыря 1760 г. // Соловецкое море: историко-литературный альманах. Вып. 17. Архангельск; М., 2018. С. 9—12.

[10] Государственный архив Архангельской области, ф. 4, оп. 9, д. 86, л. 33, 52.

[11] *Каштанов С.М.* Актовая археография. М., 1998. С. 211—212.

[12] *Брызгалов В.В., Овсянников О.В., Ясински М.Э.* Европейская Арктика... С. 111—144.

[13] Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в XVIII—XX веках. Справочник. Архангельск, 1997; Писцовые книги Русского Севера / Отв. сост. Н. П. Воскобойникова. М., 2001.

Андрей Сперанский

Горнозаводской Урал в преддверии российских революций начала XX в.*

Andrey Speranskiy
(Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg)

The Urals Mining on the eve of the Russian revolutions of the early 20th century

DOI: 10.31857/S086956870012211-3

Монография Д.В. Гаврилова, основанная на комплексе не опубликованных ранее источников (материалы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации, Российском государственном историческом архиве, Государственном архиве Свердловской области, Государственном архиве Пермского края, Центральном государственном архиве Республики Башкортостан и др.), посвящена проблеме социально-экономического и политического развития Урала в период завершающего этапа промышленной революции, становления и развития капита-

[*] *Гаврилов Д.В.* Горнозаводский Урал 1861—1900 гг.: власти, предприниматели, рабочие. От согласия — к конфронтации. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 464 с., ил.

листических отношений, разрастания экономических и политических противоречий в России, которые привели к социальным потрясениям начала XX в.

Автор отмечает непопулярность в современной российской историографии взятой им темы, ставшей по идеологическим соображениям «реликтом советского прошлого». Он критикует «некорректных» историков[1], отрицающих наличие рабочего класса на Урале в 1917 г. и конъюнктурно представляющих местных рабочих как «пёстрый социальный массив», некую «статистическую общность со стратами этакратического типа», готовую «сотрудничать с предпринимателями» (с. 5—6).

Рассуждения об отсутствии рабочего класса на Урале в XIX — начале XX в. абсурдны, считает Гаврилов: лишённые собственности на средства производства и вынужденные продавать свою рабочую силу наёмные рабочие стали необходимой составляющей частью рыночного общества той эпохи (с. 9—10). В замалчивании их антиправительственных и антикапиталистических выступлений автор видит основанное на политической конъюнктуре желание исследователей сгладить имевшиеся в России в рассматриваемый период противоречия, показать не существовавшее в реальности «социальное партнёрство» (с. 11—12).

Гаврилов опровергает утверждения отдельных историков об отсталости и невежестве рабочих, непонимании ими благожелательности заводчиков и заботливости властей. Показывая масштабы и размах протестных выступлений, волнений и стачек на Урале, он убедительно демонстрирует наличие в отношениях власть—предприниматели—рабочие глубокого социального конфликта, переросшего в революцию.

В книге рассмотрены социально-политические силы, которые являлись в то время основными двигателями социального процесса и функционировали в составе единой производственной системы, отстаивая при этом собственные интересы, — государство, предприниматели и рабочие.

В главе 1 «Три актора раннеиндустриальной модернизации Урала» Гаврилов отмечает, что государственная власть, заинтересованная в усилении военного потенциала страны и укреплении её экономики, традиционно покровительствовала промышленникам, постоянно предоставляла уральским горнозаводчикам ссуды, кредиты, льготы, выгодные правительственные заказы. Правительство и местные власти в конфликтах между рабочими и заводчиками неизменно поддерживали последних (с. 23). Уральские горнозаводчики, указывает автор, и после отмены крепостного права продолжали оставаться крупнейшими землевладельцами, владели сотнями тысяч десятин земли. В пореформенное время большинство из них лично не участвовали в управлении заводами (это делали их управляющие), жили в Москве, Санкт-Петербурге и за границей (с. 24—25).

Отмечая «оригинальный строй» уральской горнозаводской промышленности и своеобразный способ формирования кадров местных заводов, Гаврилов подчёркивает, что по сравнению с рабочими Западной Европы и российского центра рабочие Урала имели более тесные связи с землёй, домашним хозяйством. Это обусловливалось слабой заселённостью края в период его промышленной колонизации (с. 33, 46—47).

В главе 3 «Великая реформа» показано, что в ходе преобразований сохранилось нетронутым крупное землевладение уральских горнозаводчиков, а рабочие мизерными земель-

ными наделами были прикреплены к заводам, оказавшись в полной экономической зависимости от их хозяев. Поэтому, делает вывод Гаврилов, после 1861 г. рабочие кроме отстаивания своих пролетарских интересов вели борьбу против остатков крепостничества, выдвигая аграрные требования с целью ослабить или разорвать свою кабальную зависимость от заводов. Это определило специфику характера и форм рабочего движения на Урале в пореформенный период (с. 143).

Надежды правительства на постепенное проведение преобразований на Урале не оправдались, утверждает автор, горнозаводское население встретило реформу 1861 г. массовыми протестами и волнениями. Подавить их с помощью полиции, военных частей и оренбургских казаков не удалось, поэтому в 1860-х гг. власти пошли на уступки, предоставив рабочим земельные угодья, уменьшив гнёт податей и повинностей, что, однако, не улучшило ситуации. Между рабочими и предпринимателями начались конфликты из-за низкого уровня заработной платы, тяжёлых условий труда, проблем относительно земельных угодий. Одновременно, отмечает автор, владельцы заводов и их администрации, пользуясь покровительством правительства и поддержкой местных властей, политическим бесправием и полной экономической зависимостью от них горнозаводского населения, проявляли непримиримость, демонстрировали нежелание поступиться своими доходами, творили в своих владениях произвол (с. 434—435).

В погоне за увеличением прибыли заводчики всеми средствами стремились уменьшить и без того низкий уровень заработной платы рабочих, притесняли и жестоко преследовали их за «самовольное» пользование покосами, землёй, лесными материалами. В результате на Урале увеличился разрыв между господствующей элитой и трудящимися массами, что неизбежно вело к нарастанию социальной напряжённости в регионе (с. 216—217).

Эта тенденция нашла отражение в названиях глав 4—8 («Рост “неурядиц”», «Расширение “несогласия”», «Нарастание конфронтации», «Крах иллюзий о “гармонии интересов”», «Приближение бури») и представленной автором периодизации рабочего движения на Урале. Она включает четыре этапа: 1) 1860-е гг. — стихийные выступления рабочих против крепостнической сущности реформы 1861 г.; 2) 1870 — начало 1880-х гг. — антиправительственная пропаганда революционных народников среди рабочих и формирование организованных пролетарских форм рабочего движения; 3) 1885—1894 гг. — зарождение социал-демократических групп и начало массовых организованных стачек рабочих; 4) 1895—1900 гг. — возникновение массового рабочего движения с участием придавших ему большой размах и общественный резонанс социал-демократов.

Гаврилов констатирует, что менталитет рабочих региона изменился в конце XIX в., когда началась их политическая борьба и устанавливались связи с нелегальными политическими партиями и группами — «народоправцами», социалистами-революционерами, социал-демократами (с. 259).

По мнению исследователя, в конце XIX — начале XX в. на Урале был возможен «социальный мир», правда, при согласованном взаимодействии властей, заводчиков и рабочих, основанном на соблюдении интересов всех участников партнёрства, их готовности к социальному компромиссу. «Сотрудничества» не случилось из-за того, считает Гаврилов, что царское правительство и местные власти при регулировании взаимоотношений ра-

бочих и заводчиков исходили главным образом из интересов последних (с. 431—432). В результате массовых волнений рабочих индивидуальный террор достиг такого размаха, что вынудил заводчиков и их управленцев нанять охрану для защиты себя и своих домов. Центральная и местная власти сделали ставку на подавление протестных движений с помощью карательных органов и военной силы (с. 435), что и привело в итоге к социальной катастрофе — революциям 1905—1907 и 1917 гг., в которых активно участвовали и уральские рабочие. В этой связи отмечу, что авторское утверждение о возможности установления «социального мира», на мой взгляд, весьма сомнительно, что доказывает и представленный в книге фактический материал.

В целом обстоятельное исследование Д.В. Гаврилова существенно дополняет наши представления о важнейших явлениях жизни горнозаводского Урала второй половины XIX в., даёт возможность проследить происходившие в крае процессы социально-экономической и политической модернизации, а также вносит существенный вклад в изучение экономических и социальных предпосылок российских революций начала XX в.

Примечание

[1] См., например: *Арсентьев В.М.* Рабочая история первой половины XIX века в пространстве истории российской промышленности // Индустриальная Россия: вчера, сегодня, завтра. Екатеринбург, 2012; *Нестеров В.В.* Этнографическая история социальных групп и классов // Социальный педагог: Доклады, программно-методические материалы для педагогических учебных заведений. М., 1991; *Постников С.П., Фельдман М.А.* Власть и рабочие в 1917 г.: очерки истории и историографии. Екатеринбург, 2011.

Василий Черноперов, Сергей Усманов

Утраченное наследие российской аграрной науки*

Vasily Chernoperov, Sergey Usmanov
(both — Ivanovo State University, Russia)

The lost heritage of Russian agricultural science

DOI: 10.31857/S086956870012212-4

Научные интересы доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН С.А. Козлова весьма разнообразны[1], однако специалисты знают его как автора трудов по отечественной истории сельского хозяйства XIX — начала XX в.[2] Данной проблематике посвящена и рецензируемая монография, основанная на широком круге источников. Это документы фондов Центрального государственного архива г. Москвы, Центрального государственного архива Московской области, Центрального архива документальных коллекций г. Москвы; опубликованные материалы Центрального архива ФСБ России, издания Московского общества сельского хозяйства (МОСХ), дневники и воспоминания членов этого общества, посвящённые сельскому хозяйству статьи ряда газет и журналов.

[*] *Козлов С.А.* Российские учёные-аграрники XIX — начала XX в. Историко-биографические очерки. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 967 с.

Состоящее из трёх глав исследование «прежде всего нацелено на выяснение роли личностного фактора (тесно связанного со специфической силой экзистенциальной индивидуальности и пассионарности (динамичной предприимчивости) того или иного подвижника) в развитии российской аграрной науки и сельскохозяйственной практики XIX — начала XX в.» (с. 7). В основу его архитектоники положен хронологический принцип: первая глава посвящена деятельности отечественных специалистов-аграрников до начала российских преобразований 1860-х гг., вторая — пореформенного периода, третья — рубежа XIX—XX вв.

Каждая глава открывается преамбулой с краткой социокультурной, политической и аграрно-экономической характеристикой рассматриваемого периода, затем (подобно параграфам) следуют очерки о теоретиках и практиках устроения «сельской России». Среди них известный «натурфилософ» и аграрник М.Г. Павлов, крупный предприниматель П.А. фон Бильдерлинг, агроном и общественный деятель В.Г. Бажаев, выдающийся аграрник и просветитель М.М. Щепкин, автор литературных и хозяйственных трудов Е.А. Авдеева и др.

«Именно эти люди, — отмечает Козлов, — внесли наибольший реальный вклад в соединение теории и практики в сельском хозяйстве России» изучаемого периода (с. 6). Действовали они в существенно отличающихся условиях и обстоятельствах, но почти всегда позитивно, оригинально, творчески. Козлов с большим уважением относится к своим героям, пожалуй, даже отчасти возвеличивает их. Поскольку почти все они принадлежали к дворянскому сословию, их труды и свершения практически игнорировались как советской аграрной наукой, так и исторической. Видимо, особым вниманием автора к дворянству можно объяснить неравномерное распределение им материала. Его явно не устраивал тривиальный подход — дать примерно равный по объёму материал. В первую главу (171 с.) включены очерки о шести выдающихся учёных-аграрниках, во вторую (86 с.) — о четырёх, а в третью (195 с.) — всего о трёх. Напомним, что на протяжении XIX в. число занимавшихся наукой «не дворян» возрастало, а представителей привилегированного сословия уменьшалось. Возможно, интуитивно желая «переборoть» это обстоятельство, исследователь и акцентирует внимание на дворянах. Он воздал должное трудам и поискам «забытых» соотечественников, показав уникальное аграрное наследие императорской России.

Поскольку организаторами и реформаторами сельского хозяйства в то время были главным образом помещики, автор акцентирует внимание на хозяйственно-просветительской деятельности МОСХ. Дело в том, что все герои книги (кроме Авдеевой) являлись членами этой динамичной организации (или сотрудничали с ней), выдававшей, как правило, глубоко обоснованные дельные предложения по развитию в России аграрной сферы. В этой связи отметим, что книга в немалой степени повествует *о самоорганизации* российских учёных-аграрников. Для Козлова наиболее важными стали их новаторские изыскания и практические разработки для сельского хозяйства страны. По его мнению, аграрники дореформенной эпохи создали устойчивую сельскохозяйственную терминологию, утвердили в обществе авторитет аграрной науки (через «Земледельческий журнал» и другие аграрные издания), разработали модели рационального хозяйствования и выработали теоретические основы будущей общенациональной

хозяйственной стратегии с учётом региональной специфики (с. 470—479).

Автор отметил личные заслуги каждого персонажа книги в развитии аграрной науки и практическое применение её достижений. Например, Бажаев обосновал способы улучшения травопольного хозяйства и изложил их в руководстве понятным для массового читателя языком (с. 309—310, 312—320, 322, 326 и др.); С.С. Бехтеев организовал первый в России хлебный элеватор (с. 348, 351—352); Щепкин разработал основы «племенного дела» в животноводстве (с. 397—401, 404—410).

Козлов подчёркивает, что российские аграрники всегда были в курсе мировых экономических и сельскохозяйственных новаций и достижений. Так, в первой четверти XIX в. один из пионеров российской аграрной науки Павлов посетил Германию, Великобританию, Швейцарию и Францию с целью изучения особенностей развития их сельского хозяйства. Заметное влияние на учёного оказали преподаватель первого в мире учебного сельскохозяйственного заведения — Меглинской сельскохозяйственной академии в Германии — А.Д. Тэер и натурфилософы Ф.В.Й. Шеллинг и Л. Окен (с. 23—24, 26).

Традиция внимательного исследования иностранного опыта и применения его в России сохранилась и в пореформенный период. В 1860—1870-х гг. аграрник-учёный и практик М.В. Неручев, опираясь часто на зарубежный передовой опыт, в своих многочисленных публикациях критиковал формы и методы природопользования, сохранявшиеся на родине «в результате диктата архаичных общинных традиций, а также ввиду отсутствия помощи со стороны государства» (с. 217—218). Его современник Ф.А. Баталин сделал достоянием широкой общественности наработки в силосовании кормовых трав немецкого профессора-аграрника Г. Зетегаста и французов О. Гоффара и Э. Лекуте (с. 226—227). В начале XX в. Щепкин совершил поездку на Туманный Альбион для изучения и распространения в России британских достижений в области рационального животноводства (с. 403—405).

Козлов приводит десятки подобных примеров, что позволяет с уверенностью говорить о прочном вхождении российских учёных-аграрников в общеевропейское «аграрно-интеллектуальное пространство». Но знали ли на Западе об успехах российских учёных, использовался ли там их опыт? Ясных ответов на эти вопросы в монографии нет.

При рассмотрении активной просветительской и практической работы отечественных учёных-аграрников Козлов ставит ещё одну проблему — о возможности эффективного использования новаторских аграрных разработок в условиях императорской России. Автор, весьма критически настроенный в этом вопросе, неоднократно подчёркивает, что российская власть почти не знала истинных потребностей сельского хозяйства и не оказывала помощи аграрной науке страны (с. 475—476, 482). Козлов недоумевает относительно того, что нереализованность многочисленных разработок и предложений проистекала не столько из-за недостатка усилий самих деятелей аграрного движения, сколько из-за невнимания и равнодушия правительственных кругов. С этим нельзя не согласиться, однако, на наш взгляд, данный факт является весьма объяснимым: бюрократическое государство всегда душит инициативу, «продавливает» свои решения, зачастую оторванные от реальной жизни.

Особо отметим ещё один существенный акцент исследования — в

нём не раз критически оценивается архаика русской крестьянской общины. Вывод же автора выглядит, без преувеличения, сокрушительно: роковую роль в судьбе аграрной модернизации России наряду с политическими факторами сыграл «архаично-дремучий крестьянский традиционализм, который в обстановке военных лишений Первой мировой войны проявил свои худшие качества, в том числе стремление к самоизоляции и... круговую общинную поруку насилия и грабежа» (с. 495). Впрочем, исследователь признаёт также и недостатки самих аграрников-дворян, которые, например, возлагали порой неоправданные надежды на сотрудничество с верховной властью, поздно осознали значимость крестьянской кооперации, недооценивали роль женщин в сельском хозяйстве (с. 489).

Книга С.А. Козлова весьма актуальна и полезна для отечественной науки, прежде всего с учётом поставленной в настоящее время задачи обеспечения продовольственной безопасности России. Вместе с тем представленные в исследовании положения и выводы российской аграрной науки ушедшей эпохи являются во многом безвозвратно утраченным наследием. Таким образом, рецензируемое издание оказывается не только веским свидетельством историка, но, по сути, серьёзным обличением широкомасштабных и в основе своей антинациональных экспериментов, которые принесли нашей стране в XX в. столько бедствий.

Примечания

[1] См., например: *Козлов С.А., Анкудинова А.М., Иерусалимский Ю.Ю.* Ярославская земля в древности. Ярославль, 2001; *Козлов С.А., Дорожкина Н.И.* Правление Екатерины Великой: Сложные вопросы на уроках истории. Учебное пособие. М., 2010; *Козлов С.А.* Русские люди об англичанах в XIX — начале XX в. М., 2015.

[2] *Козлов С.А.* Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центрально-нечернозёмные губернии) / Отв. ред. А.В. Семёнова. М., 2002; *Козлов С.А.* Аграрная рационализация Центрально-Нечернозёмной России в пореформенный период (по материалам экономической печати) / Отв. ред. В.Я. Гросул. М., 2008; *Козлов С.А.* Аграрная модернизация Центрально-Нечернозёмной России в конце XIX — начале XX в.: по материалам экономической печати. М., 2012; и др.

Валерий Дурновцев

Рец. на: Э.Г. Истомина. Леса России: экологическая и социоэкономическая история (XVIII — начало XX в.). М.: Квадрига, 2019. 358 с., ил.

Valeriy Durnovtsev
(Russian State University for the Humanities, Moscow)

Rec. ad op.: E.G. Istomina. Lesa Rossii: ekologicheskaya i sotsioekonomicheskaya istoriya (XVIII — nachalo XX v.). Moscow, 2019

DOI: 10.31857/S086956870012213-5

Научные интересы Э.Г. Истоминой давно и прочно связаны с исторической географией и смежными с ней направлениями. В известной мере её работы не только являются фактом научной биографии, но и отражают тенденции развития этой специальной исторической дисциплины. Их характерной особенностью является «историзация» проблематики, традиционно относящаяся к естественным наукам. Таковы исследования водных путей и ресурсов во второй половине XVIII — начале XIX в., водного транспорта в дореформенный период и др., которые можно объе-

динить заголовком «История воды в России»[1]. Органичным продолжением этой проблематики стало исследование русского леса, его экологической, социоэкономической, социокультурной истории. По аналогии с известной работой Х. Кюстера[2] новая монография Истоминой — взгляд российского автора, давно и успешно сочетающего в научном творчестве классические образцы и новации национальной историографии.

Взаимодействие человека и природы во времени, т.е. история окружающей среды (*Environmental History*) или, в вольном переводе, экологическая история, является одним из ведущих и перспективных научных направлений зарубежной историографии. И хотя Истомина осторожно указывает, что рассматриваемые ею проблемы относятся к ней лишь «отчасти» (с. 287), на деле рецензируемое исследование проведено именно в этих дисциплинарных границах — конечно, размытых, легко проникающих в другие сферы научного познания. Своей монографией автор опровергает категоричность зарубежных экоисториков, время от времени заявляющих об общей слабости разработки экологической истории в России. Это неправильно и несправедливо. В отечественной исторической и экономической географии задолго до возникновения и быстрого распространения за рубежом *Environmental History* (вторая половина 1960-х — 1970-е гг.) исследовались, в сущности, те же вопросы и сюжеты. Другой вопрос — использование этого словосочетания в исследовательских практиках, но существо дела куда важнее терминологических экзерсисов.

Книгу открывает содержательный историографический очерк. Хорошо, что он не превращён в библиографическое обозрение с минимизацией качественных характеристик. Тем более что в тексте монографии так или иначе учитывается весьма разнообразная литература. «Лесная история» привлекала внимание в первую очередь лесоводов, почвоведов, географов, ботаников, предвосхищая нынешнюю популярность и эффективность междисциплинарных подходов. Но и историки на концептуальном уровне раскрывали многие существенные стороны исторического процесса, связанные с лесом. Объективно они принимали деятельное участие в формировании феномена, который принято относить сейчас к экологической культуре, популяризации экологического знания. «Природу страны» выставлял в качестве важнейшего фактора русской исторической жизни С.М. Соловьёв. «Лесная колонизация» принадлежит к терминологическому репертуару В.О. Ключевского (с. 16—19).

Предэкологическая или доэкологическая история в России — это по большей части историческая география. В известных лекциях С.М. Середонина даётся такое определение этой отрасли знания, предвосхищающее возникновение экоистории: «Изучение взаимных отношений природы и человека в прошедшем. Как изменил человек природу, с одной стороны, как повлияла она на физическую и духовную организацию, с другой стороны, — вот вопросы, на которые должна бы ответить историческая география». Но, продолжал учёный, современный уровень знаний не позволяет ей решать такие масштабные вопросы и приходится определить предмет у́же[3]. Возможно, что словосочетание «историческая география окружающей среды» удачно перекликается с этим прогнозом.

Эпиграфом к книге стали строки из романа Л.М. Леонова «Русский лес»: «Лес входит в понятие Отечества». Знакомство читателей

с русским лесным богатством и его состоянием на протяжении двух веков начинается с известной «Лесной энциклопедии». Широко привлечены данные авторитетных исследований Л.В. Тагенборского о производительных силах России (1854), лесистости страны и её характеристике по природным зонам (Ю. Жебенко, 1862), представителей геоботанической школы А.Н. Бекетова и В.В. Докучаева. Обращает на себя внимание мельком высказанное соображение, что учение последнего о зонах природы и некоторые другие статьи являются яркими опытами объединения «двух культур» — гуманитарной и естественнонаучной, на чём много позже настаивал знаменитый писатель и физик Ч.П. Сноу[4]. Отдано должное и создателю учения о типах лесов Г.Ф. Морозову. Представлена общая картина распределения лесных ресурсов по стране, связанная в числе прочего с проблемой лесистости, рассматриваемой в сравнении с рядом европейских стран, проектами районирования лесохозяйственного пространства Европейской России.

Пожалуй, центральное место в исследовании занимает государственная политика в сфере лесного хозяйства. Это неудивительно, ведь государство оставалось самым крупным лесовладельцем (две трети всей площади лесов Европейской России). Её рассмотрение естественно начинается с анализа законодательной практики Петра I, направленной на сохранение угодий ради государственных интересов, прежде всего удовлетворения нужд кораблестроения. Соглашусь с автором: это были первые признаки зарождения национальной политики (с. 287). Понятие о лесе как исключительно государственном достоянии было разрушено указом Екатерины II от 22 сентября 1782 г., в соответствии с которым на первое место выдвигалось финансовое значение таких ресурсов. Представление о них как о доходном имуществе мало-помалу становилось господствующим. Лесной фонд разделялся на две категории: казённые (государственные) и частные (владельческие), а также въезжие и спорные. Автор отмечает неоднозначность этого решения, приведшего во многих случаях к беспорядочной рубке лесных массивов в поместьях. Но присутствуют и факты охраны и сбережения лесов.

Правовая регламентация, структура и практика лесоуправления прослеживаются в соответствии с хронологическими рамками исследования. В частности, последовательно рассмотрена деятельность Вальдмейстерской конторы, затем Лесного департамента — органа центрального управления, много лет переходившего из одного ведомства в другое, что привело к раздроблению значительной части лесов между отдельными владельцами. Переломным этапом в государственной политике стали создание Министерства государственных имуществ, а вслед за этим утверждение Положения о корпусе лесничих.

Особое внимание уделено истории охраны заповедных, корабельных лесов, необходимых для строительства флота и в определённой мере для нужд военного и дорожного ведомств. С учреждением Министерства финансов и включением в его состав Лесного департамента управленческие функции расширились. В 1811—1837 гг., в период существования Департамента госимуществ, в нём сосредоточились все дела, касавшиеся государственных угодий. В соответствии с Уставом о корабельных лесах 1817 г. они подверглись административно-территориальному делению на три округа. Эти крупные образования определили специфические условия развития значительной тер-

ритории Европейской России. Они способствовали развитию лесопромышленности, транспорта, дорожного строительства, внутренней и внешней торговли, обусловливали геоэкономическую целостность отдельных регионов страны.

Особое место, по обоснованному мнению автора, занимают разработка Положения о сбережении лесов 1888 г. и его правоприменительная практика, обеспечившая, в частности, надзор над частнохозяйственными лесами, а также преобразование Министерства государственных имуществ в Министерство земледелия и госимуществ (1891). Отмечена гипертрофированная централизация управления в этот период. Обращено внимание на опыты расширения местного лесного управления.

Отдельная глава исследования посвящена вопросам лесопользования. Обоснованно отказавшись от современного понятия «лесная промышленность», автор рассмотрела развитие деревообрабатывающей промышленности в двух формах — предприятий фабрично-заводского типа и кустарных производств. В общем виде затронуты вопросы внутренней и внешней торговли лесом, охоты и бортничества. Рассмотрены этноэкологические аспекты традиционной крестьянской культуры лесистых территорий; использование дерева как универсального материала в архитектуре, скульптуре, декоративно-прикладном искусстве; образ леса в русской литературе и живописи; лесной ландшафт как памятник культуры.

Шаг за шагом в монографии прослеживается, как проблема сохранения лесного фонда перерастала ведомственные рамки, овладевала общественным сознанием. С одной стороны, отмечено повсеместное истребление лесов во второй половине XIX — начале XX в., особенно после Крестьянской реформы 1861 г. С другой — фиксируется постепенное понимание обществом и властями необходимости решения задачи их сбережения. В конце концов это выразилось в «лесоохранительном законе» 1888 г. В соответствии с ним воспрещались опустошительные рубки, расчистка лесной почвы без достаточных на то оснований, полное подчинение общим лесохозяйственным правилам защитных и водоохранных лесов. Однако эта стратегия коснулась преимущественно государственных лесов.

Автор рисует противоречивую картину правоприменительной практики. Растянувшееся на десятилетия обсуждение лесных проблем не разрешило и не могло разрешить трудностей, обусловленных региональным разнообразием пространств, наличием частных и государственных лесов, однако привлекло внимание к проблеме. Постепенно идея рачительного отношения к лесу, неприятие гонки за доходностью проникла в сознание. «Лесной мир» как среда обитания открылся российскому обществу.

Русский лес оказался одним из важнейших источников формирования экологических знаний и культуры в стране. Их обзор, несмотря на понятную краткость, насыщен многими ценными свидетельствами. Образованное в 1845 г. Общество для поощрения лесного хозяйства вошло в качестве самостоятельного отделения в состав Вольного экономического общества, а в «Трудах» последнего тема леса заняла достойное место. Важную роль в привлечении внимания образованных слоев общества сыграли известные академические экспедиции второй половины XVIII в., Русское географическое общество. Для укрепления «лесной власти» на местах с 1805 г. создавались лесные инспекции. Появились и первые

учебные заведения высшего и начального лесного образования.

Не последнюю роль в формировании экологической культуры, включающей в себя и проблему леса, сыграла русская и переводная литература. Истомина обращает внимание на вызвавшую мировой общественный резонанс и, между прочим, оказавшую спустя столетие сильное воздействие на формирование экологической истории книгу американского учёного и дипломата Дж. Марша «Человек и природа»[5]. Наконец, художественная, историческая литература, публицистика. Тут что не имя, то отложившиеся в памяти многих поколений выдающиеся произведения С.Т. Аксакова, И.С. Тургенева, А.П. Чехова, И.А. Бунина, М.М. Пришвина...

Разумеется, феномен леса в отечественной истории и культуре настолько многообразен и существенен, что под одной обложкой с одинаковой полнотой могли быть рассмотрены далеко не все вопросы. Понятно и то, что судьба русского леса является важной, но не исчерпывающей составляющей экологической и социально-экономической истории страны, в том числе и в рассматриваемых в книге хронологических пределах. Но главное: монография Э.Г. Истоминой подтверждает эффективность исследований национального прошлого в контексте экологической истории, взаимодействия русского человека и окружавшей и изменявшейся под его воздействием природно-географической среды. Многие её страницы могут рассматриваться как путеводитель и одновременно сигнал новым поколениям историков (в том числе экологических) для выбора и переосмысления экоисторической проблематики в контексте общей истории страны.

Примечания

[1] *Истомина Э.Г.* Водные пути России во второй половине XVIII — начале XIX вв. М., 1982; *Истомина Э.Г.* Водный транспорт в России в дореформенный период. Историко-географические исследования. М., 1991.

[2] *Кюстер Х.* История леса. Взгляд из Германии. М., 2012; Изд. 2. М., 2018.

[3] *Середонин С.М.* Историческая география: лекции, читанные проф. С.М. Середониным в Императорском петроградском археологическом институте. Пг., 1916. С. 1.

[4] *Сноу Ч.П.* Портреты и размышления. М., 1985. С. 195.

[5] *Марш Г.* Человек и природа, или о влиянии человека на изменение физико-географических условий природы. СПб., 1866.

Фёдор Гайда

Рец. на: В.Н. Шаховской. Так проходит мирская слава. 1893—1917 / Вступ. ст. и коммент. С.В. Куликов. М.: Ретроспектива; Кучково поле, 2019. 704 с.

Fyodor Gayda
(Lomonosov Moscow State University;
Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia)

Rec. ad op.: V.N. Shakhovskoy. Tak prokhodit mirskaya slava. 1893—1917. Moscow, 2019

DOI: 10.31857/S086956870012214-6

Мемуары князя Всеволода Николаевича Шаховского впервые вышли в Париже ещё в 1952 г.[1] Их автор принадлежал к последнему поколению высшей бюрократии Российской империи, выдвинутому на первые роли

в период Великой войны. Среди его коллег по правительству сравнимые по информативности и значению свидетельства оставили только министр финансов П.Л. Барк, министр земледелия А.Н. Наумов, а также министры иностранных дел С.Д. Сазонов и Н.Н. Покровский[2]. Работая над своими записками на склоне лет, в освобождённой от нацистов Франции, Шаховской не имел возможности опираться на личный архив. Однако даже после пережитой трагедии (при американской бомбёжке погибла жена, а сам князь получил тяжёлое ранение) память сохраняла множество подробностей прошлого. Неточностей в его воспоминаниях немного (комментатором они тщательно выявлены), а упоминаемые в них детали часто подтверждаются другими источниками. Мемуарист осветил свой карьерный путь, отношения с царём и царицей, председателями и членами Совета министров, представителями законодательных палат и торгово-промышленного мира, очертил деятельность Министерства торговли и промышленности, Особых совещаний, борьбу с «немецким засильем», события Февральской революции. Настоящее издание является вторым, однако, в отличие от первого, оно имеет научный характер. Комментарии (набранные мельче, чем основной текст) и указатель имён составили половину книги (с. 344—682).

Всеволод Николаевич принадлежал к многочисленному роду ярославских князей Рюриковичей, однако никакими земельными владениями уже не обладал, жил на жалованье. О своих родителях он не писал, о его матери (Е.К. Кимбар) сведений вообще нет. С.В. Куликов относит Шаховского к «служилой интеллигенции» (с. 6), хотя такое сталинское понятие[3], пожалуй, сильно удивило бы самого князя. На современный лад его можно было бы назвать технократом. В Морском кадетском корпусе он получил высшее образование, по преимуществу математическое. Автор предисловия считает это «атипичным» (с. 6), хотя трое из пяти предшественников Шаховского, возглавлявших торгово-промышленное ведомство в 1905—1915 гг., оканчивали именно физико-математические факультеты. Особенностью являлась скорее связь с флотом. Не став военным моряком, князь сделал блестящую бюрократическую карьеру. В продвижении по службе ему способствовали императорский флаг-капитан адмирал К.Д. Нилов, вел. кн. Александр Михайлович и министр путей сообщения С.В. Рухлов, в ведомстве которого Шаховской стал начальником управления внутренних водных и шоссейных дорог. Все они ценили деловые качества Всеволода Николаевича (с. 8—12, 15). Тем не менее назначение в феврале 1915 г., когда в верхах уже осознали проблему «снарядного голода», 40-летнего Шаховского (самого молодого на тот момент члена правительства) министром торговли и промышленности, по словам Барка, насторожило его коллег, поскольку князь не являлся ставленником А.В. Кривошеина, подбиравшего в то время кандидатуры руководителей ведомств[4]. Но тот поддержал креатуру своего союзника Рухлова (с. 16), который, как и он, принадлежал к числу ближайших сотрудников П.А. Столыпина. Не возражал и «премьер» И.Л. Горемыкин, когда Николай II решил с ним посоветоваться (с. 97—100).

Барк отмечал, что князь был «очень хороший, порядочный и трудящийся человек, но не прошедший достаточной подготовительной школы для ответственного поста министра торговли и промышленности и совершенно неизвестный в торго-

во-промышленных кругах»[5]. Предприниматели предпочитали видеть на столь важной, особенно в условиях войны, должности Н.С. Авдакова. Граф С.Ю. Витте, опиравшийся на поддержку Ставки и военного министра В.А. Сухомлинова, рассчитывал, что её займёт учёный-экономист В.П. Литвинов-Фалинский, управлявший отделом промышленности в министерстве (с. 136). Не добившись своего, эта мощная коалиция уже в марте попыталась убедить императора сделать Литвинова товарищем министра с особыми полномочиями и ввести его в Совет министров. Лишь подав в отставку, Шаховской сумел избавиться от соперника (с. 122—125, 136). На стороне князя выступили Кривошеин, Рухлов и Горемыкин, чьи отношения с петроградским частным капиталом тогда обострились[6]. Тем не менее Ставка боролась за отставку Шаховского вплоть до лета 1915 г.[7] Частичным её успехом стало создание «майского совещания», а затем и Особых совещаний, в чём ей активно содействовали промышленники и думское большинство.

Куликов аргументированно опровергает изложенную в мемуарах В.И. Гурко версию, согласно которой Шаховской стал министром с подачи Г.Е. Распутина: никаких доказательств в её пользу нет, основана она на более поздних слухах. Однако князь не гнушался контактов со «старцем», влиявшим на императрицу (с. 196—202), хотя просьбы его удовлетворять не спешил (с. 17—18, 200—202, 546—547). Какое-либо участие Распутина в формировании правительственной политики мемуарист отрицал. В целом, Шаховской старался демонстрировать гибкость, позднее отличавшую его отношения и с министрами, и с промышленниками, и с общественностью. Куликову, как и вел. кн. Николаю Михайловичу, он напоминает «Вилли Ферреро» — вундеркинда, дирижировавшего оркестром (с. 5).

Как утверждал В.В. Прилежаев, управлявший канцелярией министра, кн. Шаховской поменял стиль министерской деятельности: в отличие от С.И. Тимашева, державшего всё в своих руках, он предоставлял больше свободы подчинённым, ограничиваясь курированием их работы, которая в результате пошла значительно быстрее. Помощник управляющего делами Совета министров А.Н. Яхонтов вспоминал, что на заседаниях Всеволод Николаевич поначалу оставался в тени более крупных и опытных фигур, но затем освоился и стал инициативнее (с. 18—21). Сам князь признавался: «Эти два года я не могу охарактеризовать иначе, как словом “кошмар”» (с. 108). Как бы то ни было, именно тогда российская экономика была поставлена на военные рельсы, причём основную роль в этом сыграла государственная промышленность. Со своей стороны, министр добился фиксации предельных цен на топливо и подготовил законопроект об устройстве государственного нефтяного промысла в бакинском районе, что встретило противодействие частных фирм. Кроме того, он безуспешно пытался перевести железнодорожный транспорт на антрацит, ограничить засилье банков в акционерных обществах и предотвратить секвестр Путиловского завода. Однако сопротивление Трепова и Барка, а также множества лоббистов оказалось сильнее (с. 236—239, 245—246, 255—260, 284, 582—583, 592—593, 597, 626—627).

Шаховской старался заручиться поддержкой самых разных сил, демонстрируя лояльность к Думе, общественным организациям и предпринимателям. Первоначально он надеялся на их деловой подход и способ-

ность избежать излишней политизации в военное время (с. 189, 541—542, 551). При этом ещё до 1915 г. у него сложились «добрые отношения» с «некоторыми кадетами» (в частности, А.И. Шингарёвым и Н.В. Некрасовым), которые сохранились и впоследствии. Позднее министра консультировали член ЦК кадетской партии П.Б. Струве и связанный с ней банкир Б.А. Каменка (с. 106—107, 414—417). С кадетами Всеволоду Николаевичу было даже проще взаимодействовать, чем с октябристами и правыми, боявшимися скомпрометировать себя сотрудничеством с бюрократией (с. 113, 334). В Особом совещании по топливу под председательством Шаховского заседания носили преимущественно деловой, а не политический характер. Две его секции возглавляли член Государственного совета А.А. Макаров и товарищ председателя Думы А.Д. Протопопов. По словам князя, это «было чисто тактическим шагом», позволявшим «втянуть членов законодательных палат как можно больше в реальную работу» и свести к минимуму демагогическую критику с их стороны. В московском регионе главноуполномоченным Совещания стал кадет П.И. Новгородцев (с. 231—232). «Я никогда не был противником “общественности”, — утверждал Шаховской, — но я был заклятым врагом “революционной общественности”, которая в последние годы, к глубокому прискорбию, закабаляла почти всю общественность. С этой революционной общественностью я считал своим долгом, священным долгом, долгом разума, долгом совести, долгом присяги бороться всеми силами, что я и выполнил до конца в бытность мою в царском правительстве» (с. 190). Прочитав мемуары В.А. Маклакова[8], князь констатировал: «Как ни странно, но общественная деятельность у нас не выработала государственных людей. Как это ни странно, но бюрократический опыт (я говорю о высшей бюрократии) давал у нас много больше умения к правлению государством, чем всякого рода общественные и земские организации» (с. 342).

Вместе с тем Шаховской пользовался доверием Николая II и императрицы Александры Фёдоровны, которые весьма высоко оценивали деловые качества Всеволода Николаевича (с. 156). Конфликты с другими министрами возникали у него в основном из-за ведомственных интересов и прагматических соображений (с. 109, 235—242, 253, 572—576, 589—590). В целом, он скорее сглаживал напряжённость в правительстве, чем создавал её. И если адмирал И.К. Григорович на заседаниях правительства делал бывшему мичману Шаховскому «довольно бесцеремонные замечания», то сам князь в частных беседах с императрицей защищал репутацию морского министра (с. 420—421, 491). Лишь военного министра А.А. Поливанова он заподозрил в злонамеренности (с. 111, 249—254, 421) и лоббировании интересов частной промышленности в личных политических целях (с. 255—260, 602—603). Настораживала и тесная связь генерала с А.И. Гучковым, которого мемуарист знал с 1907 г. по Русскому обществу пароходства и торговли. Уже тогда тот ввязывался в любую авантюру (с. 297—298). Да и в 1915—1917 гг. деятельность военно-промышленных комитетов, как и других всероссийских общественных организаций, Шаховской воспринимал весьма критически (с. 141, 177—180, 513—515)[9].

В Совете министров Шаховской поспешил присоединиться к большинству во главе с Кривошеиным. В конце мая 1915 г. князь участвовал в коллективном обращении к царю с призывом отправить в отставку четырёх министров, имевших репута-

цию консерваторов (с. 162—164), а в августе подписал письмо министров к Николаю II с просьбой сохранить на посту верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича и уволить Горемыкина (с. 213—219). Критика политики Кривошеина в мемуарах (с. 109—110) явно отражала более поздние настроения и размышления Шаховского. Между тем осенью 1915 г. расклад сил в правительстве поменялся, и Всеволод Николаевич постепенно примкнул к А.Ф. Трепову, которого также рекомендовал императору Рухлов. Это, как и разлад с Поливановым, не способствовало сближению с начальником штаба Ставки генералом М.В. Алексеевым (с. 153, 474). Когда в руках князя оказались письма Гучкова к Алексееву, он немедленно ознакомил с ними Александру Фёдоровну. И сам Шаховской, и императрица, а вслед за ними и Куликов пишут о «переписке» Алексеева и Гучкова, хотя генерал её наличие отрицал, чем навлёк на себя подозрение (с. 153—155, 476—488). И действительно, нет не только ответных писем Алексеева, но и каких-либо свидетельств об их существовании. Гучков писал начальнику штаба и затем распространял свои послания, используя их как оружие политической борьбы. Будь в его руках хотя бы один ответ, он непременно так или иначе предал бы его огласке. Это прекрасно понимал и не отвечавший ему Алексеев. Тем не менее в феврале—марте 1917 г. он выступил на стороне Гучкова.

Борьба за пост министра торговли и промышленности происходила с переменной интенсивностью, но не прекращалась. С осени 1915 г. главным претендентом на роль преемника Шаховского являлся Протопопов, которого неизменно выдвигал председатель Государственной думы М.В. Родзянко. Кривошеин рекомендовал князю взять депутата в товарищи, Б.В. Штюрмер рассматривал такую комбинацию как часть желанного компромисса с оппозицией. Тем временем сам Протопопов рассказывал Распутину, будто Шаховской хочет возглавить МВД (с. 144—150, 156—157, 458, 469—473, 490). Однако министром внутренних дел царь назначил самого Протопопова. Шаховской, казалось бы, мог успокоиться. Вот только неожиданный взлёт вчерашнего товарища в Таврическом дворце восприняли враждебно и сочли за предательство. Шаховской не одобрял поиски компромисса, предпринятые новым премьером Треповым, хотя, как верно отметил Куликов, и сам занимался тем же (с. 312—313, 655—656). После отставки Трепова он безуспешно просил об увольнении (с. 316). Впрочем, ему пришлось покинуть министерство уже через два месяца: во время Февральской революции Шаховского арестовали, но через четыре дня отпустили — помогли личные связи с кадетскими лидерами (с. 334). Этим и завершились попытки князя найти серьёзную опору в сотрудничестве с парламентом и общественностью.

Примечания

[1] *Шаховской В.Н.* «Sic transit gloria mundi» (Так проходит мирская слава). 1893—1917 гг. Париж, 1952. В издании 2019 г. оригинальное название изменено.

[2] *Барк П.Л.* Воспоминания последнего министра финансов Российского империи. 1914—1917. В 2 т. М., 2016; *Наумов А.Н.* Из уцелевших воспоминаний. 1868—1917. В 2 кн. Нью-Йорк, 1954—1955; *Покровский Н.Н.* Последний в Мариинском дворце: воспоминания министра иностранных дел. М., 2015; *Сазонов С.Д.* Воспоминания. М., 1991.

[3] *Гайда Ф.А.* «Интеллигенция»: чудо воскрешения. Заметки об эволюции понятия в советский период // История. Научное обозрение OSTKRAFT. № 4(16). М., 2020. С. 121—123.

[4] *Барк П.Л.* Воспоминания... Т. 1. С. 417—419.

[5] Там же. С. 416—417.

[6] Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Записи заседаний и переписка. СПб., 1999. С. 114—115; *Крупина Т.Д.* Политический кризис и создание Особого совещания по обороне // Исторические записки. Т. 83. М., 1969. С. 58—75.

[7] Из истории борьбы в верхах накануне Февральской революции: новые документы / Публ. С.В. Куликова // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 6. СПб., 1996. С. 162—163.

[8] *Маклаков В.А.* Власть и общественность на закате старой России (воспоминания современника). Париж, 1936.

[9] По подсчётам историков, к январю 1917 г. военно-промышленные комитеты выполнили лишь 6—7% полученных заказов: *Маевский И.В.* Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М., 1957. С. 86—93.

Евгений Подрепный

Рец. на: М.Ю. Мухин. Поколение «0». Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в области реактивной авиации в СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Институт российской истории РАН, 2019. 235 с.

Evgeniy Podrepniy
(Institute of International Relations and World History,
National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia)

Rec. ad op.: M.Yu. Mukhin. Pokoleniye «0». Nauchno-issledovatel'skiye i opytno-konstruktorskiye raboty v oblasti reaktivnoy aviatsii v SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. Moscow, 2019

DOI: 10.31857/S086956870012216-8

Новая монография М.Ю. Мухина является, судя по всему, завершением длительной разработки сравнительно малоизученного сюжета[1]. Автор впервые сформулировал понятие «нулевого поколения» реактивной авиатехники, которое охватывает все её модели, разрабатывавшиеся в СССР в 1944—1945 гг., т.е. ещё до того, как у советских инженеров и конструкторов появилась возможность ознакомиться с «трофейными» реактивными самолётами Германии и с моделями турбореактивной техники, приобретёнными у недавних союзников по антигитлеровской коалиции. Название родилось на том основании, что традиционно самолёты, сконструированные под использование названных двигателей, объединяют в категорию «первое поколение советских реактивных самолётов». С таким подходом можно соглашаться, его можно оспаривать, но надо признать, что рациональные основания в нём присутствуют.

Ранее «нулевое поколение» как исторический феномен не становилось предметом исследования ни у нас, ни за рубежом, поэтому можно только приветствовать работу, закрывающую этот досадный пробел. Нельзя не согласиться с автором в том, что «эти самолёты не стали основой советских ВВС. Они вообще практически не производились сколько-нибудь крупной серией. Но они стали важной вехой развития советской авиации, первым шагом советских реактивных самолётов в небо. На этих машинах советские конструкторы и производственники набирались опыта, осваивали новые технологии и приёмы. Очень сомнительно, что без этой школы “проб и ошибок” состоялось бы то первое реактивное поколение, которое мы знаем» (с. 34).

Хотелось бы отметить разносторонний подход автора к избранному сюжету. Монография затрагивает вопросы истории науки и техники, экономической и социальной истории, в какой-то степени — даже истории государственных учреждений. Это позволило рассмотреть события и тенденции тех лет с разных точек зрения, учитывая взаимовлияние различных факторов и обстоятельств. Перед читателем — не рассказ о самолётах, а повествование о людях, которые эти самолёты создавали.

Классифицировать структуру работы непросто. Каждая глава имеет чёткие хронологические рамки, поэтому на первый взгляд кажется, что книга построена по хронологическому принципу. Однако каждая глава посвящена какому-либо процессу, протекавшему в тот или иной период, поэтому вернее определить построение монографии как проблемно-хронологическое. Структура работы логична и полностью соответствует поставленным автором задачам.

Формально книга включает в себя четыре главы, но изложение собственно исторических сюжетов предварено пространным вводным разделом, который сам автор поименовал «Вместо предисловия. О чём эта книга». Помимо обязательных и традиционных положений (предмет исследования, хронологические рамки, источниковый корпус и т.п.) этот раздел также содержит подробный обзор истории работ по реактивной авиации в довоенном СССР, а также в 1941—1943 гг. По объёму он вполне сопоставим с каждой из последующих глав, поэтому можно сказать, что монография про «нулевое поколение» начинается с «нулевой главы».

Первую главу («1944 г. “Много званных, но мало избранных”») автор посвятил вопросам формирования «нулевого поколения». Весной 1944 г. под влиянием разведывательных сведений о бурном развитии реактивной авиации как в странах «оси», так и у союзников в СССР приняли стратегическое решение о форсировании работ в этом направлении. А так как полной ясности о том, какой из типов реактивного движения имеет наибольший потенциал развития, не имелось, последовало распоряжение одновременно работать над целым «веером» разноплановых конструкций. Началась разработка ракетопланов с жидкостным ракетным двигателем (ЖРД); самолётов с поршневыми моторами, на которые ЖРД устанавливались в качестве дополнительных моторов; самолётов с турбореактивными двигателями (ТРД); аэропланов, оснащённых комплексом «двигатель внутреннего сгорания + воздушно-реактивный двигатель компрессионного типа (ВРДК)».

По сути, происходил медленный отсев неудачных направлений и поиск фаворитов. Достаточно быстро стала понятной бесперспективность ракетопланов. Вопрос с турбореактивными самолётами отпал ввиду отсутствия работоспособного ТРД. Однако и самолёты с ВРДК не считались приоритетными: они разрабатывались под комплекс «ВРДК + поршневой мотор ВК-17». Между тем оба компонента представляли собой «сырые» конструкции, добиться от которых стабильной работы не удавалось. На первые позиции в «нулевом поколении» аэропланы с ВРДК вышли только к осени 1944 г., и то не потому, что их испытания шли успешно, а потому что А.С. Яковлев и С.А. Лавочкин, озабоченные серийным выпуском и совершенствованием своих истребителей, рассматривали проекты «полуреактивных» машин с дополнительным ЖРД как низкоприоритетные и изрядно запоздали с началом их испытаний.

Глава вторая («Зима—лето 1945 г. “Останется только один”») описывает финал «реактивной гонки», в ходе которого окончательно решался вопрос о том, какая из моделей «нулевого поколения» будет передана в серийное производство. Рассказывается о подробностях доводки и отладки, на первый взгляд, уже освоенных машин и агрегатов. Каждый раздел главы посвящён процессу мучительных поисков решения той или иной проблемы. Как обеспечить поджигание керосина на большой высоте? Как добиться устойчивого горения в «топке» форсажной камеры? Почему шарикоподшипник компрессора не выдерживает нагрузок? При этом автор отмечает: «Следует постоянно иметь в виду, что проблематика, связанная с работой реактивных двигателей, с управляемостью самолётов с реактивными двигателями, и все тому подобные сюжеты были для советских (впрочем, не только для советских) инженеров тех лет, в известной степени, “табула раса”, и в ряде случаев авиаспециалисты не стеснялись честно признаваться — “мы не знаем, почему это не работает или работает нештатно”. Проблема была в том, что это “незнание” ни в коем случае не рассматривалось как уважительная причина невыполнения задания руководства СССР. Стране нужен был результат, от этого зависели её шансы на победу в геостратегическом противостоянии, и инженеры середины века шли на неизведанное, как бойцы штурмовых инженерно-сапёрных бригад — на пулемёты. Если не хватало теоретических знаний — искали оптимальное решение эмпирически, наощупь. Если не получалось с первого раза — делали со сто первого. Но — делали. Потому что это было нужно стране» (с. 85).

Синхронно рассматривается и порядок уже начавшихся работ над турбореактивными самолётами «первого поколения», так как теперь конструкторам, ведущим опытно-конструкторские и испытательные работы над машинами поколения «нулевого», требовалось не просто решить стоящие перед ними технические проблемы, но решить их раньше запуска в серию турбореактивных самолётов на «трофейных» двигателях. Наконец, летом 1945 г. было принято окончательное решение — работы по «полуреактивным» истребителям в основном свернули, а И-250, оснащённый ВРДК, рекомендовали в серийное производство.

Глава третья («Осень—зима 1945 г. Опоздавшие к взлёту») посвящена... «доводке до кондиции» уже рекомендованного в серию И-250. Рекомендация к серии сама по себе совершенно не означала, что все конструкторские работы по данному проекту завершены и что машина готова к серийному выпуску. И снова конструкторский поиск, и снова — решение технических проблем, которые появлялись вновь и вновь, как отрубленные головы у Лернейской Гидры. Параллельно даётся панорама завершающих работ по ракетным двигателям, продолжавшихся даже после формального прекращения конструкторских работ по «полуреактивным» истребителям. Можно сказать, что в этой главе подводится итог всем усилиям конструкторов и производственников.

Пожалуй, наибольшее значение имеет глава четвёртая («Серия “в никуда”»). Она посвящена попытке серийного производства истребителя И-250, оснащённого поршневым мотором ВК-107 и ВРДК. Однако автор заходит издалека, начав изложение с описания судьбы завода № 381, которому было доверено серийное производство первого советского реактивного самолёта. Рассказана история его эвакуации на Урал, работы на но-

вом месте дислокации и реэвакуации в Москву. На основании тщательного анализа обстоятельств и результатов работы по производству истребителей Ла-5 и Ла-7 автор пришёл к выводу, что на 1945 г. это предприятие могло быть отнесено к числу достаточно успешных. Разумеется, на заводе хватало проблем, характерных для всего советского авиапрома тех лет, однако при сравнении с другими предприятиями он выглядел относительно благополучным.

Однако затем автор описывает детали работ по освоению И-250, и читатель начинает понимать, в каких тяжёлых условиях приходилось решать эту задачу. На заводе не хватало электроэнергии, топлива, продовольствия. В условиях послевоенной конверсии он был обязан параллельно с выполнением военных заказов выполнять программу выпуска ширпотреба. Смежники срывали поставки, рабочие уходили на более «хлебные места», но самолёты, пусть медленно, постоянно отставая от графика, продолжали строиться.

Характерно, что автор не стесняется затрагивать «прозу жизни» — финансовый вопрос. Если во вводной части мы узнаём размеры вознаграждений за разработку новой техники, то в дальнейшем уделяется внимание динамике себестоимости той или иной авиапродукции и стоимости освоения новой авиатехники на заводе № 381. Вообще надо отметить внимание Мухина именно к заводу — численности его персонала, уровню оплаты труда, динамике производственных площадей. Складывается впечатление, что все сюжеты, связанные с «нулевым» поколением, для автора монографии — лишь пьедестал, на который водружён памятник сотрудникам завода, которые в тяжелейших условиях строили первенец советской реактивной авиации, практически вопреки всему! Неслучайно один из разделов этой главы так и называется — «Непрославленный подвиг».

Сильное впечатление производит раздел «Ненужная правда Коккинаки». Знаменитый лётчик в годы войны стал главным инспектором Наркомата авиапромышленности по качеству, а в 1946 г. возглавил комиссию по рассмотрению ситуации на заводе № 381 и установлению круга лиц, виновных в срыве своевременного освоения И-250. Судя по её материалам, Коккинаки предельно объективно оценивал ситуацию, возлагая основную вину именно на аппарат Министерства авиапромышленности, который не обеспечил завод, выполняющий стратегически важный государственный заказ, даже элементарными ресурсами (топливом и электроэнергией) и безучастно взирал на систематический срыв поставок другими предприятиями авиапромышленности. Однако практических результатов доклад комиссии Коккинаки не имел. Завершается глава историей производства и последующей судьбы войсковой серии И-250. По мнению автора, окончательно судьба единственной модели «нулевого поколения» решилась во втором квартале 1946 г. К этому моменту уже полным ходом выпускались турбореактивные истребители «первого поколения», поэтому доводка И-250 потеряла смысл.

М.Ю. Мухин представил широкую картину истории создания, отладки и серийного производства нескольких моделей советских реактивных самолётов, предшествовавших «первому поколению» турбореактивных истребителей. Монография представляет собой комплексное исследование, основанное на широком круге архивных источников Центрального архива Министерства обороны, Российского государственного архива экономики и Центрального городского архива

Москвы, подавляющее большинство которых впервые вводится в научный оборот. Она написана академическим языком и вносит существенный вклад в изучение как истории науки и техники, так и социально-политической истории СССР середины 1940-х гг.

Примечание

[1] *Мухин М.Ю.* Работы по созданию реактивной авиатехники в СССР в годы Великой Отечественной войны // Проблемы изучения военной истории: сборник статей Третьей всероссийской научной конференции с международным участием. Самара, 2015. С. 265—271; *Мухин М.Ю.* Советская авиационная промышленность 1940-х гг. и первые реактивные самолёты // Российская история. 2016. № 4. С. 44—55; *Мухин М.Ю.* Из истории ВПК предвоенных и военных лет: организация работ в области реактивного самолётостроения в СССР в 1930-е — середине 1940-х годов // Труды ИРИ РАН. 2017. № 14. С. 72—96; *Мухин М.Ю.* Технический переворот середины 1940-х годов. Взгляд с уровня завода // Экономическая история. Ежегодник. 2016/17. М., 2017. С. 267—302.

Чжуан Шици

Zhuang Shiqi
(Institute of Area Studies, Academy for Advanced Interdisciplinary Studies, Peking University)

Рец. на: C. Miller. The struggle to save the Soviet economy: Mikhail Gorbachev and the collapse of the USSR. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2016. 264 p.*

DOI: 10.31857/S086956870012217-9

Монография кандидата исторических наук, сотрудника Университета Тафтса (США) К. Миллера — результат многолетней работы по изучению истории СССР. В фокусе исследования — экономическая «перестройка» М.С. Горбачёва, тема, до сих пор актуальная в исторической науке и вызывающая интерес СМИ ведущих стран мира. Попытки комплексного анализа этого периода уже предпринимались в российской историографии. Некоторым историкам (А.С. Барсенков[1], Н.В. Елисеева[2]) удалось показать комплексную картину рассматриваемого периода. Однако многочисленные исследования не свободны от недостатков и даже прямых искажений исторической правды. Историография КНР менее содержательна и более поверхностна, ограничивается стереотипами и узкими рамками. Среди западных исследователей распространены односторонний выбор и произвольная трактовка источников, что, безусловно, не снабжает их объяснения убедительностью.

Оригинальность труда молодого американского историка заключается в том, что, пытаясь найти альтернативу традиционному изложению, он анализирует перестройку с точки зрения влияния на неё китайского опыта. В первых двух главах он показывает, что в первой половине 1980-х гг. советские аналитики тщательно изучали экономические реформы Дэн Сяопина. Специалисты АН СССР отслеживали хозяйственные и социально-экономические изменения после смерти Мао Цзэдуна, в том числе учреждение системы семейных

[*] *Миллер К.* Борьба за спасение советской экономики: Михаил Горбачёв и распад СССР. Чапел-Хилл: Издательство университета Северной Каролины, 2016. 264 с.

подрядов в сельском хозяйстве, развитие единоличных и корпоративных хозяйств, а также расширение самостоятельности государственных предприятий, и регулярно докладывали об этом руководству страны. Причём китайский прогресс не только получил понятное объяснение, но и заслужил высокую оценку. На основе широкого массива материалов РАН автор продемонстрировал, что, помимо либералов, восхищавшихся экономической и политической системой Запада, и консерваторов, придерживавшихся малоэффективных, но хорошо знакомых механизмов работы, среди интеллигенции СССР находились и приверженцы реформ по китайскому образцу. Такие влиятельные фигуры, как Ф.М. Бурлацкий, А.Е. Бовин и Г.А. Арбатов, посещали КНР и собственными глазами видели экономический подъём и улучшение жизни населения. Миллер уверен, что ещё до марта 1985 г. доклады, посвящённые преобразованиям Дэн Сяопина, привлекли внимание Горбачёва и оказали влияние на его стратегию (p. 53, 54).

В третьей главе описана главная, по мнению автора, причина кризиса — ведомственность. Подчёркивается, что к моменту прихода Горбачёва к власти военно-промышленный комплекс, гражданская промышленность и сельское хозяйство функционировали малоэффективно и опирались на масштабные государственные инвестиции и дотации. Представители этих отраслей в высшем руководстве стремились предотвратить любое их сокращение, что уж говорить о попытке провести рыночно-ориентированные реформы. Во второй половине 1980-х гг., когда из-за падения цен на энергоносители стало невозможно умиротворить ведомственность нефтедолларами, Горбачёв, с одной стороны, начал «затыкать дыры» эмиссией, а с другой — обратился к китайскому опыту.

В следующих трёх главах анализируются собственно реформы. Законами «Об индивидуальной трудовой деятельности» и «О кооперации в СССР» граждане СССР в экономической деятельности получили те же права, что граждане КНР в первой половине 1980-х гг. (p. 99). Новые принципы работы, установленные законом «О государственных предприятиях», оказались, по мнению Миллера, копией политики Дэн Сяопина (p. 95). В сокращении дотаций и ослаблении административного регулирования — также по китайскому сценарию — виделся путь выхода из кризиса сельского хозяйства (p. 138). Активно распространялись подрядная система и хозяйственный расчёт, а также поддерживались индивидуальные хозяйства. Однако, выдвинув реформаторские предложения, Горбачёв столкнулся с оппозицией некоторых влиятельных чиновников, которые оказались представителями и защитниками ведомственных интересов. Они не были заинтересованы в новациях, по-прежнему требуя масштабных инвестиций и дотаций.

В седьмой главе анализируются последствия экономических реформ во второй половине 1980-х гг. Финансовыми ресурсами, полученными за счёт эмиссии, умиротворить представителей ведомственных интересов не удалось, зато усугубились дефицит и дороговизна. Усматривая в реформах угрозу, они прибегли к силе. Члены ГКЧП, по мнению автора, отстаивали интересы ведомств, а августовский путч стал их попыткой восстановить выгодный для себя порядок (p. 168). Его провал автор объясняет тем, что по сравнению с населением КНР, жизнь которого стабильно улучшалась, население СССР сильно

страдало от дефицита и дороговизны и поэтому уже не поддерживало возвращение к старой модели (p. 171).

В заключение автор критикует как иллюзию представление о том, что китайская модель экономических реформ является упущенной альтернативой для СССР. Он показывает, что опыт КНР изучался достаточно подробно, однако ведомственность оказалась так сильна, что реализовать китайскую модель не получилось (p. 178, 179). Автор пришёл к выводу, что провал реформ обусловливался не столько ошибками Горбачёва, сколько нереформируемостью самой советской системы (p. 181).

В научном сообществе США и Великобритании монография Миллера получила хорошие отклики за «систематический анализ»[3] и «тщательно отобранные источники»[4]. В России высоко оценил данный труд М.М. Минц[5]. Главный вклад американского исследователя заключается в том, что он осветил историю изучения советскими аналитиками реформ Дэн Сяопина — тему, которая до того не получила должного внимания ни в США, ни в России. При написании книги были привлечены архивные фонды РАН, подавляющее большинство из которых ранее использовалось мало и которые автор детально проанализировал. С мнением автора, что доклады об аграрных реформах в Китае повлияли на Горбачёва, можно согласиться. Об этом свидетельствуют записи его советников А.С. Черняева, В.А. Медведева и Г.Х. Шахназарова. Объяснением отношения генерального секретаря ЦК КПСС к успеху китайцев в этой сфере Миллер устранил пробел в историографии перестройки.

Тем не менее монография не свободна от значительных недостатков. В западной историографии отсутствует всестороннее и объективное изучение источников, связанных с историей перестройки, и данная работа — не исключение. Несмотря на то что в списке используемой литературы перечислены два фонда РГАНИ, три фонда РГАЭ и три фонда ГА РФ, многочисленные документальные публикации и воспоминания, сам автор использовал только небольшую часть из них. Он не привлёк ни текстов публичных речей Горбачёва 1985—1991 гг., ни официальных документов, опубликованных партийными или государственными органами в рассматриваемый период (в частности материалов, связанных с пленумами ЦК КПСС, законодательных и нормативных актов). И это неудивительно — на Западе они считаются крайне ненадёжными. Нигде не упоминаются ни книга «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира», которая в своё время пользовалась широкой популярностью, ни сборник «Собрание сочинений М.С. Горбачёва», изданный после распада СССР. Возможно, эти важные источники не попали в поле зрения автора. Но это странно, ведь сам он отмечает, что побывал в архиве Горбачёв-Фонда. Автор не обратил внимания на архивные документы отделов ЦК КПСС, министерств и ведомств СССР. Более того, по тексту монографии заметно, что даже к перечисленным фондам Миллер отнёсся несерьёзно. Складывается впечатление, что он опирался прежде всего на архивные документы РАН, книгу «В Политбюро ЦК КПСС...» и англоязычные научные работы. Это существенно сузило исследовательские возможности и сделало выводы односторонними.

Например, игнорируя данные Министерства финансов СССР о государственном бюджете, автор заключил, что главная причина бюджетного кризиса состояла в сохранении масштабных государственных инвести-

ций и дотаций при сокращении нефтяных доходов (р. 171). Однако это не соответствует действительности. В первые два года пребывания у власти Горбачёв действительно увеличил ассигнования на машиностроение, но это не вынужденный поступок — он активно проводил стратегию ускорения социально-экономического развития страны. С весны 1987 по весну 1990 г. главным виновником бюджетного кризиса и инфляции являлись именно экономические реформы, которые, несмотря на их высокую оценку Миллером, оказались непоследовательными и некомплексными. Отметив негативное отношение некоторых высших чиновников к законам о государственных предприятиях и о кооперации при обсуждении в Политбюро, американский историк не обратил внимания, что именно по установленным в этих законах правилам государственные предприятия и кооперативы израсходовали колоссальные финансовые средства. Однако вместо роста производства товаров это привело к увеличению денежной массы в обращении.

Автор заявляет, что, внимательно изучив политику Дэн Сяопина в области торговли, промышленности и сельского хозяйства, Горбачёв и его соратники уже в 1986 г. начали реформировать экономическую систему (р. 92, 178). Но сам бывший советский лидер вспоминал: «В марте 1987 года мы, наконец, приблизились к пониманию того, какой должна быть тактика разработки и проведения экономической реформы»[6]. Пропущенные американским историком речи Горбачёва показывают, что, будучи в курсе происходившего в КНР, он долгое время не давал этому опыту позитивной оценки. Видя перспективу сельского хозяйства в интенсификации, он оставался равнодушен к китайской системе семейных подрядов: «Китайцы развернули сельское хозяйство на частном подряде. Добились поразительных успехов. Но не нужно эйфории: Китай, мол, всё решил. А дальше — что? У них нет ни удобрений, ни техники, ни интенсивных методов» (29 сентября 1986 г.)[7]. По поводу китайской промышленности он отметил: «Комплектация производимой в Китае техники идёт за счёт поставок из-за рубежа с оплатой в свободно конвертируемой валюте. Вследствие этого валютное положение Китая в последнее время серьёзно ухудшилось... Вот вам и “модернизация” Китая» (19 мая 1987 г.)[8]. Правда, после июньского (1987) пленума ЦК он недвусмысленно поддержал идею перенять китайский опыт в сельском хозяйстве. Однако реформы Дэн Сяопина в других отраслях (расширение самостоятельности государственных предприятий, легализация единоличных хозяйств, поддержка кооперативов и др.) не упомянуты ни в «Собрании сочинений М.С. Горбачёва», ни в стенографических отчётах VII и IX сессий Верховного совета СССР 11-го созыва и июньского пленума. В связи с этим трудно прийти к выводу, что реформаторы копировали весь комплекс реформ Дэн Сяопина.

Вызывают вопросы и некоторые другие выводы. Так, А.А. Громыко объявлен представителем ведомственных интересов, исходя только из его отношения к экономическим реформам (р. 94, 99). На самом деле трудно связать бывшего министра иностранных дел СССР с каким-либо производственным сектором. Он являлся типичным консерватором, настаивающим на догматической идеологии. Не обращая внимания ни на «Обращение к советскому народу», ни на пресс-конференцию ГКЧП, Миллер рассматривает его членов как представителей ведомственных интересов, пытающихся восстановить

выгодный своим ведомствам порядок (p. 149, 167—169). Однако ГКЧП не отменил ни одной экономической реформы Горбачёва, направив остриё удара на руководство РСФСР. В «Обращении к советскому народу» написано: «Развивая многоукладный характер народного хозяйства, мы будем поддерживать и частное предпринимательство, предоставляя ему необходимые возможности для развития производства и сферы услуг»[9]. Члены ГКЧП, по сути, пытались сохранить личные интересы и положение, которые зависели от единства страны.

Имея в виду данные недостатки, всё же отмечу, что, раскрывая глубинные механизмы политики Горбачёва и наводя на дальнейшие вопросы и размышления, книга К. Миллера вносит важный вклад в изучение периода перестройки. Сравнительный анализ истории СССР и КНР в 1980-х — начале 1990-х гг. делает её привлекательной как для специалистов, так и для широкого круга читателей.

Примечания

[1] *Барсенков А.С.* Введение в современную российскую историю. 1985—1991 гг. М., 2002.

[2] *Елисеева Н.В.* История перестройки в СССР. 1985—1991 гг. М., 2016.

[3] *Hessler J.* Book reviews: The struggle to save the Soviet economy: Mikhail Gorbachev and the collapse of the USSR // Slavic Review. Vol. 76. 2017. Iss. 4. P. 1128—1129.

[4] *Polsky Y.* Book reviews: The struggle to save the Soviet economy: Mikhail Gorbachev and the collapse of the USSR // Choice: Current reviews for Academic libraries. Vol. 54. 2017. № 8. P. 1238—1239.

[5] *Минц М.М.* Рецензия на книгу «Борьба за спасение советской экономики. Михаил Горбачёв и распад СССР» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. 2018. № 3. С. 134—137.

[6] *Горбачёв М.С.* Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995. С. 346.

[7] *Горбачёв М.С.* Собрание сочинений. Т. 4. М., 2008. С. 502.

[8] Там же. Т. 6. М., 2008. С. 541.

[9] Обращение к советскому народу // Известия. 1991. 20 августа. С. 1.

Наши авторы

Боровой Василий Сергеевич, докторант Школы истории Университетского колледжа Дублина (Ирландия)

Воейков Евгений Владимирович, доктор исторических наук, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Пензенский филиал)

Гайда Фёдор Александрович, доктор исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, профессор-консультант Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград)

Дурновцев Валерий Иванович, доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета, заведующий кафедрой источниковедения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета

Зезина Мария Ростиславовна, доктор исторических наук, профессор

Зеленов Михаил Владимирович, доктор исторических наук, профессор, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории

Капчинский Олег Иванович, кандидат исторических наук, доцент Академии труда и социальных отношений

Кознова Ирина Евгеньевна, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института философии РАН

Кондрашин Виктор Викторович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Круглов Владимир Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Куренышев Андрей Александрович, доктор исторических наук, профессор Российского государственного социального университета

Мамонов Андрей Валентинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Манин Вячеслав Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент Сургутского государственного университета Ханты-Мансийского автономного округа — Югры

Медоваров Максим Викторович, кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Моруков Михаил Юрьевич, кандидат исторических наук, заместитель начальника отдела Центрального государственного архива города Москвы

Мухин Михаил Юрьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Николаев Михаил Георгиевич, главный эксперт Департамента по связям с общественностью Банка России

Никонов Сергей Александрович, доктор исторических наук, доцент Мурманского арктического государственного университета

Подрепный Евгений Ильич, доктор исторических наук, доцент Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Прищепа Александр Иванович, доктор исторических наук, почётный профессор Сургутского государственного университета Ханты-Мансийского автономного округа — Югры

Рыженко Валентина Георгиевна, доктор исторических наук, профессор исторического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

Сперанский Андрей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, заведующий центром Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург)

Степанов Валерий Леонидович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН

Усманов Сергей Михайлович, доктор исторических наук, профессор Института гуманитарных наук Ивановского государственного университета

Фельдман Михаил Аркадьевич, доктор исторических наук, профессор Уральского института управления, филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Екатеринбург)

Феофанов Александр Михайлович, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

Христофоров Игорь Анатольевич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Принстонского университета (США), ведущий научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Черноперов Василий Львович, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Института гуманитарных наук Ивановского государственного университета

Чжуан Шици, кандидат исторических наук, старший преподаватель Института регионального исследования и Института исследования передовых и междисциплинарных наук Пекинского университета (Китай)

Шумкин Георгий Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург)

СОДЕРЖАНИЕ

Профессия и сообщество

М.Ю. Мухин
Сто лет изучения нэпа. Время подводить итоги? 3

В.В. Кондрашин
Памяти Николая Алексеевича Ивницкого — летописца трагедии советской деревни 15

М.Р. Зезина, И.Е. Кознова, В.Г. Рыженко
К столетию Валерии Михайловны Селунской (1920—2020) 28

Институты и общности

А.М. Феофанов
Крупные помещики Российской империи второй половины XVIII в. 34

Промышленность Урала

В.А. Манин
Реформа горнозаводской промышленности Российской империи в начале XIX в.: особенности правового оформления и институционального обеспечения . . . 45

Г.Н. Шумкин
Государственное горнозаводское хозяйство Урала середины 1850-х — начала 1870-х гг.: динамика производства и причины приватизации 59

Идеи и образы

М.В. Медоваров
Экономическое развитие России на рубеже 1880—1890-х гг. в освещении журнала «Русское обозрение» 77

История власти

В.Л. Степанов
Правительственные меры по возрождению бакинских нефтепромыслов в 1905—1907 гг. 92

М.А. Фельдман
«Прения должны быть гильотинированы»: съезды советов госпланов СССР и проблема выбора пути развития 108

М.Г. Николаев
Госбанк СССР в 1927—1929 гг.: курс на «оздоровление» кадров накануне полномасштабной «чистки» советского госаппарата 124

Е.В. Воейков
Руководящие кадры лесной промышленности в период предвоенной индустриализации 142

Русский Север

В.С. Боровой
Деятельность треста «Арктикуголь» на Шпицбергене в условиях краткосрочного планирования и экстремального климата, 1934—1941 гг. 155

А.И. Прищепа
Формирование промышленной базы строительства в Ханты-Мансийском национальном округе в 1960-х гг. 167

К 85-летию со дня рождения С.В. Тютюкина

И.А. Христофоров
С.В. Тютюкин и журнал «Отечественная история» 176
А.В. Мамонов
Вторая профессия 183

Диалог о книге

С.С. Войтиков. Центральный комитет. Высшее партийное руководство от Ленина и Плеханова до Хрущёва. 1898—1964 гг. 190
А.А. Куренышев: О Ленине, партии и её «несокрушимом единстве» 191
М.В. Зеленов: Война и мир Сергея Войтикова 195
М.Ю. Моруков: Новые «Опыты» по истории коммунистического движения в России и СССР 198
В.Н. Круглов: Узкие места «широкой картины» 201
О.И. Капчинский: Большевистское руководство 1917—1920-х гг. в новой книге С.С. Войтикова 203

Обзоры и рецензии

С.А. Никонов — М.М. Дадыкина, А.В. Крайковский, Ю.А. Лайус. Поморские промыслы на Шпицбергене в XVIII — нач. XIX в. Исследование. Документы . . 205
А.В. Сперанский — Горнозаводской Урал в преддверии российских революций начала XX в. 210
В.Л. Черноперов, С.М. Усманов — Утраченное наследие российской аграрной науки 213
В.И. Дурновцев — Э.Г. Истомина. Леса России: экологическая и социоэкономическая история (XVIII — начало XX в.) 216
Ф.А. Гайда — В.Н. Шаховской. Так проходит мирская слава. 1893—1917 220
Е.И. Подрепный — М.Ю. Мухин. Поколение «0». Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в области реактивной авиации в СССР в годы Великой Отечественной войны 225
Чжуан Шици — C. Miller. The struggle to save the Soviet economy: Mikhail Gorbachev and the collapse of the USSR 229

Наши авторы 234

CONTENTS

Professional community

M.Yu. Mukhin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)
Century of study of the New Economic Policy. Time to take stock? 3

V.V. Kondrashin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)
In memory of Nikolai Alekseevich Ivnitsky — chronicler of the tragedy of the Soviet village 15

M.R. Zezina (Moscow, Russia), I.E. Koznova (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow), V.G. Ryzhenko (Dostoevsky Omsk State University, Russia)
The Centenary of Valeriya Mikhailovna Selunskaya (1920—2020) 28

Institutes and communities

A.M. Feofanov (Saint Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia)
Landlords of the Russian Empire in the second half of the 18th century 34

The Urals Industry

V.A. Manin (Surgut State University, Russia)
The reform of the mining industry in the Russian Empire in the beginning of the 19th century: legal peculiarities and institutional implementation 45

G.N. Shumkin (Institute of History and Archeology, Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg)
The Urals State mining enterprise in the mid 1850s — early 1870s: dynamics of production and reasons for privatization 59

Ideas and images

M.V. Medovarov (Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia)
The economic development of Russia at the turn of the 1880—1890s in the coverage of the magazine «Russkoye obozreniye» 77

History of power

V.L. Stepanov (Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow; Saint Petersburg State University, Russia)
Government measures for the revival of Baku oil fields in 1905—1907 92

M.A. Feldman (Ural Institute of Management, Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg)
«The debate must be guillotined»: Soviet state planning congresses and the problem of choosing the path of development 108

M.G. Nikolaev (Bank of Russia, Moscow)
The USSR State Bank in 1927—1929: staff «sanation» before the large-scale purging of the Soviet government apparatus 124

E.V. Voeikov (Financial University under the Government of the Russian Federation, Penza branch)
Leading personnel of the forest industry during pre-war industrialization 142

Russian North

V.S. Borovoy (University College Dublin, Ireland)
Mining activity of the trust «Arcticugol» on Spitsbergen under short-term planning and extreme climate, 1934—1941 155

A.I. Prischepa (Surgut State University of KHMAO — Yugra, Russia)
Formation of the construction's industrial base in Khanty-Mansi national district in the 1960s 167

To the 85th anniversary of S.V. Tyutyukin

I.A. Khristoforov (Princeton University, USA; National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)
S.V. Tiutiukin and the journal «Otechestvennaia istoriia» 176

A.V. Mamonov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)
Second profession 183

Discussing recent books

S.S. Voytikov. The Central Committee. Top party leaders from Lenin and Plekhanov to Khrushchev. 1898—1964 190

A.A. Kurenishev (Russian State Social University, Moscow): About Lenin, the Party and its «indestructible unity» 191

M.V. Zelenov (Russian State Archive of Socio-Political History, Moscow): War and World View of Sergey Voytikov 195

M.Yu. Morukov (Moscow Central State Archive, Russia): New «Essais» on the history of the Communist movement in Russia and USSR 198

V.N. Kruglov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): «Bottlenecks» of The Big Picture 201

O.I. Kapchinsky (Academy of Labour and Social Relations, Moscow, Russia): The Bolshevik leadership of 1917—1920s in the new book of S.S. Voytikov 203

Reviews

S.A. Nikonov (Murmansk Arctic State University, Russia)
Rec. ad op.: M.M. Dadykina, A.V. Kraykovskiy, U.A. Layus. Pomorskiye promysly na Shpitsbergene v XVIII — nach. XIX v. Issledovaniye. Dokumenty 205

A.V. Speranskiy (Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg)
The Urals Mining on the eve of the Russian revolutions of the early 20th century 210

V.L. Chernoperov, S.M. Usmanov (both — Ivanovo State University, Russia)
The lost heritage of Russian agricultural science 213

V.I. Durnovtsev (Russian State University for the Humanities, Moscow)
Rec. ad op.: E.G. Istomina. Lesa Rossii: ekologicheskaya i sotsioekonomicheskaya istoriya (XVIII — nachalo XX v.) 216

F.A. Gayda (Lomonosov Moscow State University; Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia)
Rec. ad op.: V.N. Shakhovskoy. Tak prokhodit mirskaya slava. 1893—1917 220

E.I. Podrepniy (Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia)
Rec. ad op.: M.Yu. Mukhin. Pokoleniye «0». Nauchno-issledovatel'skiye i opytno-konstruktorskiye raboty v oblasti reaktivnoy aviatsii v SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 225
Zhuang Shiqi (Institute of Area Studies, Academy for Advanced Interdisciplinary Studies, Peking University)
Rec. ad op.: C. Miller. The struggle to save the Soviet economy: Mikhail Gorbachev and the collapse of the USSR 229

Contributors to this issue 234

РЕДАКЦИЯ

Добычина Е.В., к.и.н.
Круглов В.Н., к.и.н. — Отдел Новейшей истории
Мамонов А.В., к.и.н. — Отдел Новой истории
Лисейцев Д.В., д.и.н. — Отдел Древней и Средневековой истории
Мамонова Е.В. — Заведующая редакцией
Шамина И.Н., к.и.н. — Литературный редактор
Мац А.Г. — Младший редактор

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей
в журналы Российской академии наук
воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);
2) в меню «**Мои публикации**» станет активна кнопка «**Заявка на публикацию**»,
нажав на которую, Вы автоматически попадёте на страницу, где будет предложено
внести всю необходимую информацию о статье, а также оставить комментарий редактору;
3) статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «**Отправить редактору**».

Подробная инструкция размещена по ссылке: https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- **формирование учебно-методических комплексов**
- **развитие научной периодики**
- **внедрение новых стандартов научной коммуникации**

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- **интеграция науки и образования**
- **модульный характер актуализации гуманитарного знания**
- **сетевое взаимодействие научных и методических центров**

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**

press.gaugn.ru

ГАУГН

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

БАКАЛАВРИАТ

История
Культурология
Археология

МАГИСТРАТУРА

Модели всемирной истории
Культура массовых коммуникаций

АСПИРАНТУРА

История
Культурология

Комплексные образовательные программы разработаны специалистами исторического факультета с учетом последних научных достижений и современных общемировых тенденций.

В основе образовательного процесса — современные технологии обучения, направленные на развитие мышления и творческого потенциала личности, достижение успеха в профессиональной среде.

Студенты исторического факультета с первого курса погружаются в мир академической науки, слушают лекции ведущих российских ученых с мировыми именами и сами участвуют в научных мероприятиях. В образовательные программы, помимо обязательных дисциплин, предусмотренных федеральными стандартами, включены уникальные авторские учебные курсы.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).